

ЧАЙКА – АЛЬМАНАХ

№ 7

Январь – Июнь

2018

CHAYKA – ALMANAC

№ 7

January 2018 – June 2018

Copyright © 2018 Irina Chaykovskaya

Editor: Irina Chaykovskaya

Cover Illustration: Aristarkh Lentulov. Nebosvod (Skybell), 1919

Layout: Alex Marin

Printed in the United States of America
CreateSpace Independent Publishing Platform
North Charleston, SC

All stories, memoirs, and poems are copyright of their respective creators as indicated herein.

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted, in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior permission from the author(s).

Library of Congress Control Number: 2016901652

ISBN-13: 978-1724829146

ISBN-10: 1724829149

The Publisher and author(s) don't have any liability nor responsibility to anyone or entity to any damages, loss, etc. from the content of this book.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ
Выходит два раза в год

ЧАЙКА

№ 7
январь – июнь
2018

Проза
Стихи
Статьи
Эссе
Интервью

Редактор-составитель
ИРИНА ЧАЙКОВСКАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора	7
<i>Лариса Миллер.</i> А вдруг Господь меня читает	9
ЧАСТЬ 1. ВОЙНА	11
<i>Лев Визен.</i> Сапог. Отрывок из повести	12
<i>Лев Альтмарк.</i> Напрасные хлопоты.....	28
<i>Дашиа Кашина.</i> Добро пожаловать домой, ребята!	37
ЧАСТЬ 2. ВСЛЕД УШЕДШИМ	41
<i>Михаил Моргулис.</i> Неподкупный правдолюбец: Наум Коржавин.....	42
<i>Ирина Чайковская.</i> Несколько слов вслед Валентине Синкевич	46
ЧАСТЬ 3. АРХИВ. ПЕРЕПИСКА. ВОСПОМИНАНИЯ	51
<i>Василий Аксёнов.</i> Белла Дижур в Нью-Йорке. Из Архива радио «Свобода» ..	52
<i>Ирина Роскина.</i> Память войны. Из переписки моих родственников в военные годы. Часть 6. В Перми	60
<i>Ольга Трифонова-Танган.</i> Михаил Демин vs Юрий Трифонов	81
<i>Ася Латидус.</i> С бору по сосенке – картинки с выставки. Москва 60-х	103
ЧАСТЬ 4. РОССИЯ И АМЕРИКА. ВЧЕРА И СЕГОДНЯ	125
<i>Лев Бердников.</i> Не почестей ради. Семья Штиглиц в России.....	126
<i>Анастасия Антонова.</i> Пермские зарисовки	135
<i>Элеонора Мандалян.</i> Илон Маск: империя будущего.....	138
<i>Соня Тучинская.</i> Новости: Старбакс закрыт. Все ушли на правож	157
<i>Яков Фрейдин.</i> Хаммер-Молоток	161
Двойной взгляд	
<i>Григорий Писаревский.</i> Левые против вопроса о гражданстве в Переписи 2020	179
<i>Роман Солодов.</i> К вопросу об указании гражданства в будущей Переписи США. Poleмические заметки	182
ЧАСТЬ 5. ПУТЕШЕСТВИЯ	185
<i>Сергей Голлербах.</i> Путевые заметки. Мейн	186
<i>Александр Сиротин.</i> Подъезжая под Азоры, я взглянул на небеса.....	190

<i>Маргарита Кайдун. Blue Hawaii. Записки путешественницы</i>	200
ЧАСТЬ 6. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	205
<i>Валентина Синкевич. Набоков. «Тень русской ветки...»</i>	206
<i>Евсей Цейтлин. Свои и чужие: Беседа писателя Евсея Цейтлина с поэтом Борисом Кушнером</i>	214
<i>Михаил Голубовский. Алексей Константинович Толстой: двух станом не боец. К 200-летию писателя</i>	229
<i>Владимир Солунский. Есенин - Маяковский. Часть 1. Косым дождем на розовом коне!</i>	242
<i>Ирина Чайковская. Судьба Биби. Варвара Богданович и Иван Тургенев. К 200-летию писателя</i>	257
ЧАСТЬ 7. ИСКУССТВО	277
<i>Вера Чайковская. Новый взгляд. Ноктюрны солнечного Лентулова</i>	278
<i>Игорь Волошин. Уильям Шварц – романтический модернист. Биографический очерк</i>	284
<i>Лев Гуревич. Моисей Вайнберг. Судьба и музыка</i>	301
<i>Галентина Тарнавская. Мюзикл о Франсуа Вийоне на Бостонской сцене</i> ..	307
<i>Ольга Соловьева. Интервью с «вампиром». Из записок на коленке</i>	310
<i>Элеонора Мандалян. Кинообозрение от Элеоноры Мандалян. Джеймс Кэмерон и его приоритеты</i>	316
ЧАСТЬ 8. ПРОЗА	333
<i>Мария Малухина (дебют). Другая музыка</i>	334
<i>Всеволод Муронец (дебют). Приращение к пиниям</i>	338
<i>Илья Прозоров (дебют). Конец августа</i>	341
<i>Игорь Троицкий (дебют). Командировка в Колпашево</i>	349
<i>Роман Рязанов (дебют). У последней переправы</i>	364
<i>Владимир Резник. Совершенное хокку</i>	375
<i>Николай Боков. Ванна ветра</i>	380
<i>Эмиль Дрейцер. Революционный этюд</i>	382
<i>Павел Кожевников. Вовка</i>	388
<i>Наум Белог. Свадьба. Из Одесских историй</i>	392
<i>Нелли Эпельман-Стеркис. Куколка</i>	399
<i>Михаил Ландбург. Два рассказа. Мне полегчало. Жена на полу</i>	404

ЧАСТЬ 9. ПОЭЗИЯ.....	408
<i>Валерий Скобло. Узнал, что умерла 13 лет назад.....</i>	410
<i>Виктор Голков. Идущие на смерть.....</i>	411
<i>Владимир Спектор. Все случилось неожиданно</i>	412
<i>Борис Марковский. Прощай, просодия ветвей</i>	413
<i>Михаил Синельников. Вдова поэта.....</i>	414
<i>Дмитрий Близнюк. Легче верблюжонку</i>	415
<i>Григорий Оклендский. Что наша жизнь?!</i>	417
<i>Саша Немировский. Постимпрессионизм</i>	418
<i>Татьяна Белянчикова. Меркуцио</i>	419
<i>Зоя Бобкова. На посещение Михайловского</i>	420
<i>Виолетта Гребельник. За что мы любим лето (из Детского альбома)</i>	422
ЧАСТЬ 10. НАУКА	423
<i>Александр Рабинович. Тайны ядерной массы</i>	424
ЧАСТЬ 11. ЮМОР.....	430
<i>Виталий Шрайбер. Сюжетики</i>	432
<i>Григорий Яблонский. Есть такая партия! Новое о Владимире Ильиче Ленине.....</i>	434
Сведения об авторах	439

Предисловие редактора

Дорогие читатели, перед вами очередной, седьмой, номер бумажного АЛЬМАНАХА ЧАЙКА.

В нем участвуют 56 авторов из 13 стран. Вот эти страны: Америка, Россия, Канада, Германия, Израиль, Франция, Италия, Украина, Беларусь, Эстония, Болгария, Австралия, Новая Зеландия.

Наша география расширяется, будем надеяться, что не только для пишущих, но и для читающих.

Те читатели, которые регулярно приобретают наши Альманахи, выходящие раз в полгода с 2014 года, знают, что у нас уже сложились определенные традиции.

В Альманахе постоянна рубрика «Война и репрессии». В седьмом номере мы дали слово авторам, пишущим о войне под необычным углом. Писатель из Канады Лев Визен рассказал о русском и немецком солдате, в результате ранения, оказавшихся в одном окопе («Сапог»), израильтянин Лев Альтмарк – о попытке спасти раненого арабского солдата («Напрасные хлопоты»), а киевлянка Даша Кашина – об итальянских парнях, воевавших на Украине («Добро пожаловать домой»).

На месте и все прочие рубрики: «Вслед ушедшим», в которой журнал прощается с недавнего ушедшими Наумом Коржавиным и Валентиной Синкевич, «Архив», где, наряду со знакомыми авторами Ириной Роскиной и Ольгой Трифоновой-Танган, вы найдете имена Василия Аксенова («Белла Дижур в Нью-Йорке») и Аси Лapidус («С бора по сосенке. Художники 1960-х»), «Россия и Америка», тут обращаю ваше внимание на материал давнего признанного автора журнала Элеоноры Мандялян «Илон Маск», посвященный необыкновенной прорывной личности, направляющей американскую науку и технику на какой-то новый вираж, и на заметки нашей дебютантки из Перми Анастасии Антоновой – о родном городе. Тут же помещен очерк лауреата журнала ЧАЙКА за 2017 год Якова Фрейдина «Хаммер –Молоток».

В разделе «Литературоведение» опубликовано эссе Валентины Синкевич «Набоков», написанное ею незадолго до смерти и отданное к нам в журнал. Здесь же глубокое интересное интервью, взятое писателем Евсеем Цейтлиным у поэта Бориса Кушнера, затрагивающее такие темы, как иудейство и христианство, национальная идентификация, литература эмиграции. Две статьи приурочены к 200-летним юбилеям – Алексея Константиновича Толстого (Михаил Голубовский) и Ивана Тургенева (Ирина Чайковская «Судьба Биби»).

В разделе «Искусство» представлены как живопись (Вера Чайковская «Ноктюрны солнечного Лентулова», Игорь Волошин «Художник Шварц»), так и музыка (Лев Гуревич «Моисей Вайнберг», Ольга Соловьева «Интервью с «вампиром»), кино (Элеонора Мандялян «Джеймс Кэмерон») и театр (Галентина Тарнавская).

В отличие от прошлых выпусков, в Альманахе ЧАЙКА № 7 появился новый раздел «Путешествия», в котором свои путевые впечатления о штате Мейн, Азорах и Гавайях оставили Сергей Голлербах, Александр Сиротин и Маргарита Кайдун.

В этот раз – к радости наших читателей – объемным и по-настоящему интересным получился раздел прозы. Необычны и заставляют задуматься рассказы наших молодых и не очень молодых дебютантов – Марии Малухиной (Болгария), Всеволода Муронца (Россия), Ильи Прозорова (Эстония), Игоря Троицкого (США) и Романа Рязанова (Беларусь).

Увлекательны рассказы наших постоянных авторов – лауреата премии журнала ЧАЙКА за 2017 год нью-йоркца Владимира Резника, писателя из Нью-Джерси Эмиля Дрейцера и из Мельбурна Наума Белога...

В разделе «Поэзия», вместе с нашими постоянными авторами Валерием Скобло, Владимиром Спектором, Виктором Голковым, Михаилом Синельниковым, Сашей Немировским, Татьяной Белянчиковой и Виолеттой Гребельник, печатаются поэт и издатель из Германии Борис Марковский, харьковчанин Дмитрий Близнюк, ново-зеландец Григорий Оклендский, поэтесса из Гатчины Зоя Бобкова.

Раздел «Наука» представлен одной, но яркой статьей физика-теоретика из Москвы Александра Рабиновича «Тайны ядерной массы».

Последний и многими любимый раздел нашего Альманаха «Юмор» предоставил страницы американцам Виталию Шрайберу с его веселыми «Сюжетиками» и Григорию Яблонскому, который в своем излюбленном жанре литературного травести выступил с рассказом о Ленине («Есть такая партия»).

А начинается наш Альманах с прелестного стихотворения нашего постоянного автора Ларисы Миллер «А вдруг Господь меня читает», которое становится эпиграфом ко всему сборнику.

Украшением обложки и всех 11 глав нашего Альманаха стали репродукции картин удивительного Аристарха Лентулова.

В заключение – моя благодарность моему неизменному и бесценному помощнику в работе над Альманахом – Александру Марину, советчику и консультанту Евсею Цейтлину, а также Марку Мейтину, оказывающему нам техническую поддержку.

Спасибо всем нашим замечательным авторам и вам, дорогие читатели, своим интересом и вниманием стимулирующим нашу работу! АЛЬМАНАХ ЧАЙКА № 7 отправляется в полет! Встречайте!

Ирина Чайковская

Вашингтон, 25 июля 2018 года

Лариса Миллер
Москва, Россия

А вдруг Господь меня читает

А вдруг Господь меня читает
И чувства нежные питает
К стишкам, которые пишу.
А вдруг я всё ещё дышу
Лишь потому, что сам Создатель
Мой очень преданный читатель.

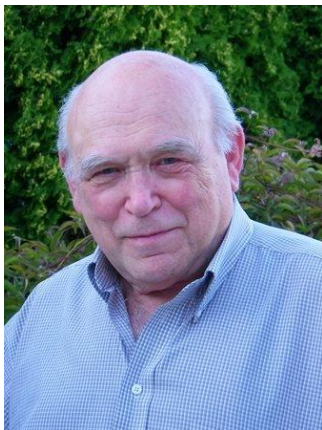
Часть 1. Война

Аристарх Лентулов. Битва Победы. 1914 г.

Лев Визен

Виктория, Канада

Сапог. Отрывок из повести

Эта повесть – о долгой и честной жизни двух солдат-погодков, русского и немецкого, раненых в одном бою, упавших в одну воронку и умерших бы от потери крови, если бы они не спасли друг друга. Эта повесть о том, как быть и оставаться человеком. Даже на войне.

You cannot put the same shoe on every foot.

Publius Syrus, 42 B.C.

Suum cuique.

Каждому своё.

Воронки бывают разные.

Поменьше – от мин и снарядов. На пару метров в глубину – от больших бомб.

Летом 41-го больших бомб у немцев было, наверное, много и они, не жалея, сбрасывали их на даже самые маленькие железнодорожные станции, сметая построенные ещё при Николае вокзальчики и раскорячивая рельсы.

На станцию с ласковым названием Пригожино они сбросили две. Одна легла точно, другая – неподалёку. Немцы тоже, бывает, промахиваются.

В один из июльских дней 41-го, остатку роты, в которой числился рядовой Алексей Гудаев, было приказано занять стратегически важный рубеж обороны в развалинах станционного строения и в низкой ольхе вокруг. Приказ был таким же, как и тысячи других приказов тысячам остатков других рот:

– ... Любой ценой остановить вероломного врага, алчно рвущегося к нашим несметным богатствам...

С чего вдруг социалистическая Германия напала на своего самого главного, самого надёжного, проверенного совместным военным походом в Польшу, союзника – на социалистический Советский Союз – в этом приказе не говорилось.

А немцы, в мундирах знакомого уже всей Европе голубовато-зеленого цвета «Feldgrau» и в подкованных сапогах с короткими голенищами, за которые так удобно засовывать длинные рукоятки осколочных «Stielhandgranate», действительно рвались вперед.

Пять или шесть их танков обошли и битые кирпичи, и валяющуюся неподалёку мятую жестяную вывеску «Ст-я Пригожино», и остаток роты, распластавшийся в ольховом подлеске. Белая окантовка чёрных крестов на боках тяжёлых машин еле виднелась сквозь налипшую грязь.

Танки не стреляли.

Возможно, у немцев были на то особые соображения.

Возможно, им было лень тратить время и боезапас на врагов, которые сдадутся в плен через пятнадцать минут.

А, возможно, им было не до драки потому, что снабженцы не подвезли вовремя шнапс, шоколад и чистые подштанники.

Когда танки скрылись за горизонтом, остатку гудаевской роты стало ясно, что у битых кирпичей делать больше нечего. И полсотни злых и голодных мужиков пошли по единственному, километров на десять вокруг, просёлку, разбухшему после недавних дождей.

Пошли на восток.

Вслед за немцами.

Дальний край низкого неба подпирала серая колокольня со ржавыми куполами без крестов. Несколько ещё не сгоревших домов вжимались в землю под чёрными крышами из прошлогодней соломы.

Просёлок тянулся в сторону колокольни и домов неожиданно прямой, чужой среди мягкой степной волны, линией, которая, своей жёсткой единственностью, держала вместе идущих по ней людей.

Которая стала линией их судьбы.

И, покоряясь судьбе с привычным смирением, люди не смотрели друг другу в глаза.

За месяц войны по этой дороге прошло много пехоты и теперь на ней и вдоль неё, попеременно с мёртвыми лошадьми и коровами, лежали и человеческие тела.

Говорят, что смерть равняет и солдат, и генералов.

На этой дороге смерть равняла людей с животными.

Раненых лошадей бросала армия. Те, которых не пристрелили, пытались встать с просёлка, уйти от людей прочь. Если вставали – падали и умирали неподалёку.

Их вздутые животы поднимались над травой грязными волосатыми полушариями.

Скот, по приказам райкомов, гнали в тыл.

Нечесанные бабы металась, матерясь, за убежавшими с дороги козами и лупили палками медленных, недоенных коров. Гнали больше по ночам, боясь и немцев, и своих.

Немцы пролетали на серо-пятнистых, в камуфляже, мессерах, стреляли редко и выше голов. Ни скот, ни бабы не были стоящей целью, скот был нужен наступающей армии, а бабы – кто ж будет ходить за скотиной, как не они.

И пилотам было, наверное, забавно смотреть, как козы и коровы шарахались от рёва моторов, а бабы грозили самолётам кулаками.

Свои просили хлеба, картошки и молока, срезали с упавших коров куски мяса и запихивали его в вещмешки. Случалось, уволокивали в ольху бабу помоложе и пофигуристей.

Убитых и раненых красноармейцев оставляли на дороге тоже свои «новые советские человеки», «ударные строители» обещанной им лёгкой жизни при коммунизме.

Жизни, в которой всё – и жратва, и выпивка, и шматьё – будут выдаваться бесплатно.

Всем-всем-всем. «От Москвы до самых до окраин».

Без очередей, без карточек, без лимитов. По потребностям.

Что в Кремле вождям подают – все граждане жрать будут.

Даже чукчам по плавленому сырку «Дружба» достанется, хватит им мороженую моржати́ну строгать.

И эта халява придёт обязательно. Потому, что, как разъяснила газета «Правда», победа коммунизма «неизбежна». То есть, деваться от неё некуда.

Как ни кинь, всё клин. Кому печаль, кому потеха.

В июле 41-го мертвецы лежали и на той степной дороге, и на её обочинах.

Идущие спотыкались о них, наступали на них. Не перешагивали, не обходили. Им,

живым, но потерявшим уже и веру, и надежду, было не до любви к ближнему.

Они знали, что могут упасть на дорогу сами.

Иногда кое-кто всё же приостанавливался, снимал с мертвеца почище ботинки, штаны,

гимнастерку, исподнее. И на дороге оставался ещё один «голяк».

С пурпурно-синими трупными пятнами, с буро-зелёными, полными вставшей крови,

венами на руках и ногах, со вспухшими в первые же после смерти минуты губами и носом.

И вороны начинали расклёв с самого вкусного – с глаз и мошонки.

«... И никто не узнает, где могилка моя ... »

Могилка? Моя? Оди́ночная, с персональным холмиком? С какой-никакой дощечкой-плашечкой, на которой накарябаны Ф.И.О., воинское звание

и даты героического земного существования? В июле 41-го?

Только спустя полвека страна узнает, что «пропавших без вести» было не сто, не двести, даже не тысяча.

Что раненых и убитых, брошенных там, где они упали, сгнивших без погребения и забытых всеми, кроме их матерей, жён и детей – миллионы.

Высоко подвывая, идущих догнали три танка со звёздами на башнях. Это были танки «БТ», смастряченные, как говорили, не то по купленным, не то по украденным у американцев чертежам.

Те самые, один из которых загорелся на подходе к Красной площади, в день первомайского парада, когда три только что собранные и спешно привезенные из Харькова машины должны были порадовать вождя и напугать забугорных военных атташе.

«Бетешки» не могли справиться ни с немецкими танками, ни с немецкой артиллерией. Подбитые, они вспыхивали быстрым и дымным пламенем, в минуту сжигая зажатые в тесном железе, не успевающие выбраться экипажи.

Но, предназначенные Сталиным для блиц-покорения Европы, по дорогам ходили шустро.

Гудаев помнил, как и он, и другие еле успели отскочить.

Танкисты гнали машины с задраенными люками, чтобы не словить гранату от обречённой пехоты.

Не притормаживали, вминали в дорогу всё, что на ней лежало.

Жидкая грязь смыкалась над следами узких гусениц.

Гудаев помнил также, как, налетев откуда-то сзади, идущих «побрили» два немецких самолёта и как упал старший сержант Селивёрстов. Кровь из его пробитой шеи брызнула коротким фонтанчиком и потом полилась споро, с готовностью, словно досрочно покидая тёмное заточение.

Никто не стал поднимать Селивёрстова, никто не обернулся посмотреть, жив ли. Не остановился даже рядовой Колодин, который всегда стирал его шматьё, таскал его вещмешок и отдавал ему свою пайковую махру. Колодин лишь хмыкнул и сбросил вещмешок Селивёрстова на дорогу. Пустая четвертинка выпала из мешка и Колодин пнул её, словно это был скрученный из тряпок и обмотанный обрывками бечёвок шар, который он футболил во дворе дома на московской Воздвиженке. Ещё совсем недавно, полтора месяца назад.

Убившие Селивёрстова и ещё троих, самолёты развернулись и ушли на запад. И теперь над дорогой слышалось только негромкое и частое хлюпанье – звуки шагов по грязи.

Плитц-платц, плитц-платц, плитц-платц...

Люди шли налегке, без брошенных винтовок, противогазов, лопаток и касок. Шли рыхлой, понурой толпой, которая думала только о том, как выжить. С позором, со срамом, но выжить. Ведь срам – это не смерть, сраму не имут только мёртвые. А живые жить со срамом привыкли.

После семнадцатого-то года и гражданки. За недолгих двадцать с хвостиком лет.

Петлицы оставались несорванными лишь у рядовых.
Промокшие ботинки и обмотки весили, казалось, тонны.
Отчаяние и страх давили на плечи.
Но люди шли и шли. Куда?
К своим.
Может, накормят.
Может, простят.
Не за то, что матчасть бросили, за матчасть – никогда.
Но, хоть за то, что ушли. Ведь не к немцам пошли, а к своим.
К своим.
К таким же, как они сами.

Могут и не простить.

Таким же, как они сами, им что, больше всех надо? Отвечать за других, нарываться, искать приключений на свою задницу? Могут и не простить.

Засудят. Чрезвычайной тройкой.

За уход с рубежа, за невыполнение приказа, за что захотят.

Найти виноватых – не грибы собирать, найти виноватых – дело минутное. Приговорят.

Приведут в исполнение.

А то и без тройки обойдутся, чпокнут на раз-два, по приказу старшего по званию.

На войне много чего на раз-два делается, на то и есть сержанты и старшины. Не лезть же к ротному по каждой ерунде.

Где-то сзади, за битыми пригожинскими кирпичами, остался, притянутый к телеграфному столбу брезентовыми поясными ремнями, человек без лица.

Голова торчала над плечами окровавленным пнём.

Брезентовый красноармейский ремень перехлёстывал шею и, туго застёгнутый позади столба, выворачивал челюсть вверх и вбок.

Ещё один ремень прижимал к столбу поднятые вверх руки.

Третий был затянут чуть ниже колен. Голые, с засохшими уже подтёками, ноги серели над чёрно-бурой землей.

– Откомиссарился. – сказал ещё живой тогда Селиверстов. – «Ни шагу назад! Умрём, как один! Кто побежит – стреляю!» Карла-Марла, прости Господи. Мертвецов ему мало было. Шпалы-то свои он оторвал, так ребята его по сапогам определили – майорские, хромовые. А как же. Народ-то босый.

Пропахший гниющей плотью простор согрелся к полудню, ромашки расправили белые юбочки над подсыхающими простынками тумана в низинах, сурки замерли у норок рыжими столбиками.

Бездонно и безразлично, для всех, засинело небо.

Люди шли и шли, но колокольня и дома на краю степи не становились ближе. Казалось, до них не дойти.

Никогда. Никому.

Говорят, что Бог воюет на стороне тех, у кого мощней артиллерия. Немцы опять накрыли дорогу огнём своих тяжёлых мортир и люди бросились в ольховый подлесок. Бросились врассыпную, понимая каким-то шестым или седьмым, кто считает, чувством, что одиночкам легче спастись, что на войне – стрелять по одиночкам труднее, чем по толпе.

Подлесок, однако, мог мало кого спрятать, ольха была едва выше голов. И добежали до густоты, не все.

Не добежал и Гудаев. Близкий взрыв сорвал с его правой ноги обмотку и ещё почти новый, выданный на призыве, ботинок. Осколок, вспоровший ногу выше колена и оставшийся в ней, был невелик, но остр. И теперь Гудаев не мог ни бежать, ни идти, ни даже стоять.

Он лежал на спине. Комелёк срезанной взрывом ольхи впивался ему в копчик. Комар сел на тонкую кожу подглазья и вонзил хоботок. Гудаев поднёс руку к лицу, но промедлил с прихлопом и комар улетел. Вши, затаившиеся, было, после взрыва, вгрызались в заушины и затылок, словно навестывая упущенное. Давить их – сил у Гудаева не было.

Он никогда не имел ни наручных, ни карманных часов. И он не знал, как долго он лежал с комельком в копчике. Не было у него и бинтов, чтобы перевязать рану. Он смог расстегнуть и вытащить из-под себя поясной ремень, но привстать и перетянуть им ногу над правой коленкой – не смог.

Верхушки ольхи то кружились, то застывали перед глазами.

Беспомощность заставляла лежать тихо, чтобы не выдать себя ни своим, ни немцам.

Свои могли пристрелить запросто – из жалости, чтоб не мучился, или просто чтоб не волочь в тыл неходячего.

Ну а немцы – про них говорили всякое.

Одни говорили, что они кормят пленных и лечат.

Другие – что вырезают звёзды на спине каждого третьего к ним попавшего.

Командуют:

– Jeder dritter – Schritt voran! Каждый третий – шаг вперёд!

И ставят этих третьих по стойке «смирно» или кладут мордой в грязь. И режут. Ножам.

По живому.

Один гад режет, а другие ржут и фоткают для отчёта перед начальством.

Или чтоб потом в пивнухе приятелям про своё геройство заливать.

Или бабам своим, гостям и детишкам демонстрировать.

На Рождество Христово или на Пасху. Они же, хоть и за социализм, но в Бога верят.

Боль не проходила. Правая нога Гудаева – раскрытая, разорванная, под коркой свернувшейся, смешанной с землей, крови, отказывалась двигаться.

Умирала.

Показывала, во что превратится всё его тело.

Страх смерти хуже самой смерти.

И, в какие-то мгновения, Гудаев был готов закричать, позвать на помощь. Казалось, кто бы ни услышал его, кто бы ни нашёл – хуже не будет.

Даже если пристрелят. Быстрая смерть лучше мучений.

Что-то, однако, мешало ему крикнуть, позвать, что-то останавливало его. И он не звал.

Когда вдруг, лёгкими толчками, ощутилась пульсация крови в бедре, Гудаев сначала не поверил этому ощущению, не поверил, что ему повезло.

Он дотянулся до раны, притронулся к ней и поднял руку к лицу. Свежей крови на пальцах не было. Кровотечение остановилось.

И Гудаев понял, что он ещё может выжить.

Встать, идти – он не мог.

Вокруг не было ничего, что могло бы заменить ему костыль.

И он пополз.

Не на животе, как учил новобранцев-салаг старший сержант Селивёрстов, а на левом боку, подтягивая левую ногу к груди и отталкиваясь ею, подгребая левой рукой и цепляясь за траву правой.

Стараясь не добавить грязи в открытую рану.

После каждого движения ему казалось, что оно – его последнее.

Но он, всё-таки, полз.

От одной высокой травинки до другой, пока эта другая не сминалась в его кулаке.

Полз.

Медленно. Очень медленно.

На восток. Солнце вело его лучше компаса.

Он полз и полз, а в голове – незванно, то усиливаясь, то почти исчезая – звучал голос девушки в синем платье, которая пела на прошлогоднем концерте самодеятельности в клубе его тяж-маш-завода:

... Ты-ы, марьяк, красивый сам собою,

Тибе-е, марьяк, всево лишь двадцать лет.

Па-а-люби меня, марьяк, душою ... Что-о ты ска-а-жешь мне в ответ?

... Па марям, па валнам, нынче здесь, завтра там ...

Па-а-а-а марям, марям, марям, марям Эх!

Моряк?

Тётка, объявлявшая номера на концерте, сказала, что эту песню любил Чапаев.

И кто-то из зала спросил:

– А что, Чапаев и на флоте служил?

Сам Гудаев видел море только в кино. Но про двадцать лет и про «нынче здесь, завтра там» девушка в синем пела правильно.

Он помнил, как подошёл к ней после концерта, на танцах. И как она спросила:

– А ты кем работаешь?

И как он ответил:

– Слесарем.

И как она сказала:

– Понятно. То-то руки у тебя чёрные. Ты их лучше в карманах держи.

И отвернулась.

Ещё он помнил, как предложил ему «Беломор» кадровик Румянцев. И как сказал:

– Разуй глаза-то, Лёха, у неё отец срок получил, вот она теперь и старается. Хоть в самодеятельности, хоть где. Лишь бы не выслали. О чём какие разговоры будут – напишешь, понял? А я тебе талон устрою. На дефицит. На майку с длинными рукавами. Или на «Комсомольскую правду» подпишу. Бесплатно.

После каждых трёх-четырёх смятых травинок, Гудаев останавливался.

Хлопья облаков, похожие на клочья ваты, выдранный из новой, не пропотевшей ещё телогрейки, набегали на слепящее солнце.

Снаряды немцев ещё ложились неподалёку и взметённые ими комья чернозёма сбивали, возвращаясь, листья с ольхи.

Гудаев, однако, уже не боялся разрывов. У него появилось новое, ясное, незнакомое прежде, понимание происходящего.

В странном, одномоментном, не приходившем раньше, мысленном отделении от собственного тела, от своего мяса и своих костей, он принял это понимание, посланное ему кем-то очень мудрым и сильным из невидимого, неизвестного далёка.

Принял, словно шаман дикого племени, умеющий слышать то, что не слышат другие. Принял, после того, как тронул свою подсохшую рану.

Теперь он верил, что выживет.

Роса пала тяжело и обильно, по погоде. Мокрой траве, казалось, не будет конца.

Гудаев полз, так и не закричав, не позвав на помощь, не зная, что для него приготовлен сюрприз.

Что бомба, не попавшая в станцию Пригожино, взорвалась точно на линии, по которой его вело солнце.

Он свалился на дно воронки тяжело, беспомощно, но удачно – на левый бок, а не на раненую ногу.

Его не засыпало развороченной землёй, с краев свалилось только несколько комков.

И он был, наконец-то, незаметен.

И мог передохнуть.

«... Па марям, па валнам, нынче здесь, завтра там ...»

Склоны воронки казались надёжными стенами.

Маленькая, всего с парой листиков, ветка легла на лицо Гудаева, словно прикрывая его от всего страшного, грохочущего и убивающего.

И, снова теряя сознание, Гудаев успел подумать, что Бог, наверное, всё-таки есть.

Он очнулся, когда уже стемнело.

Его знобило. Зубы не то, чтобы стучали, но никак не могли сомкнуться.

Вечер не принёс тишину, гулкое и размеренное уханье немецких гаубиц сменилось нервными взрывами броневой трассеров.

Гудаев догадался, что теперь по дороге бьют, надеясь попасть в давно ушедшие вперёд немецкие танки, 76-ти миллиметровые «усватки» его полка – пушки серии УСВ.

Бьют вслепую, наугад, подпрыгивая при каждом откате и чуть ли не калеча расчёты, оглохшие от грома выстрелов и командирского мата.

Бьют, словно огрызаясь после «планомерного отхода на заранее подготовленные позиции».

Не в силах разорвать, разнести врага в клочья, бьют, пытаются помешать ему хоть как-то.

Гудаев был без воды уже больше суток. Он облизывал мокрые пальцы, сосал мокрые рукава, но сколько воды можно слизать и высосать?

И он был даже слегка удивлён, когда почувствовал нужду.

Он потянулся к ширинке, но пуговицы задубевших от грязи штанов не расстегнулись. Скудное жидкое тепло пролилось между ног и Гудаев снова ушёл в тёмный и тихий мир забвения.

Лязг и грохот вернули его на войну. Справа и слева от воронки шли танки.

По движению звуков в сторону уже почти полуденного солнца, Гудаев понял, что танки были немецкими и что двигались они на восток, в сторону позиций его полка. Если эти позиции ещё существовали.

Танки не спешили, пехота попевала за ними легко. И Гудаев каменел, слыша голоса бегущих.

Это были громкие, резкие, озлоблённые голоса солдат, навстречу которым летели пули противника. Пусть редкие и неприцельные, но несущие смерть.

А немцы совсем не хотели умирать за свой «Vaterland».

Они хотели, чтобы те, кто всё ещё стрелял по ним, умерли за их «Mütterchen Rus».

Голоса звучали прямо над воронкой и Гудаев старался стать меньше и незаметнее, прижимая подбородок к груди, подтягивая правое колено к животу и обнимая его рукой.

А синяя девушка всё пела, словно война и не начиналась:

– ... Ты-ы, марьяк, красивый сам сабою...

Дура. Слесаря для неё не люди.

Но на раз-другой сгодилась бы. Ногастая. И не только.

Повезло Кольке Ершову, директорскому шоферу, он с ней весь май кувыркался.

Даже на юга с ней скатал пока директор в заграникомандировке по распродажам бегал.

И не в плацкартном скатал, а на чёрной заводской эмке, благо к лобовому стеклу был прилеплен хлебным мякишем всесоюзный пропуск с красной полоской.

Кольку призвали сразу после 22-го июня, директор тоже углядел сладкие ножки, не стал выколачивать бронь для молодого конкурента, отправил его Отчизне долг отдавать.

Колька, однако, не пальцем был делан, не дошёл до военкомата, исчез вместе с эмкой и пропуском на стекле, перехитрил и директора, и товарища Сталина.

Гудаев не знал, что таких «исчезнувших» по стране будет за полмиллиона.

Немец упал на Гудаева, как бежал, в каске, обвешанный фляжкой, котелком, лопаткой, плоским штыком в кожаных ножнах, ещё чёрт-те чем.

Его винтовка легла на скос воронки, прикладом вниз.

Деревянная рукоятка гранаты, засунутой за его пояс, упёрлась Гудаеву в живот.

Стараясь смягчить встречу с землёй немец выбросил вперёд левую руку и теперь, облепленная мокрым чернозёмом, она почти касалась гудаевской щеки.

Правая нога немца торчала над краем воронки пяткой вверх, ярко-красный шерстяной носок пламенел на ней, как сигнальный факел.

Слетевший с ноги сапог упал на локоть Гудаева.

Немец был невысок, худощав. Блондинистая щетина едва проступала на его щеках и до Гудаева дошла легкая парфюмерная волна – запах то ли одеколона, то ли мыла.

Ни того, ни другого Гудаев не видел со дня призыва.

Тёмные кровяные пятна расплывались на предплечье и на спине немца. Он не шевелился, не стонал и Гудаев не мог понять жив ли он.

Если жив, если только притворился мёртвым, может ли вдруг напасть, пырнуть штыком, ударить каской или лопаткой?

Может ли дотянуться до винтовки, дослать патрон и выстрелить?

Немец не открывал глаз, дышал трудно, прерывисто. Кровяное пятно сползало с его плеча вниз, к подмышке.

И Гудаев понял, что рана не даст немцу встать. И он перестал бояться.

Почти перестал.

Медленно сгибая колено, Гудаев подтянул здоровую левую ногу и приложил ступню к бедру немца.

Подождал. Немец не шевелился.

Гудаев подвинул ступню к паху немца и, осторожно выпрямляя ногу, сдвинул его со своей груди.

Немец так и не открыл глаза и Гудаев понял, что раненому совсем плохо. Быть может, даже хуже, чем ему самому.

Он оглядел немца снова, подумал, что они, наверное, ровесники и, перестав бояться уже совсем, решил, что упавший на него сапог будет ему в самый раз.

С правой ноги немца – на его, Гудаева, правую ногу.

И тогда – сапог на правой, ботинок на левой – он будет обут.

И, Бог даст, сможет идти.

Разрывы грохотали реже и отдаленнее. Стало слышно, как шелестит ольха.

Жаворонок завис, трепеща крылышками, над воронкой, пискнул, словно здороваясь, мелькнул белым брюшком с пестринками по бокам.

Жаворонку было некогда, у людей, может быть, и война, а у него пять голодных птенцов в гнезде у заросшей травой кочки. Для жаворонков июль – время семейное.

Немец не двигался.

Гудаев попробовал дотянуться до его винтовки лежащей на склоне воронки, но не смог.

Сапог был ближе. Гудаев нащупал его и подвинул к левой щиколотке немца, куда могла достать его здоровая левая нога.

Нашёл, нащупал этой ногой край голенища.

Придвинул голенище к ступне правой, раненой ноги.

Пошевелил правой ступнёй. Ступня слушалась.
И тогда Гудаев выпрямил раненую ногу.
Корка, запёкшаяся на бедре, треснула, кровь выступила снова.
Но сапог, отполированный изнутри сукном немецких солдатских
брюк, принял ногу русского солдата без возражений.
И согрел её ещё хранимым теплом другого человеческого тела.

Фляжка немца, в чехле, с крышечкой на цепочке, вжималась
Гудаеву в подреберье. Спиртным от неё не пахло.

А раз так – что бы в ней ни было, вода, чай, кофе или молоко,
налитое бабами в деревне, через которую этот немец прошёл, можно
было пить на пустой желудок.

Гудаев долго возился с карабином, которым фляжка была
пристёгнута к плечевому ремню немца. Всё-таки отстегнул.

Положил фляжку рядом с собой, справа.

Немец не шевелился. Край кровавого пятна на его боку спустился
совсем низко и уже не был виден из-под прикрывшей его руки.

Гудаев зажал зубами крышку фляжки.

Повернул фляжку правой рукой. Ещё. И ещё.

Крышка сошла.

Гудаев обнял горло фляжки губами и сделал первый, маленький,
пробный глоток.

Во фляжке была вода. И он стал пить, глоток за глотком, жадно и
нетерпеливо.

И тогда, не открывая глаз, немец негромко сказал:

– Ты всю-то не пей...

Справка:

По переписи 1979 года, в СССР насчитывалось почти два миллиона
советских немцев, предки которых переселились в Россию при
Екатерине II и во время наполеоновских войн.

Переселенцы, осевшие, в основном, в Поволжье, на южной
Украине и на Кавказе, освоили выделенные им целинные земли и
создали свои самоуправления.

Однако, положение новых российских граждан в значительной
степени зависело от взаимоотношений между Россией и Германией.
Немцы, родившиеся в России, считали ее своей родиной, но власти не
доверяли им. По царскому указу от 13 декабря 1915 года немецкие
колонии подлежали ликвидации, а колонисты и их семьи –
принудительному переселению в Сибирь. Эта бесчеловечная акция

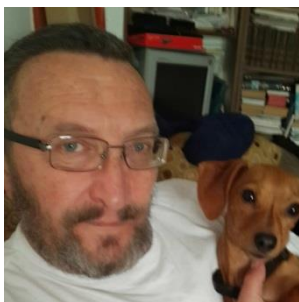
была намечена на апрель 1917 года. Февральская революция помешала её осуществлению.

При советской власти, уже в октябре 18-го, было разрешено образование Автономной области немцев Поволжья, а в августе 3-го – образование Автономной Советской Социалистической Республики Немцев Поволжья – *Autonome Sozialistische Sowjetrepublik der Wolgadeutschen* – и немецких национальных районов на Украине, на Кавказе и на Алтае.

Перед второй мировой войной только в Республике Немцев Поволжья насчитывалось 170 немецких школ, 11 техникумов, 5 вузов, выходила 1 газета на немецком языке, работали немецкие театры, клубы, дома культуры. Эта республика первой в СССР стала республикой сплошной грамотности.

В 30-е годы и после начала войны в июне 41-го, большинство российских немцев было арестовано и погибло в заключении. Все оставшиеся в живых — как «набора» 1938 года, так и «набора» 1941 года, были впоследствии реабилитированы.

Лев Альтмарк
Беер-Шев, Израиль

Напрасные хлопоты

– Что ты всё пишешь и пишешь? – спросил меня Нисим, бросая белый плоский камень у кривого шероховатого ствола оливкового дерева. Этот камень он притащил с обочины дороги и собирался на нём расположиться на привал.

– Так, – сказал я, – кое-что для себя.

– Зачем это тебе? Думаешь, ты что-то забудешь? – усмехнулся Нисим и полез в карман за сигаретами. – Кто-то это читать будет?

Второй день мы наступали, продвигаясь вглубь Ливана. Когда нас высадили из вертолётa, мы поначалу изображали из себя крутых голливудских командос, напялив на головы защитные каски, сдвинув на кончик носа солнцезащитные очки и обвешавшись выданной накануне амуницией. Но воевать нам, резервистам, пока не пришлось, война шла где-то в стороне, но мы слышали раскаты артиллерии и треск вертолётов, атакующих врага ракетами.

Наш командир Йони получил приказ выдвинуться на позицию у какой-то деревушки с трудновыговоримым арабским названием за двадцать километров от места высадки, и вот мы уже второй день шли, старательно обходя населённые пункты и опасаясь дорог, на которых могли быть мины.

– Он у нас крутой писатель, – захохотал толстяк Рами, расположившийся, не дожидаясь остальных, на сухой траве и ужековырявший ножом что-то из консервной банки в прикуску с большим зеленоватым помидором. – Пишет фронтовые заметки. А закончится война, опубликует и получит неплохие деньги! А мы у него будем автографы брать и завидовать...

– Ладно вам! – прикрикнул на них Йони, который изображал из себя строгого военначальника, но был всё равно отличным парнем.

– Да мы ничего, – пожал плечами Нисим, прикуривая сигарету, – просто интересно, что он про нас напишет!

– До ночи нужно сделать ещё пять километров, – сказал Йони и посмотрел на часы. – Скоро темнеть начнёт, а в этих долбанных горах всякое может быть. В общем, пятнадцать минут отдыха и – вперёд!

Фото: Пресс-служба ЦАХАЛ

Кто-то уже задремал, Нисим курил вторую сигарету, а Рами принялся за кофе из термоса. Лишь тощий студент Гриша в десяти шагах от нас патрулировал окрестности и медленно, с автоматом наперевес, прохаживался между деревьями, похрустывая сухими ветками под ногами.

Солнце палило уже не так нещадно, как днём. Чувствовалось, что близится вечер. Однако воздух свежее не становился, и почему-то терпко пахло пылью. Именно пылью, а не чем-то другим. Пока мы продвигались вдоль дороги, идущей по побережью, пахло морем и лимонами из близлежащих роц. Потом, когда начались горы, запахло пылью, а воздух стал более вязким и тяжёлым.

Но мы шли весело и дурачились, так как знали, что по карте конечный пункт нашего маршрута вовсе не так далёк, и на учениях мы проходили гораздо больше. А там, в деревушке с трудновыговоримым названием, нас ждут свои, и там будет горячая вода, чтобы смыть пыль, и обязательно встретится кто-нибудь из знакомых.

Всю дорогу было спокойно. Мы уже знали, что местное население бежало от войны на север и все населённые пункты по дороге пусты, поэтому особо не опасались, хоть нас и предупреждали, что могут быть засады или мины на дорогах. Весь вчерашний день мы прислушивались к отдалённой канонаде, а потом всё стихло, и мы шли в звенящей тишине, почти не переговариваясь друг с другом и

привычно вслушиваясь в звуки, скупо доносящиеся из-за холмов. Там действительно происходило что-то серьёзное, но – без нас.

– Кофе хочешь? – спросил меня Рами, которому в отличие от других спать почему-то не хотелось.

Рами был откуда-то из центра страны, и у него была маленькая шиноремонтная мастерская, в которой он с братом клеил проколотые шины и продавал восстановленные покрышки. По сравнению с остальными он был настоящим буржуем и даже на военную базу, с которой нас отправляли в Ливан, приехал на своём маленьком «фиате». Потом мы узнали, что на автостоянку у базы упала ракета, и он сильно переживал за своего четырёхколёсного железного друга.

– Спасибо, не хочу кофе, – пробормотал я, отрываясь от своих листов, – надо тоже немного вздремнуть, а то ещё пять километров топтать...

– А ты знаешь, – сказал Рами, не обращая на меня внимания, – мне эта война уже до чёртиков надоела. Какой умник придумал высаживать нас за двадцать километров до позиции? Жалко было потратить ещё пятнадцать минут полёта и сто литров топлива для вертолёта? Боялись, что собьют? Чёрта с два! Вертолёт хрен собьёшь, да и в воздухе он... не девочка в мужской бане – может быть здоров как огрызнуться!

– Начальству видней, – усмехнулся я, – а ты бы и в самом деле договорился с кем надо и ехал бы всю дорогу на своём «фиате». Целей машинка была бы.

– Издеваешься? – обиделся Рами и отвернулся.

Время до подъёма пролетело незаметно. Даже Гриша больше не шуршал ветками, лишь Нисим изредка щёлкал зажигалкой и с шумом втягивал сигаретный дым.

– Подъём! – скомандовал Йони и подхватил с земли свой автомат. – Отсыпаться будем потом, когда придём на место.

Чем дальше мы шли по бесконечной оливковой роще, в которой устраивали привал, тем почва под ногами становилась всё более каменистой. Кто-то уже сбил ногу, а больше всех сопел тощий Гриша, которому отдохнуть так и не удалось.

– Ничего, брат, ты среди нас самый молодой, – утешал его Нисим, – тебе и положено пахать больше других. У вас, в России, я слышал, в армии те, кто дольше служат, издеваются над молодыми. Ведь так?

– Я в российской армии не служил, – отмахивался Гриша, – меня привезли в Израиль семилетним пацаном. А в твоей Индии армия вообще есть?

– Откуда я знаю? – захохотал Нисим. – Я вообще в Израиле родился. А в Индии был только туристом. Ездил, когда школу закончил.

– Разговорчики! – оборвал из Йони, хотя ему наверняка тоже хотелось поболтать с нами.

Идти молча да ещё в полной тишине было вдвойне утомительно, поэтому он часто поглядывал на часы, а пару раз даже доставал карту, уточняя маршрут.

– В график не укладываемся! – ворчал он. – Через сорок минут мы должны уже быть на месте, а мы ещё и половины не прошли. Прибавить шаг!

Оливковая роща, наконец, закончилась, и пошли голые холмы.

– Видите горы на горизонте, – сказал Йони, не обращаясь ни к кому, – дойдём до них, там уже наши.

– Ого, – протянул Нисим, – какие же это два километра? По карте, может, и так, а по этим овечьим тропам все десять...

Узкая, со сбитым асфальтом дорога, вдоль которой мы шли, стала постепенно забираться всё выше и выше. Впереди, слева от нас через дорогу замаячили плоские крыши и белые стены маленькой деревушки. На некоторых крышах стояли спутниковые тарелки, но ни одно из окон не светилось.

– Интересно, девки в деревне красивые? – заржал Рами. – Ужас как люблю арабских женщин. Они такие тихие и безропотные, а уж в постели...

Но выяснить, как ведут себя арабские женщины в постели, не удалось, потому что откуда-то сверху из скал, нависающих над крайними домами деревушки, раздалась сухая автоматная очередь. Не дожидаясь команды Йони, мы рассыпались в стороны и залегли среди камней.

Первая очередь, не успев стихнуть, сменилась второй, более длинной. Пули звонко цокали о камни и плющились, высекая искры и каменную крошку, но никого по счастью не задевали.

– Сука! – по-русски прошипел Нисим. – Сколько их там – один или несколько? Кто-то нам, кажется, трепался, что вся местная публика подалась на север! Его бы в эту деревню послать попить водички!

– Ты и ты, – указал Йони пальцем на меня и Нисима, – осторожно обойдёте деревню сверху, а мы с ребятами будем отвлекать боевиков на себя, устроим маленький фейерверк... Только снимайте их аккуратно, чтобы сразу к райским гуриям отправлялись, не задерживались на этой земле.

– Есть, мой генерал! – хмыкнул Нисим, а Йони даже поморщился:

– Перестань дурачиться! Это тебе не шуточки...

Первый Нисим, а следом за ним я, оставив рюкзаки и только с автоматами в руках, почти ползком перебрались за дальние камни и, прикрываясь высокой, почти отвесной каменной грядой, стали

обходить деревню. Снизу послышались одиночные басовитые выстрелы «галилей» и застрочил пулемёт. Обещанный фейерверк начался.

– Смелей, ребята! – тяжело дыша, пробормотал Нисим, вставая с четверенек и вставляя в автомат рожок с патронами. – Теперь можно и нам вступать в дело. – Он насмешливо посмотрел на меня. – Ну, не страшно, писатель?

Я ничего не ответил, но тоже взял автомат наперевес и зачем-то проверил шнурки на ботинках.

Звуки перестрелки потихоньку удалялись, и мы уже слышали не столько сами выстрелы, сколько эхо от них, тем более в горах эхо более раскатистое и гулкое, чем в низинах. Я карабкался по камням следом за Нисимом и видел, как ходят его лопатки под тонким брезентом армейской рубахи, а под мышками всё больше разрастаются тёмные пятна пота.

– Тс-с, смотри! – указал Нисим вниз. – Этот гад, оказывается, один! Смертник... Ну, что ж, поможем ему!

Он медленно поднял автомат и стал целиться. Внешне Нисим казался спокойным, но я видел, как мелко подрагивают его руки. Я тоже стал целиться, но он отрицательно мотнул головой:

– Не надо, это мой...

Я пригляделся к стреляющему арабу, удобно засевшему за широким камнем и посылающему длинные беспорядочные очереди из «калашникова» по едва заметным вдалеке нашим солдатам. Но различить можно было только узкую мальчишескую спину в чёрной короткой майке, старые потёртые джинсы и красные стоптанные подошвы кроссовок.

– Он ещё совсем пацан, молоко на губах не обсохло! – сказал я Нисиму.

– Для нас он не пацан, а террорист! – мрачно сплюнул Нисим. – А с террористами у меня короткий разговор!

Я знал, что кто-то из многочисленной родни Нисима несколько лет назад погиб в теракте, поэтому не сомневался, что он не даст мне выстрелить первым. А если бы дал, пронеслось у меня в голове, сумел бы я так же хладнокровно, как он, целиться в эту узкую мальчишескую спину и потом нажать на курок? А потом напряжённо вглядываться – попал или не попал?

Выстрела я не услышал, а только увидел, как парня что-то подтолкнуло, перевернуло и легко подбросило. Автомат его выпал за камень, а сам он стал неожиданно кататься по земле, хватаясь за правый бок и перебирая ногами, будто лёжа пытался куда-то убежать.

– Кажется, только ранил, – с сожалением сообщил Нисим, – сейчас его добыю. Райских гурий не обещаю, но, как говорится, добро пожаловать в ад!

– Подожди, – схватил я его за руку. – Он и так уже не боец! Какая теперь от него угроза? Давай его живьём возьмём.

– Зачем? – Нисим удивлённо покосился на меня. – Он тебе нужен? Возись тут с ним! А мы и так задержались. Вон, темнеет уже...

– Ну, так нельзя! – запротестовал я. – Добивать раненого? Ты же не садист!

– А они? Был бы на его месте, не дай Б-г, ты или я, они бы пожалели?

– Они... это они, а мы совсем другое дело...

Выстрелы снизу стихли. Видимо, Йони с солдатами увидели, что стрелявший выронил оружие и пропал из виду, то есть опасности больше нет. А мы с Нисимом уже поднялись в полный рост и разглядываем парнишку, который наверняка ослаб от потери крови и почти не шевелился, лишь изредка слабо перебирая ногами.

И вдруг раненый протяжно и жалобно закричал. Его тонкий, едва начавший ломаться голосок эхом прокатился над скалами, и Нисим в сердцах плюнул:

– Чёрт бы тебя побрал вместе с этим пацаном! Теперь уже не смогу... – Он перебросил автомат за спину и полез за сигаретами. – Ну, добился своего?

– Пошли, – сказал я, – посмотрим, что с ним.

– Ага! – покачал Нисим головой. – Ты к нему подойдёшь, а он в тебя из пистолета или ножом...

– Да брось ты! Он еле дышит!

– Откуда я знаю? Пускай Йони с ребятами его забирают. Мы своё дело сделали.

– Струсил? – Я исподлобья посмотрел на Нисима, и он взвился. И без того смуглое его лицо потемнело ещё больше, а губы сузились в едва заметную щёлку:

– Кто – я струсил? Да за такие слова...

Он махнул рукой и, ничего больше не прибавив, полез через камни. Я с трудом поспевал за ним.

– Вы, русские, странные люди! – ворчал он, не оглядываясь на меня. – Послушать вас, так вы поголовно правые, никаких компромиссов с арабами не хотите и готовы воевать с ними хоть завтра. А как увидите подстреленного пацанёнка, который, может быть, до того пятерых наших из-за угла застрелил, сразу слёзы лить начинаете... Жалостливые! Не поймёшь вас!

– Он уже никому не угрожает, – упрямо повторил я, – какой он сейчас нам враг?

Раненый арабчонок был без сознания, но даже сейчас тихо постанывал и не отрывал рук от большой рваной раны на правом боку.

– Ну, и что мы с ним делать будем? – спросил Нисим, присаживаясь на корточки в двух шагах от него.

– Надо ему помочь. Рану перевязать, укол сделать, может, даже вертолёт с врачом вызвать...

– Не много ли чести? Если бы он задел кого-то из наших, думаешь, он стал бы так заботиться?

И тут уже вскипел я:

– Что ты заладил: если бы он, если бы он... Не знаю! Я на его месте не был и быть не хочу! Но сейчас мы решаем, жить ему или не жить, а зверем становится я не хочу!

– Значит, зверь я? – насупился Нисим. – Сплю и вижу, как бы кому-то горло перегрызть?

– Что ты предлагаешь? Бросить его здесь? Чтобы он истёк кровью и сам умер?

Нисим пожал плечами и отвернулся:

– На войне без жертв не обойтись. Излишняя жалость только вредит. Ты его спасёшь, а он через полгода обвяжется взрывчаткой и рванёт автобус где-нибудь в Тель-Авиве!

– Какая ты... – только и прошипел я.

– ...сука! – закончил за меня Нисим. – Я, прежде всего, солдат, а не сестра милосердия, и защищаю свою семью... и твою семью тоже, между прочим, от таких, как он...

– Ой, только не надо лекций о патриотизме! – отмахнулся я. – Надо позвать Йони, пускай он решает, что с ним делать.

Йони звать не пришлось, он с ребятами был уже в нескольких шагах от нас.

– Молодцы, ребята! – похвалил он и стал разглядывать арабчонка. – Наповал? Нет, дышит... Чей был выстрел?

– Мой, – мрачно пробормотал Нисим.

Йони ничего не сказал, лишь отошёл в сторону и стал с кем-то совещаться по рации. Но так, чтобы мы не слышали, о чём идёт разговор. Через некоторое время он вернулся и, вздохнув, скомандовал:

– Значит, так. Сделать ему обезболивающий укол, перевязать, и... отнесём в деревню. – Он кивнул на белые домишки. – Передадим его своим, пускай они с ним занимаются. А у нас времени нет. Мы и так выбились из графика.

Как перевязывали арабчонка и поднимали, чтобы нести, мы с Нисимом не смотрели. Мы сели в сторонку на камни, и я впервые попросил у него сигарету.

– Ты же не куришь, – сказал Нисим, но сигарету дал.

В деревне не оказалось ни одной живой души. Двери домов были, правда, заперты, но мы выбили одну из них в доме, по виду самом богатом, и пронесли арабчонка внутрь на низкую широкую тахту в салоне, застеленную полосатым ковром.

– Что будем делать дальше? – спросил Рами. – Если его тут оставим, то он через час-другой точно помрёт. Свои-то сюда не скоро вернуться.

Йони молча походил по комнате из угла в угол и, наконец, остановился у стоящего в углу высокого кальяна из синего стекла с меховой опушкой. Потрепав трубку с медным мундштуком, он сказал:

– Сейчас доложу начальству о нашей ситуации, пускай оно и принимает решение.

Он вышел из комнаты, а Рами покосился на Нисима:

– Эх, ты, Робин Гуд! Стрелять тебя не научили... Ждал, пока мы подойдём. Не мог решить всё до нашего прихода.

– Я бы решил, – пробормотал Нисим и указал на меня пальцем, – да он не дал...

Все, кто были в комнате, неодобрительно посмотрели на меня, и я отвернулся.

– Ладно уж, – донёсся до меня голос Нисима, – что сделали, то сделали. Пускай пацан живёт. Возьмётся за мозги – будет дальше жить, а нет – так где-нибудь его пуля всё равно достанет.

– А сколько он ещё навредить перед этим сумеет? – спросил кто-то.

– На, добей его. – Нисим снял автомат и протянул говорившему.

– Сам заварил кашу, сам и расхлёбывай...

Парнишка на тахте застонал.

– Дай ему воды! – сказал мне Нисим.

В большой неработающем холодильнике я отыскал бутылку с минеральной водой и стал пить парня. Лицо его горело, глаз он не открывал, и вода, которую я пытался лить ему на губы, стекала по подбородку. Рами наклонился рядом со мной и пробормотал:

– Хреново ему. Не жилец он...

– Хочешь сказать, что мы зря с ним возимся?

– Наверное, зря, да никуда не денешься...

Я попытался зажечь свет, но электричества не было. За окном быстро темнело, и кто-то зажёт фонарик.

– Ещё полчаса, и совсем ночь наступит, – вставил словечко студент Гриша. – А в темноте только по горам путешествовать. Все ноги переломаешь.

– Сейчас же погасить фонарь! – раздался голос Йони. – С ума сошли – в округе света нет, а вы решили мишень из себя изображать. Да по вас с любой высотки целиться – просто удовольствие. Надо же немного мозгами шевелить!

– Ты командир, – огрызнулся кто-то в темноте, – ты и шевели!

– Разговорчики! – рявкнул Йони и тут же сменил гнев на милость. – Докладываю ситуацию. Я по радиации совещался с начальством, и нам разрешили на ночь остаться здесь, а на рассвете мы продолжим движение. Что касается раненого, то тоже на рассвете будет санитарный вертолёт и заберёт его. Так что всё в порядке.

– Слава Б-гу, – вздохнул кто-то, – хоть грех на душу не возьмём!

– О душе заговорили! – засмеялся Рами. – Ну, прямо не солдаты, а ученики иешивы!

Но его смеха никто не поддержал. Йони оглядел нас и проговорил:

– На ночь выставим охранение из двух человек. Разбиваемся на двойки, и каждая двойка дежурит по два часа. Кто пойдёт первым?

– Я, – подал голос Нисим.

– Кто с тобой?

– Кто угодно, только не он. – И хоть в темноте не было ничего видно, я не сомневался, что указал он на меня.

Моя смена была самой последней, перед самым рассветом, и в напарники мне определили тощего студента Гришу.

А утром с первыми лучами солнца раздался далёкий стрёкот вертолёта, и к нам с Гришей из дома вышел Йони, потирая кулаками красные глаза. Как-то виновато он посмотрел на меня и тихо проговорил совсем не по-командирски:

– Умер твой пацанёнок, не дотянул до утра. Так что всё это были напрасные хлопоты...

Я промолчал и не стал ни о чём разговаривать.

– То-то твой друг порадует, – криво усмехнулся Йони.

– Какой друг?

– Будто не знаешь...

По-прежнему мы шагали вдоль узкой со сбитым асфальтом дороги, и солнце всё выше и выше поднималось над головами. Со стороны моря было всё ещё темно, но и там края серых низких облаков начинали потихоньку розоветь.

Поначалу Нисим шёл впереди, потом незаметно отстал и, поравнявшись, похлопал меня по плечу.

– Не хочешь? – Он протянул пачку сигарет и, глядя куда-то в сторону, пробормотал. – Прости меня, друг, а?..

Даша Кашина

Киев, Украина

Добро пожаловать домой, ребята!

Cara mamma, stai tranquilla, io sto bene... ritornero».
«Дорогая мама, не волнуйся, я в порядке ... Я вернусь».

Я держу в руках ажурную черную шляпку с фиалками без полей. И уверена, что она – моя. Эти воспоминания из раннего детства остались со мной. Она была из огромного чемодана с красивыми женскими вещами, который стоял у прабабушки со времен войны.

Офицер попросил сестру прислать подарки для девушки, которую посчитал невестой, увидев на работе в театре. Несмотря на ад войны, чемодан пришел по указанному адресу.

Я вспомнила это сейчас, когда вернулись в эти дни в Италию урны с прахом итальянцев, погибших в России. Этот человек был итальянцем. Урн было сто, а погибших девяносто тысяч. Из вернувшихся известны имена только шестерых. Имена установлены по поржавевшим металлическим нашивкам, снятым с форм. Они так не хотели воевать на чужой земле за чужие идеи. Но людьми распоряжаются люди. Иногда – ради своей карьеры.

Итальянцы, уходя в зиму на фронт, не имели даже теплой одежды, так как им объявили, что это короткий поход. Некоторые моточасти

были с велосипедами. Почти без оружия, продуктов, они шли, обманутые, на смерть.

Дома их ждали до сего дня, надеясь, что кто-то выжил и остался в России, как показано в фильме режиссера Витторио де Сика «Подсолнухи». Поля подсолнухов снились потом тем, кто вернулся живой. Эти ни в чем неповинные растения-цветы под Мариуполем тянутся на многие километры вдоль трассы на Азовское море. Там теперь тоже своя война.

В Италии в память о погибших в сороковые есть постоянно действующая выставка, которая называется «Italiani Karasciò», что означает: итальянцы – хорошие люди. Так их называло местное население, которое они не обижали.

«Они просто исчезли», – пишут историки о безоружной итальянской армии в России. Вернулись только те, кто был взят в плен. Их долго не обменивали и не возвращали, чтобы правду не узнали в Европе. Итальяноязычная газета, выходившая в СССР, давала сведения о 80 тысячах пленных итальянцев. Вернули около десяти тысяч.

По решению международных коммунистических властей, Италия должна была стать страной с их режимом. Проведший все годы войны в тылу, в Москве, коминтерновец Тольятти должен был возглавить коммунистическую Италию. Но на выборах его партия проиграла. Посчитали, что это из-за рассказов первых вернувшихся о бедной стране и нищих гражданах СССР. В «педагогических целях», как он выразился, Тольятти согласился с тем, чтобы пленные остались погибать в Сибири.

Удивительно, но он умер в «Артеке» в Гурзуфе, раньше, чем многие вернувшиеся потом и прожившие более ста лет. Об этом пишут внуки и правнуки: «Моему деду было 94 года. Моему – 96». Недавно умер человек, которому было 102 года. А есть и такие, кто еще жив. Сила жизни, которая осталась с молодости, была с ними всю жизнь. Долго они не могли говорить о пережитом. Но потомки настаивали на необходимости исторической памяти. Так появились их книги. Чаще всего упоминали в них подсолнухи, зиму и свинец. Название одной из них «Те снега».

Вот что в эти месяцы пережили итальянцы. Я цитирую дословно из записи по поводу возвращения ста урн их предков из девяноста тысяч погибших. Потому что лучше слов не подобрать.

«Вернулись домой ... Вы знаете их имена? Сальваторе Бадала есть?»

«Сегодня днем я вошел в храм. Неопишуема эмоция, когда я читал имя своего дяди среди погибших в России.»

«Честь и уважение погибшим! Я бы тоже хотел привести своего прадеда домой.»

«Сколько они ждали его, сколько они искали его! – сказала одна из женщин в своем выступлении, – Казалось, снег России, тающий после той зимы 1942-43 года, забрал их с собой, как будто их никогда не было. Не было ни этого сына, ни этого брата. Однажды приходил сослуживец, который возвращался с ним. Он понял, что друга больше не существует. Он был потрясен, потому что они шли вместе. Каждая принесенная газета внушала надежду нам, как и ребятам в лагере, которым говорили, что скоро домой. И снова дома наступала тишина. И так до сих пор – ни следа, ни места, ни даты. Ничего. Уже много десятков лет.»

Посетившая лагерь в Сибири, где был заключен ее дед, одна из итальянок написала:

«Я взяла этот маленький кленовый лист и семена в лагере 188, во время моей поездки в Россию в 2016 году. Я решила подарить его сообществу Сан-Сальваторе Монферрато во время замечательного мероприятия в честь павших, пропавших в России и ветеранов. Я сделала это.»

Он должен быть символом ужасной жертвы 90 тысяч юношей Италии.»

Один из выступавших рассказал:

«Мой двоюродный брат во время отступления спас своего помощника на санях, с отмороженными ногами, его наградили железным крестом. Когда он вернулся в Италию, отец бросил эту награду в печь».

«Благодарим всех, кто принял участие в возвращении итальянцев домой! Молодых людей, которые стали жертвой человеческой глупости».

В одном из дневников написано:

«Я остаюсь здесь. До свидания. Сегодня меня будет покрывать снег. А ты, тот, кто вернется домой, думай иногда об этом небе над Чертково. Я останусь здесь, с другими друзьями на этой земле. А вы, те, кто возвратится домой, знайте, что даже сюда, в место, где мы почили, на это поле возле леса придет весна».

Giuliano Penco

1943

Я погладила рукой шляпку с несостоявшейся помолвки и положила в тот чемодан. Похоже, наивный юноша видел в своей жизни только мир. Девушка прожила до восьмидесяти трех лет и умерла в России. Она была балериной. Осталась мемориальная доска на ее доме.

У нее в мемуарах об этом ничего нет. Подозреваю, что только в конце книги одна фраза выдает эти события: «Иногда, когда болит сердце, снятся друзья юности, погибшие на фронте».

Часть 2. Вслед ушедшим

Аристарх Лентулов. Лица поколения.1930-е

Михаил Моргулис
Норд-Порт, Флорида, США

Неподкупный правдолюбец: Наум Коржавин

О больших людях надо писать скупой, они говорят о себе своими делами. В литературе они говорят прозой, стихами. Говорят своим поведением в жизни: благородством или вещами противоположными. Что таить, известно, многие писатели в жизни, совсем другие, чем в своих книгах. Но есть редкие, которые одинаково чисты и мудры, как в книгах, так и в жизни.

Таким был мой друг Виктор Платонович Некрасов. Таким был Наум Моисеевич Коржавин. Пять лет мы провели вместе в штате Вермонт, в летней программе Норвичского университета.

К Коржавину более всего относились классические фразы другого Некрасова, Николая, дореволюционного: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан», и знаменитые Евтушенковские: «Поэт в России больше, чем поэт». Но Коржавин был большим поэтом в жизни, и большим гражданином в поэзии.

Поэзия – как женщина, в неё можно влюбиться, или остаться равнодушным. Можно её уважать, ценить, даже восхищаться, но не любить. Хотя многие Коржавина ценили и любили, но многие и не щадили. Как и он сам, если не любил, так не любил, если не щадил, так не щадил.

Конечно, его классическое стихотворение «Памяти Герцена» «...какая сука разбудила Ленина, кому мешало, что ребёнок спит...» всколыхнуло полуспящую, затаённую, жившую в страхе интеллигенцию Советского Союза.

Много можно о нём рассказать, уже рассказали и ещё расскажут, как он сидел в тюрьме за свои стихи, как выступал. В конце 1940-х его, студента Литературного института, репрессировали (в его стихах

нашли «пессимизм, неверие в творческое дело партии» и «навязчивые мысли об арестах 1937 года»); по собственным словам, в ссылке он стал «антисталинистом».

Постоянно жила в нём непримиримая гражданственность, великая тяга к справедливости.

Но я коснусь другого, личных соприкосновений с ним в благословенном штате Вермонт. Сюда к нам в Норвичский университет приезжали Василий Аксёнов, Булат Окуджава, Александр Солженицын, и многие другие известные и малоизвестные профессионалы в литературе. Говоря воинским языком, были и генералы, были и лейтенанты. Всех встречал мой учитель, профессор Леонид Денисович Ржевский, и замечательный историк Николай Всеволодович Первушин.

Коржавин в жизни был большущий интеллигент, а к женщинам проявлял особую нежность. Для него женщина была чем-то особым, залетевшей в наш жестокий мир. Всех он называл ласковыми именами, мою жену, Татьяну Николаевну, – Танечка-Танюша. А свою жену Любу Мандель, Любаша, Любашенька. И так ласково называл всех. Так было в бытовой жизни. Но стоило заговорить о поэзии, сказать что-то Эмой не воспринимаемое, в чём, как ему казалось, чувствовалась фальшь, несправедливость, как он вскипал, лавой обрушивалась мысль, захлёбывался и доказывал, где правда, а где ложь. Но видел он только свою правду. Как-то я неосторожно вспомнил Мандельштама, его «художник нам изобразил, глубокий обморок сирени...», как в ответ задрожали руки, крик: «Что вы все носитесь с Мандельштамом, да, он чрезмерно талантлив, но он не один!».

Однажды в Вермонте мы пошли в цирк-шапито, Виктор Некрасов, Коржавин и я. Подслеповатый Коржавин зацепился за край манежа и упал. К нему подбежал клоун и помог подняться. Боже, какое счастье было на его круглом лице. Он закричал, как ребёнок, «Вика (Некрасов), Миня (я), это же настоящий клоун, сфотографируйте меня с ним!» И он обнял клоуна и был совершенно счастливым.

А однажды, тоже в Вермонте, он взобрался на зелёный холм, лёг и покатился вниз, что-то щебеча в порыве детской радости. И мы все заразились этим и тоже стали взбираться на холм и катиться-катиться, как будто в детство.

Все ходили в пиццерию «Папа Джон», ели пиццу, пили пиво. Он часто был с нами, как-то посмотрел на нас с Некрасовым – и вдруг сказал на идиш, «шикеры!», т.е. пьяницы. В тот момент он был очень похож на знаменитого Исаака Бабея. Я ему сказал об этом. Он засмеялся, ему было приятно.

Наум Коржавин, Михаил Моргулис, Виктор Некрасов вместе с клоуном цирка-шапито. Вермонт

Всю жизнь он близко дружил с Владимиром Войновичем и Булатом Окуджавой. Они были схожи в своей непримиримости к лжи.

В журнале «Литературный курьер», который я издавал в Нью-Йорке, шла полемика о Солженицыне. На Солженицына подали в суд два сотрудника радио «Свобода». Коржавин, написал замечательное письмо-статью о том, что это фальсификация фактов, инсинуация, похожая на советские методы пафосного вранья, чтобы опорочить имя писателя.

Было это в 1984 году.

О Бродском при нём лучше было не вспоминать, однажды проговорил: «Босяк, старающийся быть интеллектуалом». Но добавил: «Есть хорошие стихи, пока он сам себя не испортил». Вспоминал, что Анна Ахматова якобы сказала после эмиграции Бродского: Теперь, когда «рыжий» попал в руки нью-йоркских бизнесменов, я за него спокойна!

Добрые люди есть везде, и в полиции и в милиции, и среди дворников. Но поэт особо должен щадить других поэтов, тогда, когда-нибудь и его пощадят. Но вместе поэтам быть трудно. Как и фотомоделям. И те, и другие спокойны и добры, когда нет рядом коллег по цеху.

Коржавин умел готовить хлебную водку из спирта. Ржаные сухари заматывал в марлю и опускал в спирт. За три дня спирт пропитывался хлебным запахом – и получалась «Хлебная коржавинская». Он со своей детской радостью демонстрировал свой продукт в Вермонте и Бостоне.

Я часто вспоминаю, как он приходил в наш дом в Вермонте, рядом с университетом. Замечательный философ и поэт, добрейший и честнейший. Он напоминал мне мудрого падика из местечка, не знающего, где он забыл галоши, но знающего, что случится в будущем. С ним дышалось хорошо.

«Мы не в изгнании, а мы в послании!»

Первым сказал эти великие слова о российской эмиграции Дмитрий Мережковский, ещё в 20-х годах прошлого столетия. Потом их повторяла Нина Берберова, и, как заклинание, постоянно вспоминал Коржавин: Мы не в изгнании, а мы в послании!

В этом месте статьи, я подумал, что он не только поэт-гражданин, но и поэт-любви. Но затаённый. Вот написанное в 1947 году, когда Сталин снова стал сажать в лагерь победившую послевоенную Россию. А он пишет о любви:

От дурачеств, от ума ли /Жили мы с тобой, смеясь,/ И любовью не назвали Кратковременную связь, /Приписав блаженство это В трудный год после войны/ Морю солнечного света/И влиянию весны... /Что ж! Любовь смутна, как осень,/ Высока, как небеса.../ Ну, а мне б хотелось очень/ Жить так просто и писать./ Но не с тем, чтоб сдвинуть горы,/ Не вгрызаясь глубоко, -/А как Пушкин про Ижоры -/ Безмятежно и легко.

1947

О нём много написали, а теперь напишут ещё больше. Ведь таких людей начинают ценить после их смерти. Особенно писателей и поэтов. Уверен, хорошо напишет о нём его преданный друг Владимир Войнович. Я же, в скачущих мыслях, самые важные вижу в том, что Наум Коржавин был постоянно честен, чист, неподкупен. Он был ребёнком и мудрецом. После смерти Евтушенко, Коржавин оставался как одинокое дерево среди поваленных грозой других деревьев. Теперь и он упал. И окончательно закончилась эпоха прошлых слёз, надежд, любви и необъяснимой честности некоторых людей. Среди этой малой группы был Наум Коржавин, ставший замечательной частью русской поэзии. Вот что он написал 64 года тому назад:

«В наши подлые времена /Человеку совесть нужна,/ Мысли те, что в делах ни к чему,/ Друг, чтоб их доверять ему./ Чтоб в неделю хоть час один /Быть свободным и молодым./ Солнце, воздух, вода, еда/ – Все,

что нужно всем и всегда./ И тогда уже может он/ Дожидаться иных времён».

1956

Времена повторяются. И строчки хороших поэтов актуальны всегда.

Ирина Чайковская

Б. Вашингтон, США

Несколько слов вслед Валентине Синкевич

Поэтесса Валентина Синкевич из Второй — военной — эмиграции. Это те советские люди, которые по каким-то причинам оказались во время войны на территории Германии: попали в плен, перебежали к врагу, были насильственно увезены с оккупированной территории. Она очутилась в Германии в юном возрасте, и именно по этой третьей причине.

Валя Синкевич умерла в хосписе в понедельник, 5 июня 2018 года, в возрасте 92 лет. Во вторник, 19 июня, с ней случился удар, и слава Богу: сработала заветная «кнопка», которую с некоторых пор Валя всегда имела при себе. Прибежали соседи – отвезли в больницу. Она еще могла говорить, и русскоязычная племянница услышала от нее тревожный вопрос: «Отправили конверт?»

Все последние месяцы своей жизни Валя делала книгу «О незабываемых». Скажу иначе. Валя переделывала старые и писала новые очерки для книги, которую взялись издать в Москве, в Доме Русского Зарубежья, где Валентину Алексеевну Синкевич любили и привечали. Эти очерки были опубликованы в основном в НОВОМ ЖУРНАЛЕ и частично в ЧАЙКЕ. Завершающий очерк – о современнице и давней своей знакомой, поэтессе Ираиде Легкой, Валя написала буквально за несколько дней до своего последнего вторника. Написала и непослушными, отказывающимися служить пальцами вложила в конверт – для отправки в Москву. О нем она и спрашивала племянницу.

Получается, что Валя подвела черту под своей писательской работой. Словно убрала крошки со стола, уходя из дому. С ней в любую минуту могло случиться то, что случилось. Еще месяца три назад пришедшая ее обследовать медсестра сказала, что с таким давлением (вечерами доходило до 200 единиц) нужно срочно ехать в больницу.

На Валин отказ воскликнула: «Вы можете каждую минуту умереть!» – Я готова, – отвечала Валя, – но лучше это сделать в своей постели. В своей постели не получилось, но в больницу она попала уже в самый последний момент, когда жизнь ее кончалась.

Не боялась смерти. Похоронила почти всех своих горячо любимых друзей, которым посвятила очерки: художника Владимира Шаталова, поэта Ивана Елагина, поэтессу Ольгу Анстей, поэта Евгения Евтушенко... Жила одна в своем маленьком доме в черном районе Филадельфии. Одиночества не боялась, не будучи в этом похожа ни на Мандельштама, ни на Арсения Тарковского.

Недели за три до своей смерти Валя прислала к нам в ЧАЙКУ законченный очерк о поэте из Второй эмиграции Олеге Ильинском, которого лично знала и высоко ценила. Поэт, которому не додали при жизни, оценен в нем по настоящей шкале. До того мы опубликовали у себя Валино замечательное эссе о Владимире Набокове, где много счастливых находок, пронизательных наблюдений. В 92 года она сохранила ясную голову и способность творить. Причем, как мне казалось, ее последние очерки – о Евтушенко, Набокове, Ратушинской, Ильинском – ничуть не уступают тем, что были написаны в пору зрелости, и даже превосходят их по живости и свободе изложения. Она, кстати, со мною соглашалась, ссылаясь на то, что училась... у меня. Признаюсь, мне это было очень приятно.

Конечно же, в эти последние месяцы жизни, при отвратительном физическом состоянии, Вало спасала работа. Она спешила закончить книгу. Успела, закончила.

Валентина Синкевич. Портрет работы Владимира Шаталова

Я радуюсь одному: мы тоже успели. На празднике ЧАЙКИ, проходившем 10 июня в Роквиллской библиотеке, Валентина Алексеевна Синкевич была названа лауреатом журнала за 2018 год. Валю я предварительно уведомила о присуждении ей диплома ЧАЙКИ, и она продиктовала мне небольшое обращение к присутствующим в библиотеке: *«От всей души поздравляю журнал ЧАЙКА и его главного редактора Ирину Чайковскую со славным праздником выхода нового Альманаха. По мере своих девяностолетних сил я постараюсь быть постоянным автором вашей ЧАЙКИ»*. Переписываю сейчас эти строчки – и не могу удержаться от слез: слышу Валин голос. На празднике я это обращение не прочитала, зато прозвучало Валино стихотворение, посвященное Владимиру Шаталову, талантливому, пока еще мало известному в России художнику, Валиному другу и любимому человеку. Стихотворение называется «Володе» и начинается так:

Предстоит ли нам встреча – не знаю./В тех краях ведь свои права...

Валюша, дорогая, мне кажется, Вы обязательно встретитесь с Вашим Володей, чья любовь к Вам воплотилась в серии необыкновенных портретов – одухотворенных, полетных, прекрасных. И это даже не будет чудом. Вы непременно встретитесь!

Володе

Предстоит ли нам встреча – не знаю.
В тех краях ведь свои права.
Здесь я верила нашему раю –
я ведь в этом была права?

Или в том, что нам солнце светило
и подсолнух тянулся к нему?
Это было у нас, ведь было!
И не спрашивай – почему?

Просто время настало акаций -
и цветущих – яблонь в саду.
Жизнь мы прожили здесь без оваций –
я, как ты, без оваций уйду.

А встречаться неужто не будем
там, где ангелы и небеса?
На земле мы не верили судьям,
но на небе ведь есть чудеса?

Август 2017

Часть 3

Архив

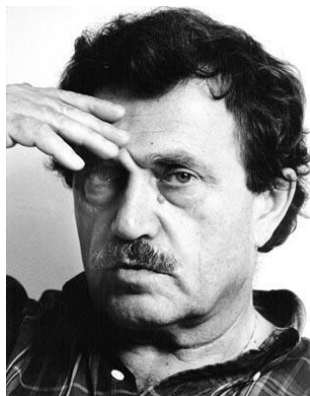
Переписка

Воспоминания

Аристарх Лентулов. Село Зюзино. 1918

Василий Аксенов
(1932-2009), Казань – Москва (Россия)

Белла Дижур в Нью-Йорке. Из Архива радио «Свобода»

«Welcome Aboard!» Василий Аксенов на «Свободе»¹

Подготовка публикации, вступительный текст и примечания Виктора Есипова и Андрея Кулика.

Во время вынужденной эмиграции Василий Аксенов с 1980 г. регулярно выступал на радиостанциях «Свобода» и «Голос Америки». Позднее, уже после возвращения в Россию, он издал книгу своих радиовыступлений на радио «Свобода» и дал ей ироничное название «Десятилетие клеветы» (2004). Почему «клеветы», потому что любое не подцензурное слово воспринималось советской властью как подрывное действие и как клевета. И на пути такого слова, особенно если оно доносилось из-за рубежа, воздвигались всевозможные препоны и преграды. В частности, передачи зарубежных радиостанций на русском языке глушились. Но несмотря на это, тысячи читателей Василия Аксенова, прикипали ухом к радиоприемнику, чтобы услышать знакомый голос, прорывающийся сквозь вой советских глушилок.

¹ Радио «Свобода», октябрь 1987

Публикуемый здесь текст не вошел в упомянутую книгу. Запись этого радиовыступления Василия Аксенова в октябре 1987 года найдена в архиве радиостанции «Свобода», недавно открывшемся для общего пользования

Передача была посвящена долгожданному прибытию в Нью-Йорк поэтессы Беллы Дижур, матери прославленного скульптора Эрнста Неизвестного. Отношение Василия Аксенова к героине своего эссе трогательно теплое, он ощущает в ней родство со своей матерью, автором знаменитого «Крутого маршрута», Евгенией Гинзбург. На правах полноправного американского гражданина Василий Аксенов говорит Белле Дижур: «Welcome aboard!»

«Я не догадывалась раньше, // Что куст рябины мне родня» — пишет Белла Дижур в одном из своих прибалтийских стихотворений. Я и раньше замечал, что скромная природа тех побережий силой каких-то своих, неведомых нам, а только лишь весьма угадываемых пропорций располагает к чувству полного с ней слияния. Это ощущалось и в творчестве литовских графиков: линия Стасиса Красаускаса вольно перетекает из человеческого тела в дюны, сосны и кусты, профилем обращаясь в звездные поля. Есть в этом что-то сродни молитвам Франциска Ассизского с его обращениями к братцу волку и к сестрице голубке.

В собственном предисловии к сборнику избранных стихов Белла Дижур говорит о трех городах родины, о трех болевых точках, которые она покинула, чтобы переселиться в Нью-Йорк, ближе к своему сыну, скульптору Эрнсту Неизвестному. Это Ленинград, Свердловск и Юрмала. Невольно подумалось об этих местах и как о точках родства. Ленинград и для меня был городом юности, Прибалтика была краем и моих очарований, к уральскому же гиганту имеет все-таки некоторое отношение предуральская раскидуха, моя родная Казань.

Большая жизнь стоит за всеми этими строчками, и недаром сборник стихов разных лет открывается двумя четверостишиями, написанными, очевидно, недавно:

Как много было стыдной шелухи
Пустых обид и поисков признанья,
Но лишь кровоточащие стихи
Быть могут этой жизни оправданьем.
И далее:
День ото дня все суше мой язык,
И звуков гордых в горле не осталось.
В движениях замедленных сквозит

Суровость, одиночество, усталость.

Трудно здесь не заметить и ритмику, и горечь шекспировского 66-го сонета.

У горечи этой немало истоков, и, может быть, первый из них — страстная и грубо неразделенная любовь к родине:

Да. Я уезжаю...
Ах, я уезжаю!
И горько прощаюсь
с родным языком.
Россия!
Отчизна моя дорогая!
Мой старый, мой бедный
отеческий дом.
Чужие вокзалы,
чужие кварталы,
чужие наречья —
зачем они мне?
Но что же нам делать
с извечной опалой,
с извечной опалой
в родной стороне?
Мы ржавые листья,
рожденные в гетто...
«Мы ржавые листья
на ржавых дубах...»
Нас ветер истории
носит по свету.
Библейские страсти
мы носим в сердцах.

Еврейский русский патриотизм может быть не более истинным, чем русский корневой, но уж, во всяком случае, он более пронзителен. Русский поэт-еврей в изумлении поворачивается к сумрачным лицам: почему они помнят только дурное, а не помнят Пастернака и Мандельштама? Почему они всегда так обобщают, а не по-другому?

Сколько же поколений должно пройти через российскую жестокую историю со всеми ее погромами, революциями и ГУЛАГами, чтобы преодолен был атавистический взгляд на чужака? Отсюда начинается исход.

Белла Дижур. Фото Геннадия Крочика

Показательно, что для Беллы Дижур ее нежная русская родина связана с образом бедного старого дома. Образы пресловутого величия — это всегда отчуждение, всегда в чужом пиру похмелье. Милость и сострадание, если они еще остались на Руси, в закоулках ли старого дома, вот они, родные тихие звуки. Эпоха, будь она неладна, закручивает ржавые листья в центробежную фугу.

Есть порок у меня — я люблю тишину
Переулочков и тупиков старину,
Над бревенчатым домом бесшумный закат
И осенний, расписанный золотом, сад.
Старомодные вкусы, забытый мирок,
Девятнадцатый век на исходе.

В этой причастности к XIX веку я вижу определенное родство Беллы Дижур с моей матерью, Евгенией Гинзбург, и понимаю, что они принадлежат примерно к одному типу российских интеллигенток. Немалой отвагой, между прочим, надо обладать, чтобы в одночасье покинуть «переулочков и тупичков старину» и рвануть в

космополитические агорафобические² пространства, чтобы приземлиться в немыслимом Нью-Йорке. В этом тоже мне видится некая близость к прорыву, совершенному моей матерью.

Белла Дижур и Эрнст Неизвестный

В течение долгих лет Белла Дижур была членом Союза писателей СССР, его свердловского отделения, выпустила немало поэтических сборников. Внешне все это выглядит как вполне нормальная, даже привилегированная профессиональная литературная жизнь. На самом деле, знаю это и по собственному опыту, жизнь эта состояла из множества мелких обид, паршивых придирок, а иногда перед поэтессой развевалась и подлинная бездна унижений.

Как все это знакомо! Редактор уральского журнала читает стихи «Монолог Евы» и упирается пальцем в строчку: «На опушке ночного леса // Я рожала за сыном сына — Одиссеев и Геркулесов...», ворчит: «Что это вы мне тут подсовываете всяких геркулесов? Ведь геркулес — это каша!»

Цикл «Стихи о сыне», посвященный юному Эрнсту, воевавшему против фашистов (как тут не вспомнить Вознесенского: «Лейтенант

² Страх покинуть дом одному или оказаться в толпе.

Неизвестный Эрнст...»), заворачивается — не прошел по «пессимизму».

После доклада Жданова³ свердловская писательская организация выделила по разнарядке свою «Ахматову для битья». Это была Белла Дижур. Ее обвиняли в эстетизме и камерности, из которых пару годиков спустя вполне естественно поэтесса перекатилась в разряд «беспаспортных космополитов». Современной молодежи все это может показаться не столь уж страшным, но мы-то помним, чем оборачивались эти ярлыки и формулировочки в те времена, когда против творческого пессимизма прописывали оптимизм колымского лесоповала. К счастью, Белле Дижур удалось избежать этой терапии, и этот счастливый удел, конечно, был игрой случая или даже чистым чудом, потому что она, в отличие от ошалевшего от страха персонажа мандельштамовской «Четвертой прозы», никогда не делала себе «прививки от расстрела», то есть не ловчила, не коверкала свой голос, а пронесла через всю свою творческую жизнь свой так называемый «пессимизм», то есть искренность и чистоту.

Вот эти пассажи чистоты из старых стихов, а именно из письма Осе⁴, то есть любимому человеку, отцу моего друга Эрнста:

Февраль, неожиданно свежий
И колющий веки до слез,
Бесснежными ветками режет
Небес голубой купорос.

И острее во много раз
Все детали помнишь в разлуке:
Жест, улыбку, движение глаз,
В синих жилках родные руки,

Полку с книгами на стене,
Затянувшийся спор с друзьями,
Тополиную тень в окне,
Что незримо старела с нами.

³ В августе 1946 года выступил с докладом, разоблачающим творчество писателей, идеологически чуждых линии партии, главный удар был направлен на лирику Анны Ахматовой и сатиру Михаила Зощенко.

⁴ Иосиф Моисеевич Неизвестный (1898— 1979) – отец Эрнста Неизвестного. В гражданскую войну – белый офицер.

Эти пассажи напоминают простые и мирные звуки скрипичного концерта Бетховена.

«Осенью 1943 года, — вспоминает поэтесса, — на Урал привезли группу польских детей. На станции Хрустальная был организован детский дом, директором которого стал Александр Левин⁵, ныне профессор Варшавского университета. От него-то я впервые и услышала о старом докторе Януше Корчаке⁶. Тогда и возникла поэма об удивительной героической судьбе этого человека».

После войны Левин увез поэму в Польшу, где она была переведена на польский и еврейский, а в Свердловске между тем вокруг поэмы Беллы Дижур началась свистопляска. И впрямь, не очень-то ко двору во время борьбы с космополитизмом оказалась поэма, начинавшаяся следующими стансами:

Я не росла в глухих кварталах гетто,
Мне дым его печальный незнаком,
И если честно говорить об этом,
Был не еврейским мой отцовский дом.
Но в дни, когда, как встарь, на перепутье
Народ мой вновь поруганный стоит,
Я вновь еврейка всей своею сущью,
Всей силой незаслуженных обид.

В свердловской газете писали: «Дижур нашла себе в герои некоего Януса, который встал на колени перед Гитлером!» Система требовала, чтобы везде были свои «сионисты» и «космополиты».

А между тем оказавшаяся на Западе поэма «Януш Корчак» жила своей жизнью и получала повсеместное признание. Неизвестный на одном из концертов в Нью-Йорке услышал кантату на слова своей матери, пребывавшей тогда в «отказе». Корчаковский комитет Западной Германии присвоил Белле Дижур звание лауреата. Идеалисты и священники из этого комитета отправились даже в СССР, чтобы вручить старой поэтессе почетные знаки.

Только лишь идеализм и оправдывает человечество. Идеализм и глубокое душевное спокойствие характерны для стихов Беллы Дижур:

⁵ Левин Александр (1915 – 2002) – польский педагог, теоретик образования и воспитания.

⁶ Корчак Януш (1878 – 1942) – польский педагог, писатель, врач; в 1942 году добровольно разделил участь детей, своих воспитанников еврейского Дома сирот, отправленных в газовую камеру в нацистском концлагере Трелинка.

В большой Вселенной маленький мирок.
Не комната — всего лишь уголок.
Окно в полнеба, книга у окна,
Краюшка хлеба и стакан вина.

В этом году Белла Дижур переселилась на Запад, теперь она живет в Нью-Йорке. В литературе Русского Зарубежья появился еще один творческий и философский поэт. Скажем ей на американский манер: «Welcome aboard!»

Ирина Роскина
Иерусалим, Израиль

Память войны. Из переписки моих родственников в военные годы. Часть 6. В Перми

Публикация и комментарии Ирины Роскиной⁷

С.Д. Спасский

2 января 1942 года поэт Сергей Дмитриевич Спасский вместе с Вероникой – своей дочерью от первого брака, чья мать была в заключении, и свояченицей Кларой Гитмановной Каплун выехал по Ладоге из Ленинграда. После нескольких дней в Ярославле, где эвакуированных подлечивали, давая передохнуть перед дальнейшей дорогой, они оказались в городе Пермь, тогда называвшейся Молотов. Как и большинство деятелей культуры, эвакуированных в Пермь, поначалу они разместились в гостинице «Центральная» на улице Сибирская.

Моя будущая мама, тогда четырнадцатилетняя Наташа Роскина с восьмилетним братом Алешей – сыном Спасского от Надежды Давыдовны Рабинович-Роскиной, которой к тому времени уже не было в живых, и с бабушкой Розой Наумовной Рабинович находились

⁷ Продолжение. Начало см. <https://www.chayka.org/node/8053>

неподалеку от Молотова в лагере для эвакуированных детей ленинградского Литфонда в деревне Черная.

Сергей Дмитриевич писал Наташе:

Дорогая моя Тусенька⁸! Я немного прихворнул. В день, когда была у нас в прошлый раз Лидия Давыдовна⁹, у меня неожиданно отекли ноги. Доктора, присланные начальством, полагают, что это от сердца. Хотя с другой стороны сердце здоровое. В общем не понять в чем дело, просто еще какой-то отголосок Ленинграда. И всё проходит, когда я лежу. Вероятно, мне нельзя было еще много ходить. Все это неприятно тем, что я вынужден все время откладывать поездку к вам. А очень хочу повидать тебя и Лешеньку. Понимаю, что и тебе не просто сюда ездить. Но огорчился, когда приехала сюда на несколько дней Алла Вальдман¹⁰. И одна из Д'Актильевских девиц¹¹ болтается здесь чуть ли не целую неделю. А мы с тобой не видимся столько времени, будто живем на расстоянии тысячи километров. И остается нам только переписываться. Какие же у меня новости? Народа вижу мало, за исключением тех, кто заходит в гостиницу. Навещает нас Ида Исааковна с Сережей¹².

Вчера пришла ко мне Лиля Юрьевна Брик¹³. Она живет с мужем¹⁴ в Курье¹⁵ уже с июля месяца. У них две чистых комнаты с электричеством и радио, и она обещает присмотреть там что-нибудь и для нас на лето. Я не отказывался, так как будущее мое пока неопределенно, а летом жить где-нибудь за городом надо. В районе Черной, насколько я убедился, устроиться хорошо трудно. Вместе с тем я написал письмо и в Тбилиси. Буду ждать ответа. Мои родители

⁸ Так Спасский называл Наташу.

⁹ Эвакуированная из Ленинграда в декабре младшая дочь Розы Наумовны Лидия Давыдовна Гринберг, тетка Наташи и Алеши, провела некоторое время в Черной, прежде чем забрать двух своих сыновей и поехать к мужу в Верхнюю Салду.

¹⁰ Алла Вальдман, возможно, дочь переводчицы Веры Семеновны Вальдман (1884-1962).

¹¹ У поэта-песенника Д'Актиля было три дочери (см.

http://irkipedia.ru/content/daktil_frenkel_anatoliy_adolfovich), младшая только на год старше Наташи Роскиной.

¹² Жена и сын писателя Михаила Львовича Слонимского.

¹³ Спасский был издавно знаком с любимой женщиной Маяковского Лилей Брик (1891-1978).

¹⁴ С 1937 г. мужем Л.Ю. Брик был Василий Абгарович Катанян .

¹⁵ Пригород Перми – дачное место в сосновом лесу на берегу Камы.

пишут опять, что, по словам брата¹⁶, в Тбилиси прекрасно. Даже сейчас масса фруктов, яблоки стоят 10 р. кило. Обилие мандарин и сушеных фруктов. Свинина – 30 р. кило. Так же рассказывала о Тбилиси и Брик. Ей передавал поэт Василий Каменский, отправивший в Тбилиси свою мать¹⁷. Моя мечта – забрать вас из Лагера и поехать в Тбилиси. Но, конечно, это возможно не скоро. Надо отдохнуть, пожить здесь, м. б., провести здесь лето и двинуться на юг осенью. Для этого необходимо много денег. Сейчас с деньгами у меня плохо. Жизнь в Молотове стоит мне очень много, а не зарабатываю я ничего. Поэтому несмотря на болезнь и постоянный шум в комнате, я все-таки начал понемногу работать. Хочу сдать книгу стихов в издательство и набрасываю пьесу¹⁸. Если удастся наладить дела, можно будет осуществлять большие планы с переездами. Помимо работы, читаю книги по русской истории. Почему-то очень меня занимает период смуты¹⁹. Очень интересуется Дмитрий Самозванец, о котором тоже неплохо было бы написать пьесу, помимо уже существующих на эту тему. Все мои занятия несколько отравляются видом Вальдман, невыносимо действующей мне на нервы. Да и бедная Белла не очень способствует вдохновению. Вот, Тусенька, тебе большое, можно сказать, деловое письмо. И все-таки, милая, если б ты как-нибудь выбралась сюда. Можно переночевать здесь, тогда поездка будет менее утомительной. Крепко тебя целую и люблю. (4 марта 1942)

Милая моя Тусенька! Если будет у тебя охота и попутчики, приезжай, солнышко в воскресенье. Мне сейчас в Черную не выбраться, а видеть тебя очень хочется. Бабушке об этом пишу. Крепко тебя целую. Сережа. 6 марта [1942]

Дорогая Роза Наумовна!

¹⁶ Родители Сергея Дмитриевича – отец Дмитрий Иосифович Спасский-Медынский и мать Екатерина Евгеньевна – жили в Москве. Брат – Евгений Дмитриевич Спасский (1900-1985), художник. Ему посвящен большой сайт <http://e-spassky.ru/html.html>, на котором есть и упоминания Сергея Дмитриевича (в воспоминаниях Евгения Дмитриевича <http://e-spassky.ru/about/1/3.html>).

¹⁷ Поэт-футурист Василий Каменский рано остался сиротой, возможно, речь идет о его приемной матери Александре Труцовой. Каменский, вместе с Бурлюком и Маяковским, был в Тифлисе в 1911 г., где футуристы имели тогда огромный успех, там Спасский с ним и познакомился – см. С. Спасский. О пребывании трех футуристов в Тифлисе – в – О Маяковском: дни и встречи. Тбилиси, 1963.

¹⁸ Возможно, имеется в виду либретто оперы о моряке, о работе над которой рассказывает Н.Е. Браун в письме А.А. Прокофьеву от 15 марта 1943 г. Потом этот замысел развился в оперу в 4-х действиях «Севастопольцы» http://www.classic-music.ru/opera_kater.html (композитор – Мариан Коваль) – см. Браун Н. «Наша работа над либретто» – в кн.: Севастопольцы. Молотов, 1946.

¹⁹ Период русской истории с 1598 по 1613 год.

К сожалению, не могу приехать в ближайшие дни, чувствую, что мне это трудно. Да и делам конца нет. Хотя положение в смысле жилья и работы очень неопределенное. Во всяком случае в Черную мы решили пока не ехать. Заберемся туда только в самом крайнем случае. Поцелуйте Лешеньку. На следующей неделе надеюсь все же выберусь. Просьба – отпустите Наташу на воскресенье, если будут попутчики. Ваш С. Спасский (6 марта [1942])

Наташа Роскина, студентка

Милая моя, дорогая Тусенька! Ты не можешь себе представить, как я хочу тебя видеть и как я о тебе соскучился. Сегодня встретился с Зоей Александровной и обрадовался ей очень, так как это единственный человек, с которым я мог поговорить о тебе. Очень у меня почему-то беспокойная душа за тебя, все кажется, что ты чувствуешь себя плохо, скучаешь и томишься в лагере. Может, я ошибаюсь, было бы очень хорошо, если бы мои представления были бы не верны. З<оя> А<лександровна> обещала меня известить, когда можно будет приехать в Черную и сказала, что постарается меня как-нибудь устроить у себя. Буду ждать от нее с нетерпением известий. Сейчас совершенно потерял всякое представление, можно ли к вам приехать и поэтому обещание З<оя> А<лександровна> меня очень обнадежило.

Ужасно нелепо жить так близко и не иметь возможности встретиться и поговорить. Говоря по совести, тебя мне очень не хватает, хочется рассказать тебе о всех делах, вообще хочется, чтобы ты была рядом. Надеюсь, что хоть летом мы будем видеться чаще и, может быть, проведем его вместе. Последнее время я ужасно занят. Постоянно выступаю, превратился в какого-то эстрадника. Концерты, объединенные разными определенными темами, в которых я читаю стихи. Выступления по разным клубам и аудиториям в городе и за городом. Недавно ездил на автобусе в какие-то Верхние Муллы²⁰. С 11-го числа проходили вечера памяти Маяковского²¹. Я выступал²² с Бриками и редактором Маяковского Катаняном. Выступали несколько вечеров подряд. Я читал все свои стихи, посвященные Маяковскому. Выступал и по радио, причем кроме своих стихов, читал «Солнце» и «Во весь голос» Маяковского. Завтра разговариваю о Маяк<овском> с пионерами в Доме пионеров, а вечером очередной концерт. На следующей неделе выходит новая программа, для которой спешно пишу стихи²³. 7го в 6 ч. 10 мин. [*неразб.*] состоится литературная передача по радио, в которой мне отведено минут 15– 20. Так в основном проходит моя жизнь от выступления к выступлению, не считая, конечно, того, что я все-таки понемножку пишу и стихи, и свою злополучную, застрявшую на полпути пьесу. Я получил ордер на комнату в довольно хорошем доме и недалеко от центра. К сожалению, комната проходная и небольшая, но очень чистая и в чистой квартире. Есть водопровод, что здесь не часто встречается. Электричество не работает, но я надеюсь, что мне включат. Хозяева были поначалу очень против нашего переезда и в знак протеста вытащили всю мебель, оставив нам голые стены. Пришлось раздобывать все – купили мы две железные кровати, две табуретки выменяли на хлеб. На хлеб и за деньги раздобыли стол и шкафчик. Фактически мы еще не переехали, так как пришлось постепенно собирать все оборудование. Теперь почти все на месте и переедем не позже 20-го. Начинается новый период Молотовской жизни. Хозяева постепенно примирились со своим несчастьем, и, я надеюсь, жить с ними мы будем мирно. Адрес мой: ул. Кирова д. 13 кв. 20. Таковы наши новости. Все эти дела связаны были с большими хлопотами, и я подчас очень устаю. Хочется

²⁰ В то время село в Пермском крае, сейчас вошло в состав Перми.

²¹ К 14 апреля – к годовщине смерти Маяковского (1893-1930).

²² Спасский дружил с Маяковским. Воспоминания Спасского о Маяковском были изданы: Маяковский и его спутники: Воспоминания. – Л.: Сов. писатель, 1940.

²³ Известно, что Спасский написал в эвакуации цикл стихов «Ленинград – Урал» (см. <http://www.archive.perm.ru/upload/iblock/ebe/litera.pdf>). Однако мне не удалось узнать, были ли эти стихи опубликованы.

мне отдыхать и ни о чем не думать. Вообще же я поправился совершенно, вполне здоров. Окреп настолько, что протащил сам на своих плечах тяжеленную железную кровать из «Пассажа» на квартиру – расстояние не меньше полутора километров. Если бы мне раньше сказали где-нибудь в Жихареве²⁴ или в Ярославле, что я буду способен на такой подвиг, я бы не поверил. Из Ленинграда были довольно невеселые вести о сильной бомбардировке с воздуха²⁵. Бомбили корабли на Неве и повредили здания Электротока²⁶ и Куйбышевскую улицу на Петроградской стороне. Здесь затевается книга об эвакуированных детях²⁷. Возможно, в связи с этой работой я поеду в мае на несколько дней в Кунгур²⁸. Кстати, в этой книге будут печатать и рассказы, воспоминания, стихи детей. М. б., ты написала бы что-нибудь о ваших путешествиях прошлого года и о лагерной жизни²⁹. Тусенька, дорогая, целую тебя много-много раз. Хочется крепко обнять тебя и тихо и долго разговаривать с тобой о наших делах. Не думай, что я забыл тебя от того, что я не писал так долго. Письма такая слабая замена живого непосредственного общения. Но сегодня, увидев З<ою> А<лександровну>, я почувствовал, что не могу не обратиться к тебе. Надеюсь все же, что скоро увидимся. Буду ждать вестей от З<ои> А<лександровны> и, если ты напишешь, то и от тебя. Еще раз целую тебя, моя любимая девочка. Твой С. (18 апреля 1942).

Вроде бы письма ласковые, а если посмотреть, что Роза Наумовна рассказывала в письмах к дочери Лиде в Верхнюю Салду, – получается, что Спасскому было совсем не до этих детей:

²⁴ Поселок Жихарев в 80 км к востоку от Ленинграда с декабря 1941 г. служил перевалочной базой для эвакуированных из Ленинграда по ледовой дороге.

²⁵ С 4 апреля 1942 г. возобновились воздушные налеты на Ленинград, приостановленные с декабря 1941 по март 1942.

²⁶ С 1932 года трест «Электроток» стал объединением «Ленэнерго».

²⁷ Мне не удалось найти данных о судьбе этой книги. Об эвакуации ленинградских детей в Пермь и Прикамье см. <http://kozmyash.59311s023.edusite.ru/p73aa1.html>.

²⁸ В Кунгур – город в Пермском крае – было эвакуировано большое количество детских учреждений, особенно из Москвы и Ленинграда.

²⁹ Наташа всерьез отнеслась к предложению написать для этой книги, она хотела поместить там очерк о Л.В. Рейслер и одно из своих стихотворений, но видимо, книга не была издана. О Л.В. Рейслер см. в книге ее сына М.Ю. Германа «Воспоминания о XX веке. Книга первая. Давно прошедшее. Plus-que-parfait».

Отрывок о лагере эвакуированных можно прочесть и на Интернетe:
<<https://www.litres.ru/mihail-german/vospominaniya-o-xx-veke-kniga-pervaya-davno-proshedshee-plus-chitat-onlayn/page-7/>>

Наташа провела три дня в Молотове. Спала Наташа у С<ергея> Дм<итриевича> и рассказывала, что у них чудесная комната, они ее огородили, залита солнцем, со всеми удобствами, что для Перми редкость, метров 15. Самое пикантное, что С<ергей> Дм<итриевич> об Алеше Наташу не спрашивал, а она сама стала ему рассказывать. У С<ергея> Дм<итриевича> конфликт с лагерем: он не хочет платить за январь-апрель, так как в это время переезжал, болел и ничего не зарабатывал, а с мая он снова платит. Бешелев³⁰ не согласен с такой постановкой вопроса и не знаю, чем этот инцидент кончится. Мотя³¹ продолжает присылать, так что я за Наташу плачу в лагерь. Живут Спасские очень хорошо, стол у них обильный, а Клара Гитм. привезла много белья и хозяйственных вещей, вероятно здесь ни у кого нет столько имущества. Она молодец, надо ей отдать справедливость, а как я подумаю, как я выехала и что я привезла, то хочется себя высечь. Нет оправданий. (7 мая 1942).

У С<ергея> Дм<итриевича> тоже все очень благополучно. Наташа гостила там два дня и говорит, что они очень хорошо питаются и у них все есть. При Наташе был разговор о Тифлисе, куда С<ергея> Дм<итриевича> очень приглашают³², он пока решил ждать до осени, а Клара Гитмановна сказала: «вот поедем в Тифлис, потом и вас выпишем». Наташа об этом говорила с горькой иронией и прибавила: «Они и не думают брать нас с собой». Если бы не вопрос об Алеше, то вообще можно было бы махнуть рукой на поддержку С<ергея> Дм<итриевича>, но ведь все же это отец, и мне хочется, чтобы Алеша имел родного отца, раз он у него жив. Бедный ребенок, как мало он видит ласки или даже внимания со стороны отца! А Веронику будут обучать музыке, у них уже есть пианино. У меня душа разрывается, когда я сопоставляю, как отец относится к ней и как к Алеше. Мне стыдно здесь в лагере, где все видят, что отец не навещает мальчика и скоро два месяца, что он его не видел. Вероятно, я виновата, что сначала оставила Алешу у себя на воспитание. Оправданием мне

³⁰ Директор лагеря. В некоторых мемуарах его называют «начальник лагеря». Не знаю, как по документам называлась должность.

³¹ То есть Мотя Оношко, соседка А.И. Роскина по коммунальной квартире, продолжает посылать деньги из сбережений А.И. Роскина по оставленной ей в сберкассе доверенности.

³² Семья Спасских жила в Тифлисе (Тбилиси) в детские годы братьев Сергея и Евгения (1900-1985). В Тбилиси оставалась семья жены Евгения Дмитриевича, художника. Евгений Дмитриевич с женой эвакуировались туда в 1942 г. из Москвы, в Тбилиси он работал художником-декоратором в Театре оперы и балета им. З. Палиашвили.

служит только то, что 4 года назад жива еще была Софья Гитмановна³³, и я знаю, что Надюша не отдала бы ей Алешу, если бы она могла мне подать знак из другого мира. И в результате я, может быть, сама лишила Алешу отца; тогда ему нужны были бабушка и Нюша, а теперь ему нужен именно отец. Просто не знаю, как выбраться из тупика, куда мы попали. Наташа нежно любит Алешу и им расставаться тоже не следует. Живу, зажмутив глаза, может быть к августу что-нибудь выяснится. Крепко вас целую. Пишите. (13 мая 1942)

Почти третий месяц, что Сергей Дмитриевич не видел своего сына и хоть бы что! Мне стыдно в лагере перед окружающими. Бедный Лешенька так хорошо это чувствует и не тянется к отцу, как будто у него и нет отца. Он мне носит свой хлеб, так как знает, что у меня 400 гр, а у него больше, хотел копить мне сахар, но я запретила. (7 мая

Жизнь в Черной становится тяжелее. Роза Наумовна задумывается о переезде к сыну в Йошкар-Олу:

Лидуся, ты пишешь, что если будет хороший урожай, то мы сможем приехать к вам. Я этого боюсь, потому что даже при хорошем урожае мы с детьми осенью съедим овощи, которые могут вас кормить в апреле и мае 1943 года. Очень тяжело садиться на плечи даже к родной дочери, и в этом отношении, пожалуй, правильнее поехать к Гоге: там есть рынок, на котором месяц назад ведро картофеля стоило 50 р., а теперь дешевле. Подумай за меня, обсуди с Марой – что делать? Поеду в Молотов, поговорю с Серг. Дм. И страшно детей от лагеря отрывать и страшно мне здесь оставаться. А между тем уже июль. Скоро осень. (4 июля 1942)

Оскорбленная отношением Сергея Дмитриевича Наташа считает, что нужно уезжать:

Дорогая тетя Лидочка, ты пишешь, что считаешь нашу поездку к Гоге неосуществимой. Но ты напрасно считаешь, что хорошо знаешь нашу обстановку. Ты уехала, когда бабушка получала два обеда из двух блюд и пол-литра молока. Теперь она получает один обед, состоящий из маленькой порции супа или жидкой каши. Хлеба ей, конечно, мало. Никакого молока ей не дают давным-давно, а она иногда достает, но сама почти не пьет. Больше нет ничего, разве что зеленый лук и иногда

³³ См. прим. № 51.

редиска. Выглядит она так, что все ужасаются, похудела и постарела очень. Все решительно говорят, что мы должны ехать. Сергей Дмитриевич, тетя Белла³⁴ и Зоя Александровна³⁵ категорически настаивают на отъезде, несмотря на те причины, о которых ты пишешь. Гога там может получить квартиру из двух комнат в доме типа вашего, так что квартирные хозяева останутся в стороне, а хуже они Перминовых или нет, неизвестно. Ты не знаешь, что они делали, когда выживали бабушку, и сколько оскорблений она там слышала. Я, по крайней мере, считаю, что хуже быть не может.

Нам в лагере тоже условия очень ухудшились, мы голодные и злые, работаем в колхозе и на огороде и собираем грибы и ягоды для лагеря. У меня на лице пошли какие-то нарывы, сейчас уже третий, причем они очень глубокие и болезненные, распухает лицо, вообще невесело. Нас перевели в здание младших школьников, в комнате 18 человек, все кричат, не переставая, я раздражаюсь очень. Зоя Александровна здесь почти не бывает, все время в Перми, страшно занята, очень плохо выглядит и очень устает, конечно, ей не до меня, и вообще я удивляюсь, как она еще может уделять мне так много времени, внимания и теплоты. Я люблю ее еще больше, чем раньше. Ирина Павловна³⁶ очень голодна и в мрачном настроении.

Это тебе лично. С С<ергеем> Д<митриевичем> только одни неприятности, я ему все сказала, что я о нем думаю, все решительно. Мне кажется, если бы мне такое сказали, я бы сквозь землю провалилась, а на него не произвело никакого впечатления. Он ничего не отрицал и ничего не утверждал. Вообще выслушал меня и ответил довольно равнодушно и спокойно. И я очень хочу держаться от него подальше. Оцени эти мои слова как полное отречение. Ну, вот все, что я могу тебе написать. Суди сама о нашем положении здесь и о моем настроении. На возвращение папы я уже не надеюсь теперь совсем. Прости мне резкость и мрачность письма, но я чувствую себя сейчас совершенно расстроенной. Пиши мне, пожалуйста, когда еще писем нет, то вообще можно пойти и броситься под поезд. (8 июля 1942)

Спасский погружен в свои планы:

³⁴ Изабелла Иосифовна Гринберг (1898-1956), литератор.

³⁵ Зоя Александровна Никитина (урожд. Гацкевич; 1902-1973), литературный редактор, мать Миши Козакова, была завучем и любимой учительницей Наташи.

³⁶ Стуккей-Рождественская Ирина Павловна (1906-1979), жена поэта Всеволода Рождественского, преподаватель истории в лагере эвакуированных детей.

Дорогая Роза Наумовна! Вчера я возвратился после двадцати двухдневного путешествия по району. Было все довольно сложно и утомительно. Передвижение пешком и на телегах, ночевки на сеновалах и в избах на полу, выступления в клубах, в поле, избах. Словом, впечатлений, самых различных, очень много. Места я повидал очень красивые и сильно проветрился. Вдоволь накупался в реках, несмотря на холодные дни.

Вернувшись, узнал, что вызов в Москву мне прислан. Собираюсь я выезжать в первых числах сентября. Сейчас еще трудно сказать когда, так как нет Соколова-Микитова³⁷, с которым, вероятно, поеду вместе. Но предположительно, что будет это числа 4 или 5 сентября. Сколько я пробуду в Москве тоже неизвестно. Хочу не задерживаться надолго. Надо приниматься за большую работу, кончать книгу. Предполагаю, что в среднем пробуду в Москве с неделю. Тогда вся поездка займет не больше двух недель. Таковы мои предварительные планы. Разумеется, мне хотелось бы Вас повидать до отъезда в Москву и во всяком случае не разминуться совсем с Вами и с детьми. Поэтому, если будет у Вас возможность приехать к нам, приезжайте обязательно. Если же это трудно, я постараюсь выполнить Ваше поручение и привезти из Москвы вещи. Слышал, что у Наташи есть обнадеживающие вести об А.И.³⁸ и очень этому обрадовался. Как-то поживает сейчас Лешенька? Настанет все же время, когда он будет жить у меня. Крепко целую Алешу и Наташу. Шлю Вам сердечный привет. Ваш С. Спасский. Посылаю очередные двести. (8 августа 1942)

Может быть, не только послеблокадное физическое и душевное истощение, но и эгоцентризм поэта? Все-таки он был поэт и мне дороги многие его строки. Особенно посвященные в 1930-х годах Наташиной и Алешиной маме:

Негодовать ли, роптать ли, гордиться,
Если любовью отыскан такой,
Изображенья ее на страницы
Я низвожу осторожной рукой.

Чем мне украсить ее? Лепестками
Роз? Так являлась она в старину,
Факела продолговатое пламя
В пальцы вложить, или над волосами

³⁷ Писатель Иван Сергеевич Соколов-Микитов (1892-1975) в это время работал специальным корреспондентом газеты «Известия».

³⁸ Обнадеживающие вести о А.И. Роскине не подтвердились.

Остановить голубую луну?

Нет, повелительницы в пышном мире
Звезд и садов мне черты не нужны.
Труженица в коммунальной квартире.
Шум примусов в коридоре. Четыре
Оберегают от ветра стены.

Жарко дыхание детских кроваток,
Маятник бродит по клеткам обоев,
Ноги набегались за день и краток
Отдых. Внезапен возврат лихорадок,
Страсти, что нас заклемила с тобой.

И пробуждения без опоздания
Лестница. Изморозь в складках двора.
Волны трамваев. Кольшутся здания.
Лязг телефонных звонков. Заседания,
– Вот что до горла подступит с утра.

Что ж? Эту жизнь без прикрас, без уступки
Неумолимую разве отдам?
Так пробегай же в коричневой шубке,
Вечно в движении, в улыбке, в поступке

По неподатливым нашим годам.
– Да, мы явились на пир спозаранку,
Заготовители нового дня,
И не фасад украшаем, изнанку,

Что ж испугает тебя, горожанку,
Что обезволить посмеет меня?

И утомлением пренебрегая,
Выпрямлюсь, не задохнусь на ветру,
Лишь оглянись на меня, дорогая,
Руководящая дух мой к добру.

И.И. Гринберг

Сестра мужа Лидии Давыдовны, переводчица Изабелла Иосифовна Гринберг выехала из Ленинграда 6 февраля 1942 г. В Перми ее поселили в Центральной гостинице. Своими впечатлениями она делится с братом и его женой в письмах в Верхнюю Салду:

Из моих открыток вы знаете, мои дорогие, что живется мне так себе. Комнату на троих я все еще не выхлопотала, а приходится жить в (простите! – впрочем лучше писать поскромнее, хотела выразиться, но во вовремя остановилась!)... в комнате с восемью другими тетками помимо меня. Это так мучительно, что реву я почти каждый день. Нервы и так совершенно растрепаны, и так хочется, хоть немного побыть одной, а это невозможно! Ни почитать, ни поработать, ничего – тесно, неопрятно, шумно. Сейчас я нажала всё, что могла – заместитель председателя облисполкома хлопочет, обком партии хлопочет, а толку никакого. Чувствую себя все еще отвратительно, продолжаю худеть, сильно температуру, одно время температура каждый вечер доходила до 38-38,5, сейчас 37.5-37.6. С питанием тоже стало гораздо хуже, наша «особая» столовая еще не отремонтирована, а вырезать талоны я не хочу, поскольку я по закону не должна их вырезать, и поэтому обедаю вообще только тогда, когда кто-нибудь из добрых знакомых дает мне пропуск в столовую Кировского театра. С 0-го обещают открыть нашу столовую, тогда я буду обедать как человек. В общем настроение у меня неважное, чувствую себя бездомной, одинокой и никому-никому не нужной. Что-то жить стало скучно и неинтересно. Впрочем, не обращайтесь внимания на мои причитания – это все оттого, что нет комнаты.

Я работаю, но все это очень бестолково и расплывчато – я никак не могу понять, что мне надо делать, какие мои функции – и этого не знает никто. Зато я стала вхожа в высокие сферы – облисполком, обком, горком и т. д. По карточкам я все же кое-что получаю, а хлеб я и наполовину не съедаю и меняю его на молоко или на вещички. Так, приобрела за 1, хлеба и 10 р. хороший алюминиевый бидон, сейчас нацеливаюсь на таз. Обрастаю понемножку! Теперь у меня довольно много работы на машинке, но писать почти не приходится – восемь человек не любят почему-то, когда над их головами разносится симфоническая музыка машинки!

Спасские получили комнату 18 м на частной квартире, не в гостинице, но хозяйка стерва и жизнь им предстоит не розовая. Они еще не переехали, все оттягивают этот радостный момент!

Муж Нади Фридланд дома с 1-го апреля³⁹. Она ужасно счастлива и я очень рада за нее и за него. Сможет ли он выбраться сюда – не уверена. Приехал Мокульский⁴⁰, потом муж Берты Левиной – Лева Левин⁴¹ (брат Дуси), в довольно приличном состоянии. Все, кто приезжают из Черной, спрашивают про тебя и про ребят и просят кланяться. Вайсман⁴² забрал девочку и сегодня уезжает в Алма-Ату. (17 апреля 1942)

Я вам написала длинное письмо, насколько я помню, минорного содержания. Не обращайтесь внимания: все это от неустройства в жизни. Я все еще живу в комнате, где нас девять человек, плюс гости по вечерам, итого 48! Это, пожалуй, самое мучительное: я ни минуты не могу побыть одной, не могу работать, не могу читать, ничего... А я-то привыкла всегда жить одна. Конечно, от прежних привычек давно пора отвыкнуть, но этот процесс отвыкания протекает довольно остро. Чувствую я себя довольно неважно: всё ко мне цепляется, сейчас очередной грипп, из носу течет, кашель и хрипота. Все это без особенно высокой температуры, а зато до этого была одна только высокая температура (до 38,3), без каких-либо явлений. Не помню, писала ли я вам, что врач в поликлинике, выслушав меня со злобой (типичный пермяк),⁴³ сказал: «А у вас, ленинградцев, такое делается в организме, что ничего не понять». Одно ясно: верните меня в прежние условия и я, пожалуй, соглашусь еще пожить! Но почему-то прежние

³⁹ Эта фраза означает, что Якова Ивановича Давидовича выпустили из тюрьмы. В книге «Поэт без пьедестала: Воспоминания об Иосифе Бродском» дочь Н.Ф. Фридланд и Я.И. Давидовича Людмила Штерн (род. 1935) вспоминает «Отец остался жив абсолютно случайно. Его «дело» попало к генеральному прокурору Ленинградского военного округа – бывшему папиному студенту, окончившему юридический факультет за три года до войны. Одной его закорючки оказалось достаточно, чтобы «дело» было прекращено, и полуживого дистрофика вывезли по льду Ладожского озера в город Молотов (Пермь). Мы были эвакуированы туда с детским интернатом Ленинградского отделения Союза писателей. В этом интернате мама работала то уборщицей, то воспитательницей, то медсестрой».

⁴⁰ Театровед Стефан Стефанович Мокульский (1896-1960).

⁴¹ Писателя Льва Левина (вернее его четырехлетнюю дочь) упоминает Людмила Штерн <http://www.svoboda.org/content/transcript/399501.html>. Вероятно, это Лев Давыдович Левин <http://www.kinozapiski.ru/ru/article/sendvalues/454/>

⁴² Не знаю.

⁴³ Это высказывание не сходится с высокой оценкой, данной пермякам, например, В.А. Кавериним: «Жители Перми, – писал Каверин, – относились к эвакуированным с неизменным сочувствием, вниманием и стремились помочь им во всем, начиная с питания и кончая одеждой (Источник не нашла – цитирую по цитате).

http://www.mirpeterburga.ru/online/history/archive/29/history_spb_29_34-36.pdf

условия не возвращаются. В гостинице шумно, сумбурно, повокзальному суетливо. И это очень утомляет.

В Черной все благополучно. Кормят детей уже гораздо лучше. Я по мере сил стараюсь побаловать Алешу и Наташу. Дорогой папуля этого отнюдь не делает, а я из протеста посылаю им прянички и подарки. Наташа, по словам Зои Александровны, очень болезненно переживает эту холодность С<ергея> Д<митриевича>. Но что делать?! Думаю, что тут не без Клары! Они теперь живут на частной квартире, у них очень хорошо и уютно и они, видимо, очень довольны. Он много работает, а она заправляет всем домом. Вообще я многое могла бы порассказать о них – и в особенности о ней, но эта промокающая бумага всего этого просто не вынесет! Р<оза> Н<аумовна> человек сдержанный, но я понимаю ее чувства и настроения. Так хотелось бы чем-нибудь помочь, облегчить ей жизнь там. Собственно даже не самую жизнь, а моральное ее состояние. Зоя⁴⁴, видимо, очень любит Наташу – она так тепло о ней говорит, что я очень рада этому.

У меня к вам просьба, товарищи: если от вас люди ездят в Молотов, пусть заглядывают ко мне, у меня всегда кое-что для вас может найтись. Ведь я все-таки живу в почти столичном городе и с моими талантами кое-что раздобываю из того, что может скрасить нашу бедняцкую жизнь. Вы же – жалкие провинциалы, у вас одни интересы – картошка и мука, а мы выше этого – о картошке даже и не мечтаем!

Я за это время сделала несколько чрезвычайно ценных приобретений, которые вызывают зависть всего многомиллионного населения Центральной гостиницы, а именно: шайка (он же таз), большой, оцинкованный железный, новехонький! (1.5 кило хлеба!), бидон для молока, кружки, образцы которых (75%) я посылаю вам, и чайничек фарфоровый, который не посылаю. Могу заботиться и о вас – но без доставки на дом. Кстати, мой адрес: Молотов, областной, ул. Карла Маркса д.9, Центральная гостиница, комната №175. (Впрочем, последнее не важно, письма все равно по комнатам не разносят). (5 апреля 1942)

Дорогие! Вчера получила ваше письмо по почте, а сейчас была у Евгении Ивановны и получила посылку. Глупые вы, честное слово! У вас у самих ничего нет, а вы от себя отрываете. У меня другое дело – я одна и получаю все же довольно много. Так что вы по мне не равняйтесь, пожалуйста. Правда, пока обеднела и я – все майское съедено дочиста, а июньское все еще впереди. Но к счастью, сейчас

⁴⁴ З.А. Никитина.

такая жара, что ничего в рот не лезет – и это единственное спасенье. Кроме того, вчера отправила в Ленинград с летчиками посылочку сложила туда все остатки всего, имеющегося в наличии и два кг круглого хлеба⁴⁵, взятого в долг. Но это так приятно – делать для Ленинграда посылку, что хочется послать туда буквально все.

Что же касается лично меня, то у меня жизнь проходит в суете. Комната очень хорошая, чего не могу сказать о сожителях. Люба лучше и порядочнее Нади, но она груба и хамка, а Надя просто сволочь – воспитанная и рафинированная. Надолго ли меня хватит – не знаю. В комнате вечно народ, о работе нечего и думать, я готова рыдать от злости. Правда, много ходит ко мне народу – и по книге и по личным ко мне чувствам – это просто ужасно. Кроме того, и это самое страшное, у нас в комнате кроме кроватей есть диван. И вся Черная считает его своей собственностью. Каждое утро в 7 ч. 15 мин. нас будит очередной Черняк с отпрыском или один и, радостно поглядывая на черное чудовище, говорит: «Ах, у вас диван! Можно значит переночевать?» И ночует! А выкинуть его тоже нельзя, в нем ящик, куда мы уложили теплые вещи в нафталине. Вот и страдаем молча. Правда, не всегда молча – иногда меня прорывает и я начинаю бросаться на людей. Вообще, слухи о моем хорошем характере, как оказалось, очень преувеличены, как оказалось – условия эмиграции мне не по плечу. Я веду себя как типичный Дон-Кихот, требую справедливости, скорблю о подлостях и т. д. и т. д., а люди кругом – ух, брр!

О Черных тебе, наверное, пишет Роза Наумовна. Там очень голодно и все, кто может, хотят устраиваться в Молотове. Муж Ирины Карнауховой, приехавший недавно, уже устроился на работу и получил комнату, пропишется здесь для карточек и Ирина.

Приехала Марина Катенина⁴⁶, вот она приятная женщина. Она живет в гостинице, в 175 комнате, в той, где я жила раньше, но все время гостит у нас. Я ее очень люблю, но... Короче говоря – сказать нечего. (июня 1942)

Посылаю вам для души мой рассказ, взамен сладостей, каковых у меня, к сожалению, совершенно нет. Ничего съедобного не посылаю, так как кроме огурцов и малины ничего послать не могла бы. Нас что-то перестали отоваривать и баловать и, прямо скажем, переполнением

⁴⁵ Круглый хлеб ценился больше. «Разница между формовым и круглым в припеке. Больше припек в формовом. В форму вы можете долить воды или чего хотите, а в круглый — он на под кладется — не можете, потому что все расплывется...» А.Адамович, Д. Гранин «Блокадная книга», Часть 1, Глава 7 «На работе», Москва, изд-во «Советский писатель» 1982 г., стр. 90.

⁴⁶ Не знаю.

желудка мы не страдаем. Впрочем, вру – жаловаться стыдно, и я искренне говорю, что я согласна жить так до конца войны, только бы не стало хуже. Столовая у нас более чем приличная, обычно все же четыре блюда: суп, салат, или два яйца или яичница, и каша или оладьи, или колбаса с кашей, или еще что-нибудь такое, и чай. А сегодня была белоснежная кулебяка с рисом и яйцами, помимо жареной колбасы с гречневой кашей и свежих щей. И еще – 200 гр хлеба, а главное, что все это без выреза талонов! Кило хлеба (800 гр по карточке и 200 гр в столовой) я, конечно, не съедаю и меняю остающиеся талоны на что-нибудь – на ягоды или на картошку, на молоко и т. д. Сейчас в последние дни хлеб сильно подешевел, как и табак. (Его цена 180–200 руб. пачка, а ведь еще совсем недавно было 350-400 руб.) Не пугайтесь, посылаемый вам табак я получила по номиналу, и поэтому курите его с полным удовольствием. Но если вам понадобится еще, я тут же достану вам, за ваш счет, разумеется. Жизнь здесь все-таки требует кое-каких средств, и я со страхом смотрю на свои тающие миллионы. Пока что оснований для тревоги еще нет, денег у меня еще достаточно, ну, а что покажет будущее, посмотрим. Я же кое-что все-таки зарабатываю – изредка получаю зарплату. О моих служебных делах писала подробно в последнем письме – повторяться не буду. В общем, работой я довольна и я надеюсь, что новый оклад в 850 р. и высокое звание редактора, я приму не без некоторой законной радости. Но, откровенно говоря, я почему-то не особенно верю оптимистическим словам моего высокого начальства, зам. предисполкома, который уверяет меня, что «деньги он где-нибудь все же раздобудет!». Пока я с 15 июля не только без новой зарплаты, но и без старой! Ну, проживем – увидим!

Чувствую я себя сейчас неплохо. Нервы только очень плохие – ну, этому виной, конечно, моя «тихая» обитель! Это что-то немислимое! Приехал Яков Иванович⁴⁷, муж Нади, и хотя он формально живет в другой комнате, он наш очень и очень, мягко выражаясь, частый гость! Две недели жила у нас и дочка Нади⁴⁸, а с понедельника дней десять будет жить сын Любы, препротивный ребенок⁴⁹. И они уже сами удивляются: «Изабелла, у вас портится характер!» Интересно, с чего бы это?! (13 августа 1942)

Во-первых, благодарю за поздравление, этот день неожиданно «прозвучал» в Молотове – и мне были устроены настоящие именины. Собрались гости (человек 15!), принесли подарки! И я их даже роскошно угощала! Угощение состояло из хлеба (тогда еще черного),

⁴⁷ Яков Иванович Давидович.

⁴⁸ Людмила Штерн.

⁴⁹ Не знаю.

нарезанного ломтиками, изящно покрытыми соленой горбушей, двумя яйцами, растертыми с зеленым луком, рыбными консервами, сохранившимися еще с июля месяца. Надя Фридланд сварила в титане картошку, я украла в столовой уксус, и она сделала картофельный салат. Я сварила черный кофе, для желающих было молоко и восемь белых пряников были разделены на тысячу мелких кусков. Короче говоря, пир был на славу и до сих пор люди, не приглашенные, попрекают меня, что я их не звала. Была у меня и Ирина Щеголева, которая ко мне относится более чем мило и тепло. Кстати новость – Лида, бывшая Щуко, ныне Браудо, родила дочь несколько дней назад. Но это к делу не относится.

Я снабжаюсь по тому же приказу, что и ты, Мара. Карточку я получаю Р-⁵⁰ – это значит 600 гр хлеба (раньше я получала 800 гр), 400 гр масла, 400 гр сахару, 1200 муки или крупы, 1800 мяса или рыбы. Имею закрытый распределитель, но дают в нем мало чего – 100 гр масла и 200 гр сыра каждый месяц (в этом пока не дали), какое-нибудь печенье иногда, водку и табак ежемесячно. Сейчас мне только что сообщили, что дают на пропуск одеколон. Это очень приятно. Кроме вышеуказанного, имею столовую без выреза талонов + 200 гр ком.⁵¹ хлеба. Обеды хорошие: суп густой, вкусный, котлета с кашей, либо каша, либо колбаса, либо селедка, на третье – оладьи белые, либо кулебяка, либо пирог с чем-нибудь, например, с изюмом, и наконец, компот или чай, или молоко. Как видишь, жить можно. Что же касается иждивенцев, то дело неважно: к столовой их не прикрепляют, а к распреду – да, и отоваривают их наравне с основным работником. Все это должно относиться и к тебе. Правда, люди твоего ранга имеют у нас еще всякие пайки, которых мы, простые смертные, не имеем. В общем здесь жить можно, особенно мне одной. Вместо хлеба иногда дают пряники (75%) или сдобные галеты (50%), а в последнее время появился белый хлеб (100%), образец которого я вам и препровождаю. Правда, его дают только детям и больным, по рецептам, но мне удалось добыть для вас килограммчик. Кушайте на здоровье. Хлеба я не съедаю, у меня всегда есть запасец, хотела бы сушить сухари, да негде. Иногда меняю на молоко, но это не очень выгодно – кило за литр.

Ваши огородные достижения меня потрясли – 135 ведер картошки, это же очень много! Очень рада.

Мои огородные дела таковы: неизвестно за какие мои заслуги

⁵⁰ Насколько я понимаю, Р-2 означает «рабочая карточка 2-ой категории». См. подробно: <http://vestnik-samgu.samsu.ru/gum/1999web3/hist/199930901.html>

⁵¹ Не знаю, что обозначает сокращение «ком.».

Николай Леонидович Степанов и Мария Ивановна⁵² без малейшего моего участия (если не считать бесконечных излияний в благодарности с моей стороны!) засадили на своем огороде полведра картошки и для меня.

Розочку с детьми я отправила очень хорошо и не сомневаюсь, что доехали они благополучно. Они приехали из Черной рано утром, а в часа уже сидели на пароходе, в каюте -го класса, трехместной. Продуктов у них было с собой вполне достаточно. Лагерь неплохо снабдил их. Мне было очень грустно расставаться с ними – заботиться не о ком и приходится все съедать самой. (8 сентября 1942)

Милые, дорогие мои! И правда давненько я вам не писала. Жизнь моя сплошная фантазмагория. Как на вулкане. Во-первых, гостиница. Это такая суета сует, что и передать невозможно. Сейчас мне стало лучше, я наконец вырвалась из моего ада в обществе Нади Фридланд, и Любы Козеловой. Уехала в Москву Нина Гернет, и я перебралась на ее место к Наде Рыковой и ее сестре Кате Саяновой⁵³. Надя Рыкова сейчас уже в Москве, так что мы с Катей вдвоем. Она целый день на службе, так что я целый день одна. Это такое блаженство, что я и передать не могу! Я хожу сияющая и все смеются. Жизнь моя в комнате №53 была совершенно невыносима, тем более, что последние два месяца я с Надей вообще не разговаривала. Причина – о, где ты перо Лопе де Вега! Или на худой конец Шекспира! Короче говоря, причина – ревность. Дикая страсть и дикая ревность увядающей женщины, к тому же бесящейся с жиру. Но все это, конечно, для личных рассказов. Одним словом я сейчас совершенно блаженствую у себя на 7-м этаже, а она на 3-м кусает себе локти от злости и втихомолку рыдает – ведь смысл ее жизни уехал вместе со мной. Но серьезно, она очень страшная женщина, абсолютно аморальная, опустошенная, жестокая и в одном отношении – маниачка. Рядом с ней Люба – мечта любви. Но о ней в другой раз. Я много работаю: на радио, с Тыняновым⁵⁴, о чем я вам

⁵² Возможно, литературовед Николай Леонидович Степанов (1902-1972) и поэт Мария Ивановна Комиссарова (1900-1994).

⁵³ Надежда Януарьевна Рыкова (1901-1996), литератор, поэт, переводчица. Эвакуировавшись из Ленинграда, в Молотове в 1942 г. работала в издательстве, а с 1943 г. работала в Гослитиздате в Москве. Екатерина Януарьевна Саянова-Рыкова (1906–1980), жена писателя Виссариона Михайловича Саянова (1903-1959), который во время войны был военкором фронтовой газеты «На страже Родины».

⁵⁴ О том, как обрадовался возможности диктовать секретарю измученный болезнью писатель и литературовед Юрий Николаевич Тынянов (1894-1943), работавший в эвакуации над оставшимся незавершенным романом «Пушкин», и как боялась не справиться с работой неоправившаяся от голодания И.И. Гринберг, рассказывается в книге Е. Г. Полонской «Города и встречи» (М., 2008, стр. 427-428).

уже писала, а вчера нанялась на новую работу. Тынянова на днях перевозят в Москву, в Кремлевскую больницу, и моя очень интересная с ним работа естественно обрывается. Во всяком случае, с гордостью могу сказать, что если бы не я – III часть Пушкина он не смог бы сделать. Я ходила к нему в госпиталь четыре месяца через день, он писал, а я монтировала, дописывала, связывала отдельные части. Получилось очень хорошо, а мне эта работа очень много дала. Мне очень жаль, что он уезжает, но, конечно, для него это лучше – хотя я смотрю на его болезнь мрачно – это же рассеянный склероз и уже раз отнявшиеся ноги навряд ли будут опять действовать. Конечно, моя обычная «практичность» и тут не изменила мне: за четыре месяца работы с Тыняновым я ни одной копейки не получила, хотя должна была получать по 400 р. в месяц. Московский Литфонд, который должен был платить, отказался. Каверин⁵⁵ обещает похлопотать, но я боюсь, что это пропащее дело. Вообще живу я все время неплохо, но как и откуда – не знаю! Кое-что продавала, кое-что зарабатывала. А в феврале было у меня очередное приключение: Нади не было, Люба спала, а я на минуту вышла в уборную напротив нашей комнаты, не заперев дверь – и за это время у меня украли портфель со всеми документами и карточками, и 1300 р. денег, из которых 200 мои, а 1100 чужие, которые я должна была отнести одной знакомой, и еще вязаная кофточка. Это было 8 февраля в 11 ч.30 мин. дня! Я была просто в отчаянии. На другой день (меня не было дома) какой-то дядюшка принес мой портфель со всеми документам до последней бумажки, пропусками в столовую, в закрытый распределитель, и даже с одной лишней, не моей промтоварной карточкой, но, конечно, без денег и без карточек. Но я была так счастлива, что не могу передать – шутка ли сказать, документы! Карточки мне сразу же полностью восстановили вязанку и много нервов. Но и с деньгами все в конце концов уладилось – выплатила всё полностью и даже довольно легко. Очень хочется мне вас побаловать чем-нибудь, но здесь сейчас ровно ничего нет, а на рынке астрономические цены. Я только вот теперь, в связи с деньгами, позволяю себе покупать мед и редьку. Сейчас начну получать раз в месяц какой-то паек, который до сих пор получали другие, «ведущие» писатели, говорят не плохой. И новая служба должна меня подкормить, а то я уж очень отошала. Здесь образовался недавно Ансамбль песни и пляски ремесленных училищ и школ ФЗО. Вот я буду заведовать

⁵⁵ Семья В.А. Каверина жила в это время в той же гостинице. Дочь Каверина Наташа вспоминала: «Нам дали крохотную комнату, жили мы на пятом этаже. Было очень шумно, дети играли в коридорах». <http://media-office.ru/?go=16598263&pass=6ab9ab4bddf9a353cdc7fc5b8fa3ee49>

литературной частью ансамбля и вести литературные занятия с ребятами. За это я буду иметь 800 р. в месяц, хлеб и питание в дни занятий (3 раза в неделю) и шевиотовый костюм!!! И работа живая, интересная – жаль только, что ходить довольно далеко – километра 3-4 – но летом это нестрашно. Да и трамвай изредка ходит, говорят злые языки. Завтра пойду туда в первый раз. Вообще надо сказать, что рвут меня здесь на части – положение у меня хорошее, только денег платят мало. Немножко я начинаю приодеваться. Из американских вещей я получила очень забавное «одеяло» – покрывало, связанное из разноцветных вязаных шерстяных квадратов. 96 квадратов и все разного цвета! Из этого одеяла выйдет, наверное, 3-4 кофточка, весьма пестрые. Но пока пороть не хочу, так как это очень яркое красочное пятно в комнате, а во-вторых, вязаную кофточку я тоже получила, и еще две пары чулок и теплое трико. В общем зимой не очень мерзла. А как вы все, мои дорогие? Получили ли американские вещи? Здесь давали всем эвакуированным и гораздо больше, чем я получила, но это обычная история. Я всё пишу о себе. Жду подробного письма. Напишите, что вам нужно – что смогу, достану.

От Розочки письма получаю – так жаль ее, бедненькую! Сколько горя перенесла она!

<Сергея> Д<митриевича> выдаю редко и то без особенного удовольствия. Выглядит он великолепно, я просто не помню его таким. Зато Клара Гитм<ановна> сохнет совершенно – на нее страшно смотреть! У него страстный роман, о котором говорит весь город, с А.И. Поповой-Журавленко⁵⁶ – старой каргой. На днях Клара мне сказала, что, видимо, умерла Софья Гитмановна, так как письмо, которое она послала ей туда в больницу, вернулось с пометкой врача: «Вернуть обратно»⁵⁷. Она в отчаянии, а ему хоть бы что! Подумайте, сколько вокруг него смертей! Порой я просто боюсь его! В Черной все постарому. Хорошо работает детский сад, у старших хуже. Там сейчас орудует Зоя Александровна. Бешелев собирается в Москву. Какие у вас важнейшие перспективы? У меня никаких и от этого ужасно паршиво на душе. Подумываю о Москве. Что вы скажете на это? Но больше всего хочу к вам, тоскую просто страшно. Не может человек

⁵⁶ Певица Антонина Ивановна Попова-Журавленко (1896 (по другим сведениям – 1889) -1981).

⁵⁷ Письмо, посланное туда – то есть в лагерь. Предположение о смерти Софьи Гитмановны оказалось ошибочным. Она была освобождена после войны (тогда-то они со Спасским и развелись, и он официально женился на А.И. Поповой-Журавленко). В 1948 г. Софья Гитмановна получила второй срок. В 1954 г. была освобождена окончательно и с тех пор жила в Москве. Она бывала у нас в моем детстве и запомнилась мне красотой, которую ей удалось сохранить, несмотря ни на что.

жить один, без близких!

Целую вас крепко, дорогих и милых моих. Пишите, не забывайте.

Дорогие мои! Пользуюсь случаем для того, чтобы послать вам привет и очень маленькую, мало интересную посылку. Ничего съедобного послать не могу, у самой нет ничего. С питанием очень неважно, ведь рынком пользоваться я не могу. Но ничего не сделаешь, приходится терпеть. Сейчас я уже начала работать на новой службе – я вам писала в Ансамбле песни и пляски Ремесленных училищ и школ ФЗО зав.литер.частью и руководителем литературной группы. Работа интересная, но очень далеко приходится ездить (или вернее ходить!) – на заводе им. Сталина – один час ходьбы. За эту работу я имею 800 р. денег и по 300 гр хлеба в те дни, когда я там бываю. Этот хлеб я буду менять на молоко. В общем все это неинтересно. Недавно послала вам длинное письмо – не помню, не то на 12, не то на 16 страницах! Добавить к этому письму почти ничего не могу. Настроение в последние дни просто ужасное: как никогда чувствую свое одиночество, люди кругом – сволочи, особенно мои собраты по перу, Пермь – город жесткий, неприязненный, а главное, надо предпринимать что-то – так, на чемоданах, больше жить невозможно. А что поделат? Куда податься, если не на кого опереться, если нет рядом никого. Это очень страшно. Хотела ехать обратно в Ленинград, но не пускают – куда там таких! Я много хвораю, нервы совершенно разошлись по всем швам – я с трудом владею ими. Может быть, не надо было вам все это писать, у вас своих горестей много, но вот вы-то у меня только и есть на свете, кому же мне говорить о своих горестях?

Тынянов уехал в Москву – его увезли в Кремлевскую больницу – и моя работа с ним прервалась. Это очень жаль, моя работа с ним очень радовала, она много давала мне самой, и я чувствовала удовлетворение от того, что я приношу реальную пользу ему и литературе. Если бы не я, он не кончил бы никогда III часть Пушкина – большие куски я писала за него, а он только одобрял!

Сейчас идут разговоры о том, чтобы вызвать меня в Москву для продолжения работы с Тыняновым. Вообще у нас очень многие уезжают в Москву – могла бы уехать и я. Я не знаю, что делать? Ехать или нет? Здесь очень тягостно. Напишите мне, родные, пришлите мне хоть немного ласки, это, собственно, главное, в чем я нуждаюсь. Целую крепко-крепко. Пишите. Белла. (25 апреля 1943)

Ольга Трифонова-Тангян
Дюссельдорф, Германия

Михаил Демин vs Юрий Трифонов

Многие знают писателя Юрия Трифонова, автора *Студентов*, *Обмена* и *Дома на набережной*. Меньше известен его двоюродный брат, поэт и прозаик Георгий Трифонов, публиковавшийся под псевдонимом Михаил Дёмин. На слуху его песни, но автора не вспоминают, думая, что слова народные. Например:

Костюмчик серенький, колесики со скрипом,
Я на тюремный на бушлатик променял...

(М. Демин, *Блатной*, гл. 40, гл. «Судилище»)⁵⁸

В прошлом бродяга, вор-майданник,⁵⁹ лагерник, искатель приключений, художник и журналист, Демин писал не только стихи, но и прозу. Поехав в 1968 году в Париж и став первым «писателем-невозвращенцем», он опубликовал на Западе автобиографическую трилогию *Блатной*, *Таежный бродяга*, *Рыжий дьявол*.

Они и внешне были разные, хотя чем-то похожи

⁵⁸ Цитаты из произведений Демина даются по текстам из интернета (с сайта royallib.com), поэтому библиографические данные и страницы не указываются.

⁵⁹ Вор, специализирующийся по кражам в поездах и вокзалах.

Отцы Георгия и Юрия Трифионовых — братья Евгений и Валентин — были донскими казаками с хутора Новочеркасский. Они рано осиротели и воспитывались в чужих домах, имели лишь начальное школьное образование. Подростком Евгений сошелся с ростовской криминальной группой «серых». Валентин же в 1904 г., в 16 лет, вступил в партию большевиков, куда вскоре перетянул и старшего брата. Оба стали профессиональными революционерами и несколько лет провели в царских тюрьмах и ссылках. Внешне братья были похожи, что послужило им однажды на пользу. Когда в 1906 году за политическое убийство жандарма Евгению как уже совершеннолетнему грозила казнь, он выдал себя за несовершеннолетнего Валентина, и поэтому наказание ограничилось ссылкой, откуда удалось бежать. Путаница с именами продолжалась несколько лет, пока с ней не разобрались через суд, но в критический момент Евгений был спасен.

Оба брата участвовали в создании Красной армии, играли активную роль в Гражданской войне и занимали важные посты в первом Советском правительстве. Младший Валентин всегда выглядел серьезнее и основательнее, чем старший Евгений. И во многих делах брал над ним шефство.

Валентин, хотя и младший, был уравновешенней, трезвее, Евгений же был вспыльчив, драчлив, в крови его кипело казачье буйство.

Они и внешне были разные, хотя чем-то похожи: отец широкоплечий, черноволосый, Евгений был рыжеват, строен и всегда казался моложе брата. Оба немного близоруки. Это было семейное, хотя отец и рассказывал, что зрение у него сильно ухудшилось в тюрьме, после побоев.

(Ю. Трифионов. *Отблеск костра*. М., Советский писатель, 1966, с. 7–8)

Политическая карьера складывалась успешнее у Валентина. Он занимал важные посты в правительстве, служил дипломатом в Китае и Финляндии. У него была крепкая семья с женой Евгенией Лурье и двумя детьми — Юрием, ставшим потом известным писателем, и Татьяной, в дальнейшем кандидатом биологических наук.⁶⁰ Жил Валентин напротив Кремля в Доме правительства на Берсеневской набережной. Евгений же последние годы проводил в подмосковном поселке старых большевиков Кратово. Семья его рано распалась, но двое сыновей от брака с красавицей Ликой — Андрей и Георгий — остались вместе с ним. Ему повезло со второй женой Ксенией,

⁶⁰ Валентин Трифионов также имел дочь от первого брака — Евгению Вахмистрову. Моя бабушка Евгения Лурье поддерживала с ней хорошие отношения. В семье их называли «Женя большая» и «Женя маленькая».

родившей ему дочь Сонечку⁶¹. В *Исчезновении* Юрий Трифонов так воспроизводит отношения отца и дяди:

Николай Григорьевич угрюмо смотрел на брата. Тяжесть в середине груди вновь сделалась ощутимей. Он думал: брату пятьдесят три, выглядит на шестьдесят, разрушен временем, невзгодами и все еще мальчишка в душе. Люди, которые в юности были стариками, в старости делаются мальчишками. И размахивают игрушечными шашками в своих кабинетах...

Поэтому его собственная злость исчезала, едва возникнув. Он не мог долго сердиться на брата, старого дебошира, родного крикуна, на этого фантастического неудачника, у которого к концу жизни не осталось ничего – ни дела, ни семьи, ни дома.

(Ю. Трифонов. *Исчезновение*, сс. 313, 315)

Только в одном Евгений превосходил брата Валентина — он был поэтом, автором книг тюремной лирики, пьесы, биографических романов и членом известного в 1920-е годы литературного объединения «Кузница». Он печатался под псевдонимом Евгений Бражнев. Присутствие в семье настоящего писателя будоражило воображение кузенов Юрия и Георгия. Им тоже хотелось стать писателями. В семейной библиотеке, в запахе старых книг крылось необыкновенное очарование. Книги, старинная энциклопедия Брокгауза и Эфрона привлекали мальчиков намного больше, чем коллекция оружия и шпаг, хранившаяся в кабинете Валентина или военная гимнастерка с орденами, которую неизменно носил Евгений.

Летом 1937 года в семью Трифоновых пришла *Бед*a — так называется глава в книге Михаила Демина *Блатной*:

В один из таких вечеров отец явился домой с запозданием — усталый, вымокший и необычайно угрюмый.

— Господи, — сказала Ксения, — что случилось? На тебе лица нет...

— Арестован Валентин, — сказал, запинаясь, отец. — Странные вещи творятся в Москве...

Голос его пресекся...

— Валентин? — ахнула Ксения, бледнея.

— Да. Сегодня.

... Я долго не мог уснуть; сквозь неплотно притворенную дверь сочился свет, доносились всхлипывания Ксени, тревожные, приглушенные голоса.

Именно тогда впервые услышал я слово «террор».

⁶¹ София Трифонова (р. 1933) – пенсионерка, в прошлом экономист, проживает в подмосковном Жуковском.

— Понимаешь, я был в академии, готовился к докладу, — рассказывал отец. — И вдруг звонок. Насчет Валентина... Ну, я сразу — в ЦК. А там говорят: ваш брат оказался врагом...

— Но как же так? — удивлялась Ксения. — Какой же он враг? Известный революционер, крупный дипломат. Живет в доме правительства... Нет, тут, наверное, ошибка.

— Дом правительства, — протяжно сказал отец. И сейчас же я представил себе обычную его хмурую усмешку. — Этот дом уже наполовину пустой... Взяли не только Валентина, взяли многих! Такого террора страна еще не знала.

— Господи, Господи, — забормотала Ксения. — Что же теперь будет? Значит, тебя тоже могут арестовать...

— Могут.

Отец умолк.

... О судьбе Валентина отец так и не смог ничего узнать; младший брат его исчез бесследно — и навсегда. Где он погиб? Когда? При каких обстоятельствах? Вероятно, его, как и многих расстреляли в подвалах Лубянки...

(М. Демин. *Блатной*, гл. 1 «Беда»)

После этого Евгения сняли со всех постов и отправили в бессрочный отпуск. Началось ожидание собственного ареста. Все ночи напролет он не спал, зная, что аресты происходили ночью. И все Кратово тоже не спало, в окнах горел свет, и мелькали чьи-то тени. Эту жуткую картину наблюдали однажды ночью из окна своей детской Георгий и его брат Андрей. Каждую ночь отец надевал парадный военный мундир, как моряки одевали перед штормом чистую одежду. И сын, просыпаясь, слышал через стену громкие шаги отца по кабинету. Иногда отец читал вслух свои стихи:

Однажды, пробудясь случайно перед зарей, я услышал негромкий глуховатый басок; отец читал в одиночестве стихи из книги «Буйный хмель» — он вспоминал свою молодость. «От окна и до дверей, — читал он в раздумье, — шесть шагов в докучном круге. Медлит ночь в холодной скуке. Тихо в камере моей! Лишь шаги по гулким плитам отмеряют бег минут... И ничто, ничто уж тут не напомнит о забытом. Было прежде что-нибудь? Есть ли что-нибудь на свете? Эти стены, камни эти! Грязь и холод, мрак и жуть».

...Поселок медленно угасал. Волна арестов катилась по Кратову, захлестывала дома и затопляла их тьмою. Она все ближе подступала к нам. Все меньше оставалось в ночи светящихся окон... И, наконец, настал черед отца. Нет, он не был арестован; он умер сам, от инфаркта.

Всю жизнь он носил военную форму — только ее! И умер в ней; принял удар как в строю, как на поле сражения.

...Навсегда, на всю жизнь, запомнил я кратовские ночи... И гулкие, бессонные шаги отца. И отчаянный Ксенин крик:

«Кто же он, этот Сталин? Сумасшедший? Злодей? Кто?»

И задыхающийся, негромкий голос отца:

«Не знаю...»

И нередко теперь, думая об отце, я ловлю себя на мысли: как знать, может быть, ранняя, безвременная кончина была для него благодеянием, своеобразной милостью судьбы? Он не увидел, не узнал всех последствий террора — и слава Богу! Все равно ведь он никогда бы не смог примириться с происходящим; не вынес бы, не стерпел, сам не захотел бы жить дальше... Сталь гнется только до известного предела, а затем ломается — мгновенно и напрочь. И, судя по всему, тогда, в Подмосковье, он уже ощущал в себе этот надлом.

(М. Демин. *Блатной*, гл. 1 «Беда»)

Опять мне видится далекое Подмосковье

Двоюродные братья Юрий и Георгий Трифоновы родились с разницей в один год: Юрий в 1925-м году, Георгий в 1926-м. Оба уже в детстве прекрасно рисовали и сочиняли стихи. Рассказывали, что у них были похожие голоса, но не внешность. Юрий был высокого роста и крепкого телосложения. А Георгий был среднего роста, худой, сутулый, имел более светлые волосы. Характерами они во многом напоминали своих отцов. Юрий, как и Валентин, был сдержанный, немногословный, даже мрачноватый. Георгий, как Евгений — балагур, великолепный рассказчик, выдумщик, легко сходился с людьми. Юрий ко всему относился обстоятельно. Георгий, напротив, отличался легкомыслием и безответственностью. Как и их отцы, оба рано осиротели и были лишены материнской заботы: мать Юрия восемь лет провела в лагере для жен «врагов народа», а мать Георгия оставила семью, когда сыну не было и семи лет.

В детстве кузены дружили. Короткий и счастливый период из жизни двух мальчиков запечатлен Юрием Трифоновым в *Исчезновении*, где автор представлен Гориком, а Георгий — Валерой:

С Валерой Горик виделся редко — дядя Миша жил за городом, в поселке Кратово, — но, уж когда братец приезжал в Москву, они с Гориком устраивали такой «тарарам», такой «маленький шум на лужайке», такой «бедам», по выражению мамы, что у соседей внизу качались люстры. Часами они могли кататься по полу, сидеть друг на друге верхом, кружиться и пыхтеть, стискивая один другого, что есть

мочи, стараясь вырвать крик боли или хотя бы еле слышное «сдаюсь». И чем больше они потели, разлохмачивались, растрепывались, изваживаясь в пыли, чем сильнее задыхались и изнуряли друг друга, тем радостнее и легче себя чувствовали; это было как наркотик, они делались пьяные от возни, понимали умом, что пора остановиться, что дело кончится скандалом, но остановиться было выше их сил.

...Девчонки по другую сторону елки играли в какую-то настольную игру. Они были сами по себе, а Горик и Валера сами по себе. Но в миг паузы Валера прошептал Горику на ухо: «Знаешь, почему мы тут возимся?» — «Ну?» — спросил Горик. «Потому что перед этой Асей показываемся». Горик промолчал, пораженный. Горику было одиннадцать с половиной лет, а Валере просто одиннадцать, и он не такой уж сообразительный, гораздо меньше читал, но сказал правду. Как же он так угадал про Асю? Уязвленный чужой пронизательностью, Горик прыгнул с дивана и крикнул: «Айда в кабинет!»»

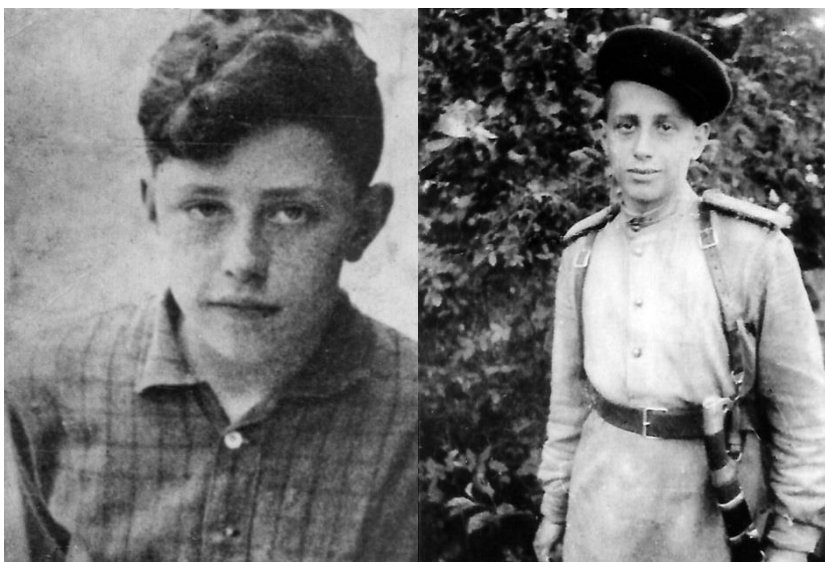
(Ю. Трифонов. *Исчезновение*, с. 166–167)

Юрий Трифонов не раз упоминал в своих произведениях те небольшие детали, которые связывали его с отцом — запуск с ним бумажных змеев на даче в Серебряном бору, игру в ма-чжонг, привезенную Валентином из Китая, три финских ножика, которые тот купил в Финляндии. Финки дополнили коллекцию оружия отца в кабинете. У Юрия Трифонова есть грустный эпизод, как в детстве он после ареста отца полез в стол за ножиками, но ему быстро расхотелось в них играть. И как потом один за другим все они исчезали. Один нож он отдал старшему брату Георгия — Андрею Трифонову, когда тот уходил на фронт. Второй ножик он подарил одной девчонке («но это не помогло»),

...а финку средних размеров стащил из дома двоюродный брат Гога, сирота, бродяга и бездельник, однако не без таланта: он рисовал и писал стихи. Однажды Гога припелся обшарпанный, грязный, то ли с вокзала, то ли из тюрьмы — была осень сорок пятого, я еще работал на заводе, а он витал неведомо где, что занимало меня чрезвычайно, и была какая-то другая сила, заставлявшая меня его любить, — и вот он всю ночь рассказывал о своих похождениях, пил крепчайший чай, за пристрастие к которому имел кличку Чифирист, я в увлечении записывал в блокнот словечки и песни той пучины, откуда он вынырнул на мгновение, надеялся когда-нибудь словечки использовать, но не использовал, а наутро он исчез вместе с финкой.

(Ю. Трифонов. *Серое небо, мачты и рыжая лошадь. Собрание сочинений в 4-х тт*, т. 4. М., Худ. лит., 1987, с. 43–44)

Возможно, Георгий воспринимал финку не только как оружие, но и как напоминание о детстве — иногда он в справках указывал, что родился в Финляндии (в другом контексте он заявлял, что родом из Ростова-на-Дону, хотя, скорее всего, он родился в Москве). Теперь этот факт трудно проверить. Но это и не исключено, поскольку именно в те годы Валентин Трифонов служил советским торгпредом в Хельсинки, и беременная супруга его брата могла приехать в Финляндию, чтобы навестить семью и 18 июля 19 6 года родить там сына. Известно, что Татьяна Трифонова родилась в Хельсинки (по-старому, Хельсингфорсе) 14 апреля 19 7 года. Почему же чуть раньше там не мог родиться и Георгий?

Юрий Трифонов, конец 1930-х годов и Георгий Трифонов, рядовой 8-го Казачьего корпуса, 1944 год

Беззаботное детство Георгия было коротким. Оно прошло с отцом, братом Андреем и сводной сестрой Соней в поселке старых большевиков Кратово. Это была лучшая пора его жизни:

Вот я закрываю глаза и опять мне видится далекое Подмосковье.

(М. Демин. *Блатной*, гл. 11 «Подмосковье»)

После смерти Евгения Трифонова его жена Ксения прожила недолго, Соню взяли на воспитание ее тетки, а Георгий со старшим братом Андреем переехали в московскую квартиру матери. Та жила у

нового мужа, ей было не до детей, и для ведения их хозяйства она наняла домработницу.

Похоронив отца, я перебрался в Москву, к матери, которая давно уже жила отдельно от нас... Однако московская жизнь моя не задалась; все в ней было худо. Мать жила с новым мужем — и дети от первого брака были для нее обузой... По сути дела я оказался предоставленным сам себе. На меня никто не обращал внимания. Никто, за исключением, пожалуй, полицейских властей. А вот этого я как раз боялся больше всего.

(М. Демин. *Таежный бродяга*, гл. «Воля»)

Георгий часто обижался на свою мать. Но у нее самой была непростая биография. Лика (Елизавета) Беляевская происходила из дворянского рода. Ее отец был известный в Новочеркасске нотариус Владимир Беляевский, имел собственный дом. Она приходилась племянницей генералу Святославу Денисову, главнокомандующему Донской белой армией. В 1919 году красный комиссар Евгений Трифонов украл невесту (с ее согласия), увезя ночью из дома на казачьей тачанке:

Событие это вызвало в Новочеркасске немалый переполох. Связь красного комиссара с дворянкой, племянницей самого Денисова, была скандальной и озадачила всех. Что ж, это понятно. Революция не терпит полутонов. Она отчетливо и безжалостно делит мир на два лагеря, на два цвета. И отец мой, и мать — оба они как бы совершали отступничество, изменяли классовым идеям эпохи.

(М. Демин. *Блатной*, гл. 11 «Подмосковье»)

В 1925 г. мать и старшая сестра Лики эмигрировали во Францию и обосновались в Париже. Все эти обстоятельства не способствовали легкой жизни Лики в Советской России. Тем не менее, она имела все необходимое и ни в чем не нуждалась. В этом ей помогали красота и умение привлекать мужчин. Ее трое мужей содействовали ей во всем. Она делала карьеру по женской линии.

Лику я видела однажды у моей бабушки Евгении. Она была совершенно седой, но эта была благородная седина, похожая на парик, который носили дамы в 18 веке. Неслучайно мой отец, а за ним и я называли Лику «маркизой». Ее белые волосы контрастировали с тонким фарфоровым румянцем на лице и синими глазами. Помню на себе ее внимательный, оценивающий взгляд. Она посмотрела на меня как женщина на женщину. Тетя Татьяна рассказывала, что один раз Лика предложила ей: «Отдай мне Машу на воспитание. Я сделаю из нее женщину». Моя кузина Маша была тогда еще девочкой.

У Трифоновой в *Доме на набережной* Лика послужила прообразом матери Шулепникова, хотя и в виде смуглой брюнетки, а в

автобиографическом *Исчезновении* уже показана такой, какой была, под именем Ванды:

Ванда, конечно, сдала, располнела, но все еще красивая, милая, совсем седая, этакая маркиза восемнадцатого века. В тридцать семь лет вся седая! Но как всегда, как двадцать лет назад, поразительное равнодушие ко всему, что не касается ее личности. Точнее говоря, ее личной жизни. Какая-то совершенно ветхозаветная и наивная аполитичность. Ничем не интересуется, ничего не знает. Вся в мечтах, в глупостях. Дипломат задурил ей голову, обещал, что на будущий год поедут во Францию, поселятся на Лазурном берегу, и она ни о чем другом не может ни говорить, ни думать. Волнуется, что не пустят за границу, потому что у нее во Франции старшая сестра с матерью. Словом, Ванда это Ванда, птичка божья.

(Ю. Трифонов. Исчезновение. В кн.: *Дом на набережной. Время и место*. М., АСТ–Олимп–Астрель, 2000, с. 306)

В *Доме на набережной* описывалась поездка матери Шулепникова — Лики — во Францию на встречу с сестрой через 50 лет разлуки. Со слов самой Лики, эта история выглядела так. Когда она вышла из вагона на парижский перрон, к ней навстречу двинулась сгорбленная старушка, в которой она с трудом узнала сестру. Та все эти годы содержала русское бистро с блинами и икрой, где сама же все и готовила. Лика в Москве для таких дел всегда держала прислугу. Конечно, после этого Париж утратил для нее всякую привлекательность.

Быть тебе поэтом!

Когда разразилась война, старшего брата Георгия Андрея призвали в армию, где он вскоре погиб. В 1942 году Георгию исполнилось 16 лет, и он по легкомыслию не явился по повестке на военный завод. За нарушение Указа о всеобщей обязательной трудовой повинности он получил два года принудительных работ. Заключение Георгий отбывал в Краснопресненской тюрьме в Москве. Позже он утверждал, что его первая тюрьма была самой ужасной. Надо отдать должное Лике: совестясь, что мало заботилась об Андрее, погибшем на войне в 19 лет, и упустила Георгия, угодившего в тюрьму в 16, она предпринимала все, чтобы облегчить участь сына. Она регулярно носила ему передачи и добилась сохранения за ним московской квартиры, в которую, правда, все же подселили новых жильцов.

Через год с небольшим Георгия выпустили досрочно из-за слабого здоровья, но вскоре призвали в армию. Вернувшись с войны, он начал работать в дизайнерском бюро автомобильного Завода им. Сталина

(сейчас Завод им. Лихачева — ЗИЛ) и брать уроки рисования у известного художника Дмитрия Моора. Ему нравилась его работа. Но вскоре бывшим осужденным стали давать новые сроки. Его товарищей по работе арестовали, и Георгия вызвали в отдел кадров. Почувствовав опасность, он ускользнул с завода, без документов бежал из Москвы и начал бродяжничать. От отчаяния, голода и безденежья он в Ростове прибил к воровской шайке, где встретил знакомых по краснопресненской тюрьме. Там он получил квалификацию майданника — вора в поездах, которая в целом отвечала его характеру — он любил приключения, путешествия, опасности. Любил «шататься» по миру:

Я б судьбу свою не досказал,
Если б я не вспомнил про вокзал!
Время беспокойное связало
Наши судьбы с суетой вокзала.

(М. Демин. http://www.krasrab.com/archive/003/01/4/30/view_article)

Началась воровская жизнь, описанная им в трилогии *Блатной, Таежный бродяга, Рыжий дьявол*, напоминающая приключения барона Мюнхаузена, всегда выходившего сухим из воды.

Прожив некоторое время в таборе с женой-цыганкой, обитая в «малинах», занимаясь поездными кражами, проведя пять лет в главных сибирских лагерях — на Колыме, на 503 стройке Краслага (под Красноярском), в Норильске, Георгий полностью вписался в воровскую среду. Более того, он стал «вором в законе». Можно только догадываться, сколько пассажиров он надул и обворовал на вокзалах и в поездах, чтобы заслужить такой авторитет.

В тюрьме Демину приходилось скрывать свое истинное происхождение. Старый друг слепил ему нужную биографию: мать — проститутка, отец — профессиональный вор. Приходилось тщательно скрывать и то, что он служил в армии. Уважающий себя блатной никогда не должен был соприкасаться с властями, иначе доверие к нему утрачивалось. Тем не менее, Демин выделялся из воровской среды начитанностью и литературными способностями. Он сочинил несколько блатных песен, которые распространились по всей стране. Уголовники, особенно бывалые, ценили его дар и даже «командировали» однажды на международную воровскую конференцию во Львов. Один из них строго пресек насмешки над его сочинениями:

— Кончайте треп, жиганы, — сказал тогда Солома, — что вы во всем этом смыслите? — И строго из-под нависших бровей посмотрел на своих партнеров. — Ваше дело курочить замки. А литература — не

про вас. Это работёнка особая, тонкая, непростая... И у поэтов всегда так бывает: начало трудное, но зато потом... Я это могу подтвердить. Все-таки я — ... ценитель Есенина — знаю, что такое творческая жизнь! ... И знаю этого пацана — как он сочиняет. И верю в него! Ведь не зря же вся босота — от Колымы до Черного моря — поет его песни... А это тоже что-нибудь да значит! ...

Вот какую речь произнес ростовский этот медвежатник! Хорошо он сказал, хорошо. Я посмотрел на него с благодарностью. С ним мне всегда было легко.

(М. Демин. *Таежный бродяга*, гл. «Вокзал»)

В тюрьме Георгий, как и его отец, занялся самообразованием и потянулся к тем, кто мог бы его чему-то научить. Так он познакомился с политическими заключенными. Среди них были врач Левицкий и литератор Роберт Штильмарк, написавший в лагере ставший в 1950е годы бестселлером приключенческий роман *Наследник из Калькутты*. Это были первые люди, распознавшие в Демине будущего литератора и давшие ему много полезных советов. Левицкий отправил сборник стихов Георгия через друзей в Красноярское отделение Союза писателей. Штильмарк подарил ему книгу об оформлении и редактировании газеты, сказав при этом: «Запомни, журналистика — это путь в литературу». Он оказался прав. Изучение этой книги сильно помогло Демину, когда он начал работать корреспондентом и ездить по сибирским городам собирать материалы.

Когда Демин освобождался из заключения, общая сходка — «толковище» — отпустила его из «кодлы», постановив: «Быть тебе поэтом!» Блатные уважали его талант и с интересом и участием ждали его творческого дебюта.

Крадущийся во тьме на водопой

Освобождение из лагеря в Советском Союзе не означало восстановления в правах. Бывшие заключенные не имели право селиться и даже появляться в 17 главных городах, а где можно было проживать, их не брали на хорошую работу. Выйдя из заключения в 1952 году, Демин получил направление на три года ссылки в Абакан, но, собираясь заняться литературой, в нарушение всех предписаний поехал в Москву:

Шумит столица. Кружится столица.
Так просто в этом сонме заблудиться.
Но словно лось, неведомой тропой,
Крадущийся во тьме на водопой,

Лишь дрожью сердца да чутьем ведомый,
Я выхожу к единственному дому.
Высокий дом. Я у его порога,
Как у подножья снежного острога.
Знакомый дом. Далекое окно.
Темно оно. Я не был здесь давно.

(М. Демин. *Таежный бродяга*, гл. «Блудный сын»)

Бывшему blatному не так легко было стать советским писателем. Хотя Демин заявлял, что всего хотел добиться сам, он решил обратиться к своему кузену Юрию Трифонову, которого считал баловнем судьбы.

В чем Трифонову действительно повезло по сравнению с Георгием, так это с домашним воспитанием. Сначала им занималась мать — Евгения Лурье — интеллигентная и выдержанная женщина. К образованию она относилась очень серьезно: приобщила к чтению и рисованию, учила иностранным языкам, даже наняла немецкую бонну. Она любила театр и ставила со своими детьми — Юрием и Татьяной — театральные скетчи, ею самой написанные. Когда в 1937 г. Валентина, а потом и Евгению арестовали, детей взяла под опеку строгая, дисциплинированная бабушка по материнской линии, убежденная коммунистка Татьяна Словатинская. Жизнь была скудной, но в ней существовал регламент, дети находились под постоянным присмотром. Благодаря этому они смогли окончить школу и поступить в институт. Трифонову также рано повезло в профессиональном плане. После первого романа *Студенты* (1950) он в 5 лет стал самым молодым лауреатом Сталинской (Государственной) премии.

С другой стороны, в отличие от Георгия, чей отец умер своей смертью, Юрия долго преследовала тень расстрелянного отца, а сам он считался сыном «врага народа». В 1951 году Трифонова чуть было не исключили из комсомола, что в те годы означало бы конец карьеры. При поступлении в Литинститут он схитрил, просто написав официальную дату смерти отца, не вдаваясь в подробности. Кто-то из недоброжелателей донес, что он сын «врага народа», и это спровоцировало громкий скандал. Ему сильно потрепали нервы на комсомольском собрании и потом несколько лет не печатали. Позже Трифонов рефлексировал по поводу анкеты:

И еще: глубинным, тайным, каким-то даже чужим и оттого, наверное, истинным умом понимал, что та правда, которую требовалось написать, не была правдой. И обман, значит, не был настоящим обманом. Был всего-навсего обманом обмана. Это никому

пока не известно, и, может быть, еще долго не будет известно, и ему самому известно не окончательно, но он чуял, что правда тут не простая, какая-то двойная, секретная.

(Ю. Трифонов. *Исчезновение*, с. 190)

Страхи утратить возможность писать и печататься преследовали Трифонова долго. Отпустило только в период «оттепели».

Юрий взялся помочь Георгию в литературных контактах и посоветовал начать писать прозу, используя богатый жизненный опыт. Как ни странно, Демину не приходила в голову столь простая мысль, но постепенно он оценил мудрость брата. Первую встречу представителей двух разных миров Демин описывал, фиксируя не без иронии бытовые детали.

Немного передохнув и освоившись на новом месте, я начал действовать. И, прежде всего, поспешил навестить двоюродного своего брата — Юрия Трифонова — молодого преуспевающего прозаика. Об успехах Юры я узнал еще в Сибири, в экспедиции, — из московских газет... Однажды мне попалась заметка о том, что писатель Ю.В. Трифонов удостоен государственной премии за роман о студенческой молодежи. И я подумал тогда — со смешанным чувством восхищения и легкой зависти: братишка не теряет времени даром! Он всегда жил правильно. Ему ничто не смогло помешать — ни террор, ни распад семьи, ни гибель наших стариков... братишка все это время спокойно учился, постигал премудрости, упорно писал. Не торопясь, шел к заветной цели. И вот, достиг ее наконец!

... Юра был на гребне, в расцвете — это чувствовалось по всему. Он жил в новом, недавно отстроенном «писательском» доме, имел свою машину, «Победу». И успел уже обзавестись семьей; был женат на Ниночке Н. — известной оперной певице (Нине Нелиной, моей маме — *О.Т.*).

— Ой, как у вас голоса похожи! — сказала, всплеснув руками, Ниночка, — та же манера говорить... да и жесты... Но характеры — это заметно — разные. Что ж, мальчики, выпьем за вашу встречу!

Мы выпили. И потом — еще. И после третьего захода Юра заставил меня рассказать о себе. Рассказ был долгий. И когда он кончился, Юра заметил — задумчиво надув толстые свои губы, вертя в пальцах рюмку:

— Какой сюжет! Какая благодатная тема! Да ведь из этого можно сделать грандиозный роман.

— Ну, уж и грандиозный, — усомнился я, — приключения, блатные авантюры, — что в этом серьезного? Развлекательное чтиво... Почти что — сказочка...

— Чудак, — усмехнулся Юра, по-прежнему играя рюмкой (рюмка была граненая, тончайшая, таящая в себе певучий хрустальный звон; впервые за много лет я ужинал среди крахмальных салфеток и хрусталя). — Чудак, ей-Богу. Да ведь эти авантюры — твоя жизнь. Реальная, доподлинная — не высосанная из пальца! Такое «чтиво», такие «сказочки» обычно рождаются в кабинетах. Писатели творят их в муках, изощряются, изобретают ходы... А тут ничего не надо изобретать, только рассказывай. Рассказывай правду. Без фокусов, без литературных штучек. Куперу и Стивенсону, к примеру, без этих самых штучек обойтись было нельзя. У тебя перед ними великое преимущество. Так пользуйся этим. Эх, мне бы такой материал...

...Мне все время казалось, что он говорит со мною не всерьез — попросту успокаивает меня, тешит... В конце концов, что стоит ему — удачливому, добившемуся всех благ — подбодрить заблудшего кузена? Только потом осознал я его правоту, понял, в чем мое назначение. Только потом, спустя годы... тогда я не знал еще прозы, не дозрел до нее... И сильно мне мешал этот хрусталь — весь этот блистающий парадный антураж.

... С Юрой мы часто потом встречались и говорили о многом. Но этот наш разговор особенно мне запомнился. Ведь именно тогда, впервые, он натолкнул меня на мысль о биографической серии! Для того, чтобы мысль эта созрела и обрела конкретное воплощение, понадобилось много времени; прошло почти двадцать лет. Но и сейчас (когда я пишу эти строки) я помню с поразительной отчетливостью — как если бы это было вчера — все детали того вечера и общую атмосферу застолья, и Юрины суждения и советы.

(М. Демин. *Таежный бродяга*, гл. «Хочу все — сам!»)

В тот же вечер Георгий сообщил Юрию, что приехал в Москву нелегально. Трифонов сказал: «Ерунда, ты только не трепись!»

И, поворотившись к Ниночке — добавил:

— Знаешь, он чем-то мне напомнил сейчас наших отцов. Когда-то они вот так же воротились из Сибири — один из ссылки, другой с каторги, — и поначалу жили нелегально, прятались, готовились к перевороту...

(М. Демин. *Таежный бродяга*, гл. «Хочу все — сам!»)

Юрий Трифонов, Москва, начало 1950-х, и Георгий Трифонов с матерью Ликой, Москва, 1952 г.

Нарушение паспортного режима ерундой вовсе не являлось. Сосед по московской квартире написал донос, и Георгия задержали. В доносе еще указывалось, что в столе у него лежит финский нож, за хранение которого грозил срок до двух лет. К счастью, мать Георгия Лика, убираясь в его комнате, забрала «финку» от греха подальше и тем спасла сына от очередного ареста.

Привет, шарамыга!

Избежав ареста, Демин решил больше не испытывать судьбу и отбыл в Абакан в назначенную ссылку. На вокзале Юрий Трифонов передал ему рекомендательное письмо от поэта Григория Поженяна, который просил бывшего однокурсника по Литинституту, иркутского журналиста, помочь Демину напечатать его стихи. Поэтому в дороге Демин не сделал пересадку в Красноярске, а поехал дальше в Иркутск. Появившись в редакции газеты, он выдал себя за московского автора, приехавшего в Сибирь «за романтикой». Ему поверили, но после первой же публикации на адрес редакции пришел положительный отзыв из лагеря под Ангарском:

«Привет, шарамыга!

Вся наша кодла в восторге. Мы прочли твои куплеты в газете и рады, что ты, наконец, раскрутился, победил и сумел доказать этим б-ям, фрайерским этим мордам, что настоящие урки тоже не лыком шиты, и талантов у нас навалом, и культуры то же самое, хватает, — хоть отбавляй. И вот это мы разъяснили начальнику режима, и он, гад ползучий, стушевался, аж позеленел. Он ведь тебя знает, помнит еще по штрафняку на Курейке. И он сказал: не может того быть! А мы ему, ублюдку, сказали: вот, гляди! И потом смеху было на весь барак... А куплеты у тебя складные. Не хуже Пушкина. Так что, давай, держись, и шуруй в том же духе!»

Подписи под текстом не было. (Да она и не требовалась — я сразу узнал старых своих друзей!).

(М. Демин. *Таежный бродяга*, гл. «Привет, шарамыга!»)

Газета была партийным органом, в котором публиковали только проверенных товарищей. Письмо прочли все, включая главного редактора, и Демину пришлось пренебречь гонораром и незаметно отретироваться.

С критическим опозданием, чреватым объявлением в республиканский розыск, Демин прибыл в Абакан, где его как ссыльного определили на самую низовую работу — лесорубом в район Восточно-Саянского хребта. Там он задержался недолго, и начались его сибирские скитания. Он брался за любую, самую диковинную работу: отбивал чечетку и исполнял под гитару свои песни, работал в театре ассистентом гипнотизера, там же был гримером, нанимался матросом на китоловное судно, был директором сельского клуба.

После смерти Сталина объявили амнистию, и с уголовников снимали судимости. Демин начал жизнь с чистого листа. Он стал работать журналистом поочередно в Абакане, Тайшете, Кызыле, публикуя стихи и очерки на самые разные темы: об урожае, о религиозных сектах, о сибирских реках Енисее, Ангаре, Лене, о случайных встречах в тайге.

Как же можно было его не любить?

Издав в Сибири две книги, Георгий вновь приехал в Москву уже «на белом коне». В 1964 году его приняли в Союз Писателей СССР. В Москве он женился на Майе, у которой уже была дочь, и переехал к ней жить. Гоша удочерил майину девочку и зажил нормальной семейной жизнью. Именно в этот период мой отец с ним часто виделся, он вместе с женой Майей бывал у нас дома.

Георгия в семье все любили. В рассказе «Серое небо...» Юрий Трифонов написал: «...и была какая-то другая сила, заставлявшая меня

его любить». Вторая жена Трифонова Алла Павловна Пастухова, на мой вопрос, любил ли отец Гошку, отвечала: «Любил в той мере, в какой был на это способен». При этом кузены относились друг к другу несколько ревниво. Юрий был более успешным, правда отчасти благодаря матери, бабушке и наставникам из Литинститута, тогда как Георгий всего добился сам, без чьей-либо поддержки. Он и образование получал не дома, а в тюремной камере, стихи писал на лесоповале. При этом Юрия восхищала авантюризм и раскованность Гошки, его дар рассказчика, которым сам он не обладал.

Моя тетя Татьяна — строгая, немногословная, не показывавшая своих эмоций женщина, характером похожая на свою «железную» бабушку Словатинскую — всегда светлела лицом, когда речь заходила об ее двоюродном брате, и была готова оказать ему любую услугу. Ей принадлежала оценка литературного труда Юрия и Георгия Трифоновых: «Оба писали прекрасно. Но Юра был профессионалом, а Гошка — любителем». Надо иметь в виду, что Татьяна всегда ставила своего брата выше других современных писателей.

Однако положиться на Георгия было трудно. Он легко давал обещания, но редко их выполнял. Чего стоили его уверения, что он привезет из Сибири и оденет в меха — соболя, песца, лисы, куницы — всю женскую половину семьи Трифоновых! Конечно, дело до этого никогда не доходило. Он мог обмануть, мог даже и украсть, что отражено в повестях Трифонова. Но в семье его все равно любили. Младшая сестра Сонечка так мне и сказала: «Как же можно было его не любить?» И добавила: «Он никогда никого ни о чем не просил, но и сам никому ничего не делал».

Юрий Трифонов и Михаил Демин, Москва, 1960-е годы

Георгий растрогал меня после смерти мамы, подарив лично мне огромную раковину со старинной камеей. Возможно, эта камея была дореволюционной и принадлежала его матери — «маркизе» Лике. Этим подарком он выразил мне свое участие, я это запомнила. А после первой поездки в Париж он просто завалил меня дарами — вещами своей племянницы, дочери Пуппи. Привез он мне и ее фото, на котором она выглядела настоящей красавицей с голубыми глазами и длинными русыми волосами. Как русалка Марины Влади. Я понадеялась, что теперь так будет всегда.

Куда пускают по выбору

В 1960е годы Советский Союз разрешил своим гражданам навещать родственников за рубежом. Лика, посетив сестру в Париже, договорилась с ней, что та пригласит и Георгия как племянника. Осенью 1967 г. Георгий отправился во Францию, откуда вернулся под Новый год. 26 января 1968 года Трифонов написал своему другу драматургу А. Гладкову:

... 31 декабря вернулся мой братец Гошка из Парижа, где пробыл 3 месяца. Надо быть Гошкой, чтобы так прекрасно распорядиться таким огромным сроком. Он говорит, что Парижа по-настоящему не видел, а провел все эти дни среди русских «бывших» эмигрантов. Каждый вечер в кабаках. Приехал худой, больной, измученный. Говорит, что поругался с родственниками, бывшими монархистами, кадетами, черносотенцами и пр. Говорит, что все донские русские в Париже — страшные антисемиты. Только он и слышал: «жиды», «жиды». Там есть музей «казачья лейб-гвардия», куда пускают по выбору. Наш консул сказал с сожалением Гошке — «нам туда пути нет». Гошку пустили, так как там висят портреты его предков со стороны матери — Денисовых-Орловых. Старичок, генерал Позднышев, давал объяснения. (Генералом стал в Париже, у Деникина был не то капитан, не то полковник.) Рассказывает Гошка удивительно много интересного. Его тетка, содержательница бистро с русской водкой и закуской, и ее дочь — Гошкина кузина — читали и воспитывались на произведениях Растопчиной и Краснова (Хемингуэя, например, ни та, ни другая не читали, о современных русских писателях не знают).

Трижды встречался Гоша с Б. Зайцевым. Тот подарил ему книгу. Словом, в руках у моего брата — клад! Но он, черт дурной, ничего не напишет. А ведь можно было бы какую книжищу отгрохать: от 1918

года, Новочеркасск, Деникин, Ростов, Думенко, Буденный, бегство, Париж, жидаы, тоска, нищенство, война, немцы, умирающие генералы, офранцузенные дети, бистро, всеобщее забвение... Боюсь, что все эти рассказы так и сгинут за столиками в ЦДЛ.

Плохо, что Гошка вдребезги разругался со своей теткой, уезжая...

(А. Шитов. *Юрий Трифонов: Хроника жизни и творчества 1925–1981*. Екатеринбург, Изд. Уральского университета, 1997, с. 380–381)

В своем дневнике, мне было тогда 16 лет, я тоже отразила это событие:

31.12.1967

Вчера должен был приехать из Парижа Гошка. Папа с Майей поехали в Шереметьево. Ждали до часу ночи. Самолет застрял в Ленинграде. Приехал сегодня утром из Ленинграда на поезде в то время, как Майя поехала встречать его на аэродром. Приехал с флюсом. Папа с ним разговаривал по телефону. Сказал, что очень устал, ничего не успел посмотреть, перессорился со всеми русскими (они — антисемиты). Я тете Жене (Евгении Вахмистровой — *О.Т.*) рассказывала, она хохотала.

Позже выяснилось, что Георгий делал всем «голубые глаза». На самом деле, он завел в Париже интрижку с кузиной Пуппи. Пуппи была разведенной, одного с ним возраста, имела дочь. Они договорились, что вскоре он опять приедет во Францию и останется с ней навсегда. Но об этом Георгий не сказал никому ни слова — ни брату, ни жене с дочкой, ни друзьям. Наоборот: «вдребезги разругался со своей теткой, уезжая», «поругался с родственниками, бывшими монархистами, кадетами, черносотенцами», рассказывал, «что он их перевоспитывал», — то есть показал себя политически грамотным, морально устойчивым, как и подобало советскому писателю. Тем не менее, Юрий Трифонов отметил в дневнике:

...Гошка нашел клад, а рассказывает о кабаках, о бл-ях. Иногда смешные истории... Гошка — худой, бледный, измученный, и какая-то затаенность. Готовность к прыжку. Мне знакома эта уголовная затаенность в нем.

(Ю. Трифонов. Из дневников и рабочих тетрадей. В кн.: *Дом на набережной*. М., Эксмо-пресс, 2000, с. 426–427.

<http://magazines.russ.ru/druzhba/1999/1/trif-pr.html>)

Станислав Куняев, друживший с Деминым и называвший его Мишаней⁶², тоже отметил перемену, происшедшую с ним после поездки в Париж:

С помощью Юрия Трифонова, поручившегося за него, Мишаня съездил во Францию. Вернулся каким-то другим: обалдевшим, молчаливым, замкнутым. Через год-два поехал к кузине во второй раз... и не вернулся! Это, пожалуй, был первый «невозвращенец» из писательского клана. (С. Куняев. *Поэзия. Судьба. Россия*. Цит. по: А. Белоусенко. *Михаил ДЕМИН (имя собств. Георгий Евгеньевич Трифонов) (1926-1984)*. http://www.belousenko.com/wr_Demin.htm)

Вторая супруга Юрия Трифонова Алла Пастухова, редактор серии «Пламенные революционеры» Политиздата рассказывала мне, что вскоре после возвращения Георгия в Москву к нему приезжала Пуппи. Юрий Трифонов пригласил всех в ресторан «Арагви». Ничего не подозревающая жена Майя пыталась во всем подражать модной француженке. Вообще Георгий Алле не нравился: имел блатные манеры, был слишком развязан, сразу переходил на «ты», ко всем мужчинам обращался «старик». Она первая догадалась, что у Георгия и Пуппи завязались отношения. Своими наблюдениями Алла поделилась с Трифоновым, но отец ей не поверил. Однако она оказалась права.

Через несколько месяцев Георгий снова собрался во Францию. При посредничестве Аллы он договорился с Политиздатом, что напишет книгу о парижском периоде эмиграции Ленина, а по рекомендации Юрия взял писательскую командировку для сбора материала. В конце 1968 г., когда мы были на даче в Красной Пахре, по «вражеским голосам» объявили, что писатель Юрий Трифонов попросил политическое убежище во Франции. (Как известно, Георгий и Юрий — одно и то же имя, поэтому неудивительно, что западные радиостанции их перепутали.) Помню, какой возник переполох. Хотя после ввода войск в Чехословакию в августе 1968 года Георгий часто повторял «здесь нечем дышать», никто не предполагал, что дело пойдет так далеко. И вообще к этому никто не был готов, так как до Демина «писателей-невозвращенцев» не было. Особенно досталось моему отцу, давшему за него поручительство. Его вызывали в инстанции, аннулировали уже согласованные заграничные командировки и сделали «невъездным»:

⁶² Георгий имел разные псевдонимы и прозвища. В лагере его прозвали «Чумой» за вспыльчивый, драчливый, «чумовой» характер. Литературный псевдоним у него был Михаил Демин, отчего некоторые друзья звали его «Мишаней». В семье его называли «Гошкой», а во Франции, с его собственной легкой руки, стали звать «Юрой», как и кузена.

В. Кардин: «После 1956 года анкетная дискриминация выглядела особо изощренным издевательством, Ю. Трифонову надлежало теперь отвечать не за отца, но за двоюродного брата. Приятели успокаивали, как умели, уверяли: через год-другой пустят».

(А. Шитов. *Юрий Трифонов: Хроника...*, с. 393)

Отъезд Георгия явился для Трифонова вторым тяжелым ударом после смерти жены Нины Нелиной в 1966 г. Для отца это была большая потеря. И Георгий крепко подвел его с Аллой. Конечно, жена Демина Майя испытала еще больший шок. Похожие чувства разделяли и друзья. Куняев написал: «Я переживал утрату Мишани, как личную драму» (С. Куняев, *Поэзия...*).

В апреле 1970 г. Трифонова все-таки послали в Монголию, возможно, полагая, что там уж он точно не захочет остаться. Помню, отец, усмехаясь, вручил мне привезенные оттуда махровые полотенца, которые тогда были у нас в дефиците. И написал о Монголии рассказ «Ветер» (1970). Когда писал, видимо, думал о Гошке, ведь тот однажды самовольно отправился вместе с экспедицией в Монголию из Тувы. Георгием была навеяна атмосфера рассказа: герой задыхался в пустыне, ему не хватало воздуха, он пил валидол (вспоминались слова Гошки: «Здесь нечем дышать»). В конце рассказа старый монгол говорил многозначительно: «Здесь недостаток кислорода. Сначала все задыхаются, а потом привыкают». (Ю. Трифонов. Ветер. В кн. *Избранные произведения в двух томах, т. I*. М., Худ. Лит., 1978, с. 3)

Мне всегда обидно, когда Демина воспринимают только как «писателя-невозвращенца». Прежде всего, он человек трагической судьбы, с юности живший под дамокловым мечом, опасаясь ареста в любой момент. Однажды осознав, что его имя включено в «черный список» и за ним повсюду следует объемистое досье, он нигде не чувствовал себя в безопасности. Поэтому желание эмигрировать возникло у Демина давно. У него было несколько возможностей, но его удерживала мечта стать писателем, кажущаяся осуществимой только в России:

... Мне еще предстояло найти себя. Сделать себя! И осуществить это я, конечно же, мог только здесь, на суровой своей земле. На родине.

На родине, которая, кстати, никогда не была ко мне добра. Которая вечно меня отвергала, преследовала, и, в общем, сама принуждала к бегству, толкала — прочь, за рубеж...

(М. Демин. *Таежный бродяга*, гл. «Мыс Дежнева»)

В конце концов, именно мать Лика подтолкнула его к отъезду, помогла Демину выполнить задуманное, договорившись с сестрой о приглашении во Францию. Не обязательно, что детали были с ней обговорены, но давний план Демина реализовался.

Жизнь Георгия на Западе складывалась не совсем гладко. Зарабатывал он нерегулярно, хотя ему удалось написать и напечатать автобиографическую трилогию *Блатной*, *Таежный бродяга*, и *Рыжий дьявол*, впоследствии переведенную на несколько языков. Первые годы он работал на радио «Свобода», но потом оттуда ушел. С Пуппи Демин тоже что-то не поделил.

6 марта 1984 Демин скончался в больнице от инсульта. Это произошло три года спустя после смерти Юрия Трифонова 8 марта 1981 году. В этом опять они повторили судьбы своих отцов: ушли из жизни рано и один за другим.

Полный вариант статьи см. на сайте журнала «Чайка»:
<https://www.chayka.org/node/8654>

Ася Лapidус
Нью-Йорк, США

С бору по сосенке – картинки с выставки. Москва 60-х

Простецкий запах мокрого холста и красок,
И глиняный кувшин, слегка подбитый, на столе
Без скатерти, конечно.
Хороводы масок.
Дух деревенский -
Дыма – опавших листьев на земле.
Так тянет работающим потом
С подрамника распятого холста.
Любовь так пахнет,
И житейские заботы.
Так пахнет жизнь, прекрасна и проста.

В мастерской художника

С Володей Вейсбергом меня познакомила мама моего однокурсника и приятеля Екатерина Николаевна Поманская – художница. О ней мне хочется написать хотя бы несколько слов.

Небольшого роста, с вздернутым носиком и очень голубыми глазами, женственная в движениях, в голосе, и в том особом милом, беспомощном выражении, которое дается некоторым девочкам от рождения и которое не имеет ничего общего со свойствами характера и жизненным опытом.

С сыном Алешей они жили очень дружно – сначала в деревянном скрипучем доме на Масловке, а потом переехали в крошечную

квартирку – как сейчас помню, с сидячей ванной, где-то там же – на той же Масловке.

Екатерина Поманская. Портрет работы И.Д. Дризе

Как-то в наш первый университетский год – это еще было в деревянной квартире – мы целой оравой встречали у Алеши рождество. Все, как полагается, – с елкой и настоящими свечками, потрескивающими на ветках. Екатерина Николаевна запекла в пирог монетку, на счастье, но монетка попалась двоим – кто обманул, и кому из двоих в действительности досталась монетка и досталась ли – никто так и не узнал, и в этом было предчувствие чего-то неподдающегося простой обыкновенности.

По зову этого предчувствия или по схожести характеров, мы очень подружились с Екатериной Николаевной – несмотря на разницу в возрасте, на удивление равноправно. Она меня познакомила с некоторыми из своих друзей-коллег – с Володей Вейсбергом, Мишей Левидовым-Однораловым, Таней Киселевой. А я познакомила ее с лучшим, что у меня было, – с родителями. Удивительно, но дружбы у нее с ними не получилось. Хотя именно у нас дома я увидела то, что у них было общего, – какая-то абсолютная непричастность к номенклатурной причастности и, чреватая этой непричастностью,

унизительная и, вместе с тем, благородно-пристойная бедность. Меня поразила их с мамой схожесть-несхожесть – схожесть – сетчатые перчатки, в которые обе прятали наработанные руки, бегущая, хоть и тщетно скрываемая, непослушная дорожка на чулках, – и несхожесть – очень заметная и потому неопишуемая.

Позже Екатерина Николаевна написала мой портрет темперой на бумаге, и судьба этого портрета как-то тоже символична. Алеша прислал его мне почему-то через Сан-Франциско, беззаботно свернув в трубочку. Когда мы его попытались развернуть, трубочка не хотела оставаться в развернутом виде и съеживалась. Пришлось ее на ночь расстелить на полу – продержать в развернутом виде, пока не привыкнет. Утром я глянула на портрет и ужаснулась – он рассыпался в прах. Стояло влажное нью-йоркское лето – иссушающий кондиционер разрушил хрупкую темперу. Екатерины Николаевны тогда уже давно не было в живых, и портрет этот ушел в память о ней.

Помню, она тяжело умирала, я боялась пойти навестить, а папа сказал – будь человеком, если не пойдешь – никогда себе не простишь, надо пойти на память – это важно, и я пошла на рынок, купила не цветов, а клубники, как мама надоумила, – позже я поняла, сколько в этом было такта, – родители того времени знали, что такое воспитание чувств.

Эту последнюю встречу трудно описывать. Алеша был не просто хорошим сыном – он продлевал часы и минуты умирающей маме с той нежной сыновней заботой, которая, пожалуй, и не встречается – разве что очень изредка. Она стала легкой – крошечной-усохшей. – Ты знаешь, кто это? – А-а-сенька, – протянула она.

Я ее никогда не забуду, по сути она была моей первой сердечной подругой. Я любила смотреть, как она рисует, – писала натюрморты с искусственных базарных аляповатых букетов – получалась какая-то непривычность – театральность в цветах – нет, не так, как у Яковлева, без трагизма, скорее, декоративно. Было по-настоящему интересно – меня вообще красота – в любой своей ипостаси – как-то волнует необыкновенно, до замирания души – возможно, это склад психики, а, может, так все это чувствуют...

Помню, входил Гриша – Цейтлин, Екатерина Николаевна ему шепотом – видишь, какие девочки к нам приходят, – мне кажется, жизнь ее мало баловала радостями – похоже, на этой горькой почве и вырастает сорная трава искусства, мало пригодная для потребления, хотя она была богемно-легкомысленна – одно не исключает другого. Еще помню – Екатерина Николаевна мне говорила: вы очень хорошая девочка, но мне бы не хотелось, чтобы вы были моей дочерью, – мы

обе смеялись – нам было интересно обеим – лично мне было интригующе все – до озноба.

В.Г. Вейсберг. Фото И.Пальмина

Не знаю, позировали ли ей настоящие или муляжные лимоны для скромного офорта, удостоенного громогласной искусствоведческой разборки в Манеже. Как известно, главный советский начальник изголялся тогда неукротимо. Верный его заместитель все-таки отстал от главнокомандующего, по-детски сравнив работу Поманской – с кашками. Смехотворного этого начальственного отклика оказалось вполне достаточным для серьезных неприятностей в МОСХе. А означенному офорту, подаренному мне тогда художницей, к сожалению, не суждено было эмигрировать со мной в Америку – таможенные искусствоведы, многими рангами ниже давно уволенного подчистую горлопана-главаря, – не выпустили злокозненную картинку, не дозволили.

...Когда я впервые подошла к двери Вейсберга, коммунальный реестр меня не удивил – удивило, что на неслышный звонок мой дверь отворилась сразу и бесшумно, и почти мгновенно я попала в светлую комнату с безукоризненно чистым паркетом, где на газетном листе ютились несколько картошек, а передо мной высился сильно переросший и на удивление постаревший, нескладный долговязый подросток с яйцевидной, какой-то голой головой и очень даже выбритым лицом, на котором светлые глаза как бы потеряли свою голубизну за счет очерка невротически-яркого, готового искривиться рта. Руки его были длинные, ноги были длинные. Щеки тоже были длинные и не то, чтобы провисшие, но вертикальные. Он и весь был

вертикальный, явно некрасивый и заметно-неуловимо сумашедший, но с мягкими манерами. Одет был опрятно – в выцветший синий тренировочный костюм.

Мебель отсутствовала, за исключением белого табурета. А на стенах висели картины такой невероятно завораживающей непривычной красоты, что хотелось никогда отсюда не уходить и смотреть. Картофелины, аккуратно разложенные на газете на полу, как выяснилось в ходе беседы, были приготовлены позировать натюрмортом – серое на сером, белое на белом – благородная монохроматическая палитра, волнующая оттенками – недосказанностью.

Вейсберг оказался прекрасным искусствоведом – он говорил о живописи как никто – это было захватывающе, увлекательно-познавательно и совершенно без витийствования. Он показывал работы и объяснял, кстати, довольно противным голосом, и это был не просто разговор – это была настоящая продуманная профессиональная лекция. Он охотно говорил о себе – тоже как-то искусствоведчески, вплетая в повествование события собственной жизни как маловажную деталь куда более интересного для него потока истории и философии живописи. Заметно было, что ему самому нравилось рассказывать и показывать – полез на антресоли – тоже, надо сказать, ни пылинки, ни соринки, достал холст – большой натюрморт 58-го что ли года, иллюстрирующий пролог – самое начало его монохроматического колорита. Как сейчас помню – ярко-белое и грязно-коричневое – еще не лишнее цвета, но тускнеющее и застывшее – я замирала от выпавшей на мою долю причастности. А он щедро зазывал заходить еще. И я заходила часто – предварительно позвонив – он радостно, радушно откликался – из группы Эйнштейна, из лиги красноголовых: конечно, заходите – он никогда не отказывал. Как-то уже потом спросил, сколько мне лет, – скоро двадцать, – откликнулась я, – а мне скоро сорок, – прозвучал он в ответ так простодушно, как знакомятся в детском саду.

Иногда я приводила друзей-знакомых. Он с удовольствием показывал свою живопись, но искусствоведческие лекции доставались только мне наедине – я заметно благоговела, впитывала каждое слово, и ему это, по-видимому, нравилось.

В первый же визит он раз и навсегда объяснил мне, что его фамилия не Вайсберг, а Вейсберг и что он не еврей, что меня не озадачило, но удивил сам разговор об этом, я не верила в антисемитов, да, скорее всего, он им и не был, возможно, даже сам был евреем – мне было все равно. Суть была в другом – в мистике его живописи.

Когда не стало Екатерины Николаевны и я пришла в очередной раз, он впервые вдруг резко поменял поведение – скорые хватательные движения заменили привычную неторопливую разговорную дидактику. Я так удивилась, что спросила, – в чем дело? – вам нравятся мои картины, а мне ваша ж., – простодушно ответил он, – а почему прежде вы вели себя по-другому?– прежде у нас была общая знакомая, а теперь нету – вот так, без всяких сложностей-условностей. Я ушла.

Нельзя сказать, что я не звонила и он не приглашал, – но мне расхотелось заходить – неожиданная грубость казалась из другого мира без полутонов и не вязалась с его живописью. Он просил позировать – мне хотелось остаться на его холсте, но совершенно не хотелось никаких отношений – по понятным, впрочем, причинам.

Потом я иногда его встречала (на вернисажах и премьерях – в обстановке парадности, мало вязавшейся с ним) – некрасиво растолстевшего с выпирающим животом, явно преуспевающего, как-то раз с молодой его женой, но мне почему-то показалось – вполне степенной женщиной под стать его возрасту. Он никогда не останавливал меня, почему-то даже не здоровался, и я, никогда не ощущая себя с ним на равной ноге, сама не подходила и не окликала. У него пошли выставки, и картины его можно было увидеть на бесшумном показе в Доме художника на Юго-Западе – в незабываемо-кошмарном, как бы школьном здании, выбеленном известкой до оскомины зубного порошка.

Я очень люблю необыкновенную живопись Вейсберга, да и того тишайшего мистически-талантливого шепотного человека с безусловными психическими отклонениями, – и собранно-углубленного и неожиданно разговорчивого, умеющего быть даже очаровательным, – когда он говорил, не меняя выражения лица и голоса, – про светофор о трех цветах, про Пушкинский музей, про музей подарков Сталину, но больше – о полувцвете. Вспоминаю я его с нежностью.

Миша Левидов-Одноралов был моим сверстником. Маленький-мальчиковый, с головой как будто повернутой к собеседнику и с совершенно прекрасными восточно разрезанными глазами, он знал все на свете и обо всем на свете умел судить – и здраво, и интересно. Умница и на редкость доброжелательный, мы с ним мгновенно подружились – с ним было замечательно разговаривать – он тотчас засадил меня в неподвижность, чтобы рисовать мой портрет, и с места в карьер попросил в следующий раз позировать обнаженной.

Миша Левидов-Одноралов

В комнату то и дело заходила крошечная интеллигентная бабушка – вдова писателя Михаила Левидова, где-то маячила красавица мама – облика совершенно нездешнего – я бы сказала, древнегреческого – я знала, что она была подругой Фалька, в подтверждение чего висели его картины, а новый муж ее – полнеющий востоковед в очках с тяжелой черной оправой был тоже где-то рядом, тут же топала очень нетвердыми еще младенческими ножками сестричка Лизка – дом был семейный – ну как не согласиться, я было и согласилась, о чем незамедлительно не без гордости поделилась с Екатериной Николаевной – ни в коем случае – на всю жизнь позор – я послушно и отказалась.

Миша тут же заговорил о мещанстве – вполне презрительно, но все-таки не очень. А портрет мой огромногр размера – в сером свитере – у него он вышел голубым – он написал маслом на бумаге в своем любимом синем колере – длинная модильянская фигура, а головка крошечная с пучком вызывающе ярко-оранжевых волос – было тогда Мише девятнадцать годков и учился он в историко-архивном институте, а я в университете на мехмате. Когда рисовал, соблюдал ритуал – надевал старенькую парижскую курточку, которой по-детски явственно гордился.

У меня на полке стоит большая красивая книга – обложка и супер – голубые, репродукции там тоже голубым – любимым мишиним колером. Издана она в Италии в 2010-м году и представлена в печать Русским Музеем и Третьяковской галереей. Между прочим, перевод с английского. Называется книжка эта «Михаил Одноралов. Ретроспекции». Мне ее подарил Миша – не сказать, что это было

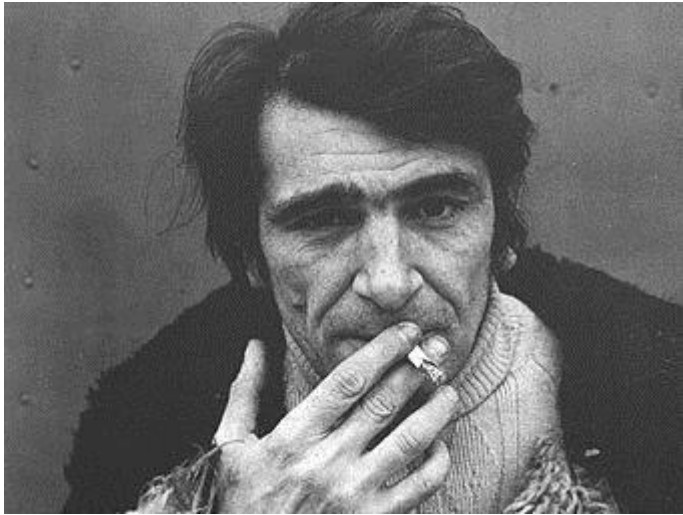

Миша Одноралов с Костаки

давно, – впрочем, годы летят, и надписал: в память о старой дружбе.

Мы встречались в Нью-Йорке – не часто, но с удовольствием, он бывал у нас дома. А совсем недавно Миша умер – я знала, что он был болен, но кто бы мог подумать? – он всегда излучал столько энергии, был куда живее всех живых – таким и остался в памяти.

Но вернемся к московским реминисценциям. Миша всегда был страшно общительным и с удовольствием еще тогда перезнакомил меня со всеми, с кем дружил, – с Валей Воробьевым, Эдиком Штейнбергом и с Аркадием Акимовичем – отцом Эдика, в доме которого я в первый раз видела Костаки – грузного, похожего на нелетающего жука – тогда они все троим – Аркадий Акимович с женой Валей и Георгий Дионисович отправлялись куда-то, и ярко выраженная блондинка на фоне черноголовых южных мужчин – блеклокожая Валя поразила меня особой, незнакомой мне нарядной элегантностью – все, кого я знала, были гораздо скромнее – 60-е в Москве еще хранили отпечаток-печать скудной подневольности, а здесь был – праздник, артистически-светская жизнь.

Эдик Штейнберг

Двадцатисемилетний – врезалось в память – он все время ссылаясь на цифру своего возраста – не по причине ли его дня рождения – Эдик – как бы списанный с отца – безусловно уступал красивым и, казалось бы, уверенным в себе родителям – бледный, в дикой запущенной небритой щетинистости, невысокий, худощавый, как-то обидчиво хрипло-крикливый и заметно подшофе, он был тем не менее замечен черным беспокойством горячих-горячечных глаз, и –возможно пьяной, неукротимостью. На самом деле, он был интереснее своей живописи того времени и уж наверняка оригинальней банальной легенде о рождении его как художника – Акимыч сунул ему в руки кисть – пиши, выходи в люди. Позже он действительно вырос в серьезного живописца. Уже в Нью-Йорке я была на его выставке – его абстракции выгодно отличаются от общего потока. А самого Эда тоже уже нет на белом свете.

Про Валу Воробьева Миша Левидов говорил, что ему нужно жениться во что бы то ни стало – нет московской прописки, но все эти матримониальные интересы мало сочетались с бородатым светлицы, в моем представлении – стилизованно-крестьянским, Вaley. Он этот крестьянский облик носил на себе, как Миша французскую курточку, – от него даже пахло ржаным хлебом и дымком – я не подвираю – все в образе. Жил он в то время а Звенигороде – говорили – на толстовской даче у Хольмберга, куда я к нему приезжала в гости – одна. Летом – лета я не помню. А зимние поездки были незабываемы.

Валя Воробьев

Еще на Белорусском вокзале я вступала в тишину, в полупустой вагон электрички. Поезд останавливался посреди снежной степи. Валя встречал меня на платформе, курил сигарету в черном мундштуке – красивый, неразговорчивый и почти незнакомый. В доме топились печка, было подметено – опрятно, и пахло деревней, особым деревенским уютом, приправленным острой свежестью масляных красок. Мы ели жареную картошку и пили чай. Смотрели Валины работы – ягоды на полотне и снег за окном мешались с немудрящим бытом. Голос у Вали с гнусавинкой, а косо поставленные глаза обесцвечены маленьким зрачком.

Говорили и об искусстве, и о разном – запомнилось вадино натуралистическое простецки приукрашенное описание собственных немудрящих любовных утех с подбрасыванием на бедрах аж к потолку – ни малейшей неловкости, зато верный способ заторопить меня домой – безвкусица разговора ничуть не простительней безвкусицы в искусстве. Я ждала, пока Валя мыл посуду. А потом он провожал меня обратно.

Как-то зашел Костаки. Валя заметно встрепенулся. Костаки в распахнутом массивном пальто по-хозяйски прохаживался по комнате, смотрел картины – цикл работ – треугольноликие «короли» – оглядывал довольно равнодушно-пресыщенно, хотя и шумно, ругал-хвалил. Курил сигару. Валя – не то, чтобы просительно, но уважительно – Георгий Дионисович, Георгий Дионисович. Костаки jovialный мужчина внушительных размеров – громогласно – за эту картину пятерку, а за это больше троечки не поставлю.

Какая-то нелепая гоголевская сцена, поставленная в провинциальном театре сумашедшим режиссером с допотопным реквизитом и спившимися актерами. Костаки не только неприятно себя вел – он и был, по-видимому, неприятным субъектом – выскочкой на первых ролях. И золотой мешок, и метит в генералы – явление все-таки редкостное, но и подозрительное, особенно на просторах родины чудесной тех лет. Я перестала ездить в Звенигород – не из-за Костаки, а так получилось. Но от Костаки остался осадок. Не сказать, что в Нью-Йорке я водила дружбу или просто знакомство с серьезными коллекционерами изобразительного искусства и с теми, кто зовется здесь артдиллерами, но по-настоящему богатых бизнесменов встречала и, случалось, по долгу службы, имела дело с ними, но никогда мне не попадался никто, как Костаки, – столь отчетливо благоухающий денежной вульгарностью.

А потом была Валина мастерская на Колхозной по дневным будням (на праздничных вечеринках-вечерах не бывала) – холостячки чистоplotная, с большим сундуком, куда Воробьев со Зверевым грозили меня поселить в качестве почему-то гувернантки, а я всерьез побаивалась – с них станется. Их сосуществование казалось независимым друг от друга – таким оно и было, скорее всего. Там я от Зверева услышала – чист, как чекист, и кристален, как Сталин. Он умел красноречиво говорить как никто, и тут же прятаться, будто и не было. Пока Валя кормил меня салатом-винегретом, Зверев тактично пребывал где-то в недрах мастерской – к тому же, водка и вообще выпивка на столе отсутствовала, и ему было неинтересно. А провожали меня домой вместе – шел, по-моему, 67-й год, Зверев был курнос, со сверлящими глазками – какой-то дворницкой нетрезвой наружности, веселый шутками-прибаутками. Валя старомоден и безнадежно провинциален в очень светлом сером «взрослом» пальто с черным бархатным воротником – пара вполне и доброкачественно стилизованная. Они хулигански гоняли попавшую под ноги банку-жестянку, от души валяя дурака, – теперь это красиво называется перформанс, а тогда мне было неловко от их пьяноватой разухабистости и больше всего я боялась попасться на глаза соседям – неровен час, доложат родителям – кстати, демократическим во всех отношениях, но единственная дочь – это все-таки другой колленкор.

Толя Зверев

Работы Зверева мне кружили голову – той красотой, которая призвана спасти мир. А мир покупал акварели Зверева за пол-литра. Зверев – поставь акварельку под стеклышко – акварелька и заплачет. У меня не было денег, чтобы заплатить цену, а платить трешником на водку я стеснялась. Как-то я сосватала Зверева на заказ писать портреты, заказчица – жена дорогого моего, милого друга детства Каспарсона – устроила мне разнос – много денег, мало сходства, а на самом деле все было наоборот – мало денег и много сходства – я бы сказала – льстительно-прельстительного сходства, которого они за собой и не ведали.

Только в Нью-Йорке у меня появилось несколько толиных работ – одна как бы заметный фальшак, но так в жанре даже не утраченного, а незабвенно безвременного времени, что не понимала я, не могла допустить, что он может продать мне заведомую подделку. К тому же, я не умела, да и не хотела отказать милому Косте Кузьминскому – имею право, между прочим, чего хочу – того ворочу – хотя на самом деле мало осознавала червоточину происходящего. А ему кураж – смейтесь-смейтесь, филистеры и искусствоведы – вы одним миром мазаны, да и я вместе с вами.

А юность дышала-расцветала яблонями-грушами искусства. Которое прекрасно и вечно. А потом Валя Воробьев и Толя Зверев исчезли из моей жизни как-то незаметно. Время не возвращается,

шутки-не шутки. Телефонный валин голос из Парижа – не изменился ни капельки – те же интонации.

Елена Рубанова. Ася. 1961 г.

В преддверии тех незапамятных лет, чуть раньше описанных выше событий, – на самой заре туманной юности моей – давний год тогда стоял – 1961-й – девочку Асю рисовала девочка Лена – тогда еще школьница – ученица МСХШ – художественной школы, хотя, может, уже и студентка-первокурсница – не чего-нибудь, а Строгановского училища. Дело происходило на Масловке в мастерской ее отца И.М. Рубанова. Чтобы я не скучала, Лена ставила Баха, и не мешая музыке, мы тихонько разговаривали. Однажды вдруг дверь резко растворилась, и в приглушенную нашу беседу ворвался громкий голос: – Идите скорее сюда – посмотрите, какая у Леночки модель интересная, – сама рыжая, а кофточка зеленая!

Портрет получился очень красивый. Лена тогда сделала копию и подарила ее мне, – но оригинал куда лучше. Копия висит у меня дома в той комнате, где я пишу эти строки, а оригинал хранится у художницы.

Есть у меня и еще один – значительно более поздний – середины 70-х годов – акварельный мой портрет – осеннего гаснущего колера. Автор театральный художник Семен Бейдерман. Он работал в театре

на Таганке у знаменитого Давида Боровского, и это его радением я обязана билетами на недоступные спектакли в самый интересный и самый популярный в Москве театр.

В те далекие времена, когда в стране нескончаемого дефицита связи были дороже золота и товарная озабоченность оборачивалась интеллектуальной, а интеллектуальная товарной, – в те времена билеты в остродефицитный театр были более чем высоко конвертируемой валютой, открывая самые закрытые двери.

А вот Сеня исключительно по дружбе оделял меня, и не только билетами. Благодаря ему, мне удалось подсмотреть, как репетировал Любимов – очень театрально – высвечивая фонариком и комментируя властным голосом, а бархатный взгляд из темноты – ласкающий – идет урок – с учениками так и нужно – не мытьем, так катаньем. И неожиданно – неразговорчиво-мрачный Боровский – улыбка замкнутого рта обращена в пространство. Оттуда же – из Таганки, но из другой жизни.

Всему свой час – помню, я еще молодухой была – матримониальный-марьяжный интерес был у меня на самом заднем плане. Не по годам ярко-синеглазая Елена Ивановна – знакомила с сыном – безуспешно зывала – свекровь на руках носить будет – а я с радостной чужеродностью наблюдала за веселым разудало-пьяным Сашкой – Сашей Васильевым, который, разумеется, не замечал меня, мне и не надо – орал во всю ивановскую – с Новым годом, с новым гробом – а кругом такой сумашедший дом – что ни в сказке сказать, ни пером описать – водку закусывают холодным супчиком с хреном – народу неразлично, за исключением разве что заграничного на вид, литовского – чем не заграница? по-аксеновски, во всяком случае, – Томаса Венцловы с немислимым акцентом в путанице звуков и в голубом свитере, да еще и с немислимой красавицей женой Мариной – их я не раз встречала в гостях у врачей-психиатров – Сусанны Ильиничны Раппопорт и Владимира Исаковича Финкельштейна – тети-дяди задушевной моей подруги Машки, где натертый до зеркального блеска паркет отражал, можно сказать, весь интеллигентский диссидентствующий *bon monde* от Димы Сарабьянова до Димы Сеземана. Как-то я к ним сюрпризно без приглашения привела Мишу Одноралова-Левидова (они знали его отца) – мне и попало – вам разве неизвестно изобретение Эдисона – телефон? Ну, во-первых, не Эдисона, во-вторых, сюрприз. У них – бывала вся Москва – не хватало только нас с Мишей...

Семен Бейдерман. Ася. Середина 70-х

Хоровод имен-фамилий – пестр и вертляв – тестообразный сказочник Гена Циферов мне – ну что – выпьем, еврейский нос? Был и Анциферов – аберрация памяти? – скорее всего. И еще Володя Аниканов с голубым уклоняющимся взглядом пожухлых глаз, чем-то похожий на шахматиста Карпова, только куда импозантней. И необыкновенная – с фантастической фамилией – Ира Врубель-Голубкина – почему-то не художница, зато молода и хороша собой.

И еще – из другой оперы того же либретто – все связаны-перевязаны, казалось бы, неразлучники – Холин с Сапгиром.

Холин – невозмутимый, костисто-жилистый, негнущийся – печатающий шаг, шаркающий кавалерийской походкой – лицом темный, с глубокими продольными, кожистыми морщинами. Взгляд его – слегка косящий, несколько потусторонний неподвижен – военная душка – никуда не денешься. Деревенеющим голосом не читает – декламирует, впрочем, совсем даже негромко:

Я – единственный мужчина на Марсе.
Моя невеста – кибернетическая машина...

Цитирую по памяти с голоса поэта – вполне механистического. Читал он много – короткие стихи запоминались, как частушки, – с голоса.

Москва 1974г. На первом плане Сапгир и Холин

Зато Сапгир – совсем другой – грузнеющий, как бы по-восточному оплывающий, и так же по-восточному, красивый и лицом, и щедростью плоти – слегка, возможно по-булгаковсаи, котоподобный. И еще – очень – по крайней мере, с виду – добродушный, хотя, говорили, вспыльчивый. Но главное – это, впрочем, на мой мало просвещенный взгляд – замечательный поэт и прозаик тоже.

Кира Сапгир – дама и литературная, и красивая, острая на язык и как-то не по-местному, не по-московски элегантная – прекрасно постриженная – стильная – никуда не денешься – инъязовка. К тому же, на редкость, просто на удивление – независимая.

Между прочим, но это уже потом, спустя много лет, в Париже – именно она была, по-моему, первой, кто принял лимоновского Эдичку

всерьез, разглядев грустный лирический талант под маской самонадеянного автора.

Из той же лианозовской компании вспоминается худощавый худущий и очкастый Сева Некрасов. Почему-то он мне казался очень еврейским – тут я, разумеется, как всегда – пальцем в небо. Один его стих остался со мной до скончания века – хотя не припоминаю, чтобы он читал его при мне.

Под ногой от порога
Чувствуешь, что листва

Тут должна быть дорога
Там должна быть Москва

Темнота нежилая
Дождевая тишина

Окликает дальним лаем
Один фонарь
Другой фонарь

Мне кажется, что это перекликается с лимоновским (которого не встречала никогда):

Хорошо и скушно быть поэтом
Только русским комариным летом
На старинной даче с самоваром
Хорошо поэтом быть нестарым...

Очень возможно, сходство это поверхностно, но оба стихотворения в памяти почему-то близнецами. Оба – никуда не денешься – из ностальгии по утраченному времени.

Все это лианозовцы не из Лианозова, а вот о самих коренных по праву жительства лианозовцах – Кропивницких-Рабине почему-то нет у меня ностальгических реминисценций. Кому как, а во мне они вызывали уныние и этим, а не лианозовским родством, неотделимы друг от друга. Зато – теперь могу сказать самой себе – не зная броду, не суйся в воду – просмотрев их работы в интернете – все в жанре, и в ретропечали – не так уж и плохо – хотя на мой сермяжный вкус – все-таки не сказать, что интересно. Сам мэтр почему-то мне совсем не запомнился, за исключением того, что звали его, как сына Пастернака,

Евгением Леонидовичем. И стихи его, и живопись оставляют меня и по сию пору равнодушной – боюсь, что в этом следует винить мой малоразвитый вкус, но тут уж ничего не поделаешь. И лубочно-сказочные стилизованные работы Валентины Кропивницкой тоже меня мало трогали. Зато художница показалась мне симпатично-непретенциозной – в ситцевом платье, с носиком луковкой – простое и очень приятное, что называется, чистое лицо крестьянской сказительницы – я не сочиняю – такой я ее увидела. Оскар Рабин, наоборот, очень городской был, и куда на вид любопытнее своей барачной живописи – как бы порожденный ею – бледный, сложением несколько вялотекущий – осьминогий, усами-очками и лысиной почему-то похожий на Осипа Брика, которого я хоть и не видела никогда, представляю Рабиным во френче.

Еще был и его полуфамилец поэт-художник и билютинский студиец Леня Рабичев. Мне, по моей бестолковости, они с Оскаром виделись почему-то одинаковыми – разве что один в очках, а другой без – разные, конечно, если на трезвый взгляд. Оскар, похоже, был человеком нейтральным, а Рабичев мне представлялся сердитым, не сказать, что на советскую власть, а просто сердитым и еще упрямым и напористым – но это чисто внешне – со стороны.

Алиса Порет. Кира Сапгир. 1963

Веер лианозовцев – из знакомства с Таней Киселевой, с которой жила по соседству на Ленинском проспекте. Таня уже очень давно и безвременно ушла из жизни. А тогда... – я вижу ее отчетливо – крупчатая, как калач – коротко постриженная блондинка с породистым носом – умненькая с округлыми движениями, из белютинской студии, лицо будто с картины авангардного художника – прорезь глаз и маленького рта в бескровном целлулоиде щек. Картин ее я отчего-то не помню совсем.

Мы с ней разом сдружились, разговоры разговаривали – обо всем – и о личном тоже. Случалось, на наши посиделки заглядывапа из соседней квартиры Танина мама – Екатерина Вячеславовна, приносила сладости и ненадолго подсаживалась к нам. Заходила я к Тане часто и запросто, и на ее вечеринки-сборища тоже, и не раз мы с ней в общей компании ее и моих друзей ездили-путешествовали по городам и весям. Помню новогодний заснеженный Муром, где из редких приземистых окошек магически сочилась рассеянным каким-то светом – украшениями под стеклом – елочная лапа, освещающая темную улицу детской сказочностью. Тогда по дороге на гололеде перевернулся рейсовый автобус – мы вылезали через окна и тут же шлепались об лед – на ногах не удержаться. Чудом никто не пострадал.

А потом – потом как-то незаметно разошлись пути-дороги – неудачное замужество, смерть папы – переезд, развод, эмиграция. Другая жизнь. Но из песни слова не выкинешь. Вот и в Нью-Йорке Люся – Людмила – по первому мужу Пруссакова, теперь она миссис Джон Фитос – как в девичестве – не знаю – не спрашивала – тоже из белютинцев из полиграфического, из диссидентской круговерти. Какие цветастые обломки. Каждый – произведение искусства.

Надо сказать, что по тем мифологическим временам искусство врывалось в жизнь со сказочной быстротой и с непредсказуемыми последствиями. Мой друг-приятель ученый биофизик Валера Голиков приобщался к художественному творчеству, можно сказать, запойно и головокружительно успешно, так что даже бросил традиционную научную карьеру. Взял да и ушел из института, где проработал не один год – поменял стезю жизни, и теперь он большой специалист – эксперт с мировым именем – забросил электронный парамагнитный резонанс и биофизику ради лирики искусствоведения. Занимается он нынче распознаванием подлинности предметов изобразительного искусства в самых разнообразных сферах, вплоть до участия в Оргкомитете по исследованию Туринской плащаницы.

Сейчас он красиво поседел, отпустил снежно-белые усы и приобрел вальяжность, а в начале 60-х был круглоголов, черняв и невероятно, неистребимо любознателен. В свое время я его

познакомила с Таней Киселевой, а он свел меня с Наташей Коньшевой (теперь называющей себя Наттой, а тогда она была еще Наташей) – привел в ее крошечную 13-метровую однокомнатную квартирку – так называемой коридорной системы. Белоголовый бледненький малыш сладко спал в кроватке, занимавшей значительную часть довольно пустой жилплощади.

Натта была – скажем прямо – не слишком хороша собой, хотя не столь некрасива, сколь нарочито безобразила себя даже не нелепой одеждой, а ухватками-манерами и напускным полоумством, за которым, кстати, проглядывала трезвость. Она кончала тот же Полиграфический и ходила в студию того же Белютина, что и Таня Киселева, хотя была на пяток лет старше ее. Не знаю, были ли они знакомы.

Маска взбалмошно-бешабашной несуразности пришлась впору и уже неотделима от облика художницы. К сожалению, я никогда не принимала ее живописи всерьез, а сейчас, когда она окончательно пустила себя на поток – тем более. Что касается ее шуток-прибауток – в них – увы! – не было витаминозной артистичности. Но так или иначе – она работяга – писала и пишет много, хоть и небрежно. Но по сути всегда в работе, что вызывает уважение. Кстати, если отбросить клоунаду – это заметно – крепкие большие руки, привыкшие трудиться, мускулистые ноги, умеющие часами простаивать у холста.

Некоторые относятся к ее творчеству с большим интересом и даже пиететом – среди них был Дима Гордеев. Впрочем, у них была дружба или любовь, или и то и другое – не хочу в это вникать, они стали работать одинаково в общем карикатурном, каком-то неряшливо-поверхностном полиграфическом стиле – сказывалось ее кривляющееся влияние, которое некоторым казалось и кажется непринужденностью таланта. Рисовали они друг друга бесчисленно – заметно по-лубочному приукрашивая друг друга.

С Димой я была знакома издавна, еще с университетских времен – они с женой его – Наташей Романовой были курсом старше. Случилось так, что по окончании университета мы сердечно подружились с Наташей, теперь уже, похоже, что навсегда.

Димы давно нет. А когда-то я была свидетелем его обращения в художники из математиков. Ученик Колмогорова, он подавал серьезные надежды, и Колмогоров взял его к себе на работу в интернат для одаренных детей преподавать математику. А Дима возьми да начни рисовать, хотя учительствовал с удовольствием. Помню, они с Наташей Романовой вернулись из Ферапонтова монастыря, откуда Дима понавез в большом количестве цветного глинозема. Он его

растирал, смешивал с яйцами и еще с чем-то – получались краски – охристые, красноватые, с зеленцой – многие из

Денис Гордеев. Портрет Н.Конышевой

его первых работ были написаны ими. Первые изображения были иконописными – не без влияния гениальных фресок Ферапонтова. Сначала он главным образом рисовал жену; ее портрет, писанный ферапонтовскими красками, переехал со мной в Нью-Йорк.

Однажды Николай Павлович Акимов посмотрел его работы и ему они понравились – он увидел талант. И Дима окончательно ушел в искусство. Заметно поменял облик – был плотным, спортивным, а тут исхудал и побледнел, отрастил волосы и сменил образ жизни. Писал много, о качестве – не берусь судить – мы ведь были друзьями, а большое видится на расстоянии, к тому же, он меня писал довольно много. Не знаю, кто как, – я, честно говоря, свои изображения на холсте недолюбиваю. А Дима все хотел сделать мой парадный портрет – как Комиссаржевской – в полный рост, но не случилось.

Их с Наташей сын – Денис Гордеев стал известным художником – книжным иллюстратором. С ним, можно сказать, с самого его рождения мы были большими друзьями – не разлей вода. Мне он всегда был по-настоящему интересен – он был особенный – одаренный. Его художественный талант проявился очень рано и очень

заметно. И не только художественный. В том же возрасте, что и Гаусс, он доказал несколько другое, но подобное Гауссовскому – суммы последовательных нечетных чисел есть последовательность числовых квадратов. Кстати, он умел думать не только умно, но и остроумно.

Глубокомысленный и ироничный заголовок из его ребячьей тетрадки – Дневник планов и Журнал мыслей – я бессовестно содрала у него, когда вела записи для диссертации – не смогла удержаться – уж очень подходяще.

Мой портрет маслом его детской работы висит у нас в гостиной в Нью-Йорке, и никто не верит, что меня писал мальчик – совсем ребенок. Можете убедиться.

А еще у меня есть его другой мой портретный набросок с натуры, примерно того же времени, может, годом позже, – Денис был тогда 15-летним подростком, когда рисовал его – эта картинка предваряет статью. Вот так – поколения меняются, а искусство остается.

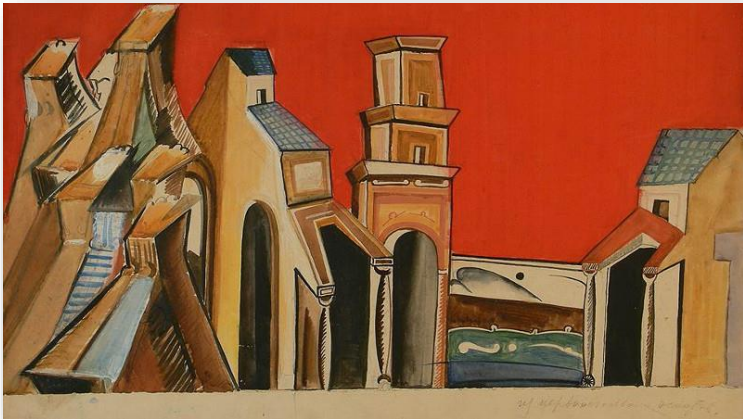

Денис Гордеев. Ася.1978.

Часть 4

Россия и Америка.

Вчера и сегодня

Аристарх Лентулов. Город с красным небом. Эскиз декорации к спектаклю МХАТ II «Испанский священник». 1934

Лев Бердников
Лос-Анджелес, США

Не почестей ради. Семья Штиглиц в России

Сегодня, когда заслуги семьи Штиглиц получили всеобщее признание, их национальность подчас стыдливо обходят молчанием, а то и намеренно искажают, причисляя их к обрусевшим немцам. На это обратил внимание д-р исторических наук Борис Клейн, который в статье «Принадлежность к еврейству: Факты и версии» подверг резкой критике документальный фильм о Штиглицах, показанный на российском ТВ. «В передаче подчеркивалось не раз, – говорит по этому поводу Б. Клейн, – что этнически Штиглицы – русские немцы. Они (известное дело, – немцы) отличались врожденной честностью...

Поочередно заданную тему развивали директор Эрмитажа и руководители архивов, глава Госбанка и другие солидные чиновники. Напрашивался вывод – пора вернуть таких патриотов в российский Пантеон славы». На самом же деле, если Штиглицам и суждено быть в Пантеоне российской славы, то лишь на правах этнических евреев, ибо происхождения они иудейского. И хорошо еще, что у составителей авторитетного справочника «Немцы России» (М, 1999 – 2006) хватило здравого смысла не включать туда этих выходцев из земли Гессен (Западная Германия).

Факты свидетельствуют о том, основателем династии был Лазарус Штиглиц (ум. 1798), придворный еврей князя Вальдекского из г. Арользена. И женат он был на еврейке, Федерике Луизе (урожденной Маркус). Своим шести сыновьям он дал первоклассное по тем временам образование. Старший, Иоганн, был, говоря словами А.С. Пушкина, «с душою прямо Геттингенской», ибо учился именно в этом

прославленном университете. Он, между прочим, близко сошелся с выдающимся немецким просветителем и философом

Лазарус Штиглиц

Вильгельмом Гумбольдтом. А зная широчайший круг знакомств Гумбольдта в литературном мире (достаточно сказать, что он был близким другом И.В. Гете и Ф. Шиллера), можно утверждать, что Иоганну, как и его братьям, не чужды были интересы немецкой культурной элиты. Впоследствии Иоганн стал известным врачом, медицинским советником в Ганновере.

Его брат Фридрих направился в северную Словакию, а затем в Венгрию, и о дальнейшей его судьбе сведений о нем нет. А вот остальные четыре брата – Эмиль, Бернхард, Николай и Людвиг – пошли по коммерческой части и, не добившись успехов на родине, отправились в далекую Россию.

Сначала здесь обосновались Эмиль, Бернхард и Николай. Позже следы Эмиля затерялись, а вот двое последних получили заслуженную известность. И хотя путь их в новом отечестве не был усыпан розами, в конце концов карьера у них задалась.

Бернхард поселился в Кременчуге, где занялся винными откупам и разведением овец-мериносов. В 1805 году он был записан в 1-ю гильдию одесского купечества, затем получил потомственное дворянство и чин надворного советника. Он был счастлив в семейной

жизни: имел шестерых детей, старший из которых, Николай, дослужился до чина тайного советника и был секретарем Русской миссии при саксонском дворе.

Еще более впечатляющими были успехи другого брата, Николая Штиглица (1772 – 1820). Поначалу он также жил на юге России, где они вместе с известным евреем-предпринимателем Абрамом Перетцем с 1799 года вели соляную добычу и выполняли крупные казенные подряды. Все складывалось наилучшим образом: в 1801 году они получили разрешение на снабжение крымской солью всех западных губерний. Но в дело вмешались сенатор Гавриил Державин и генерал-прокурор Александр Беклешов, и Сенат признал этот промысел вредным для державы, и дело было закрыто. Но это не остановило Николая.

Параллельно занимался он и винными откупами, и именно на этом поприще обратил на себя внимание правительства, получив чин коллежского асессора. Тогда же он перебрался в Петербург, где учредил собственный торговый дом. Но и тут он столкнулся с Державиным, ставшим тогда генерал-прокурором. Николай Штиглиц в 1802 году купил у вдовы князя Александра Вяземского большое имение в Екатеринославской губернии с более чем 2000 крепостных. Купчая, однако, вначале не была утверждена, поскольку в то время нехристианам запрещалось владеть христианами. Отметив, что Штиглиц – еврей, Державин, сославшись на дискриминационное по отношению к иудеям законодательство, высказался против признания купчей. Впрочем, имение он в конце концов все-таки получил.

А его предпринимательский талант всё развивался: в 1811 году Николай организовал ввоз в Россию колониальных товаров через новоприсоединенную империей Финляндию. Он также принял деятельное участие в огромных провиантских подрядах для русской армии в войне 1812 года. После окончания войны император Александр I «за большие заслуги» пожаловал Штиглицу дворянское звание. Царь поручал ему и дела весьма деликатного свойства: известно, что он воспользовался посредничеством Штиглица, чтобы перевести за границу на личные расходы более 13 млн. рублей.

Проявил себя Николай и на ниве меценатства, пожертвовав 100 тысяч рублей на учреждение в Одессе знаменитого Ришельевского лицея. А в 1817 году он был назначен директором Государственной комиссии погашения долгов. Как отмечал министр финансов граф Егор Канкрин в докладе царю, «усердие и труды. Николая Штиглица.. способствовали к успешному ходу первых наших займов и ускорили достижение цели правительства в одной из важнейших финансовых

операций». В 1818 Николай Штиглиц получает чин надворного советника, а в 1819 году – орден Владимира IV степени.

После смерти бездетного Николая все его многомиллионное состояние, в том числе 100 тысяч десятин земли с заводами овец испанской породы, перешло к его брату Людвигу Штиглицу (1779-1843), который перебрался в Россию вслед за своими братьями.

На его переезде настоял именно Николай, поддержавший младшего брата на первых порах. Вместе с их дядей Питером Клейном он снабдил Людвига первоначальным капиталом в 100 тысяч рублей и ввёл его в деловой мир Санкт-Петербурга. Поначалу Людвиг держался в тени старшего брата и, когда бизнес его потерпел неудачу, все тот же Николай вновь пришел ему на помощь.

И, наконец, дело у молодого финансиста заладилось. Людвиг оказался предпринимателем от Бога и самым удачливым из братьев Штиглиц. Свойственные ему сметливость, оборотистость и точный расчет вкупе с самообладанием и железной выдержкой определили его надежный и быстрый коммерческий успех. Кроме того, это признавали даже его недруги, Людвига отличали трудолюбие и непоколебимая честность, ставшие своего рода визитной карточкой его банкирского дома. Это учреждение было создано в 1805 году под названием «Штиглиц и Ко» (хозяин его к тому времени уже был купцом 1-й гильдии). Контора дома находилась на Английской набережной – в самом престижном и аристократическом районе Петербурга.

Помимо экспортных операций (зерно, лес), торговый дом Людвиг Штиглица занимался импортом в Россию дефицитных товаров. И здесь весьма кстати подоспела континентальная блокада Англии, к которой Россия вынуждена была присоединиться, понеся ощутимые потери от уменьшения экспорта зерна (ведь королевство было главным потребителем российского хлеба). Вот что пишет об этом историк Дмитрий Корнейчук: «Несмотря на существующий в рамках блокады запрет торговых взаимоотношений с Британией (1807-1812), официальная российская власть закрывала глаза на действия некоторых крупных торговцев, имевших связи при дворе.

К последним относился и Людвиг Штиглиц, часто в качестве личного одолжения ссужавший наличными деньгами высокопоставленных российских чиновников. Корабли торгового дома, нагруженные российским зерном, продолжали курсировать в сторону Британских островов, возвращаясь обратно с традиционной английской продукцией (сукно, чай)». В 1807 году, в связи с манифестом императора Александра I, запрещавшего иностранцам состоять в купеческой гильдии, Штиглиц перешёл в «вечное Российской державы подданство».

В 1812 году Штиглиц отказался от иудаизма и перешёл лютеранство. Приходится признать, что этот драматический шаг Людвиг совершил вполне обдуманно. Распространявшиеся на евреев законодательные запреты только сковывали его многообразную и благотворную деятельность, и он предпочел отступничество. Он и женился на христианке – Ангелике Готшалк-Дюссельдорф (1777-1838).

Постепенно Людвиг Иванович приобретает в коммерческом мире всеобщее уважение и солидное имя, «возбуждающее повсеместно беспредельную доверенность». Автор статьи о нем в «Русском биографическом словаре» отмечал: «Торгово-промышленные начинания его пользовались самым широким кредитом, так как вексель Штиглица, по отзывам современников, являлся как бы наличными деньгами, а слово его ценилось выше всякого векселя». Кстати, о кредитах. Штиглиц завоевал популярность еще и тем, что, в отличие от иностранных банкирских контор и отечественных ростовщиков, брал самые умеренные проценты под кредиты (10-12 % вместо традиционных 30-40%!).

Прославился Штиглиц и своими пожертвованиями в пользу русской армии во время войны с Наполеоном, за что был отмечен императором Александром I бронзовой медалью на Аннинской ленте.

Но Штиглиц не гнался за наградами, цель его была вполне определённой – сделаться банкиром императора Александра I. Звание придворного банкира рассматривалось тогда как особая монаршая милость: ведь этому лицу доверялось заключать все государственные внешние и внутренние займы русского правительства. За свои услуги такие банкиры получали вознаграждения, высокие посты, дворянские титулы и поддержку самого государя.

До Людвига придворным банкиром был барон Александр Раль, немец по происхождению. Однако из-за непрофессиональных управленцев на вверенных ему фабриках Раль разорился. А Штиглиц тем временем пошёл в гору: за него ходатайствовали приближенные к монарху влиятельные сановники Егор Канкрин и Карл Нессельроде. Не последнюю роль сыграли здесь и личные качества: Раль отличался резкостью и вспыльчивостью, Штиглиц же слыл человеком доброжелательным и невозмутимым. После отставки Раля в 1819 году «все торговое сословие указало на Штиглица как на достойного занять первенство на Петербургской бирже».

Сибирский купец Василий Баснин писал о Штиглице: «Можно сказать, что он душа здешней биржи: в продолжение трех часов беспрерывно его занимали вопросами и ответами маклеры биржевые, коих нынче до ста человек». А по словам графа Модеста Корфа, «он

был первым светилом и центром нашей биржи; его имя давало тотчас жизнь и кредит всякому торговому и индустриальному предприятию. Но кроме того, слова: Штиглиц говорит, Штиглиц думает – решали часто и государственные финансовые меры. В меркантильных сведениях и расчётливости ему не было и нет у нас подобного».

Услугами банкирской конторы «Штиглиц и Ко» пользовались самые влиятельные люди империи – граф Алексей Аракчеев, сенатор Николай Новосильцев, граф Павел Киселев, шеф жандармов, граф Александр Бенкендорф и многие, многие другие.

2 июля 1826 года по случаю коронации Николая I Людвиг Иванович был возведен в потомственное баронское достоинство «за оказание правительству услуг и усердие к распространению торговли». И надо сказать, он стал единственным в ту эпоху российским бароном.

За какие же услуги русскому правительству император пожаловал ему этот высокий титул? Дело в том, что честное имя Штиглица оказалось поистине драгоценным для финансов страны. Ведь дефицит бюджета (ежегодно более 120 млн. рублей) и реформирование отечественной финансовой системы вынуждали Россию постоянно просить деньги за рубежом, а Людвиг Штиглиц справился с этой непростой задачей, заключив ряд низкопроцентных зарубежных займов на сумму более 30 млн. руб.

Императоры Александр I и его преемник Николай I остались этим весьма довольны. Основные же кредиторы России – крупнейшие банкирские дома Лондона, Парижа, Амстердама, – поначалу с опаской относившиеся к придворному банкиру-посреднику, убедились в безупречной деловой репутации и значительном влиянии Штиглица в высших кругах власти Российской империи. Потому одно упоминание имени Штиглица в любом готовящемся российском внешнем займе становилось для западных кредиторов надежной гарантией исправного получения денег.

Многогранность деятельности Штиглица была беспрецедентной. Он владел крупными сахарными и свечным заводами, Екатерингофской бумагопрядильной мануфактурой, овчарнями меринсов. Людвиг Иванович стоял у истоков и такого нового для России вида коммерческой деятельности, как страхование, способное при разумной организации тоже приносить немалые доходы. В 1827 году он возглавил Первое Российское страховое от огня общество (Большая Морская ул., д.40), которому дал название: «Санкт-Петербургский феникс», получив монополию на страхование от огня в обеих столицах, а также в Одессе и Прибалтике.

В 1829 году генерал-губернатор Новороссийского края, обратился к Штиглицу с предложением устроить в Одессе контору его Дома,

«которая бы пользовалась капиталом и кредитом его». В том же году контора была открыта и начала свою работу. Торговый её оборот возрос с 3 миллионов в 1834 году до 55 миллионов в 1838 году.

В 1833 году была образована знаменитая биржевая артель Штиглица. Она возникла после слияния двух ранее существовавших при Петербургской бирже артелей – Шараповой и Бетлингвской. Под именем Штиглица артель просуществовала до середины 20-х годов XX века, пережив и самого Людвига Штиглица, и его сына Александра. В 1917 году она была переименована в Петроградскую, а затем в Ленинградскую артель общественного труда им. Штиглица. А основанная банкиром в том же 1833 году Невская прядильная мануфактура существует и поныне (под названием Прядильно-ниточный комбинат им. С.М. Кирова).

С именем Штиглица связаны и рейсы первых российских пароходов. Образованное при его деятельном участии Общество акционеров для учреждения постоянного сообщения между Петербургом и Любеком получило привилегии на перевозку грузов и пассажиров в гавани и из гаваней Балтийского моря. Новым и важным делом для России стало создание первой железной дороги из Петербурга в Москву. И здесь не обошлось без Людвига Ивановича, который, по словам современников, «мог равняться богатством с гамбургским банкиром Соломоном Гейне».

Именно при посредничестве банкирского дома «Штиглиц и Ко» в 1841 году и был заключен внешний российский государственный заем на 50 млн. рублей на строительство дороги (регулярное движение по ней началось в 1851 году, уже после смерти Штиглица). В том же 1841 году Людвиг Штиглиц – председатель Совета Комитета по постройке в Санкт-Петербурге постоянного моста через Неву.

Отметим и успехи Штиглица на всероссийских выставках: в 1833 году он был награжден похвальной малой золотой медалью по итогам 3-й Выставки российских мануфактурных изделий; по итогам же Выставки 1839 года – похвальной медалью за отличные образцы мерининовой шерсти, а также большой серебряной медалью за бумагопрядильные изделия и стеариновые свечи.

«За труды и усердие на пользу отечественной торговли и промышленности» барон был награжден орденами Анны 2-й степени (1831) и Владимира 3-й степени (1836). В 1839 году он был вписан в дворянскую родословную книгу Санкт-Петербургской губернии.

Продолжая дело своего брата, Людвиг Иванович вошел в историю и как видный российский меценат. Он делал регулярные пожертвования студентам Технологического института, воспитанникам Коммерческого училища и Училища торгового

мореплавания. Кроме того, на строительство трехэтажного каменного здания с церковью он предоставил Коммерческому училищу 20 тысяч рублей.

Его благотворительность была безграничной. То барон вносит внушительные суммы в пользу учреждений призрения нищих, то финансирует детскую больницу. Исключительно на средства Штиглица в Петербурге был учрежден образцовый приют на 150 сирот. При этом он не любил трубить о своих благодеяниях, как это нынче делают иные политики. Скромность была исключительным свойством его натуры. Как отметил журнал «Северная пчела» (1843), это был «самый праведный и усердный патриот, и при всяком общепольном и благом деле первое имя в подписке было Штиглиц».

По воспоминаниям современников, Штиглиц обладал умом восприимчивым, любил окружать себя людьми просвещенными и в беседах с ними отдыхал после трудов своих. Он следил за успехами не только русской, но и европейской литературы, постоянно пополняя свою обширную библиотеку книжными новинками.

Людвиг Иванович Штиглиц скончался скоропостижно 6 марта 1843 года «от нервического удара», в возрасте 65 лет. В день его похорон в знак траура была закрыта Петербургская биржа. Еще при жизни барон пожелал, чтобы похороны его проходили скромно, без всякой пышности. Тем не менее в последний путь его провожали иностранные послы, министры, видные военные и гражданские чиновники, российское купечество. Вот как описывает эту церемонию современник: «Гроб покрыт был венками, которые любовь детская сплела ему из свежих цветов. Не было ни гербов, ни корон баронских.

За гробом ехала не траурная великолепная карета, а обитая черным сукном скромная колясочка, в которой обыкновенно ездил покойный. Большая часть присутствующих провожала шествие пешком. Когда колесница выехала на Невский проспект, ей должно было остановиться. Вся эта широкая улица до перекрестка Литейного наполнена была народом. И далее по пустынным в обыкновенное время улицам, ведущим на Волково поле, стояли густые толпы». Людвиг Штиглица похоронили на петербургском Волковом кладбище.

Надгробную речь произнёс пастор реформатской церкви в Петербурге Иоганн фон Муральт: «Истинный патриот служит своей родине и своему государю, никогда не отрекаясь от своего человеческого достоинства». Говорили также, что покойный «богат был не только деньгами, но ещё богаче сердцем, ибо был благородным жертвователем в лучшем смысле этого слова». О значении его личности свидетельствовал и другой его современник: «Смерть его,

которая отзовется во всем коммерческом мире, есть вместе и потеря государственная для России».

После смерти Людвига Штиглица его тридцатимиллионное состояние перешло к сыну Александру (1814-1884), которому суждено было не только продолжить дело отца, но и приумножить его славу. Заслуги его перед Российской империей тоже весьма велики. Начав службу в Министерстве финансов, он в 1846 году был избран председателем Биржевого комитета и вслед за покойным отцом стал придворным банкиром, а впоследствии получил и высший чин в Табели о рангах – действительного тайного советника. Он субсидировал строительство Петергофской и Балтийской железных дорог, став соучредителем Главного общества железных дорог России. Управляющий Государственным банком, крупный пайщик Московского купеческого банка, Александр Штиглиц отмечен и беспрецедентной благотворительностью.

Во время Крымской войны жертвовал значительные суммы в пользу Чесменской военной богадельни и неимущих морских чинов в Севастополе; помогал воспитанникам учебных заведений, основал ссудо-сберегательную кассу для банковских служащих. А основанное им Центральное училище технического рисования (ныне Санкт-Петербургская художественно-промышленная академия), с богатым профильным музеем и фундаментальной библиотекой ещё более прославило его. И вовсе не случайно, в 2006 году этой Академии было присвоено его имя, а в 2010 году состоялась и церемония открытия его памятника.

Другой памятник Александру Штиглицу открылся в 2009 году на станции Новый Петергоф, строительство которой спонсировал барон. Особо следует отметить, что Штиглиц помещал всё своё огромное состояние исключительно в русские фонды, а не вывозил его в офшоры, подобно иным современным российским олигархам. Известно, что на скептическое замечание одного банкира о неосторожности подобного доверия к отечественным финансовым институтам он в ответ парировал: «Отец мой и я нажили всё состояние в России; если она окажется несостоятельной, то и я готов потерять с ней вместе всё моё состояние». Как не вспомнить тут последний наказ родителя: «Люби Россию, и она будет любить тебя».

Анастасия Антонова

Пермь, Россия

Пермские зарисовки

Уральская чародейка

Она бывает очень разная. Для пессимистов – хмурая и каменно-жесткая. Оптимисты же обязательно почувствуют в ней грустного романтика, увидят заботливую хозяйку. Кто-то не поймёт её сурового характера, а кто-то оценит ненавязчивое обаяние и влюбится в неё навсегда.

Она скромно привязывается к нам, и мы не можем остаться равнодушными. Она околдовывает, а мы поддаёмся. Сначала ругаем её, потом восхищаемся малахитовой уральской красотой. Всё грозимся уехать, но почему-то остаёмся. Ненавидим и любим одновременно. О ком это я? Знакомьтесь, Пермь.

Я живу в этом городе почти двадцать лет и, честно, до сих пор не знаю почему. Мне не нравятся угрюмые полуразрушенные дома, огромные заводы и серый дым из их труб, такое же серое небо...

Но есть в Перми несколько по-настоящему волшебных мест, которые меня зачаровывают и заставляют понимать и любить родной город. В этих местах я ощущаю другую сторону стальной индустриальной Перми.

Вы когда-нибудь ходили пешком от Художественной галереи до Речного вокзала? Это маршрут из настоящего в прошлое. Начальная точка – «Компрос» – гудит от шума. Здесь гуляют, целуются, ссорятся. Здесь проносятся тысячи машин в день. Жизнь большого города кипит.

Чем дальше уходишь отсюда, тем тише становится. Дорога сужается, многоэтажки сменяются изящными старинными особняками. Здесь редко встречаешь людей и ещё реже машины. За пятнадцать минут пути ты как будто переносишься века на два назад. Чем не машина времени? В этом месте я ощущаю себя по-другому: другие мысли, эмоции, чувства... Волшебство.

Когда мне нужно вдохновение, я прихожу в Сквер у театра оперы и балета. Если где-то и витает в воздухе творчество, то это точно здесь. Сам театр меня завораживает.

Могу остановиться перед ним и стоять некоторое время просто так, смотреть. Наверное, потому, что я очень люблю балет. Из-за этой любви меня привлекает здание хореографической академии. Смотришь в окна здания, и вот, кажется, видишь тени юных балерин. Тут же в ногах появляется лёгкость, а в голове – радость. Вот опять волшебство.

Мистику можно поискать на площади у театра «У Моста». Со мной там постоянно что-нибудь случается: то каблук сломаю, а то идея интересная придёт, не угадаешь. Около Дома Мешкова тоже чувствуешь себя странно. Особенно, если легенду местную знаешь. И тут снова волшебство...

Волшебным кажется сам вид города, когда ночью проезжаешь по мосту через Каму. Невероятная панорама, от которой оторваться никак невозможно!

Парки, скверы, старинные дома, музеи, театры, университеты, – те ниточки, которыми Пермь-чародейка привязывает к себе. Энергетика этих мест настолько сильна, что мысли о заброшенных домах, плохой экологии, бомжах, мусоре на время заволакиваются.

Это город противоречивый, неординарный, непонятный. Он яркий. За это я его люблю. Поэтому не уезжаю.

Пермь – столица юмора!

Как же богат наш город на интересные названия различных заведений! Вот уж не думала, что найду в Перми столько смешных, нелепых, а порой и абсурдных вывесок кафе, клубов, баров, магазинов... Не знаешь – то ли остановиться около них и посмеяться, то ли, повертев пальцем у виска, пройти мимо. Роскошная фантазия некоторых владельцев сих заведений не может не умилять. В процессе поиска «остроумных» вывесок, у меня возникала одна мысль, вернее, две: «Чем думал автор? И «Он точно думал?»

Начну, как и полагается, с «закуски» – продуктовых магазинов, столовых и кафе. Рассмешило название недавно открывшегося супермаркета «Позитифф». Сразу чувствуется, что владельцы магазина «в теме» модных тенденций Всемирной паутины. Хочется верить, что там можно встретить не только продвинутых блогеров, но качественную и вкусную еду. Совсем другие эмоции вызывает столовая «Бумажник». По-моему, комментарии излишни. Радует честность и прямота хозяев заведения.

Рассмешило название кафе «ЧАЙ ХАНА мир плова» (орфография и пунктуация авторов сохранены). Непонятно только, за что здесь невзлюбили чай?! Зато плов, видимо, в особом почёте.

Россия испокон веков славилась разнообразием ругательств.

Вот и в наше время владельцы кафе «Япона-матрёна» решили уважить традиции, соединив два разных древних бранных выражения в одно современное название. Что ж, по крайней мере, оно получилось ярким и запоминающимся.

Сложно не сунуть свой нос в харчевню «Длинный нос», ведь очевидно, что любопытные граждане там в особом почёте!

Порадовало название столовой «Сытый папа». Приятно, что про бедных отцов семейств не забывают! Сытый папа – благополучная семья, не правда ли? Такое вот истинно русское радушие и желание помочь продемонстрировали нам хозяева столовой.

Перекусили? Теперь можно и потанцевать! Благо, что выбор клубов у нас огромный. А вы бы где хотели сегодня побывать – в «Лесе», «Цирке» или «Молоке»? Нет, я не сошла с ума, я всего лишь

перечислила известные в Перми клубы. Чувствуете наш русский дух авантюризма? Если же вам это покажется недостаточно смелым, милости прошу в развлекательный комплекс «Адам и Ева» или же в клуб «Розовый пеликан». Вот уж где простор для фантазии и творчества!

Только не перебарщивайте, иначе рискуете заползти в клуб «Дрова» или оказаться в баре «Шатун». А что поделать, ведь русские всегда любили погулять на широкую ногу, не думая о последствиях в виде, например, головной боли и «Мутного глаза» (тоже, кстати, название пермского бара) на следующее утро.

Любителям приключений (а таких ох как много среди наших соотечественников), дабы не попасть в «Засаду» (а это очередное странное название кафе-клуба), стоит воспользоваться развлекательным комплексом «Навигатор» или обратиться за помощью в клуб «911».

Не знаю, чем у гостей славится Пермь – медведями, морозами или арт-объектами... Для меня Пермь – столица юмора. А юмор, товарищи, наше всё.

Элеонора Мандалян

Лос-Анджелес, США

Илон Маск: империя будущего

Гении бывают разные. Вернее – разными бывают области деятельности, в которых они периодически возникают. Вообще-то лично мне куда более интересны гении из мира искусства, такие, как Леонардо да Винчи, Микеланджело, Паганини. Но Илон Маск – статья особая, беспрецедентная, можно сказать.

Илон Маск-инопланетянин

Об Илоне Маске сегодня знают даже неграмотные, настолько он у всех на слуху. Вне сомнений, этот человек – явление в сфере финансов, производственных новаций и деловой хватки, не только нутром чувствующий когда и куда вкладывать деньги, но и способный ради достижения поставленной цели прошибить лбом стену.

Невольно создается впечатление, что он – посланник или проводник каких-то Высших Сил, решивших, что настало время изменить весь наш мир, подняв его на качественно новую ступень. Иначе как объяснить, что все его начинания, даже самые невероятные, неизменно ведут к успеху, а все, кто пытаются ему помешать, как бы автоматически отпадают, проигрывая даже в судах. Подобные Илоны изредко возникают на благо человечества, обеспечивая ему скачкообразный прогресс в той или иной области. Но чтобы в таких масштабах..!

Уже тот факт, что этот удивительный человек умеет делать деньги, превращая нули в тысячи, тысячи в миллионы, а миллионы в миллиарды, говорит о его незаурядности. Ведь такое под силу далеко-далеко не каждому. А деньги ему нужны не для личного обогащения, а для реализации глобальных идей.

Техномиллиардер XXI века, как его называют, – фигура настолько яркая и значительная, что за каждым его шагом, каждым словом пристально следят миллионы людей во всем мире, веря, что именно ему суждено кардинально изменить мир. Да он его уже меняет. На наших глазах.

Наряду с идолопоклонничеством, превращением Маска в кумир и путеводную звезду рода людского, в интернете можно встретить и такие перлы сомнений: «Илон Маск: ублюдок или гений?», «Бизнес-гений или авантюрист?» «Гений или Бендер?» И прямо так, без вопроса: «Главный шарлатан XXI века». Авторы негатива считают, что все его новшества – сплошная фикция и пиар с одной единственной целью – как можно громче о себе заявить, чтобы «срубить побольше бабла».

Не выпускают Маска из поля зрения и крупные корпорации, учуявшие в нем угрозу своей стабильности. Воротилы автомобильной промышленности так и вовсе в растерянности. «Они не понимают этого Илона Маска, они его с самого начала не понимали, – пишет американский журналист Томас Фромм, иллюстрируя их сомнения. – Маск – гениальный представитель совершенно нового типа предпринимателей? Тот, кто убирает старых и становится на их место? Или все же шарлатан? Или сумасшедший? Они по праву опасаются, что 46-летний бизнесмен в один прекрасный день сметет их с рынка своими электромобилями – и неважно, насколько высоко или низко котируются акции Tesla. Уже сегодня Tesla задает тон в сфере электромобилей... Когда Маск нарушает не только правила автоиндустрии, но и переворачивает с ног на голову правила всей промышленности, он становится непредсказуемым для конкурентов».

Быть может, потому, что конкуренты в сфере автоиндустрии – устаревающие люди с «бензином в крови», тогда как по жилам «сумасшедшего Маска» весело бежит электрический ток высочайшего напряжения.

Откуда он взялся?

Илон Маск, имеющий три гражданства (ЮАР, Канады и США), родился в 1971 году, в столице ЮАР, Претории, – одном из самых современных городов Южной Африки, но в глубокой «дыре» – с американо-европейской точки зрения. В семье было трое детей – старший Илон, средний – Кимбэл и их младшая сестра Тоска. И все трое сполна реализовались. Илон – миллиардер. Кимбал – миллионер (держит сеть ресторанов и образовательную программу The Kitchen Community; является третьим по величине акционером Tesla). Тоска – успешный продюсер, кинорежиссер, сценарист, актриса, имеет собственную кинокомпанию Musk Entertainment.

Их отец, Эррол Маск – англичанин, рожденный в ЮАР, имел свою собственную инженерно-консалтинговую практику и долю в бизнесе, связанном с добычей полезных ископаемых и природных ресурсов

(изумрудов, в частности). О его достатке наглядно свидетельствовали яхта, несколько домов, штат чернокожей прислуги и чистопородные лошади. С детьми был строг и требователен настолько, что каждый из них жаждал как можно скорее покинуть семейное гнездо.

Мать, Мэй Маск, канадско-британского происхождения, бизнесвумен-диетолог и по совместительству востребованная супермодель. Ей уже 70, но она остается изысканной, аристократичной дамой, не скрывающей ни свой возраст, ни своих седин, потому как все это, вместе взятое, помогает ей удерживаться на уровне лучших моделей мира вот уже добрых полвека.

Впрочем, трем ее детям, с годами сделавшим супермодель бабушкой десяти внуков, слава матери вряд ли помогала. Прежде чем окончательно расстаться, родители долго и часто ссорились, превращая жизнь в семье в ад. В год их развода Илону было 9, брату 8, а сестренке 6. Понятно, что разъезжавшая по миру Мэй не могла им быть хорошей матерью, и дети перешли жить к отцу.

Никаких особых признаков гениальности Илон в детстве не выказывал. Разве что в три года озадачил отца неожиданным вопросом: «А где начинается и кончается мир?» Он не был коммуникабельным, не умел ладить со сверстниками, что создавало ему постоянные проблемы в школе. Домашняя обстановка тоже не способствовала умиротворению.

Возможно, поэтому он начал искать спасение в запойном чтении книг. А в 10 лет, узнав о существовании компьютера, упросил отца его ему купить, и сам, без посторонней помощи, освоил премудрости программирования настолько, что создал свою собственную компьютерную игру (BlastStar), которую продал за \$500 долларов. Полученные деньги 12-летний парнишка не проел, а вложил в акции, принесшие ему со временем несколько тысяч долларов. Вот вам и первые проблески уникальной смекалки.

Илон вырос на научной фантастике, грезя космосом. Для реализации заложенной в нем (так и хочется сказать «свыше») программы ему нужны были деньги, и немалые, и соответствующее поле деятельности. Америка была его второй, после космоса, мечтой. Деньги набирались в несколько этапов, каждый из которых походил на марш-бросок. До Америки он тоже добирался поэтапно. Весьма

Мэй Маск, мать Илона

кстати у матери сохранилось канадское гражданство. Так что для Илона и его брата Кимбала попасть в США оказалось проще через Канаду, тем более, что где-то там жил брат их деда. Двоюродного дедушку они так и не нашли, пришлось барахтаться самим, на первых порах берясь за любую работу.

В поверхностных биографических сведениях об Илоне Маске обычно сообщается, что он «недоучка». Это не совсем так. Высших учебных заведений у Илона было несколько. Первое – по необходимости, еще в ЮАР. Чтобы не забрали в африканскую армию (на фоне апартеида), он поступил в университет Претории (UP), на факультет физики и машиностроения, проучился с полгода, и как только появилась возможность уехать из страны, учебу бросил.

По-настоящему Илон занялся своим образованием уже в Канаде, поступив в одно из самых престижных учебных заведений мирового масштаба – в Королевский Университет Кингстона (Queen's University at Kingston), в Онтарио, где изучал бизнес и технологии. А два года спустя, получив грант, перевелся в частный Университет штата Пенсильвания (University of Pennsylvania), входящий в элитную Лигу плюща, и таким образом оказался, наконец, в Соединенных Штатах. Там и получил два диплома бакалавра – по физике и по экономике. Продолжил учебу уже в Калифорнии, в Стэнфордском университете.

Но вот магистратуру действительно не закончил – ушел в предпринимательство, в Силиконовую долину.

Вместе с братом он основал свою первую компанию Zip, разработавшую электронное программное обеспечение-справочник. То были трудные для обоих времена. Отец перечислил им \$ 8 тысяч на развитие бизнеса. Братья сняли помещение под офис и некоторое время жили в нем. Дело успешно развивалось, появились компаньоны-инвесторы, и пару лет спустя они продали компанию за \$308 миллионов. Доля Илона составила 2\$ миллиона, то есть он стал миллионером в 27 лет.

Илон и Кимбэл открыли новое дело – компанию X.com, специализировавшуюся на предоставлении платных услуг в интернете. На базе этой компании развилась ныне широко известная PayPal (дебетовая платёжная система Интернета), став международным лидером. Сегодня PayPal обслуживает 202 страны, имеет свыше 200 миллионов зарегистрированных пользователей, оперируя 52 национальными валютами. В 2002-м Ebaу поглотила PayPal, заплатив за нее 1,5 миллиарда долларов. Доля Маска составила 175 миллионов.

Космический бизнесмен

Его актив достиг, наконец, уровня, необходимого для реализации с детства вынашиваемой мечты – выхода в космос, и дальше на вожделенный Марс. «Я был очарован перспективой колонизации Марса и стал учредителем проекта Mars Oasis. – вспоминает Илон. – Моя цель – создать на этой планете автоматизированные парники, которые в перспективе могли бы стать основой для самоподдерживающейся экосистемы. И все было бы хорошо, если бы не заурядность расходов».

Илон решил попробовать купить в России советскую списанную ракету баллистического типа, а если повезет, то сразу три. Он дважды летал в Москву на переговоры с соответствующими людьми, второй раз даже прихватив с собой – для солидности – специалиста из NASA. Для начала он планировал запустить на Марс подопытных земных грызунов и семена растений.

Российский номер не прошел. Не потому, что не продали, а потому, что покупка оказалась не по карману. «Тогда-то я и подумал: стоп, а почему бы мне не создать свою собственную ракету?» И на вырученные от интернетовских операций деньги он основал в 2002 году первую в мире частную космическую компанию – Space Exploration Technologies (коротко – SpaceX), разместив ее в арендованном ангаре, площадью 7000 кв. м. Начинаящий

космический бизнесмен пообещал себе и всему миру, что сумеет десятикратно сократить затраты на космические полеты. А для этого ему нужно было «все-то» сконструировать и построить многообразные (то есть возвращаемые из полета) ракеты-носители.

Маск вложил в SpaceX более \$100 миллионов личных средств, но мало кто тогда верил, что частная компания сможет конкурировать с государственными космическими программами.

Особый, многогранный талант этого человека проявляется в умении не только делать деньги, но и подбирать стоящих людей для формируемой им команды. Одним таким «стоящим человеком» стал Том Мюллер, молодой, но опытный инженер-ракетчик. В свободное от работы время он увлеченно конструировал в своем гараже двигатели для ракет и запускал их в пустыне Мохаве. Раз от раза «игрушки» Мюллера увеличивались в размерах. Последняя, весом 35 килограмм, стала самым большим в мире любительским жидкостно-реактивным двигателем.

Такая мальчишеская одержимость как нельзя лучше соответствовала характеру самого Илона. Собрав необходимую информацию об увлечениях ракетчика-изобретателя, Илон заглянул к нему в гараж. Окинув беглым взглядом его творение, он этак буднично спросил: «А что-нибудь покрупнее сделать сможешь?» С того все и началось. Но есть одно «но». До этой судьбоносной встречи Том Мюллер работал в калифорнийской аэрокосмической компании TRW. Переметнувшись к Маску, он увел за собой целую группу талантливых специалистов. А следовательно, вместе с ними компания Маска задаром получила передовые и наверняка секретные технологии TRW. Имея на руках патенты, хозяева TRW пытались судиться со SpaceX, но так ничего и не сумели доказать.

Том Мюллер и поныне технический директор SpaceX, отвечающий за разработку всех двигателей компании. А построенный им уже для SpaceX двигатель Merlin стал первым за последние 40 лет и наиболее эффективным углеводородным двигателем, разработанным в США.

Первым детищем компании стала двухступенчатая ракета-носитель легкого класса Falcon 1 («Сокол»). Илон назвал ее так в честь космического аппарата из любимого им с детства фантастического фильма «Star Wars». Пять раз Falcon 1 запускалась в космос. Первые три попытки оказались неудачными – ракеты разрушались или сгорали. Известно, что не ошибается тот, кто ничего не делает. А первопроходцем быть всегда сложно. Илон не унывал и не складывал руки. С четвертой попытки, которая в случае еще одного провала грозила стать последней, затея удалась. В 2009-м Falcon 1, первая

частная жидкотопливная ракета Маска и Мюллера, вышла на околоземную орбиту, доставив груз на МКС.

Однако практика показала, что грузоподъемность ракеты такого класса недостаточна, и на смену Falcon 1 пришел Falcon 9, а вместе с ним и выход компании на международный, всемирный уровень «коммерческого освоения космоса». Falcon 9 не просто намного мощнее своей предшественницы, ее девять двигателей, как утверждает

Маск, обеспечивают ракете надежную, взаимозаменяемую подстраховку. Теперь уже у SpaceX нет недостатка в заказчиках на грузовую космическую перевозку. Первым среди них стала британская компания Avanti Communications. За семь последовавших лет SpaceX произвела 38 запусков, из них только два неудачных.

Илону Маску удалось убедить NASA, что сотрудничать с ним правительству США выгоднее, чем зависеть от российских «Союзов». В 2008 году NASA подписало со SpaceX сенсационный контракт на \$ 2,6 миллиарда. Как известно, проект «Шаттлов», от Боинга и Локхеда, трудившихся 30 лет, в 2011-м был закрыт. Его-то и заменил разработанный SpaceX, по заказу NASA, ракета-носитель Falcon 9 и беспилотный грузовой «челнок» многоразового использования Dragon, запускаемый к МКС. С 2012 года он является единственным в мире. За 7 лет SpaceX осуществил 12 рейсов к МКС.

Не обманул Маск и с многоразовым использованием ракет-носителей. 13 раз первые ступени Falcon 9 возвращались на Землю. Один раз, совершив посадку в океане, на автоматическую плавучую платформу ASDS.

Специалисты, связанные с космическими проектами, утверждали, что повторное, и уж тем более многоразовое использование ракеты-носителя, невозможно, поскольку при запуске, в огненном аду, она полностью выходит из строя и восстановлению не подлежит. Но Маск добился своего, на практике доказав обратное, благодаря чему, как он и обещал, цены на космические грузовые и коммерческие перевозки резко снизились.

– Гравитация Земли достаточно велика, у нее очень сильное притяжение, – объясняет Маск. – Создать ракеты многоразового использования гораздо сложнее, чем строить самолёты. Именно по этой причине на данный момент не было создано ракеты, которую можно было бы полностью использовать повторно. Но с применением передовых материалов, передовой техники, и с правильным подходом, я уверен, что можно будет эту проблему решить. Если бы притяжение Земли оказалось хотя бы на 10 процентов сильнее, это было бы вообще невозможно.

Не могу не рассказать одну недавнюю историю, связанную с Falcons Маска. Перед самым Рождеством, декабря, внимание калифорнийцев приковало настоящее «светопредставление», внезапно возникшее в закатном небе. Светящееся нежно голубым ореолом нечто с замысловато закрученным длинным хвостом медленно плыло параллельно земле. Люди во все глаза смотрели на него, кто с любопытством, кто со страхом, гадая, что бы это могло значить. Его снимали на смартфоны, айфоны, видео- и кинокамеры, о нем спешили сообщить друг другу по телефону, обменивались картинками, выкладывали их в сети. Делались самые невероятные предположения, например, – что на Землю прибыл инопланетный корабль и что-то непредсказуемое и опасное вот-вот начнет происходить. Мы с мужем наблюдали это таинственное явление с крыльца нашего дома. И тоже успели заснять, как оно начало деформироваться и растворяться в сгущавшейся темноте.

На следующий день в интернете появилась информация, что это был пробный запуск ракеты Falcon 9, компании SpaceX, с полигона Ванденберг в районе Санта-Барбары. Что-то не очень и верится. Ведь при запуске ракета уходит вертикально вверх, тогда как странная конфигурация, похожая на гигантский призрачный дирижабль с острым носом и светящимся глазом внутри, медленно плыла параллельно земле. Даже если запуск не удался и ракета сгорела в атмосфере, что-то тут не состыковывается.

На видеоролике запечатлен весь процесс с момента запуска, который мы, в частности, не видели. Но и на нем происходящее в конце выглядит довольно странно, почти мистически: <https://www.youtube.com/watch?v=zdpT9Gk8yLg>

Третьим поколением «соколиного семейства» Маска стала Falcon Heavy, над созданием которой лучшие умы компании бились долгие семь лет. Как сообщалось на сайте SpaceX, 70-метровая Falcon Heavy – самая большая и самая мощная эксплуатационная ракета-носитель сверхтяжелого класса из всех когда-либо созданных. Ее планируют использовать не только для доставки грузов на околоземную орбиту, но и для дальнейшего освоения Солнечной системы. Тяга ее двигателей на старте эквивалентна тяге 18 самолетов Boeing 747 при взлете. Она способна доставлять на орбиту более 54 тонн полезного груза и до 18 тонн – на Марс, включая экипаж.

«Тяжелый Сокол» долго не давался команде Маска – запуск неоднократно откладывался, сроки то и дело сдвигались. Наконец, 8 января, после долгих проволочек, Falcon Heavy, официально запущенная с мыса Канаверал, должна была вывести на околоземную орбиту правительственный разведывательный спутник Zuma.

Многоразовая первая ступень ракеты-носителя успешно вернулась на Землю. Однако засекреченный аппарат Zuma не смог отделиться от второй ступени, не вышел на расчетную орбиту и считался утерянным, пока не выяснилось, что он упал в океан. Специалисты считают, что подобные срывы в таких грандиозных начинаниях вполне закономерны.

Красный автомобиль для Красной планеты

Накануне своего рождественского сюрприза калифорнийцам, Илон-фантазер хвастался в Твиттере, что отправит в гости к Марсу своего личного любимого Tesla Roadster – «Красный автомобиль для Красной планеты», добавив, что это будет «самая глупая затея, которую только можно вообразить». Но все же популярно объяснил: «В рамках тестовых запусков новых ракет обычно, в качестве имитации полезной нагрузки, используется бетон или стальные блоки. Нам это показалось скучным... Поэтому мы решили сделать кое-что необычное, что заставит нас гордиться».

Чтобы подтвердить истинность своих намерений, Илон выложил в Instagram фотографии и видео, на которых его вишневый спорткар действительно красуется в центре собираемого модуля на специальном постаменте. Понятно, что очередное мальчишество Илона вызвано вполне объективными обстоятельствами. Запуск планировался как тестовый, для проверки двигателей, с бесполезным, пробным грузом, причем ракета отправлялась практически в никуда.

Демонстрируя полную открытость, Маск признавался, что его очень волнует, как пройдет запуск Falcon Heavy, и что он не исключает неудачу – «вероятность победы, как в покере» (а точнее – 50-70%). Ведь одновременно должны заработать все 7 двигателей, то есть в три раза больше, чем на Falcon 9.

Во вторник 6 февраля (то есть в тот день, когда я об этом пишу), запуск Falcon Heavy с Tesla Roadster на борту благополучно осуществился, хоть и с опозданием на два с четвертью часа от объявленного времени – из-за сильных высоких ветров. Чтобы увидеть своими глазами это впечатляющее зрелище, на «космическом побережье» Флориды собралось огромное количество людей. Все близлежащие дороги и пляжи были заполнены туристами и местными жителями. На лучшие места в космическом центре Кеннеди, откуда взлетали в свое время корабли «Аполлон», продавались билеты (за \$195). Как водится, запуск сопровождался оглушительным ревом, эффектными клубами дыма и рвущимися во все стороны пламенем.

Спустя 2,5 минуты после того, как ракета-носитель взмыла ввысь, две ее ступени отделились, перевернулись, перезапустили по три двигателя и с дополнительным ревом (вызванным резким замедлением движения) возвратились к месту старта. Они мягко приземлились на подготовленные для них площадки – вертикально, хвостами вниз, выбросив по четыре опорные ноги, и послушно встали рядом.

Третья ступень еще секунд 30 продолжала выстреливать огнем, затем тоже отделилась и совершила, как было запланировано, посадку на автоматическую платформу ASDS, плававшую в нескольких сотнях миль к востоку от мыса Канаверал.

Маск-таки осуществил свою очередную безумную затею – запустил в космос собственный электрокар с манекеном на месте водителя, облаченным в скафандр компании SpaceX и с включенной песенкой «Space Oddity» («Космическая странность») Дэвида Боуи. Он отправится по эллиптической орбите вокруг Солнца, пройдя мимо Марса. «Мне нравится думать, что моя машина затеряется в глубинах бескрайнего космического пространства и когда-нибудь, возможно миллионы лет спустя, будет обнаружена представителями иных цивилизаций», – удовлетворенно улыбается Илон.

К концу нынешнего года он планирует запуск Dragon V2. В отличие от своих предшественников, новый космический корабль будет пилотируемым и коммерческим – с семью пассажирами на борту. А для красной планеты готовится «Красный Дракон» (Red Dragon)...

Илон Маск – марсианин (!?)

Одна из последних идей Илона – использование космических ракет SpaceX в качестве воздушного земного транспорта. На Международном конгрессе астронавтики в Австралии Маск заявил, что для него не проблема за час доставить пассажира в любую точку Земли, по стоимости авиабилета, и представил проект и расчеты многоэтажной пассажирской ракеты BFR (Big Falcon Rocket), способной перебрасывать людей на Марс, а в промежутках между космическими полетами работать околосредним пассажирским «такси».

– Это же безумие строить для каждого полета невероятно сложную ракету, чтобы она потом сгорала или превращалась в груды обломков, – говорит он. – Это все равно что каждый раз для авиaperелета строить

новый самолет. Так мы никогда не сделаем космос коммерчески выгодным.

Маск считает, что охват жизнью нескольких планет защитит человечество от угрозы исчезновения и предлагает начать с Марса. Как он представляет себе его колонизацию? Для этого, говорит предприниматель-фантазер, нужно устроить ядерные взрывы на полюсах Марса, которые растопят ледяные шапки и разогреют его атмосферу, сделав планету пригодной для жизни. А пока первые переселенцы с Земли должны жить под куполом. Он обещает доставлять людей на Марс за 80 дней.

Он хочет в самом ближайшем будущем (лет этак через десять) отправить на Марс тысячи землян. Его не пугает и не останавливает, что доберутся и приживутся на мертвой безвоздушной планете далеко не все и что никто из марсианской колонии не вернется обратно.

Такова цена эксперимента и удел первопроходца, хладнокровно отмечает он, без ложной жалости не только к «сопланетникам», но и к себе самому. Ведь он давно уже задумал стать одним из переселенцев и закончить свой жизненный путь на Марсе, ради чего «готов принести в жертву все свои остальные проекты». А поскольку это удовольствие слишком дорогое, он хочет подзаработать на его осуществление пассажирскими перевозками на сверхдальних земных маршрутах. Ведь SpaceX уже начала отодвигать на неопределенное время сроки марсианской экспансии, признав, что недооценила затраты и сложности технологий.

У многих фанатов Маска создалось впечатление, что все, что делает этот удивительный человек, все его грандиозные проекты и впрямь имеют одну цель – добраться до Марса. Такая одержимость вызвала рой домыслов о том, кто он на самом деле. Иные уже не сомневаются, что Илон Маск – марсианин, случайно или намеренно оказавшийся на Земле без «транспортных космических средств», и что он делает все возможное, чтобы создать для себя эти средства и «вернуться обратно». (Не зря, видно, его имя так близко по звучанию с красной планетой.) А попутно реализует марсианские технологии, до которых сами люди еще не додумались.

Илон иногда эти абсурдные догадки отрицает, а иногда сам их распространяет, играет ими, будто дразнится, подогревая к себе интерес через свою страницу в Твиттере. Под Рождество он рассылал по электронной почте письмо такого содержания:

«Земляне считают года по оборотам этой планеты вокруг Солнца. Но у меня иные взаимоотношения со временем, и это не только потому, что я марсианин. (Не беспокойтесь. Шучу. Наверное...) Но даже я не могу отрицать, что все движется вперед, и сейчас я вам расскажу о

наших семейных достижениях (для удобства буду пользоваться земными годами)...»

Когда его спросили, какое у него любимое животное, он ответил: Зверожук с планеты Трааль.

На Всемирной встрече на высшем уровне правительства в Дубае, Илон опроверг истинность им же самим распространяемых слухов, тем самым только заинтриговав слушателей. Поскольку не признать – еще не значит не быть:

– Некоторые думают, что я пришелец. Нет, я не инопланетянин.

Фантазеры, поверившие в приколы Илона в Твиттере по поводу его марсианского происхождения, находят для себя целый ряд признаков, подтверждающих истинность данной версии. Он создает космический интернет, говорят они, и строит гигантскую «Гигафабрику», производящую супермощные солнечные батареи, и все это нужно только ему одному – для общения со своими инопланетными соотечественниками. А его подземные многоуровневые тоннели! Да это же прямая указка на память жизни на Марсе, когда марсианская цивилизация, из-за улетучившейся атмосферы, вынужденно переселилась в недра планеты.

Илон Маск не ограничивается чем-то одним, прекрасно управляясь сразу с несколькими компаниями, которые у него к тому же еще и взаимодействуют между собой. Полным ходом раскручивая свое гигантское космическое предприятие, он вдруг загорелся идеей создания экологически чистых электромобилей. Справедливости ради стоит напомнить, что сам Маск не является автором идеи и основателем компании Tesla. В 2003 году, прослышав о том, что два бизнес-партнера из Северной Калифорнии, Мартин Эберхард и Марк Тарпеннинг, пытаются запустить такой проект, он, не задумываясь, вложил в него \$7 млн, потом \$1 млн и еще \$55 млн.

Самих же разработчиков, а потом и совладельцев компании, с которыми у него постоянно возникали разногласия из-за невыполнения сроков поставок, Маск спустя некоторое время уволил, назначив себя генеральным директором. Эберхард и Тарпеннинг подали на него в суд за клевету и нарушение условий контракта, но процесс (как всегда случается с Маском) проиграла...

«Мы призываем демона»

Кстати, о Силиконовой долине. Пройдя становление через этот инновационный технологический центр мира, Маск всерьез

обеспокоен бесконтрольным развитием искусственного интеллекта (ИИ). Он уверен, что, создавая искусственный интеллект, «мы призываем демона». «В некоторой степени, мы уже киборги, – считает он. – Только подумайте о цифровых устройствах, которые у вас имеются, о вашем телефоне, компьютере и приложениях, которые вы используете. Вы можете задать вопрос и мгновенно получить ответ из Google. Это значит, что у нас уже есть цифровой третичный слой».

Его благотворительный фонд Musk Foundation выделил \$10 млн английскому Институту будущего человечества (Future of Humanity Institute) при Оксфордском университете – на исследовательские работы по контролю над ИИ. Его нейротехнологическая компания Neuralink, занимающаяся изучением, так называемых, нейронных кружев, разработкой и производством имплантируемых нейрокомпьютерных интерфейсов, трудится над созданием устройства, которое объединит мозг человека с компьютером, «усовершенствует его». Только совместное развитие человеческого интеллекта наравне с машинами, считает Маск, позволит обезопасить будущее.

Когда российский президент Путин в одном из выступлений высказал мысль, что «искусственный интеллект – это будущее не только России, но и всего человечества», Маск через интернет возразил ему, что ИИ может стать «величайшей угрозой существованию человечества» и причиной третьей мировой войны.

Журнал Naked science по этому поводу пишет: «Илон Маск заявил, что он опасается ситуации, когда разработчики в погоне за все более передовыми технологиями забудут про те опасности, которые исходят от ИИ. Гибель цивилизации по вине ИИ – вполне реальный сценарий конца света. Искусственный интеллект – это та сфера, где нужно широко применять государственное регулирование, не дожидаясь негативных прецедентов. Маск отметил, что по роду своей деятельности имеет доступ к самому передовому ИИ и считает, что его опасения должны быть услышаны».

Далее журнал приводит несогласие с позицией Маска основателя Facebook Марка Цукерберга, обвинившего самоуверенного бизнесмена в безответственности. На что Маск записал в Твиттере:

«Уверен, что ИИ рано или поздно попросту прикончит всех нас. Уже сейчас и Amazon, и Apple, и Google, и Facebook знают о нас слишком много. Созданный в недрах этих компаний ИИ получит огромную власть над людьми. При этом нет никакого контроля извне. Так быть попросту не должно».

Маск не единственный из людей его уровня знаний, у кого ИИ вызывает опасения. Билл Гейтс, посвятивший себя данной сфере,

убежден, что в перспективе искусственный интеллект таит в себе угрозы человечеству. «Я в лагере тех, кто обеспокоен сверхразумным интеллектом... Я согласен с Илоном Маском по этому поводу и не понимаю, почему некоторые люди не понимают этого».

Сколько времени нужно на женщину?

Ну и конечно, разбирая всколыхнувшего весь мир гения по косточкам, нельзя не поговорить, хотя бы немного, о его личной жизни. Для инопланетянина-марсианина Илон Маск слишком крепко и слишком широко укореняется на Земле, в своей любимой Америке, благо его финансовое положение позволяет не отказывать себе ни в чем. В элитном районе Лос-Анджелеса, в Бель-Эйр, он недавно купил уже пятый роскошный особняк. Все вместе они обошлись ему в \$7 млн. Почему пять и почему в одном месте, поблизости друг от друга? Быть может, перед возвращением на родную Красную планету он готовит почву для завещания, в котором отпишет по особняку на каждого сына?

Со своей первой женой, писательницей Джастин Маск, Илон познакомился еще в Канаде, учась в одном с ней университете. Они были женаты восемь лет. Она стала матерью всех его пятерых сыновей, родив двойню (2004) и тройню (2006). (Если бы их первенец не умер в младенчестве, то было бы шесть.) Джастин пользовалась всеми благами женщины из высшего общества – целый штат прислуги, личный самолет, дружба с сильными мира сего, элитные клубы. И все же чувствовала себя несчастной. Понятно и без пошлых подробностей, что человек, целиком посвятивший себя деятельности такого масштаба, работающий по 18 часов в сутки без выходных, не может одновременно быть и хорошим семьянином. В 2008-м они развелись. Дети остались с матерью, но с отцом видятся регулярно, по несколько дней в неделю. «Я довольно хороший папа, – считает Илон, – дети проводят со мной много времени. Я часто беру их с собой в поездки.» А еще он очень любит гулять с ними в лесу.

Поскольку до университетов дело еще не дошло, Илон озабочен пока средним образованием сыновей. Американская школа, весь ее уклад, а главное – система обучения вызывают у него отторжение и неприятие. Возможно, еще сыграла роль стрессовая память детства в ЮАР – его не просто не любили сверстники, они его откровенно травили, частенько – с рукоприкладством. Став многодетным отцом, он не нашел для своих сыновей подходящую школу и тогда купил особняк поблизости от своего загородного дома и основал свою собственную закрытую школу – «Ad Astra», организовав ее по своим

законам и правилам. (В название взята часть латинской пословицы: *Per aspera ad astra* – «Через тернии к звездам».)

Словосочетание «основал школу» тут вряд ли употребимо, поскольку его *Ad Astra* функционирует скорее по принципу частного детского сада – три приглашенных педагога, дюжина учеников и анархия во всем – нет оценок, нет даже разделения на классы. Каждый ученик волен учиться тому, что ему нравится, игнорируя все прочие дисциплины.

Эту школу, помимо его сыновей, посещают одаренные дети из семей сотрудников *SpaceX* (их количество варьируется от 14 до 30). О «звездной школе» мало кому известно. А точнее – ничего никому неизвестно, поскольку у нее нет ни официального телефона, ни своего сайта. Более того – преподаватели и родители подписывают соглашение о неразглашении. Поэтому ее называют «самой закрытой школой в мире». Понять Илона-отца нетрудно – американская система образования ныне такова, что любому нормальному родителю захочется оградить от нее своего ребенка, особенно, когда есть такие возможности...

Но вернемся к его женщинам. Уже после развода Джастин Маск рассказывала, что Илону тяжело строить с ними отношения. «Даже находясь дома, мыслями он был в другом месте. А мною Илон был всегда недоволен и заявлял, что если бы я была его подчиненной, то он давно бы меня уволил», – признавалась она.

Вторично Илон женился в 2010-м на британской актрисе Талуле Райли. Они сходились и расходились (официально) несколько раз, пока окончательно не расстались в 2016-м. Потом была шумная история с тем, как он отбивал жену и возлюбленную у Джонни Деппа – актрису Эмбер Хёрд. Отбил. Но через какое-то время и с нею расстался.

Талула Райли после последнего развода записала в своей биографии: «Илон выглядел как сама смерть. Мне казалось, этот парень вот-вот схлопочет сердечный приступ и умрет. Казалось, он стоит на грани... Он страдал физически. Наваливался во сне на меня и начинал кричать».

Сам Маск, слишком открытый для всех желающих, как-то признался в Твиттере, что он в постоянном стрессе и что у него маниакально-депрессивный психоз.

Подобным психическим расстройством, выражающимся, в частности, в резкой смене настроений – от депрессии к эйфории, страдают, к примеру, такие голливудские актеры, как Кэрри Фишер, Кэтрин Зета-Джонс, Дрю Бэрримор, Джим Керри, Жан-Клод Ван Дамм. Но, в отличие от Илона, они свои проблемы особо не

афишируют. (Не из-за откровений ли Илона некоторые с удовольствием подхватили версию его психических отклонений?)

Если уж Маск на чем-то и «помешан», так на своих идеях, пропуская их через себя, как электрический ток. Его мучают ночные кошмары. Стремясь переделать мир под себя, он подсаживает на эту страсть, как на наркотик, своих коллег, сотрудников и всех окружающих. «Он не понимает слова «нет», – рассказывает Джастин. – Отделаться от него невозможно. Это Терминатор. Он фиксирует свой взгляд на чём-то и говорит: «Моё». Именно так он добивался и меня». Сам Илон говорит о себе: «Я как самурай — скорее умру, чем сдамся».

Маск не щадит ни себя, ни тех, с кем работает, требуя полной отдачи, терроризируя или безжалостно увольняя. В одной упряжке с ним должны быть только такие же фанатики и трудоголики, как он. Поэтому он лично присутствует на всех собеседованиях при приеме людей на работу (на любом уровне).

Стремясь вывести «Теслу» из убыточного состояния, в числе прочих экстренных мер он потребовал, чтобы все его сотрудники работали по субботам и воскресеньям. «Когда кто-то возразил, – вспоминал тогдашний финансовый директор Tesla Райан Поппл, – что люди и так работают на пределе, Илон ответил: «У них будет более чем достаточно времени на семью, когда мы обанкротимся».

Инженер из SpaceX, наблюдавший за творческим персоналом, выходящим от Маска после совещания, рассказывает: «Сразу видно, что они просто уничтожены. И это одни из самых талантливых людей в мире в своих областях – он их просто размазывает по стенке».

А вот отповедь Маска сотруднику, который из-за рождения ребёнка не пришёл на совещание: «Это не оправдание. Я крайне разочарован. Вам нужно разобраться с приоритетами. Мы меняем мир и историю. Вы либо с нами, либо нет». На следующий день сотрудник был уволен.

Один из специалистов «Теслы», давая интервью, сказал: «В этой гонке, цель которой – совершить мировой переворот в сфере электромобилей, автономных технологий и в космосе, вы в действительности не работаете на Tesla или SpaceX. Вы работаете на Илона Маска».

Менеджер компании SpaceX, Долли Синг, дала своему боссу такую оценку: «Илон – это Вернер фон Браун, Говард Хьюз, Генри Форд, Билл Гейтс, Стив Джобс и другие одарённые люди в одном флаконе».

При всей одержимости работой и чрезмерной самодостаточности, техномиллиардер не выносит одиночества – звука собственных шагов в пустом доме и пустой постели. «Я должен найти подругу. Сколько времени нужно женщине в неделю? Десять часов достаточно? Каков

вообще минимум?» – с той же масковской открытостью и граничащей с цинизмом прямолинейностью вопрошает он, ожидая ответа не от близкого друга, а от незнакомых людей из интернета.

На спутницу жизни время у него лимитировано, а на запойное чтение (продолжающееся с детства), развлечения, тусовки, «зависание» в интернете (фильмы, видеоигры, общение) и разного рода хобби оно всегда находится.

В своем уже более чем зрелом возрасте Илон похож на озорного, «упёртого» мальчишку, а еще больше – на детскую копилку, доверху набитую новенькими, блестящими монетками-идеями. Он остается восторженным мечтателем, падким на развлечения и увлечения. При каждой возможности он не прочь сняться в кино, пусть даже в самом маленьком эпизоде, лишь бы это был фантастический фильм про космос. Заработав свои первые миллионы, он купил британской спортивной суперкар McLaren F1 (было выпущено всего 65 экземпляров), считавшийся самым быстрым в мире, и гонял на нем, пока не разбил. Приобрел чехословацкий учебно-боевой самолёт, потом – 1-местный реактивный, Dassault Falcon 900, участвовавший в съемках фильма Thank You for Smoking.

Похоже, Илону передались через поколение гены его деда, такого же шального, и одновременно хорошо знавшего, что он хочет, романтика. Эмигрируя в 1948 году из Канады в ЮАР, дед разобрал на составляющие свой любимый частный самолет. Перевезя его в таком виде в Африку, он снова его собрал и до самой своей смерти летал на нем по всему миру, отдав Богу душу в 77 лет за штурвалом...

Еще одним приобретением Илона стал выкупленный им на аукционе автомобиль-субмарина Wet Nellie из «бондианы». Для съемок фильма «Шпион, который меня любил» канадские инженеры действительно превратили автомобиль Lotus Esprit S1 в субмарину, установив на нем электродвигатели, гребные винты и наружные рули – в виде коротких крыльев. А колеса сняли. Это фантастическое творение зрители окрестили «Мокрая Нелли». Но роль «трансформера» автомобиль играл только в кино.

«Маленький мальчик из Южной Африки с восторгом смотрел, как Джеймс Бонд на своем Lotus Esprit срывается с пирса. Под водой он нажимает кнопку, и автомобиль трансформируется в субмарину. Я был разочарован, узнав, что на самом деле этот Lotus не может трансформироваться. Мы собираемся улучшить его с помощью электродвигателя Tesla и постараемся сделать так, чтобы он мог не только плавать в воде, но и ездить по суше». Вот в этом весь Илон Маск!

Илон Маск – «угроза для России»

Со своей неумолимой страстью менять и подчинять себе устоявшиеся каноны мира техники, энергии и электроники, Маск слишком многим производителям перешел дорогу, вывел из состояния равновесия, а то и разорил. Понятно, что эти «многие» испытывают к нему далеко не дружеские чувства. В России, например, о Маске заговорили, как о «бельме на глазу», как об «экономической угрозе для всей страны».

В интернете можно встретить такие сентенции: «Идеи одного американца, как ни обидно, значат для человечества больше, чем все изыскания членов Российской академии наук вместе взятые», или: «Главный враг России не американский президент, а американский инженер и бизнесмен Илон Маск, подписавший российской космической отрасли «смертный приговор».

Утопическую идею Маска сделать ракеты общественным воздушным транспортом весьма аргументированно раскритиковали российские ученые, в частности, член-корреспондент Российской академии космонавтики имени Циолковского (РАКЦ), Андрей Ионин, доказавший, что эта затея бесперспективна и абсурдна по целому ряду параметров.

Другой российский академик РАКЦ, Александр Железняков, относит планы американского предпринимателя-миллиардера по колонизации Марса к разряду фантастики. «Мировая практика показывает, – говорит он, – что реализация столь масштабных проектов может занять не одну сотню лет».

«Постояв на краю пропасти, Маск осуществил, пожалуй, самую масштабную предпринимательскую кампанию в истории, – пишет вышеупомянутый Эшли Вэнс. – Компании Маска уже изменили мир высоких технологий... Благодаря своим инновациям в области транспорта, энергетики и освоения космоса Маск открыл новую индустриальную эпоху. Мало кто из нас согласился бы вести такой образ жизни, как он, или иметь дело с таким уровнем риска. Но именно благодаря своему умению всегда балансировать на грани возможного, он добился столь многого».

Можно не сомневаться, что Илон Маск на века войдет в историю как легенда XXI века. Его биографию и все его «сверхзвуковые» достижения, наверняка, будут изучать в школах и университетах.

*Полный вариант статьи см. на сайте журнала «Чайка»:
<https://www.chayka.org/node/8703>*

Соня Тучинская
Сан-Франциско, США

Новости: Старбакс закрыт. Все ушли на правезу

12 апреля этого года в городе Филадельфия два чернокожих (не выглядевшие бомжами) зашли в одну из кофеен сети Старбакс и долго сидели за одним из столиков, отведенных, понятное дело, для клиентов кофейни. Когда им предложили сделать заказ, они сказали, что ждут «третьего». То ли, чтобы вместе скинуться на один стакан кофе, то ли еще по каким-то причинам.

Просидели они в этом пассивном статусе достаточно долго, чтобы почувствовать «зов природы». Однако служащая Старбакса вежливо отказала им в возможности насладиться комфортом местного сортира, ссылаясь на четкие правила, известные всем посетителям кофеен этой сети. Цифровой код для попадания в уборную напишут вам на вашем чеке, после того как вы оплатили заказ. Проверено лично, эмпирическим путем, причем не где-нибудь, а в самой столице либерастии/толерастии – в Сан-Франциско. Так как неклиенты (клиент тот, кто покупает продукт) настаивали на своем (впрочем, неагрессивно), служащая, опять же в полном соответствии с внутренними правилами бизнеса, нанявшего ее на работу, вызвала полицейских. Эти последние отвезли двух незадачливых приятелей в полицейский участок, где не сделав им ничего плохого, вскорости отпустили восвояси.

Несмотря на то, что служащая действовала строго по инструкции и что нет ровным счетом НИКАКИХ доказательств, что приятелей не допустили помочиться в старбаксовский сортир оттого, что они чернокожие, в стране началась беспрецедентная истерия по поводу «искоренения расизма» в Старбаксе, которому стали угрожать общенациональным американским бойкотом.

Вот как в свете всего этого ответили на пустяшный инцидент в Филадельфии гении из штаб-квартиры Старбакса в Сиэтле.

В каком бы городе Америки вы ни жили, 9 мая 2018 года вам не удастся «забежать» ни в одну из кофеен этой популярной сети. Все 8000 торговых точек Старбакса сегодня закрыты для клиентов, поскольку все 175 тысяч работников в обязательном порядке будут подвергнуты идеологической обработке по месту работы на манер сталинско-маодзедуновского «перевоспитания» малосознательных слоев общества.

Эта массированная переплавка сознания работников Starbucks обойдется компании в 20 млн. долларов упущенной прибыли. Между тем, оба «пострадавших» оказались людьми ослепительного благородства. Они отказались от выплат за нанесенный им «моральный ущерб» – 200 тысяч каждому – от городских властей, и эти деньги пошли на гранты нуждающимся студентам.

Однако, достойное и разумное поведение «жертв расизма» не остановило вошедшее в поликорректный раж старбаксовское начальство, в силу чего в качестве «свадебного генерала» на День Закрытых Дверей был приглашен одиозно-левый персонаж из бывших

– Эрик Холдер. Черный расист с лицом болотной нежити, который в бытность свою Генеральным Прокурором прославился в роли подельника Обамы по всему спектру совершенных им (Обамой) преступлений.

Под началом этого зловещего персонажа (Эрика Холдера) создавалась инструкция, обязующая работников Старбакса любить всех посетителей бизнеса. Потому, что все посетители равны. Но некоторые еще равнее, и их, соответственно, нужно любить больше. Это те, кто кофе не пьют и печеньками не закусывают, а приходят в Старбакс поодиночке или группами погреться в холод или, напротив, охладиться в жаркие летние дни. А то и просто посидеть в удобных старбаковских креслах, мирно беседуя промеж себя о жизни и смерти, время от времени посещая, как водится у живых, сортиры. И препятствовать им в этом или намекать на то, что они занимают место за столиком, не делая заказа, теперь категорически воспрещается.

Все понимают, что речь тут идет об индивидуумах с той же пигментацией кожи, что и у двух наших бывших: бывшего Президента с бывшим Главным Прокурором. В разработке «инструкции» принимали активное участие лидеры движений по борьбе с «белым расизмом», такие к примеру, как «Black lives matter. Те из них, разумеется, кто умеет читать и писать.

Не нужно обладать трехзначным IQ, чтобы понять, к чему приведут эти меры, как сказал бы булгаковский Филипп Филиппович, «космического масштаба и космической же глупости».

Прошедшие через сегодняшний «правеж» работники Старбакса будут from now on особенно любезны не со мной и не с вами, лояльными клиентами их бизнеса, а с теми, кто зашел к ним опорожнить мочевой пузырь. Это в лучшем случае. Не афишируется, но общеизвестно, что уборные в частных бизнесах закрывают на кодовые замки, в первую очередь, чтоб в них не наведывались наркоманы с улицы.

Главный результат сегодняшнего однодневного «исправительного лагеря» – это официальное приглашения – «ласкаво просимо»– всем бомжам/наркоманам беспрепятственно посещать Старбакс и его уборные с любой любезной их сердцу целью.

Одно из двух. Или я рехнулась или мир сорвался с петель. Я, разумеется, грешу на мир.

В условиях развитого капитализма частный бизнес, мало того, что теряет 20 миллионов в «День Закрытых (для клиента) Дверей», он еще вменяет своим работникам беспрекословно позволять неклиентам превращать свои чистые сортиры в удобные точки «прихода» для наркоманов. А главное, что этими безумными нововведениями он не

боится отпугнуть нас с вами, его loyal customers, приносящих этому бизнесу громадный доход. Ну, а как иначе расценить то, что Старбакс решил сделать свой бизнес «junkie-friendly»⁶³?

Хотя, с другой стороны, это его право, право любого частного бизнеса. Но и за нами остались права помочь этому обезумевшему от припадка толерантности частному бизнесу выйти из него.

А что если нам переключиться на другую кофейную сеть – Peet's Coffee? У них, кстати, coffee мока не в пример лучше, чем у Старбакса.

Честно говоря, дело не в этом, а в том, что должно же, наконец, «молчаливое большинство» встать против разъедающей самые основы нашей жизни ортодоксии политической корректности. Должны мы, в конце концов, возмутиться, как это сделали несколько лет назад жители южных штатов в истории с сетью закусочных Chick-fil-a. А что если Старбакс, не досчитавшись нас, опечалится больше, чем от потери «полезных идиотов», окончательно рехнувшись на борьбе с несуществующим фантомом «белого расизма»? Кстати, большинство этих непуганых идиотов – белые.

Если мы, вменяемые жители Америки, представляющие все ее этнические, возрастные и социальные группы, просто поменяем Старбакс на Peet's Coffee, это не может не перевесить шантаж ожидаемым бойкотом, которому подвергли Старбакс борцы и борцуньи за все хорошее против всего плохого из американских мегаполисов.

Создатель Старбакса Говард Шульц, по определению, умеет считать деньги. Он ни на гран не сомневается, что затраты на «перевоспитание» громадной армии его работников будут оправданы, так как соответствуют новым реалиям, сложившимся в Америке к началу 21-го века. Невдомек ему, что такие, как он, в полном противоречии с базисными законами экономики и элементарного здравого смысла, и создают эти новые реалии.

⁶³ – junkie-friendly business – такой бизнес, который привлекает неизлечимых наркоманов.

Яков Фрейдин
Сан-Диего, США

Хаммер-Молоток

Лет 35-40 назад позвонить из США в СССР было трудно — на всю огромную страну позволялось очень малое число телефонных звонков, всего несколько десятков в день. Служба прослушивания в структуре КГБ с большим количеством разговоров не справлялась и перегрузок не терпела. Оттого и ограничение. Чтобы заказать телефонный разговор с Советским Союзом нужно было не более чем за минуту до полуночи звонить международному оператору на телефонную станцию и заказывать разговор на завтра. Если повезёт, тебя ставили на очередь, и тогда на следующий день можно было услышать в трубке голоса родственников или друзей.

Осенью 1979 года я смог дозвониться, и моя мать сообщила о семейной беде. У моей сестры, врача-терапевта, неожиданно возникло сильное кровотечение в обоих глазах (у неё был диабет первого типа) и её увезли в клинику при московском институте им. Гельмгольца. Там ей ничем помочь не смогли, но сказали, что есть надежда на американскую глазную хирургию — за полгода до того в тот самый «Гельмголец» приезжало светило из университета Джонса-Гопкинса, которое читало лекции как раз о таких медицинских ситуациях. Я сразу же нашёл этого глазного хирурга в Балтиморе, позвонил ему и рассказал, что произошло. Он был очень любезен, сказал, что да, в некоторых случаях удаётся помочь и спасти зрение пациента, а потом добавил: «Но я ничего не могу сказать конкретного, пока не увижу

вашу сестру. Сначала мне нужно обследовать пациента. Привезите её в Америку, сразу позвоните мне, и я сделаю, что смогу».

Легко сказать, «привезите в Америку» в начале 1980 года! После ввода советских войск в Афганистан наступили суровые заморозки Холодной войны. Шансы на то, что моя сестра сможет приехать в Америку, были близки к абсолютному нулю, так как в то время эмиграция из СССР почти прекратилась, а в гости вообще никого не выпускали. Тем не менее, я развил большую активность, звонил и писал сенаторам и конгрессменам с просьбой как-то повлиять и оказать давление на советских. Но всё было без толку.

Однажды я об этом рассказал моему приятелю Флойду. Это был пожилой человек, от дел он отошёл, но у него сохранились немало энергии и желания делать добро. Более 30 лет до того он руководил президентской избирательной кампанией Томаса Дьюи. Когда в 1948 году Дьюи проиграл Трумэну, Флойд ушёл из политики, но с тех пор у него осталось несколько знакомых на верхах американского бизнеса. Он мне сказал: «Я сегодня же напишу письмо моему другу Дональду Кендаллу. Это президент компании Пепси-Кола, он хорошо знаком с господином Брежневым. Я попрошу Дона позвонить Брежневу и уверен, что дело быстро уладится».

Флойд пришёл ко мне домой через неделю и принёс ответное письмо от Кендалла. Это было воплощение ошеломляющей наивности. Кендалл писал: «Дорогой Флойд, не понимаю, зачем я должен беспокоить господина Брежнева по такому пустяковому поводу. Ведь есть куда более простое решение — пускай твой русский друг сам позвонит в Вашингтон советскому послу Добрынину и попросит отпустить его сестру в США на лечение. Я знаю господина Добрынина, это хороший человек, он не откажет.» Ну что тут скажешь? Подумать, что советский посол будет разговаривать с отщепенцем-иммигрантом, было даже не наивностью, а верхом глупости. С тех пор, кстати, я никогда не пью Пепси-колу, хотя Кендалла там давно уже нет.

Примерно после полугода безуспешных попыток чего-то добиться, я совсем потерял надежду, а драгоценное время уходило. Однажды вечером я включил телевизор. Там передавали интервью с Армандом Хаммером. Это был разговорчивый и подвижный, как хорёк, господин лет около восьмидесяти, который хвастливо говорил: «Я был хорошо знаком со всеми советскими руководителями — с Лениным, Сталиным, Хрущёвым. Вот и сейчас, когда между СССР и США практически нет никаких контактов, я единственный человек в Америке, который может снять трубку и позвонить Брежневу в любое время дня и ночи, и он будет рад со мной говорить». Я подумал — ух

ты! Да ведь это именно тот человек, который мне нужен! А что если попросить его помочь? Но как? Я решил написать ему письмо.

Чтобы его сразу не спугнуть, я начал с фразы, что это письмо не о финансовой помощи или каких-то пожертвованиях, а обращаюсь я к нему, как к врачу (я знал, что Хаммер по образованию врач и страшно этим гордится) и хочу попросить его о содействии в одном медицинском вопросе. Где-то недели через две мне позвонила его секретарша и сказала, что мистер Хаммер примет меня в своём офисе на следующей неделе. Я полетел в Лос-Анджелес.

Нефтяная компания «Оксидентал Петролеум», где Хаммер был председателем совета директоров и владел контрольным пакетом акций, помещалась на Бульваре Вилшайр в высотном здании, отделанном белым мрамором и полосами нержавеющей стали. Внизу в вестибюле над головой охранника висел большой портрет самого Хаммера — похоже, старик был влюблён в себя. Я назвал своё имя, показал удостоверение, охранник сверился со списком ожидаемых визитеров и позвонил кому-то по телефону. Потом дал мне нагрудную табличку с надписью «Посетитель», показал, где лифт, и сказал, на какой этаж мне надо подняться.

В просторной приёмной секретарша велела мне подождать, а затем сказала, что у господина Хаммера для меня есть только десять минут и я должен быть краток. Вскоре она открыла высокую дверь из красного дерева и меняпустила. Сравнительно небольшой кабинет, как и дверь, был отделан тёмным красным деревом, в левом углу стоял застеклённый книжный шкаф, на стенах в массивных рамах висело несколько картин старых фламандских мастеров, сейчас не помню каких. В центре был письменный стол, а за ним комод с множеством фотографий в рамках. Среди них мне сразу бросились в глаза портреты Ленина и Брежнева, стоявшие там на самом видном месте. Оба снимка были с дарственными надписями.

Я был так поражён увидеть эти портреты не в кабинете какого-нибудь советского партийного бонзы, а у одного из акул капитализма, что даже не сразу заметил самого Арманда Хаммера, молча сидевшего за столом. Он сказал:

— Ну что вы там стоите, садитесь сюда, — показал мне на кресло у стола, — и говорите, что у вас ко мне за медицинское дело?

Я кратко рассказал о ситуации с моей сестрой и подхалимски добавил, что решил обратиться к нему и как к врачу, который возможно захочет помочь коллеге, и как к единственному американцу, с которым считаются и которого уважают в Кремле. Он слушал меня, не перебивая, только головой кивал, а потом неожиданно спросил по-русски:

— Ну а сами вы почему эмигрировали из Советского Союза? Чем вам там не понравилось? Думаете, здесь будет лучше?

Арманд Хаммер в своём кабинете в Лос-Анджелесе

Я посмотрел на портрет Брежнева за его спиной и понял, что будет глупо и даже опасно для моего дела ругать советскую власть, а потому объяснил красному капиталисту, что решил переехать в США чисто по профессиональным причинам, мол, моя специальность здесь развита на очень высоком уровне, я надеюсь многому научиться, и, если в будущем будет такая возможность, обязательно вернусь. Он никак на это не среагировал, но сказал, что в следующем месяце собирается посетить Москву, там как раз будет проходить Олимпиада, а когда вернётся, даст мне знать, если сможет чем-то помочь моей сестре. Мне стало ясно, что аудиенция закончена, я поблагодарил его, попрощался и направился к двери. Он из-за стола не поднялся и руки мне не подал, лишь молча кивнул. На следующий день я улетел домой в Коннектикут.

Привратник открыл дверь в гостиную, где доктор отдыхал после далёкой поездки. Он сидел в кресле у камина и читал вечернюю газету.

— Там ваш сын пришёл, — сказал слуга и добавил шёпотом, — он очень взволнован...

Джулиус сложил газету и встал с кресла. В комнату вбежал Арманд:

— Папа, беда! Не знаю, что делать. Господи, что же делать! На прошлой неделе, когда ты был в отъезде, я работал здесь, в твоём

офисе, разбирал бумаги, как вдруг пришла твоя пациентка миссис Мария Оганесова...

— Да, я её наблюдаю с прошлого года. Она хоть и молода, у неё целый букет всяких болезней. Её муж – бывший царский дипломат. Ну так что произошло? Что она хотела? Рассказывай.

— Она спросила тебя, но, когда я сказал, что ты вернёшься только через неделю, стала настаивать, чтобы я сделал ей аборт, у неё был уже четвёртый месяц. Говорила, что я ведь учусь на гинеколога и должен это уметь делать. Сказала, что это совершенно конфиденциально, и настаивала, чтобы я сделал здесь же в офисе, немедленно. Очень боялась, чтобы никто не узнал, особенно муж... Господи, зачем я согласился! Я сделал, что мог, после процедуры она сразу уехала на своём авто. Но... Только что мне телефонировали из госпиталя, что у неё, оказывается, возник сепсис и час назад она умерла. Что делать, папа? Меня арестуют? Я не хотел делать, но она настаивала...

Молодой человек упал в кресло и закрыл лицо руками. Доктор Хаммер, ничего не ответил, молча стал ходить по комнате, а потом сказал:

— Значит так. Слушай, Арми, и не перебивай. Это был твой первый и последний пациент. Твоя медицинская карьера на этом окончилась навсегда. Врачом ты не будешь. Об этом забудь. Как закончишь колледж, будешь работать в моей компании, делать лекарства. Что касается аборта и смерти миссис Оганесовой, я сам с этим разберусь...

Джулиус отправился в полицию, пытался замести следы, но его быстро разоблачили, и тогда он взял всю вину на себя. Сказал, что это он сам сделал пациентке незаконный аборт (после 1880 года аборты для белых женщин в США были запрещены). Был суд, доктора Джулиуса Хаммера приговорили к трём с половиной годам в Синг-Синге. Арманд привлёк целую адвокатскую команду для обжалования приговора, но это не помогло, Джулиус остался за решёткой. Впрочем, полный срок он не отсидел, и в январе 1923 года был выпущен досрочно «за хорошее поведение».

Ещё до посадки в тюрьму, свято веруя во всеобщее равенство, братство и победу коммунизма во всём Мире, Джулиус Хаммер всю жизнь занимался борьбой за освобождение американского рабочего класса от гнёта капитализма, хотя рабочий класс его об этом не просил. С парой-тройкой единомышленников в 1919 году он основал американскую компартию и стал обладателем партийного билета номер 1. Впрочем, не о Джулиусе этот рассказ, вернёмся к его сыну Арманду, имя для которого папочка-коммунист взял не с потолка. «Арм-анд-Хаммер» (Arm and Hammer) по-английски значит «рука и молот». Думал,

наверное, сначала назвать «серп и молот», но по-английски это звучит не очень благозвучно, чуть смахивает на «больной с молотком».

После того как отец оказался за решёткой, ещё будучи студентом медицинского факультета в Колумбийском Университете, Арманд взял в свои руки руководство его фармацевтической компанией «Allied Drug and Chemical Corporation», где всю проявился его большой талант к бизнесу. В аккурат после своего 1-го дня рождения, он получил медицинский диплом с отличием, но, как и требовал отец, не стал врачом, а целиком занялся бизнесом. Вскоре, в 1920 году, подоспел «Сухой Закон» — Америка решила отныне быть трезвой. На этом не слишком-то умном законе сразу же расцвела мафия и появилось множество жуликов. Они делали дикие деньги на незаконном импорте и подпольной продаже выпивки. Кстати, одним из самых успешных в этом теневом бизнесе был Джо Кеннеди, отец будущего Президента. Молодой и сообразительный Арманд не хотел оставаться в стороне от такой золотой жилы и стал думать — как же обойти «Сухой Закон»? Именно обойти, а не нарушать — к папе в Синг-Синг его совершенно не тянуло. Потому он придумал делать и продавать не водку или виски, а имбирную «лекарственную настойку» на спирту. Всё было шито-крыто и в рамках закона. Вроде ты не бухаешь, а лечишься. На этом «лекарстве» он сделал свой первый миллион.

Весной 1912 года, когда Арманд навещал отца в тюрьме, Джулиус сказал:

— Арми, в 1907 году я был в Штутгарте, это в Германии. Там я участвовал в социалистической конференции, где познакомился с одним примечательным джентльменом. Это был удивительно харизматический человек с потрясающим талантом убеждать в своей правоте. Он и меня убедил на всю оставшуюся жизнь. Его тогда звали Ульянов, а сейчас это Ленин, глава российского правительства. У них в России идёт гражданская война и совершенно нет медикаментов. Ещё два года назад я им поставлял хлороформ, но большевики денег мне не заплатили, да я и не настаивал. Мы, коммунисты, должны помогать друг другу. Вот что я хочу сделать. Здесь, в США, после окончания войны скопилось огромное количество неликвидных медикаментов, а в России нет ни лекарств, ни хирургических инструментов, вообще ничего. Я хочу сделать Ленину подарок. Закупи на мои деньги большую партию этого товара, цены на него сейчас бросовые, и повези в Москву. Я дам тебе письмо к Ленину, уверен, что он меня помнит, мы с ним провели вместе немало времени. Только имей в виду — ехать в Россию надо без огласки. Наше правительство к коммунистам относится подозрительно, и могут быть неприятности, если наше имя

там всплывёт. Я ведь тебе говорил, что ФБР давно за мной следит. Поэтому вези товар тайком через другие европейские страны, а Россию нигде даже не упоминай.

Арманду идея понравилась, он закупил несколько контейнеров, забил их медикаментами на сумму \$60.000 [примерно 1 миллион в нынешних деньгах], в Нью-Йорке погрузил это богатство на пароход «Аквитания», и не озаботившись получением лицензии на вывоз товара, отбыл в английский порт Сауфхэмптон, а оттуда направился в Берлин для получения советской визы. Там вышла задержка — Советская Россия уже плотно прикрыла двери, и люди ждали визы месяцами. Тогда Арманд написал письмо в Москву и упомянул несколько важных имён, включая своего отца. Ответ пришёл незамедлительно от самого Максима Литвинова, заместителя наркома по иностранным делам РСФСР. Виза была получена, и Арманд отправился в Ригу, а затем поездом в Россию.

Во всех промежуточных пунктах ему удавалось избегать досмотра контейнеров с помощью его излюбленного метода — взятки, в даче которых он стал виртуозом. Наконец, 20 октября 1921 года Арманд со своим грузом прибыл в Москву. Он поселился в гостинице «Савой», грязной и холодной. Еды не было никакой, страна голодала. Первые дни Арманд питался консервами, что привёз с собой, потом на доллары покупал еду у спекулянтов, и наконец, когда он передал свой подарок, то есть контейнеры с медикаментами, наркому Семашко, ему выдали талоны на еду.

Вскоре к нему приставили ни много, ни мало — самого Людвиг Мартенса, члена президиума ВСНХ, и они вдвоём (и с охраной) поехали на Урал, сначала в Екатеринбург, затем в Касли, Алапаевск, и наконец на асбестовые шахты у посёлка Куделька. Тут у Хаммера в голове что-то щёлкнуло, и на него снизошло озарение — запросить у советских концессию на продажу в Америку асбеста — ценного сырья для быстро развивающейся в те годы электрической индустрии, полудрагоценных камней, леса, мехов и прочих материалов. За это он запросил 5% комиссионных, причём с обеих сторон, то есть от советской стороны и от американских покупателей. Мартенс послал телеграмму Ленину и немедленно получил согласие. В ответной телеграмме Ленин добавил, что хочет встретиться с Хаммером, когда тот вернётся в Москву. Увидев телеграмму, Арманд выучил важнейший урок бизнеса — любую сделку надо обговаривать вначале на самом верху, тогда успех обеспечен. Этому принципу он следовал всю свою долгую жизнь.

Сразу же после возвращения в Москву Арманд поехал в Кремль. Ленин принял его очень тепло, расспрашивал про Джулиуса, говорил,

что хорошо его помнит. Добавил, что во многих странах есть компартии, однако на их руководителей у него нет никакой надежды, кроме Джулиуса, который есть настоящий американский большевик. Тут хитрый Арманд соврал, сказав, что медикаменты и хирургические инструменты – это его, Арманда, личный подарок России, а папа по сфабрикованному обвинению сидит в тюрьме как основатель американской компартии. Ленин был растроган и очарован молодым доктором из Нью-Йорка, сказал, что России сейчас нужны не столько медикаменты, сколько хлеб, и не может ли Хаммер организовать поставку миллиона пудов американского зерна? Вот тут Арманд почувствовал себя вершителем истории — он может спасти Россию от голода! Не бесплатно, разумеется, Ленин сказал, что валюты у них нет, но они готовы платить асбестом, мехами, чёрной икрой — товарами, которые Хаммер сможет сбывать с немалой для себя выгодой.

В советской республике только-только разворачивалась «новая экономическая политика» — НЭП, в которой Ленин видел спасательный круг для своей власти. Однако НЭП без торговли с Западом был невозможен. Ленин проявил огромный интерес к концессии с Хаммером скорее всего потому, что видел в этом наживку — заинтересовать американских бизнесменов в сделках с Советской Россией и, кто знает? Даже склонить к установлению дипломатических отношений. Он предложил молодому человеку заняться бизнесом в России и обещал всяческую помощь. Арманд был польщён, что с ним, 23-летним парнем, на равных разговаривает глава государства и предлагает сотрудничество. Обладая совершенно безграничным тщеславием, которое в сочетании с его талантом бизнесмена и нещепетильностью в выборе методов, он идеально подходил к тому, что ему предложил Ленин. Если большевики считали, что морально всё, что служит их целям, так же считал и молодой Хаммер — морально всё, что служит лично ему.

В заключении встречи Ленин подарил Арманду свою фотографию и добавил, что ему будет дана полная свобода выбора, как и чем заняться. Сказал, что Хаммер может обращаться лично к нему, когда только пожелает.

Забавный эпизод. Недавно мне попались на глаза воспоминания московского спортивного журналиста Владимира Гескина, где он писал о своём разговоре с Хаммером на Олимпиаде в Москве летом 1980 года, вскоре после того, как я побывал у него в кабинете. Гескин писал, как Хаммер ему сказал:

«...В этой стране, Владимир, для меня... все двери открыты!»

После чего рассказывает абсолютно фантастическую историю. О том, как однажды он поздним вечером прилетел в Москву и первым

делом попросил привезти его на Красную площадь. Где попытался пройти в Мавзолей, который, понятно, уже был закрыт. Появился начальник охраны, стал объяснять: мол, вы, господин Хаммер, конечно, большой друг (далее по списку), но сейчас в Мавзолей никак нельзя, а вот завтра с утра – конечно, будете первым.

— И тогда я показал ему это, — смеётся Хаммер, предвкушая мою реакцию. Бережно достает из бумажника пожелтевший листок бумаги и демонстрирует мне. На листке написано: «Пропускать ко мне товарища Хаммера в любое время дня и ночи». Подпись: «Ленин».

— Ну и как – пустили вас в Мавзолей? – спрашиваю я.

— Сразу же! Приказа ведь никто не отменял!»

После встречи с Лениным и подписания контракта, Хаммера переселили в роскошный особняк бывшего «сахарного короля», бежавшего после революции за границу, приставили к нему обслугу, осыпали всяческими почестями. Впрочем, Арманду было не до роскоши, работы было выше головы. Он ещё плохо говорил по-русски, ничего не понимал в добыче асбеста, надо было искать специалистов на Западе, отбирать российское сырьё для отправки в Америку, организовывать закупку и отправку зерна в Россию, что было сложно в той политической атмосфере. Госдепартамент США предупреждал корабельные компании об опасности захода в российские порты — боялись, что команда может быть арестована, а корабли захвачены. Эти опасения были весьма обоснованы — Советская Россия игнорировала международные законы, национализировала банковские счета и частную собственность. Вскоре на короткий срок он вернулся в Нью-Йорк — надо было организовать продажу российских товаров, договориться с рядом американских компаний о новых концессиях для Советской России, а также поменять название отцовской фирмы, которая стала, правда на короткое время, называться «Урало-Американская Горно-Торговая Компания». Он привёз отцу, который всё ещё сидел в Синг-Синге, письмо от Ленина.

На обратном пути по дороге из Нью-Йорка в Москву, Арманд на несколько дней остановился в Лондоне, где в одной антикварной лавке увидел небольшую бронзовую скульптуру мартышки, рассматривающей человеческий череп. Скульптура была иллюстрацией к книге Дарвина «Происхождение Видов». Он скульптуру купил и при очередной встрече подарил Ленину. Тот пришёл в полный восторг и поставил её у себя на письменном столе, а Хаммер выучил следующий урок — большим начальникам надо дарить подарки по их вкусу, это приносит большие дивиденды.

В 1922 Ленин написал записку Сталину: «Архиважно для дела НЭПа использовать канал молодого товарища Арманда Хаммера. Это

сейчас у нас единственная связь с Американскими Соединёнными Штатами и её необходимо развивать и поощрять всеми возможными способами. Оказывайте товарищу Хаммеру всяческую помощь и поддержку». Вскоре по инициативе Сталина компания Хаммера, которая теперь называлась «Allied American Corporation» была назначена эксклюзивным советским торговым представителем в США. Следующей большой сделкой, которую провернул Хаммер, был контракт с Фордом на поставку в Россию автомобилей и тракторов. То, что Форд был одновременно ярый антикоммунист и зоологический антисемит, ни Хаммера, ни Форда не смущало — бизнес есть бизнес и деньги не пахнут.

На питерском заводе «Красный Путиловец» пытались было копировать фордовские трактора и автомобили, но ничего путного у путиловцев не получалось. К осени 1923 года, благодаря НЭПу, российская деревня уже кормила страну, а потому поставки зерна из США прекратились. Главный товар, получаемый теперь Хаммером, были меха на сумму \$6 миллионов [\$100 миллионов в нынешних деньгах], из которых Арманд забирал себе уже 10% комиссионных.

В 1924 году для продажи советских товаров в США, Арманд и его отец на основе своей фирмы Allied American Corporation основали акционерную компанию Амторг, которая на многие годы стала единственным советским торговым представительством в Америке. Кроме того, Амторг выполнял некоторые функции посольства (дипломатических отношений с СССР тогда не было) и вдобавок стал центром разветвлённой советской шпионской сети в западном полушарии.

Сначала Хаммер планировал приехать в Советскую Россию лишь на короткое время, но пробыл там более девяти лет, хотя и с периодическими поездками домой в Нью-Йорк. Несмотря на поддержку властей, каждый день его в СССР был полон проблем — приходилось постоянно бороться с бюрократией, неорганизованностью, плохим транспортом, ксенофобией, завистью и «всеобщей электрификацией», когда всем всё до лампочки. Он как-то с этим справлялся, давая взятки налево и направо и пугая карами из Кремля. Особенно сложно стало после смерти его патрона Ленина. Сталин постепенно забирал власть в свои руки, и для иностранцев вести бизнес в Советской России становилось всё сложнее, НЭП сворачивался. Многие иностранцы рвали контракты и уезжали, но Хаммеру такая идея даже не приходила в голову — он всё ещё делал там большие деньги.

Он жил в Москве, как король, в роскоши и славе, а когда отец вышел из тюрьмы, в Москву перебрались из Нью-Йорка родители и

брат Виктор. У Арманда был личный автомобиль с шофёром (единственное частное авто в Москве), роскошная многокомнатная квартира в особняке, прислуга, тугой бумажник с валютой. Он свободно выезжал из страны, был красив, обаятелен, а главное — холост, так что отбоя от женщин не было. Однажды будучи на отдыхе в Ялте, он познакомился с исполнительницей цыганских песен Ольгой фон Рут, дочерью бывшего царского генерала, обрусевшего немца. Завязался роман, и 14 марта 1927 года они поженились. Это была первая из трёх жён Арманда. Ольга родила ему сына Джулиана. Вероятно, в сыне был какой-то ген криминала (уж не от отца ли?), так как однажды в США он попал под суд за убийство и закончил свою жизнь в психиатрической лечебнице. Других детей у Арманда не было, вернее, была ещё незаконнорожденная дочь от одной из любовниц.

Однажды он обнаружил, что нигде не может купить карандаш — к его изумлению, в СССР это был большой дефицит. Карандаши импортировали из Германии, их было мало и стоили они большие деньги. Хаммер предложил построить карандашную фабрику в Москве, хотя абсолютно ничего не понимал в таком производстве, получил разрешение и вложил в этот новый бизнес свои деньги. Завёз из Германии оборудование, спецов, и к Первомайским праздникам 1966 года фабрика вступила в строй. За первый год она выпустила карандашей и ручек на сумму более \$ 2.5 миллиона. Советское правительство было в восторге и дало Арманду карандашную монополию, полностью прекратив импорт и даже начав экспорт карандашей в Китай. Так Хаммер стал карандашным королём. Только за первый год он положил в карман миллион долларов чистой прибыли. Эта фабрика оказалась ключевой в борьбе с неграмотностью — вся страна училась писать карандашами, на каждом из которых было слово «A. Hammer».

Как и следовало ожидать, вскоре это стало раздражать советских, и на Хаммера стали сыпаться обвинения как на «капиталистического эксплуататора и кровососа», который вывозит из страны огромные деньги. Этот буржуй был в СССР, как белая ворона, а главное — живым свидетельством того, что, вопреки пропаганде, капитализм эффективно работает. Тем не менее, его терпели — после окончания НЭПа, Хаммер стал особенно нужен как единственный экономический мостик с Америкой.

После большевистского переворота и ограбления «бывших» в стране осталось огромное количество ценных произведений искусства. В 20-е годы почти за бесценок можно было купить старинные иконы,

картины европейских и русских мастеров, изделия из бронзы, северского фарфора, и другие ценности. Арманд не слишком разбирался в искусстве, но понял, что на этом можно хорошо заработать. Он поручил закупку ценностей своему брату Виктору, который имел художественное образование. Они скупали всё без разбора и переправляли в Америку. Братья могли зайти в Москве или Ленинграде на обед в дорогой валютный ресторан и выйти оттуда нагруженные царской посудой. Советские на это смотрели сквозь пальцы, требуя лишь, чтобы Хаммеры платили вывозную пошлину от 15 до 35% от оценочной стоимости. Впрочем, за взятки «эксперты» давали братьям низкие цены. В 1928 году он открыл в Нью-Йорке художественную «Галерею Хаммера», где продавались как подлинники, так и фальшивки — Арманд не гнушался ничем.

В апреле 1929 года его пригласил на встречу временный директор Эрмитажа В.И. Забрежнев. Этого чекиста специально назначили руководить главным музеем страны, чтобы ускорить продажу произведений искусства за границу. Когда он партийное задание выполнил, его арестовали и ликвидировали — слишком много знал. В те годы Сталину позарез нужна была валюта для подготовки «мировой революции» и он рассматривал музейные ценности как разменную монету [см. на эту тему мой рассказ «Верёвка»]. Арманд приехал в Питер с братом Виктором. Сначала два искусствоведа сделали для них небольшую экскурсию по Эрмитажу, а потом, когда директор остался наедине с гостями, он сказал:

— Господа, я знаю вы интересуетесь предметами искусства. У нас в Эрмитаже, как вы заметили, совершенно нет места для новых экспозиций. В этой связи я получил указание правительства продать излишки из запасников. Мне рекомендовали ничего не продавать до того, как вы посмотрите и решите, что вас интересует. Вам даётся право первого выбора.

Братья сказали, что да, их это интересует, но всё будет зависеть от того, что именно идёт на продажу и по какой цене. Им представили список и затем провели по залам, где были рядами выставлены сотни полотен и досок — итальянский Ренессанс, голландская и фламандская живопись, картины импрессионистов, в ящиках лежали старинные монеты и эмалевые византийские вазы. Братья отобрали лучшее на их вкус, в том числе работы Тициана, Рембрандта, Рубенса, Ван Гога, Писсаро, Тулуз-Лотрека. Всё, что они не взяли, было продано другим иностранным коллекционерам напрямую и через аукционы в Берлине и Лондоне.

В 1930 году фабрику пишущих принадлежностей национализировали и переименовали её в «Карандашную фабрику им.

Сакко и Ванцетти» в честь американских анархистов, казнённых на электрическом стуле за убийство. Арманд понял, что его пребывание в Советской России подошло к концу и пора паковать чемоданы. За день до отъезда в его особняке раздался телефонный звонок:

— Товарищ Хаммер? Подождите у телефона, с вами будет говорить товарищ Сталин.

Вождь пожелал Арманду счастливого пути и сказал, что потерю карандашной фабрики ему компенсируют. Он напомнил, что они всегда выполняли наказ Ленина поддерживать Хаммера, и выразил надежду, что он и в Америке останется другом СССР и сделает всё возможное, чтобы между двумя странами установились дипломатические и торговые отношения. Хаммер обещал.

На следующий день он уехал из СССР со своей огромной коллекцией и семьёй. Пройдёт более тридцати лет, прежде чем в 1961 году он опять приедет в Москву для встречи с Хрущёвым. А пока он отправился на несколько месяцев погулять в Париж, а затем, оставив жену и ребёнка во Франции, вернулся домой в Нью-Йорк. Там он сразу же открыл ещё одну галерею под многозначительным названием «Эрмитаж» и стал продавать «сокровища семьи Романовых из Зимнего Дворца и Царского Села». В галерее была выставлена его коллекция из 15 пасхальных яиц Фаберже. Он хвастливо говорил, что это больше, чем у английского короля, у которого только десять. Арманд даже начал секретное производство фальшивых яиц, благо он вывез из России подлинное фирменное клеймо Фаберже. «Эрмитаж» имел несколько филиалов, в одном из них, во Флориде, Хаммер для убедительности нанял титулованного продавца — князя Гундарёва, который уверял покупателей, что все эти предметы ему лично знакомы по Петербургу. В этом галерейном бизнесе у Хаммера всё было, мягко говоря, не слишком чисто. Одна группа иммигрантов из русской аристократии подала на него в суд, заявив, что предметы, которыми он торгует, по праву принадлежат им. Другие говорили, что это всё туфта — многие вещи вообще никогда не принадлежали царской семье, а были реквизированы большевиками из отелей, ресторанов, частных особняков и музеев. Но Арманд это не смущало, даже радовало — всё это только подогревало интерес к его галереям. Он говорил: «Нет плохого бизнеса. Есть плохие бизнесмены».

А потом наступил 1932 год — в США приближались президентские выборы. Хаммер занял сторону Рузвельта, внёс деньги в его избирательную кампанию и написал ему письмо, где уверял, что установление дипломатических отношений с СССР принесёт Америке большую пользу. Рузвельту предложение понравилось, и он включил его в свою предвыборную программу, где было ещё несколько новых

идей, в том числе отмена «Сухого Закона». Хитрый Арманд смекнул, что деньги можно делать и на принятии «Сухого Закона», и на его отмене. Он знал, что если этот закон отменят, то начнётся массовое производство пива и понадобится много дубовых бочек, а где их взять? Бочки в Америке не производили уж много лет — не было спроса. Он выяснил, что в его любимой Советской России есть огромные запасы дубовых досок и договорился с советскими о поставке их в Америку по ценам на 40% ниже мировых. Затем построил в Пенсильвании и Нью-Джерси два завода по производству бочек из белого дуба, а когда в 1933 году «Сухой Закон» наконец был отменён, пивоваренные компании кинулись искать бочки, а Хаммер — тут как тут! Ну не молодец ли! Да и Рузвельт не подвёл, в 1933 году он установил с СССР дипломатические отношения. Так что товарищ Хаммер оправдал надежды товарища Сталина.

Впрочем, бочки – это была мелочь, Америка стала пить взахлёб, и Хаммер не мог упустить такой возможности. Он основал фирму по производству дешёвого виски, построил несколько заводов и опять стал грести деньги лопатой. Однако, когда началась Вторая Мировая Война, цены на ячмень поднялись, так как теперь приходилось снабжать армию и по Лэнд-Лизу посылать зерно в Англию и СССР. Тут Арманду снова повезло, его знакомый химик Айзенберг предложил гнать спирт из картошки, которой было вдоволь, да и цены низкие. Хаммер стал жульнически разбавлять бурбон дешёвым картофельным спиртом в пропорции 1:4.

Его постоянно тянуло к сильным мира сего. Он делал невероятные усилия, чтобы встретиться с Президентом Рузвельтом, жертвовал на его избирательную кампанию, дарил подарке его жене Элеоноре, писал ему письма и, наконец, своего добился. Президент его принял. А после войны он через своего приятеля сенатора Гора (отца будущего вице-президента) добился встречи и с Президентом Трумэнном, подарил ему портфель из телячьей кожи, когда-то принадлежавший Николаю II, и предложил поставлять зерно в голодающую Европу из излишков своего цветущего алкогольного бизнеса. Несколько лет спустя сенатор Гор познакомил его и с Кеннеди.

А вот в личной жизни у него не всё ладилось. Характер у него был тяжёлый, и ужиться с ним было непросто. Ещё во время войны его первая жена Ольга сбежала в Голливуд, чтобы там петь цыганские романсы, его вторая жена Анжела в 1954 г. возбудила дело о разводе на основании его постоянных измен и махинаций с семейным бизнесом её родителей. Сразу после развода в 1956 году он женился в третий раз, его женой стала Френсис Толман, богатая вдова и одна из его бывших любовниц. Отношения с братьями Гэрри и Виктором всегда были

довольно напряжёнными. Его племянник «Армиша» (тоже Арманд, названный в честь дяди) остался жить в СССР. Все усилия его родителей Виктора и Ирины вытащить Армишу оттуда ни к чему не приводили, так как дядюшка не желал в этом помочь, хотя мог бы этого добиться без особого труда. В 1959 году, когда Хрущёв был в Америке и гостил у Элеоноры Рузвельт, среди прочих гостей был Виктор Хаммер. Он спросил Никиту, слышал ли тот о карандашной фабрике Хаммера? Хрущёв воскликнул: «Да кто же этого не знает? Мы все писали этими карандашами!» После этой встречи Армишу выпустили на два месяца в гости к родителям.

В 1961 году Арманд с женой прилетел в Москву. Сначала его принял Микоян, который был с ним знаком ещё в 20-е годы, а затем Хаммер провел несколько часов с Хрущёвым и даже посетил фабрику им. Сакко и Ванцетти. Никита просил Хаммера повлиять на Президента Кеннеди и найти способ получить для СССР статус наибольшего благоприятствия в торговле. В ответ Хаммер предложил сначала улучшить в США впечатление об СССР, и первым шагом может быть показ в Америке коллекции из советских музеев, а также начать выплаты долга по Ленд-Лизу. Вернувшись в США, он о разговоре с Хрущёвым доложил сенатору Гору и послу Томпсону. Однако Кеннеди и его администрация отнеслись весьма скептически к предложениям Хаммера — его никто не уполномочивал вести переговоры от имени правительства. Вообще все попытки Хаммера стать советником Президента по СССР провалились потому, что директор ФБР Гувер, следивший за его активностью ещё с 20-х годов, предупредил Кеннеди, что, скорее всего, Хаммер работает на советских и заботится только об их интересах, иными словами, он советский агент влияния. Было даже подозрение, что советские через него отмывают деньги, секретно посылаемые для компартии США.

После третьей свадьбы Арманд переехал к жене в Лос-Анджелес, полагая, что пора уйти на покой и начать жить в своё удовольствие в солнечной Калифорнии. Но покой был не в его характере и без дела он жить не хотел. Занимался Хаммер массой вещей, например, купил за бесценок радиовещательную станцию и вывел её из банкротства. Однажды он обратил внимание на маленькую нефтяную компанию Оксидентал Петролеум, с активами всего в \$79 тысяч. Он и Френсис одолжили этой компании \$50 тысяч, а затем скупили большинство её акций, хотя ни он, ни она ничего не понимали в нефтяном бизнесе. Тем не менее, Арманд понял, что три продукта могут принести успех: нефть, натуральный газ и химические удобрения. Через десять лет под

его руководством эта компания уже имела активов на \$100 миллионов. Хаммер вплотную занялся нефтяным бизнесом не только в Америке, но и на Ближнем Востоке. Он сошёлся с королём Саудовской Аравии Фейсалом и королём Ливии Идрисом, несмотря на их открытый антисемитизм — как всегда для Хаммера бизнес был превыше всего. Когда в Ливии открыли большие залежи нефти, такие гиганты, как Эксон, Шелл и другие, предложили королю Идрису выгодные концессии, но всех обошла маленькая Оксидентал Петролеум. Взяточный виртуоз Хаммер выяснил, что в ливийской деревушке, родине короля, нет воды, тогда он на свои деньги в виде «гуманитарной помощи» провёл туда водопровод. Король Идрис бы растроган, Оксидентал Петролеум получила концессию и вскоре стала одной из крупнейших компаний в США.

В 1973 году он решил договориться с советскими о поставках в США химических удобрений через Оксидентал Петролеум. Это должна была быть огромная сделка на несколько миллиардов долларов, а потому на неё необходимо было получить добро от обоих правительств. Помня уроки молодости о том, что договариваться надо на самом верху и «смазывать» больших людей, хитрец Хаммер пообещал четверть миллиона долларов на избирательную кампанию Никсона, а затем на своём самолёте Боинг 7 7, единственном частном самолёте, разрешённом для полётов в советском воздушном пространстве, полетел в Москву на встречу с Брежневым. Принимали его по-царски — в аэропорту Шереметьево он не проходил паспортный и таможенный контроль, к терминалу для него подали «Чайку» и повезли в город. Зная страсть советского Генсека к западным автомобилям, он заранее морем отправил ему подарок — специально изготовленный спортивный Corvette с последними игрушками. Брежнев был в восторге и сделал Хаммеру ответный подарок — роскошную квартиру с полной обстановкой, недалеко от Кремля. С тех пор Хаммер, как и полвека назад, имел в советской столице своё жильё. Ну и, разумеется, Брежнев одобрил сделку с химическими удобрениями.

«Друзья»: Брежнев и Хаммер (1973)

Однако в США всё оказалось несколько сложнее. Хотя Хаммер с присущей ему жадностью перевёл на счёт избирательной кампании Никсона всего 20% от обещанной четверти миллиона, этот взнос оказался незаконным, и его привлекли к суду. В здание суда его привезли из больницы в инвалидной коляске, у него тряслись руки и голова, на лице была кислородная маска, суетились врачи и медсёстры. Судья сжалился над старым больным человеком и присудил его к небольшому сроку условно и штрафу в \$3 тысячи. Уже через три дня «умирающий» Хаммер работал в своём офисе и бегал по этажам как новенький. Большой артист!

Так что же это был за человек, Арманд Хаммер? Я был знаком с ним всего десять минут и, разумеется, этого совершенно недостаточно для личного впечатления. Но я прочёл о нём много статей и книг, воспоминаний людей, близко знавших его, и мне кажется смог понять, каким он был. Конечно, прежде всего он был бизнесменом — изобретательным, удачливым, расчётливым, беспринципным и безжалостным. Для него морально было всё, что приносило прибыль. У него была масса знакомых, партнёров и клиентов, его имя было у всех на слуху — и в Америке, и в СССР. Кто-то его уважал, многие его презирали, некоторые ненавидели, ещё больше людей ему завидовало. Равнодушным не был никто. Он был знаменит более, чем любая кинозвезда. Его фотографии не сходили со страниц газет и журналов. Он имел почти всё, о чём может мечтать человек: здоровье, ум, привлекательную внешность, богатство, славу. Казалось, было всё, но

не было любящей семьи — характер и него был трудный и жить с ним под одной крышей было непросто. И друзей у него не было — знакомые и приятели были, но не друзья. Это был одинокий волк, которого никто по-настоящему не любил, даже его жёны, а он всю жизнь любил лишь одного человека — самого себя. Он хорошо понимал, что в этой любви у него не будет соперников и потому вся его могучая энергия, интеллект и безграничное тщеславие были нацелены на создание для себя прижизненной и посмертной славы.

Он умел виртуозно делать деньги, но богатство интересовало его лишь как инструмент для творения о себе мифов. Он нанимал писателей, чтобы они писали о нём книги, журналистов, чтобы публиковали о нём статьи, он основал киностудию, чтобы делать фильмы о себе, он скупал живопись и основал культурный центр своего имени, где среди полотен великих мастеров поместил свой двухметровый портрет, а на фасаде здания — своё имя огромными буквами. Даже купленную им рукопись Леонардо да Винчи он переименовал в «Кодекс Хаммера». Он позировал для фотографий с королями, президентами и генсеками, открыл центр своего имени по исследованию рака, жертвовал деньги на благотворительность, но двигали им не сострадание и доброта, а лишь желание оставить в Истории своё имя как щедрого филантропа. Он добивался Нобелевской премии и рыцарского титула, но не получил ни того, ни другого. Состарившись, он понимал, что жизнь подходит к концу, и хотел обессмертить если не своё тело, то хотя бы своё имя. Однако судьба, которая благоволила ему при жизни, после смерти быстро от него отвернулась. Он умер в возрасте 9 лет сравнительно недавно, в 1990 году, но прошло лишь несколько лет, и мало кто вспоминает его в Америке, а в России его имя вообще знают лишь старики. Нет больше СССР, многие российские школьники даже не знают, кто был его кумир Ленин, закрылась знаменитая карандашная фабрика, все его старания сохранить своё имя на века ушли в никуда, как вода сквозь песок. *Sic transit gloria mundi...*

Месяца через три после моей первой и единственной встречи с красным капиталистом, я получил из Оксидентал Петролеум конверт, в котором было напечатанное на машинке письмо на официальном бланке компании. В нём была всего одна строчка: «Ввиду напряжённых политических отношений между США и СССР, я ничем не могу помочь вашей сестре» и ниже подпись «А. Хаммер». Думаю, старый эгоист не видел никакой личной выгоды, чтобы затевать с тов. Брежневым разговор на эту тему.

Лишь шесть лет спустя моим родителям и сестре с семьёй удалось выехать из СССР по израильскому вызову. Когда они приехали в Америку, я сразу же повёз её на обследование в глазную клинику, но хирург сказал, что прошло слишком много времени и шансы вернуть ей зрение совершенно ничтожны. Он всё же провёл диагностическую операцию, вскрыл один глаз, проверил его, потом вышел ко мне из операционной и сказал — ничего сделать невозможно. Она осталась незрячей до конца своих дней.

ДВОЙНОЙ ВЗГЛЯД

Григорий Писаревский

Нью-Джерси, США

Левые против вопроса о гражданстве в Переписи 2020

6 марта Министерство по Делах Коммерции заявило о намерении правительства включить вопрос о гражданстве в перепись населения 2020 года. По мнению Министра Коммерции Уилбура Росса, это позволит обеспечить более полное соблюдение Акта о Правах на Участие в Выборах (Voting Rights Act). Как и любая мера, затрагивающая, по мнению левых, «интересы нелегальных иммигрантов», это решение вызвало крайне негативную реакцию либеральных кругов. Либералы вновь показывают Америке, что их интересы отнюдь не связаны с реальными нуждами и потребностями граждан нашей страны.

В соответствии с Конституцией перепись населения в Америке должна проводиться раз в десять лет. Её результаты определяют распределение бюджетных средств государства на развитие транспорта, образования, помощь малоимущим, помощь при

чрезвычайных ситуациях и т.п. Другим, не менее важным фактором является определение представительства населения в Конгрессе. Как известно, по положениям Конституции каждый американский штат представлен двумя сенаторами, а в Палату Представителей избирается один конгрессмен от приблизительно 700 тысяч человек населения. Величина населения штата определяет также количество т.н. «электоральных выборщиков» при выборах президента.

По результатам исследований Election Data Services, если в переписи не будут участвовать нелегалы, Техас, к примеру, может недосчитаться трех-четырёх дополнительных мест в Конгрессе, Флорида двух, Арканзас, Колорадо и Южная Каролина – по одному. Не удивительно, что господа либералы всполошились!

Левые утверждают, что включение вопроса о гражданстве автоматически приведёт к неверным результатам переписи. Игорь Бобич из леволиберальной Хаффингтон Пост выражает опасение, что многие нелегалы откажутся заполнять опросные листы из-за боязни попасть «на радар» иммиграционных служб. Это, по его мнению, приведёт к перекосу реальной информации о населении некоторых районов, где наблюдается массовое скопление нелегалов – в особенности в Техасе, Калифорнии и Нью-Йорке. Другие либералы договорились до того, что не только нелегалы, но также почему-то «малоимущие граждане и национальные меньшинства» будут сомневаться, принимать ли им участие в переписи, поскольку у этих групп населения якобы «подорвано доверие к правительству».

«Этот несвоевременный, ненужный и не протестированный вопрос о гражданстве нарушит планирование в критический момент, подорвет годы кропотливой подготовки и значительно увеличит затраты, поставив под угрозу успешный и точный сбор данных» – заявляет бывший высокопоставленный работник администрации Обамы Ванита Гупта – «Вопрос неоправданно навязчив и вызовет озабоченность у каждого – родившихся в Америке и за её пределами, граждан и неграждан – о конфиденциальности информации, предоставляемой правительству, и о том, как государственные органы могут использовать эту информацию». Между тем, в соответствии с законом каждому участнику гарантируется полная конфиденциальность данных переписи в течение 7 лет с момента её завершения.

Как обычно, вывернутая наизнанку логика левых объяснима лишь страхом потери столь нужного им электората. Ведь противозаконное участие нелегалов в голосовании может принести им дополнительные миллионы голосов.

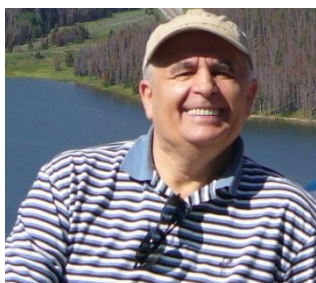
Между тем, вопрос переписи о гражданстве не должен вызывать реальных опасений. Предположим, некоторые нелегальные

иммигранты (но отнюдь не граждане Америки – представители национальных меньшинств или малоимущие!) действительно, решат не участвовать в переписи. В чем здесь видят проблему? Ведь эти люди находятся у нас в стране НЕЛЕГАЛЬНО. Если они опять захотят нарушить закон, отказавшись от участия в переписи – это никоим образом не является проблемой американского правительства.

Политическое влияние в стране – законное право, однозначно принадлежащее только гражданам данного государства. Казалось бы, левые признают эту аксиому, когда выражают беспокойство в отношении иностранного воздействия на выборы президента или якобы имевшего место сотрудничества избирательной кампании Трампа с Россией. Однако они не возражают против иностранного вмешательства в политику, когда добиваются представительства в Американском Конгрессе иностранных граждан, незаконно пребывающих на территории Америки. Или когда города-убежища работают на благо нелегальных иммигрантов, граждан иных государств, перекладывая расходы на их обслуживание с правительств этих государств на плечи американских налогоплательщиков.

Генеральный Прокурор Калифорнии Ксавьер Бесерра подал в суд на решение администрации в тот же день, когда оно было опубликовано. За ним последовала группа прокуроров ещё нескольких штатов, возглавляемая Генеральным Прокурором Нью-Йорка Эриком Шнейдерманом. Хочется задать этим официальным лицам вопрос: неужели содержание одного из пунктов переписи населения является для вас более приоритетным делом, нежели борьба с террористами, насильниками, убийцами и наркодилерами в ваших штатах?

Роман Солодов
США

К вопросу об указании гражданства в будущей Переписи США. Полемические заметки

Хочется задать автору статьи Григорию Писаревскому вопрос. Даже не один, а несколько, ибо в его работе затронуты несколько положений. Но первый – самый простой: а почему администрация Трампа вдруг решила внести этот вопрос в анкеты переписи? Ведь столько было этих опросов населения за всю историю Америки, и ни разу этот именно вопрос на повестке дня не стоял. О чем это говорит, прежде всего? Это свидетельствует о том, что каждая администрация хотела знать, сколько реально народа проживает в нашей стране.

Результаты переписи определяют распределение бюджетных средств государства на развитие транспорта, образования, помощь малоимущим, помощь при чрезвычайных ситуациях и т.п. Другим, не менее важным фактором, является «определение представительства населения в Конгрессе» – цитата из автора, с которой можно только согласиться. А коренные ли это жители, легальные ли это иммигранты или нелегалы, предыдущие администрации не волновало. Вышеуказанная цель была гораздо более важна, нежели выявление нелегалов.

Потому никто и не задавал этого провокационного вопроса. Иначе его расценить нельзя. Будут ли они голосовать, никого не волновало, кроме сегодняшней администрации. Тем более, что сделать это, будучи нелегалом, в высшей степени непросто. Сколько их, нелегалов, вообще проголосовало на последних выборах. Кто считал? Трамп, сказавший, что их было миллионы? С какого потолка он это взял? Практически все расценили его заявление как очередное вранье.

Автор призывает верить правительству? А разве оно заслужило наше доверие, когда глава Белого дома лжет не задумываясь, порой, несколько раз в день? Примеров его лжи больше чем достаточно. Но

об одной надо сказать: она имеет прямое отношение к первому вопросу. Он утверждает, что г-жа Клинтон потому получила на три миллиона голосов больше, что это были голоса нелегалов. Он даже создал комиссию по этому поводу. Ничего не получилось.

Тогда он решил пойти другим путем – включить в анкету пресловутый вопрос о гражданстве. Он никак не повлияет на количество голосующих, но в самом деле приведет к перекосу реальной информации о населении того или иного штата. Нелегал (да и легальный иммигрант) просто откажется принимать участие в переписи. Кто-то будет им объяснять, что правдивый ответ на этот вопрос не затронет их интересов? Таких людей не будет! Никто не проведет разъяснительную работу среди них.

Она требует больших расходов, прежде всего. Дело не в том, что Трамп хочет, а нелегал не хочет. Нелегал просто избежит этой переписи. А у нас их 11 миллионов, худо-бедно. Потому и подали в суд прокуроры разных штатов, что речь идет не о нелегальном голосовании, а о искажении истинной демографической ситуации. Если Трамп и его окружение не желают этого понять, это их проблемы. Пусть не перекалывают их на плечи штатов.

В подавляющем большинстве своем это работающие люди. Она платят налоги и вообще законопослушны практически во всем, кроме того, что они нелегалы. Но они никак не подходят ни под один из терминов, обозначенных автором: они не террористы, не насильники, не убийцы, не наркочилеры в наших штатах.

Когда я прочитал последний абзац, так запахло Трампом, что стало неловко за автора: ну, почему он повторяет бред президента об иммигрантах?! Упрямая статистика говорит о том, что среди них меньше преступности, чем среди коренного населения Америки. И, кстати, нет сомнения в том, что сегодня, при низкой безработице, их руки нужны нашей стране как никогда ранее. Сегодня столько рабочих мест, на которые не идет белый гражданин США.

Автор ссылается на законы. Мол, конфиденциальность информации гарантируется. А мы разве не видим, как поступает с законами и людьми Трамп? Такой чехарды в Белом Доме не знала история. С его подачи был нарушен принцип назначения судей в Верховный суд. Он же настаивает на изменении законов об иммиграции, он же облыжно обвиняет демократов в том, что сам нарушил слово, данное «мечтателям» перед телекамерами. Для этого человека закон что дышло...

И сегодня, когда мы слышим о том, что включение этого пункта необходимо для безопасности страны, запах Трампа становится особенно сильным. Пахнет обманом, когда речь идет о контроле за

оружием, когда речь идет о судьбе миллиона «мечтателей», пахнет предательством союзников на Ближнем Востоке, когда Трамп объявляет, что мы уходим из Сирии, оставляя наших друзей – израильтян и курдов – на произвол Турции, Ирана, России и Асада. Может, автору статьи и нравится этой запах, но мне – как либералу – он отвратителен.

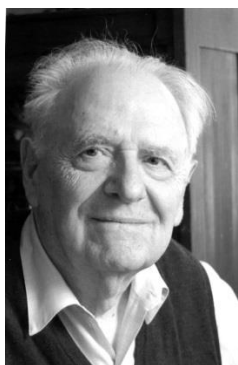
Часть 5. Путешествия

Аристарх Лентулов. Мост с поездом

Сергей Голлербах

Нью-Йорк, США

Путевые заметки. Мейн

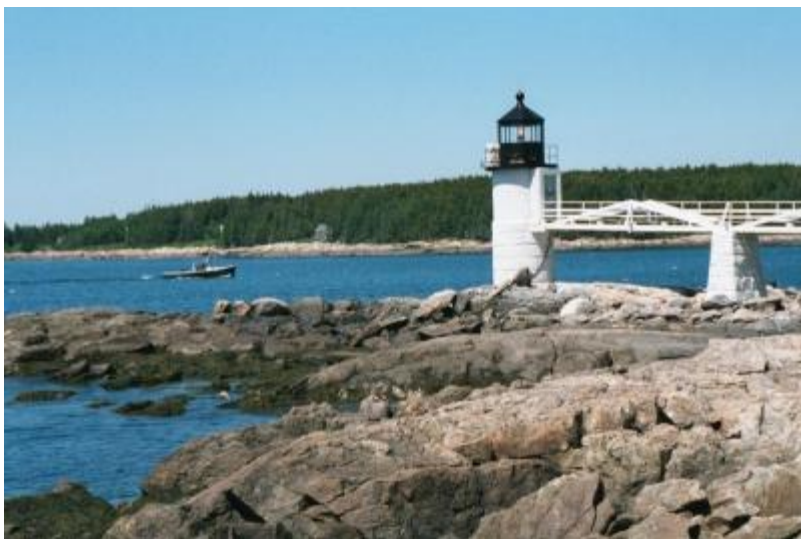
Летом 1954 года я впервые посетил штат Мейн. Мне сразу же понравилась его суровая северная природа, сосновые леса, побережье Атлантического океана с заливами, белыми маяками и рыбацкими поселками, где главный улов – омары. Мне было тогда тридцать лет, и я, начинающий художник, писал там пейзажи.

Прошло еще тридцать лет, я стал профессиональным художником и преподавателем живописи. И вот я получил приглашение провести семинар по акварельной живописи в штате Мейн. Даму, которая позвонила мне, звали Мерл Донован.

Мне надо было послать ей мою краткую биографию, план семинара, список художественных материалов и все, что полагается иметь студентам. Я спросил у Мерл ее адрес. «Очень простой», – ответила она, – «деревня Порт Клайд, Главная улица (Мейн стрит) над Универсальным магазином (Дженерал стоп)». Мне показалось, что я ослышался, и я спросил номер дома. Она рассмеялась и ответила, что в этой деревне всего одна улица, в конце которой, в двухэтажном здании, есть этот магазин. А на втором этаже – квартира, где она живет. Вот и все. На этот раз я ей поверил, выслал нужные сведения и в назначенный месяц пустился в путь. Надо было лететь из Нью-Йорка в город Портланд, где меня встретит человек с машиной и отвезет в деревню Порт Клайд. Так оно и произошло.

Езды было около двух часов, и путь оказался интересным. Мы проехали городок Томастон, где в бухте догнивал большой, трехмачтовый парусник, остаток прошлого столетия, когда Томастон

был важным портом этого штата. Все туристы фотографировали это несчастное судно. Порт Клайд, где когда-то находилась фабрика консервов «Порт Клайд сардинс», действительно состоял из одной

улицы, Джeneral стоп, двух небольших гостиниц, почты и церкви. В Джeneral стоп можно было купить продукты, заказать сэндвич, выпить кофе, но в другом отделении продавались гвозди, машинное масло, лопаты, удочки и все что нужно рыбакам. За магазином был маленький ресторанчик, а еще дальше пристань, откуда ходил катер на остров Монхиган. Об этом острове речь будет потом. Сбоку магазина была деревянная лестница, по которой я поднялся в квартиру Мерл Донован.

Меня встретила немолодая уже женщина с сигаретой в одной руке и стаканом виски в в другой. Она весело меня приветствовала, и мы сразу же подружились. Я прибыл в Порт Клайд в субботу, чтобы в воскресенье освоиться на новом месте. В этом мне помогла веселая, разговорчивая Мерл. Рассказала она и о себе. Отец ее был владельцем похоронного бюро в одном из городов штата Пенсильвания. «Бюро было внизу, а мы жили наверху и я помогала папе с ногтями (то есть делала маникюр покойникам!) Папа был веселым человеком, – продолжала она. – Любил шутить, любил танцевать».

Конечно, подумал я, при такой профессии нужен какой-то противовес печальному факту смерти. Но я вспомнил также нашего Иванушку-дурачка, который веселился при виде похоронной процессии и плакал, смотря на новобрачных.

Мерл обожала отца и не любила мать, хотя отец был строг с нею и не позволял ей употреблять губную помаду до ее шестнадцатилетия. Когда же этот день наступил, отец ей это разрешил, но сказал, что сделает это сам и ей надо будет лечь. Ничего себе! «Я была замужем три раза. Первый брак оказался катастрофой, второй – очень счастливым, но муж погиб в автомобильной аварии. Третий брак – снова неудача. Хватит выходить замуж, буду заниматься чем-то в области искусства,» – сказала она мне, добавив, что сама немного рисует.

В конце концов она стала организовывать «уоркшопс», то есть семинары по живописи и в этом преуспела. Меня поместили в одной из гостиниц в светлой, большой комнате, но не дали ключа. Когда я попросил мне его дать, то услышал в ответ: он вам не нужен, здесь мы дверей не запираем, у нас все спокойно, воров нет. Да были тогда еще такие деревушки.

Со студентами я ходил писать пейзажи, и излюбленным местом был белый маяк, давно уже не действующий. Большинство записавшихся в мой класс были женщины, причем фамилия одной из них привлекла мое внимание. Ее звали Шойа Зичи. «В царской России у Вас был один известный однофамилец, придворный портретист при царе Александре Третьем». «Как однофамилец!» – возмущенно ответила она, – это был дядя Михай, брат моего деда. Венгерский националист, он ненавидел австрийскую династию Габсбургов и бежал в Россию». Известно было, что помимо портретов, Зичи делал для царя порнографические рисунки, которые, кстати, были воспроизведены в американских альбомах эротического искусства.

Об этом я Шойе не говорил, но она, конечно, знала о такой творческой деятельности ее родственника. Фамилия Зичи – аристократическая, и полное имя моей студентки – Шойа Матильда Габриэла графиня фон Зичи. Я спросил ее, родилась ли она в Венгрии или в Америке. «В Венгрии,» – ответила она, – но детство провела с матерью при дворе египетского короля Фарука». Король этот отличался своей полнотой и любовными похождениями. Почему семья Зичи попала к нему, я, конечно, не спрашивал.

Семинары в Порт Клайде я проводил в течение нескольких лет, и однажды моя студентка из нью-йоркской художественной школы при Национальной Академии Дизайна сказала мне, что будет летом на острове Монхиган, я провожу семинар в Порт Клайд, не мог бы я навестить ее на этом острове? Путь туда на катере всего минут сорок.

Я согласился и, оставшись в Порт Клайде на один лишний день, навестил мою нью-йоркскую студентку. Катер ходил на остров несколько раз в день, и я отправился туда утром. Шел мелкий дождь, и

остров имел очень унылый вид. Посмотрев на работы моей студентки и дав ей кое-какие указания, я предложил ей закусить со мной в каком-нибудь местном ресторане, по ее выбору. Она предложила ресторан со звучным названием «Непутевый мореплаватель». Было около полудня, и народу там оказалось мало. Студентка сказала мне, что этот остров – место отдыха интеллектуалов, желающих быть вдалеке от городской цивилизации. Во всех домах нет электричества, оно имеется только в ресторанах. Нет, конечно, и автомобилей. Постепенно, ресторан стал наполняться людьми. Из-за дождя все приходили в каких-то дождевых пальто желтого или оранжевого цвета. Причем женщины все были плохо причесаны и без губной помады, а мужчины – небритые. Так уж полагается настоящим интеллектуалам на лоне природы. «Вы видите пожилого господина с дамой, сидящих в том углу? – Это известный писатель со своей третьей женой. А его бывшая жена со своим вторым мужем – вот там, в другом углу. А еще подальше – его первая жена со своим новым другом, известным журналистом. » Такие объяснения произвели на меня большое впечатление.

Все эти интеллектуалы ели молча, только изредка обмениваясь короткими фразами. Пообедав, утерев губы салфетками и расплатившись, они надели свои дождевые бушлаты и отправились по домам, заниматься литературным творчеством и любовью, не говоря уже о выпивке. Моя студентка сказала мне также, что на острове находится дача известного еврейского актера Зеро Мостеля, исполнявшего роль Тевье-молочника в музыкальной комедии «Скрипач на крыше».

Он также занимается живописью и говорит, что его профессия – художник, но на жизнь он зарабатывает игрой на сцене. Несколько других известных акварелистов имеют здесь свои дачи, причем один из них – специалист по изображению белых маяков и чаек, другой пишет исключительно рыбацкие лодки, а сюжет картин третьего – парусники.

Прощавшись с моей студенткой, я вернулся на пристань, но катера на обратный путь в Порт Клайд еще не было. Неподалеку я увидел двух рыбаков, которые почти каждую минуту вытягивали из воды маленьких рыбешек, снимали их с крючка и бросали обратно в воду. Вскоре пришел катер, и я отправился домой. Через несколько лет Мерл Donovan пришлось переехать в городок Рокланд, и в Порт Клайд я больше не возвращался.

В городке Рокланд Мерл продолжала организовывать свои «уоркшопс», и я ездил туда несколько раз. Городок имел свои достопримечательности, но шарма деревушки Порт Клайд и особенностей острова Монхиган там быть не могло. А потом Мерл

Донован заболела, перенесла серьезную операцию и передала дело в другие руки. Помню, незадолго до ее кончины, я говорил с нею по телефону. Она сказала мне, как всегда с чувством юмора, что у нее боли и поэтому она сидит на льду и пьет русскую водку, от этого ей легче. С кончиной Мерл моя связь со штатом Мейн оборвалась, но время, проведенное там, вспоминаю с большой благодарностью.

Александр Сиротин
Нью-Йорк, США

Подъезжая под Азоры, я взглянул на небеса...

Я позволил себе заменить Ижоры, как у Пушкина, на Азоры и по созвучию, и по упоминанию небес, ибо Азорский остров Сан-Мигел показался мне небесным раем на земле.

Желание побывать на этом архипелаге, принадлежащем Португалии, появилось у меня после того, как я узнал о косвенной роли Азорских островов и в спасении французских евреев от нацистов, и в помощи Израилю во время войны Судного дня.

Генеральный консул Португалии во Франции Аристидеш до Соуза Мендеш, нарушив запрет португальского правительства, возглавлявшегося Салазаром, выдавал визы на въезд в свою страну бельгийским и французским евреям, которым грозила отправка в лагерь смерти.

Консул Мендеш начал выдавать визы 17 июня 1940 года, а Салазар, узнав об этом, отозвал консула 4 июня. За семь дней, с помощью жены и двоих сыновей, Мендеш успел выдать португальские визы тысячам евреев. Одни, попав в Португалию, перебрались потом в Англию или в США, другие задержались и, в поисках безопасного места, оказались на Азорских островах.

Вообще, Азоры служили укрытием для евреев ещё во времена инквизиции. Здесь прятались марраны – вынужденные креститься евреи, тайно продолжавшие соблюдать предписания иудаизма.

...Во время войны Йом-Кипур, когда в октябре 1973 года на еврейское государство напали армии Египта и Сирии, президент США Ричард Никсон приказал оказать Израилю срочную и максимальную военную помощь. Боеприпасы и топливо доставлялись из Америки самолётами, которые нуждались в дозаправке на американских базах в Европе. Но под страхом нефтяного эмбарго страны Европы отказали Америке. Только Португалия разрешила американцам дозаправку на своих Азорских островах.

Вид Понта-Делгада со стороны стоянки для яхт

Ныне Азорский архипелаг из 9 вулканических островов в Атлантическом океане – один из самых спокойных и тихих районов Европы. Здесь почти нет преступности. Бывают лишь мелкие правонарушения, за которые могут дать максимум 6 месяцев тюрьмы. Кстати, тюремный корпус довольно большой, но камеры в основном пустуют.

Трудно понять, зачем из Нью-Йорка лететь, например, на Ямайку (4 часа полёта) и бояться покинуть территорию отеля, когда можно слетать на Азоры (чуть более 5 часов полёта) и отдохнуть в полной безопасности без бьющей весь день по ушам танцевальной музыки.

В столицу Азорского архипелага город Понта-Делгада, что на острове Сан-Мигел, прямым рейсом летают самолёты авиакомпании Делта. На этом рейсе даже в эконом-классе дают меню с указанием блюд и напитков на выбор.

Приземление на узкой полосе вдоль берега океана напомнило мне посадку в Гон-Конге, где самолёты снижаются над водой и лишь в последние минуты появляется земля. Не очень большое одноэтажное здание аэропорта поражает отсутствием суеты и спешки. Главный вид транспорта в городе – такси. От аэропорта до нашего отеля Авенида, что в самом центре города, ехать минут 10. Мы уплатили за проезд 9 долларов и уже в такси столкнулись с местными особенностями: во-первых, здесь мало где принимают кредитные карты и расплачиваться приходится купюрами евро, а во-вторых, работники сферы обслуживания довольствуются зарплатой и не берут чаевые.

В аэропорту стоят в основном небольшие самолёты местной авиакомпании, доставляющей пассажиров с одного острова на другой. Можно добраться до некоторых островов паромом, но большинство жителей предпочитают авиатранспорт.

Арка на площади Гонсалу-Велью. За ней колокольня церкви Св. Себастьяна

Поскольку наше с женой пребывание было коротким (всего 6 дней), мы ограничились одним островом, самым большим.

В Понта-Делгада, не говоря уже о городах поменьше и посёлках, бросается в глаза однородность населения: белые католики, неброско одетые женщины (в подавляющем большинстве брюнетки), почти без косметики. Изредка встречались мулаты.

Эмигрантов из африканских, мусульманских и испаноязычных южноамериканских стран мы не видели. Попадались эмигранты из португалоязычной Бразилии, но белые. На улицах не было ни бродячих собак, ни бродячих кошек.

Мы не видели людей с бумажными стаканчиками в руках, как в Нью-Йорке. В отличие от Америки и многих стран Европы, в городе мы не заметили Старбакс-кафе. Хотя многие жители Понта-Делгада и туристы курят, сигарет на улицах и площадях, в скверах и вдоль тротуаров почти не было.

Каждый вечер мы видели уборщика, который толкал перед собой большой пылесос на колёсах и собирал в него окурки и мелкий мусор. Автомобилисты, хотя и позволяли себе быструю езду по очень узким

и холмистым улочкам, завидя пешеходов, заранее замедляли ход и останавливались. Нервных автомобильных гудков мы не слышали.

Светофоров в городе очень мало. Водители спокойно пропускают друг друга, следуют указаниям дорожных знаков. Дорожно-транспортных происшествий, наездов, автоаварий на редкость мало.

Ни разу не наткнулись мы ни на одного бомжа, лежащего на улице. Попрошайек встречали, но мало. А как там с наркотиками? По словам одного местного жителя, наркотики привозят с собой иностранные туристы, либо те, кто уехал с Азорских островов на учёбу в Америку, Канаду и другие страны, а потом вернулся домой. Поскольку население на островах немногочисленное, все друг друга знают, полиция быстро узнаёт и находит наркоторговцев. Их арестовывают и высылают.

В центре города – старинные здания 16-17 веков: изумительной красоты католические храмы, двух-трёхэтажные домики со ставнями, балконами и ажурными решётками, современной архитектуры виллы с участками, на которых редкой красоты цветы, чуть поодаль от центра – многоэтажные офисные и жилые здания. Есть и брошенные, заколоченные домики, напоминающие вид бедных городских и сельских кварталов на Карибских островах.

Не всё идеально в «королевстве азорском», но по сравнению с иными островами и странами Азоры сильно выигрывают.

Пожалуй, единственным серьёзным недостатком для туристов является то, что здесь мало где принимают кредитные карты. Наличными приходится расплачиваться за экскурсии и такси, за вход в музеи, за еду в большинстве ресторанов и кафе.

Но если всё же удаётся найти рестораны, принимающие кредитки, то такси, в котором можно платить кредитной картой, всего одно на весь город. Мы уж держались за этого таксиста по имени Жорж, который возил нас по острову и в аэропорт.

Административно архипелаг, подчиняясь Лиссабону, обладает автономией. Жители островов избирают своих представителей в законодательное собрание. Исполнительная власть – в руках правительства, но глава правительства назначается Лиссабоном. В Понта-Делгада есть консульства разных стран от США и Канады до Испании, Бразилии, Финляндии...

Есть на Азорах группа, мечтающая о полной независимости островов. На стенах домов попадаются изображения некоего «революционера» с призывом к отделению от Португалии.

В середине 70-х годов прошлого века возникла боевая организация под названием «Фронт освобождения Азорских островов», которая применяла террористические методы борьбы. Организацию создал и

возглавлял до 2012 года Жозе де Альмейда. После смерти лидера, группа перешла к мирным протестам. Впрочем, она малочислена и не пользуется популярностью среди жителей архипелага. Я как-то спросил одного, хочет ли он независимости. Он в ответ рассмеялся.

Центром города считается площадь Гонсалу-Велью, на которой стоит тройная арка, воздвигнутая в 1783 году. Перед аркой памятник португальскому монаху-мореплавателю Гонсалу-Велью Кабрал, который за свои географические открытия получил в дар от короля Португалии земли на Азорах. За аркой – храм Святого Себастьяна с высокой колокольной (16-й век). Колокола мелодично отбивают время. Вообще звон колоколов часто слышен по всему городу, но не в ночное время.

Чуть поодаль, на самом берегу, – крепость 16 века, когда-то защищавшая город от пиратов. Ныне здесь военный гарнизон и военный музей. С внешней стороны крепости – памятник героям Первой мировой войны. Через дорогу – площадь с монументом в честь эмигрантов, которые бегут то ли на острова, то ли с островов. А за монументом сразу два изумительных храма. Церковь Мадонна надежды поражает как экстерьером, так и интерьером: алтарь в слепящем золоте, стены обложены сине-белой керамической плиткой с рисунками на библейские темы. Перед зданием городского управления – памятник Святому Мигелю, именем которого назван самый крупный остров архипелага.

Где бы я ни был, обязательно разыскиваю музеи, причём, не обязательно самые известные, обозначенные в туристических справочниках. В Понта-Делгада музеев не так много.

Мне было интересно в музее Карлуша Машаду (Карлоса Мачадо). Во-первых, само здание поражает своей архитектурой и лепниной. В течение трёх столетий – с 16 по конец 19 века – это был монастырь Святого Андрея, в котором жили монашки ордена Святой Клары. Здесь сохранилась уникальная по красоте церковь, но с 1930-х годов основное здание занимает музей истории, этнографии, естествознания, изобразительного искусства. Хотя я потратил на музей часа три, но ни минуты не пожалел об этом.

Помимо постоянной экспозиции с чучелами рыб, птиц, животных, с коллекциями бабочек, жуков и прочей живности, включая аномальных двухголовых и двуххвостых телят, здесь устраиваются выставки местных художников и скульпторов. Я получил удовольствие от работ скульптора Эрнесто Канто да Майа, который родился в Понта-Делгада в конце 19 века и умер в этом же городе в конце 20 века. Основные темы его работ – семья, материнство, любовь.

Интерьер церкви Мадонны надежды. Традиционная для католических храмов Азорских островов бело-синяя роспись на керамических глазурованных плитках

В Понта-Делгада чтут не только святых. У стен крепости стоит бюст Теофила Браги – писателя, драматурга, политика и второго по счёту президента Португальской республики. Памяти поэта, публициста и философа Антеру Таркиниу де Кентал посвящён изумительной красоты парк. Кстати, стихи Кентала переводила Анна Ахматова.

Азорские острова отличаются тем, что климат здесь умеренный субтропический со средней температурой 19-21 градус по Цельсию круглый год. Когда дует северный ветер, приходится надевать куртку.

За 6 дней, что мы были на Сан-Мигеле, всего один день выдался дождливым. Тогда облака опустились ниже холмов. А мы как раз отправились с южного берега на северный, чтобы осмотреть чайную плантацию, единственную в Европе. При сером небе и тумане, покрывшем луга и вершины зелёных холмов, остров не потерял своей волшебной красоты. Просто она стала другой, более суровой. Впрочем, дождь вскоре перестал, облака рассеялись, и солнечные лучи пали на ярко зелёные ряды чайных кустов, которые каскадом спускались с возвышенности вниз.

В музее при небольшой чайной фабрике «Ча Горреана» нам рассказали, что пару столетий назад двое китайцев – то ли эмигранты, то ли заезжие торговцы – привезли и посадили здесь чайные кусты. Они прижились. Китайцы научили островитян обрабатывать листья. В последней четверти 19 века фермерская семья создала при плантации

фабрику. С тех пор местный чай стал гордостью Азорских островов и экспортируется в разные страны.

В небольшом дегустационно-торговом зале нас угостили чаем. Я не сумел оценить его вкус. Зато в маленьком городке, даже скорее деревне Сете Сидадеш на западной окраине острова Сан-Мигел, в очаровательной чайной О Роежо я пил приятный на вкус чай Роежо с мятой блошницей («Мента пулегиум»). Несколько лет назад дом с большим участком земли выкупила у своего непутёвого брата овдовевшая Зелия Травассос, всё перестроила по собственному дизайну, привлекла к бизнесу дочь-учительницу и двоих сыновей, из которых один владеет фермой по разведению коров и овец, а другой работает городским служащим.

Кроме чая, мы взяли здесь по миске хлебного супа «Святой дух» с кусочками говядины, листьями мяты и капусты (3 евро), тарелку с набором сыров местного производства (7,50 евро), рюмку медового ликёра (евро), местный творог и ананас.

Кухня Азорских островов требует особого рассказа. Это просто рай для любителей рыбы и морепродуктов. Одно из популярных блюд здесь – приготовленные в оливковом масле на гриле и подающиеся прямо на сковороде морские улитки-блюдечки, приправленные мелко нарезанным чесноком. Эти улитки, плотно прижимающиеся к прибрежным камням и прячущиеся под очень твёрдыми круглыми, ребристыми раковинами, подаются как горячая закуска почти в каждом ресторане Понта-Делгада.

Честно говоря, я не получил большого удовольствия от блюда: улитки были жестковатыми, а чеснок убил их вкус. Рыбу, жареную или на гриле, мы ели каждый день: то рыбу-меч, то чернорот, то рыбу-попугай, то голубую макрель. И ещё пару раз брали рыбный суп, очень вкусный. Цена тарелки супа – 3 евро.

Мясо на Азорах своё: куда бы мы ни ехали – на Север, Запад или Восток острова Сан-Мигел, повсюду паслись коровы, причём, даже на довольно крутых склонах гор. Мы пришли к странному выводу: местные продукты – мясомолочные, ананасы, выращиваемые на плантациях острова, и здешний чай дороже, чем иные импортные продукты. Например, чашка кофе может стоить от 70 центов до 1 евро, а чай, подаваемый, как правило в чайничке, куда вмещаются две чашки, обходится в 3 евро, то есть по полтора евро за чашку.

Вот ещё цены для сравнения с американскими: кофе латте, капучино, американо – по евро. Нам объяснили, что чай, ананасы, апельсины, рыба и мясо, табак с табачной плантации, сахар из сахарного тростника, сладкий картофель идут с Азор, в основном, на экспорт.

Рыбу отправляют на материк в Португалию, а ведущим импортёром фруктов и овощей является Великобритания, поскольку продукты питания с Азорских островов экологически чистые.

Например, на чайной плантации, благодаря особому микроклимату, нет вредителей и не требуется обрабатывать кусты пестицидами. Если не считать небольшой сахарный завод, пивоваренный, сыроварни и ликёрный завод, на котором делают ананасный ликёр, на островах нет дымящих заводов и фабрик, нет вредных промышленных выбросов в атмосферу и в водоёмы, а за выбрасываемые за борт отходы владельцы яхт, моторных и парусных лодок, а также круизные корабли, заходящие на острова, платят огромные штрафы.

Мы отправились на базар, чтобы посмотреть, чем и как торгуют в Понта-Делгада. Ананасы здесь раза в два меньше по размеру, чем гавайские, но не менее сладкие и ароматные. В ресторанах ананасы часто кладут в сэндвичи, в пирожные и печенье. Я отведал жареных ананасов – просто объеенье!

Местные огурцы – огромные, толстые, как кабачки, и не очень вкусные. Помидоры – и красные, и красно-зелёные, и зелёные – так себе. Из рыбной секции не хотелось уходить: поражало разнообразие форм, красок, размеров. Это были ожившие картины таких старых мастеров натюрморта, как Снайдерс, Андриенссен, Де Пюттер и Ван Бейерен.

Десерт к чаю – пальчики оближешь. Я впервые попробовал пирожное со сладкой чёрной фасолью. Мне понравились местного производства белые и красные вина, ликёры, пиво. Словом, есть чем насладиться.

Поскольку Азорские острова вулканического происхождения, то основной строительный материал – вулканический туф. И фундамент, и нижняя облицовка зданий, и заборы, разделяющие участки фермеров, всё это – из чёрного пористого камня вроде пемзы, которой мы когда-то оттирали с ладоней плохо смывающиеся чернила. Улицы вымощены булыжной мозаикой, радуя пешеходов белыми узорами на сером фоне.

...Пальмы, алоэ, кактусы и прочие тропические растения соседствуют здесь со смешанными лиственными и хвойными лесами. Вдоль дорог растёт белая и голубая гортензия. Узкое шоссе, где с трудом расходятся два легковых автомобиля, петляет и спиралью уходит в горы, а там, в давно остывших кратерах, лежат чистейшие озёра: Lagoa do Canario (Канареечное), Lagoa do Fogo (Огненное), Lagoa Verde (Зелёное) и Lagoa Azul (Синее). Эти два последних – настоящее чудо света: два разделённых узкой полосой земли озера, одно – с изумрудно зелёной водой, а другое с небесно голубой.

Рядом раскинулась очаровательная деревенька на 800 жителей, с обманчивым и громким названием Sete Cidades, то есть Семь Городов. Деревня славится изящной церковкой Святого Николая. Она построена в 19 веке в неоготическом стиле. Внутри – ряды деревянных лавок. Алтарь весь украшен живыми цветами.

На лужайке сбоку от церкви был устроен пикник для детей. Картина идиллическая. Простые деревенские радости. Самые главные праздники на Азорах – Пасха (Истер) и Рождество (Кристинмас). На Рождественском столе должен быть обязательно ананас, напоминающий Рождественскую ёлку...

...За шесть дней мы не успели полюбоваться гейзерами, искупаться в горячих сероводородных термальных источниках, отведать козидо – жаркое из разных сортов мяса, птицы и овощей, которое готовят в горячем шлаковом песке несколько часов. Не было времени побывать на других островах, спуститься в вулканические пещеры... Зато мы успели главное: насладиться природой, не слишком испорченной человеческим присутствием.

И тишиной. Кто-то верно заметил: Азоры здесь тихие.

*Полный вариант статьи опубликован в журнале «Чайка»:
<https://www.chayka.org/node/9020>*

Маргарита Кайдун
Балтимор, США

Blue Hawaii. Записки путешественницы

На Гавайях сезон дождей, скажу точнее, – в некоторых районах Гавайских островов – сезон дождей 3-4 минуты интенсивного ливня и после час не менее интенсивного солнца и радуги невероятных размеров и такой же невероятной красоты, и цветочная умытость, и свежесть, и сверкающие каплями дождя странной формы горы, упирающиеся в бирюзовый океан снизу и в облачную белизну сверху.

Мы на Гавайях. Перелетели всю Америку наискосок от Атлантики до Тихого, а после еще семь часов до Кауаи, нашего первого Гавайского острова. Поскольку рейс не международный самолеты были «селедочного» типа – куча народа сжата между неудобными креслами. Минимум комфорта и минимум цены. Но Гавайи стоят и времени и «селедочности».

Я, наверное, «пройду» по странностям и неожиданностям для меня, разумеется. На Гавайях большинство туристов из Японии. На мой взгляд, их больше, чем местных островитян. В Гонолулу было полное ощущение, что я снова где-то в Японии. Хотя дороги и билдинги – американские.

Пропорция приблизительно: на 20 японцев приходится один белый американец. И, соответственно, все названия дублируются на японском, а в Гонолулу есть рестораны, в которых меню исключительно на японском. И – как в Японии в хороших ресторанах – длинные очереди послушно ждущих японцев. Школьников привозят целыми самолетами. Но японских тинэйджеров отличает идеальная дисциплина. Их не слышно, только некоторые девчонки стреляют

любопытными глазками, оценивая манеры, одежду и т.д. В Токио они чувствуют себя гораздо свободнее.

Природа в основном – влажные леса (rain forest), для нас привычная: мы любим кататься в Южную Америку. Но на Гавайях, в отличие от Латинской Америки, прекрасные дороги, идеальная чистота и масса цветов. Цветы везде. Яркие, огромные, странных форм. Между ними шныряют такие же яркие птицы.

Островитяне свои острова чтут и относятся к ним с большим пиететом. Похожую гармонию между человеком и природой я наблюдала только в Швейцарии и – за пределами японского мегаполиса – в Токио. Я влюбилась в Хулу – местные национальные танцы. Латиноамериканские танцы откровенно сексуальные, а Хула – сама нежность, переливчатость, плавность. Каждое движение – целая история.

Мы побывали только на трех островах: Kauai, Oahu и Big Island. Как водится, самый неинтересный Oahu оставили напоследок.

Kauai имеет репутацию самого красивого острова. Мы и полетели туда за кусочком красоты. Остров, действительно, удивительный. Остров небольшой, за день его можно объехать полностью, останавливаясь в любом понравившемся месте. Я его сходу окрестила «радужно-петушиным островом».

Петухи устраивают свои переключки часов с пяти. Петухи из бывших бойцовских – красочные, голосистые и задиристые. Петухи везде на дорогах, в горах, на пляжах. Чаек на острове ни одной, замечу.

Петухи начали дичать с начала 90-х и сейчас, как святые коровы в Индии, охраняются государством и абсолютно не считаются ни с людьми, ни с машинами. Курицы с цыплятами ну очень неспешно переходят дороги. Так же неспешна и жизнь на острове. Народ местный – наследники полинезийцев (история заселения Гавайев полинезийцами удивительная – читайте сами в интернете, нет смысла пересказывать).

Островитяне добры, приветливы и спокойны. Вот это удивительное чувство покоя преследовало меня в течение нашего путешествия до тех пор, пока мы не очутились в Гонолулу. Гонолулу – типичный американский город, масса прекрасных дорог, есть бедные и богатые районы, огромные роскошные молы, дороги забиты лимузинами и туристическими автобусами, местных почти не заметно, и город весь в постоянной лихорадке, как будто вот только что выпил свою чашку утреннего кофе. В океане сидят часами сотни серфингистов, ждущие свою волну.

Но вернемся на наш удивительный остров Kauai. В начале нашего островного путешествия мы удивлялись: ну что же здесь поражает туристов? Ну, влажные леса, ну, прекрасные пляжи, но всего этого хватает в Латинской Америке. Но это пока мы не начали потихоньку «забираться» в горы. Ничего подобного я никогда не видела. Посмотрите и посчитайте, сколько оттенков может иметь земля.

Все это великолепие то пропадало в тумане, то умывалось проливным тропическим дождем, то светилось сразу несколькими радугами и бездной солнца. Взгляните – вот так выглядит несколько часов счастья. Фотографий я привезла массу. Цвета и форма ландшафта меняются каждую секунду. Меня некоторые ругают, что я много пишу о ресторанах и еде. Ну что же делать, кухня – часть культуры. И я обожаю, когда поют от счастья все мои семь рецепторов. Итак, о гавайской кухне. Считается что в мире существует две грандкухни: французская и китайская. Углубляться не буду, но, если интересно, я могу развить эту тему. Я бы прибавила еще островную: японскую и гавайскую.

А теперь прикиньте, что может быть самым популярным блюдом на малюсеньких островах, которые окружены со всех сторон океаном и откуда до ближайшего материка не меньше 3000 км. Ну конечно же, свежевывловленная сырая рыба (Гонолулу почти исключение). Вот мы и питались сырой рыбой и сырыми морепродуктами. А выглядит это так. Утречком масса лодок приходит с уловом и хозяева малюсеньких магазинчиков-ресторанчиков (на Гавайских островах самые «вкусные» места где-то размером 3 на 4м, может быть, со стойкой, но чаще люди

едят на улице (не обязательно рыбные блюда, овощные и фруктовые тоже).

Хозяева разбирают, режут на кусочки где-то см на см и маринуют сырую рыбу. Маринуют в своих соусах (у каждого магазинчика свой секрет, но часто в сое и соке лайм). Добавляют немного зеленого или маринованного кимчи лука, кимчи огурца, капусты и т.д, посыпают водорослями или подают их отдельно и предлагают рис нескольких сортов. Называется это великолепие РОКЕ, и в магазинчике может насчитываться около 30 судочков разной рыбы и морепродуктов. Разбираются роке мгновенно. Очереди за ними постоянно.

Пробовали мы и знаменитую запеченную в земле, камнях и листьях пальмы и чая свинью. Вкусно, конечно. И массу других вкусных странностей. Победили все-таки поке и креветки в чесночном соусе. Кстати, за тем и другим стоят в основном просоленные и выгоревшие на солнце синфенгеры, когда волна их изредка выносят на берег. Японцы стоят в очереди за своими нудолс, а материковые американцы жуют в основном бургеры. Знаменитый гавайский коктейль Май Тай я не люблю – приторное безобразие.

Кстати, если заехать в район больших волн, трафик там невероятный. Серфингисты переезжают с пляжа на пляж, от волны к волне, такие любители «поглазеть», как мы, мешаемся у них под

колесами, в общем на дорогах, ведущих к большой волне, – беда. Но съездить посмотреть стоит. Зрелище потрясающее, только придется запастись терпением и хорошим биноклем. Волны обожают, когда им приносят жертвы, и не спешат с появлением.

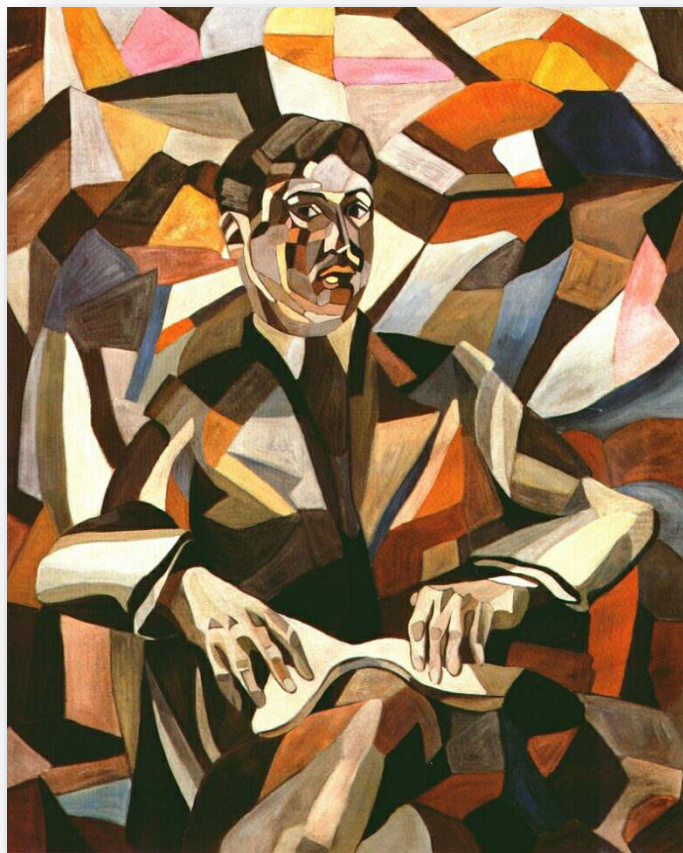
С острова на остров летают самолетами минут 20-40, между некоторыми ходят паромы. Самолеты ходят как автобусы, все просто и быстро.

Второй наш остров, Big Island, удивил не меньше, чем первый. Остров самый большой по размеру. Одна половина – тропические леса, а вторая – лавовая пустыня. Мы приехали в Хило – тропическую часть, где сейчас сезон дождей, а любители сухости, пляжа и постоянного солнца едут на Кону.

На Хило мы прилетели с одной целью – полетать над вулканами, как и остальные жаждущие острых ощущений. Не пришлось. Вулканы были покрыты густым слоем тумана, и все наши надежды пошли прахом. Народ ждет таких полетов неделями, у нас времени не хватило. Мы взяли машину и объехали весь остров, в том числе покатались по лаве и по кратеру вулкана. (Кстати по дну вулкана мы все-таки прошлись, но в Гонолулу). Смотрите фото. Вот так выглядит лавовая пустыня.

На берегу океана со стороны Коны, масса отелей. Человек отвоевывал у лавы куски и кое-где построил курортные городки, гольфовые поля и гостиницы. Мы заехали в «Four Season» на послеобеденный коктейль. И можете представить, сидим в баре на пляже, попиваем, ну попиваем, кто что любит. Публики немного, человек семь, и вдруг совсем недалеко появились киты. Оказывается, китам «Four Season» оказался «по карману». В Коне киты почему-то не появляются. Вот такой удивительный остров – с одной стороны – тропики, туманы, дожди, а в двух часах – постоянно солнечная пустыня.

Часть 6. Литературоведение

Аристарх Лентулов. Автопортрет. 1912

Валентина Синкевич
1926-2018 (Киев – Филадельфия)

Набоков. «Тень русской ветки...»

Не только в русской литературе, но и в мировой – имя Владимира Набокова – явление большое, сложное и всё еще не вполне понятное. В нем есть какая-то раздвоенность. Он был писателем русским, но не совсем. Американским? Тоже не совсем. Русские критики и читатели находили в его произведениях нечто чужое, иностранное, не свойственное русской литературе: холодность, равнодушие к «маленькому человеку», к его страданию. То есть – отсутствие «русской души». А иностранцы находили в этих же произведениях нечто русское: одержимость, патологические черты характеров его героев (не от Достоевского ли?), и так же толстовскую сосредоточенность на деталях.

До конца своей жизни все свои произведения писатель переводил с русского на английский и с английского на русский. Может быть, можно, подражая Ивану Елагину, назвать Набокова «человек в переводе»? Но Елагин написал: «Я – человек в переводе. /И перевод плохой». Набоковские переводы были великолепны, потому что переводчиком был он сам. (Позже ему стали помогать в этой сложной и кропотливой работе жена Вера Евсеевна /урожд. Слоним/ и сын Дмитрий.)

Набоков гордился тем, что стал американским писателем, довольным своей писательской карьерой. Однако, когда, благодаря «Лолите», у него появились средства, он предпочел жить в Европе. В Америку потом он никогда не возвращался.

Набоков сам был и критиком своих произведений, притом лучшим, чем многие писавшие о нем. Существует обширная литература о его творчестве, но в ней могло бы быть больше имен русских зарубежных литературоведов. Трудно решить: был ли это знак негативного к нему отношения? Скорее всего, не многие хотели вступать в спор с блестящим не только стилистом, но и полемистом, коем был Владимир Набоков. А критику в свой адрес он не терпел. Но помнится «безнаказанный» случай, когда его «одернул» в парижском «Возрождении» поэт и критик Юрий Мандельштам, написавший, что негоже заниматься словесной игрой в некрологе. (Набоков откликнулся на смерть Владислава Ходасевича.) А знаменитому американскому прозаику и литературоведу Эдмонду Вильсону совсем не повезло. Можно вспомнить эту, нашумевшую когда-то историю.

Вильсон, боготворивший Пушкина, считавший его лучшим поэтом, чем Данте, осмелился в печати выразить недовольство набоковским переводом «Евгения Онегина». Он с нетерпением ждал, наконец-то, настоящего поэтического перевода, достойного этого гениального произведения. И вдруг в печати появляется нечто невообразимое: перевод «Онегина» предваряется восьмьюдесятью страницами предисловия, дальше следуют два тома комментариев и еще один том каких-то объяснений. А перевод поэтического текста был каким-то подстрочником, с предельно точным переводом каждого слова. Но поэзии в этом переводе не было. Пушкинские легкие, искрящиеся строки, его знаменитые «онегинские строфы» потускнели. Казалось, что и свеча погасла над письмом Татьяны.

До «Перевода» Вильсон и Набоков были закадычными друзьями. Притом карьера Набокова в Америке могла быть не столь блестящей без помощи всемогущего в литературных кругах Вильсона. Сие всё пошло прахом. Два бывших друга «дрались» на страницах американских, а затем и британских престижных журналов. Можно было прочитать, что Набоков не знает английского языка, он говорит и пишет на своем, набоковском языке, он не умеет правильно употреблять английские глаголы (это после Кембриджа с отличием!), и т.д. Помирились ли они – не вполне ясно, так как Вильсон поехал мириться с умиравшим бывшим другом в Монтрё (Швейцария). Но тогда его друг уже потерял дар речи.

Набоков, казалось, любил свою педагогическую деятельность в американских университетах (главным образом — Уэллсли колледж и Корнельский университет). Студентов он учил вниманию к

прочитанному, к запоминанию деталей. Говорил нечто такое: «Не рассуждайте о том, почему Анна Каренина бросилась под поезд, а постарайтесь запомнить цвет обоев в спальне Карениных». Или: «Завитки на шее Анны для литературы гораздо важнее, чем рассуждения Левина об агрикультуре».

Но университетская администрация относилась к Набокову с некоторой осторожностью: ни один университет не дал ему *tenure*, т.е. статус постоянного преподавателя. Каждый год он должен был ожидать возобновления годичного контракта. Мне говорила его дальняя родственница проф. Марина Викторовна Ледковская, что Набокова это оскорбляло и унижало достоинство известного писателя.

В литературе у Набокова были четкие пристрастия и отталкивания, его «люблю/не люблю». Он любил без всяких оговорок – Пушкина! А дальше – Толстого, Чехова и Гоголя. Достоевского не терпел, романы его называл детективными, всех его героев сумасшедшими. Будто они нормальны у самого Набокова. Некоторые из них, наверное, были вдохновлены именно Достоевским. Хотя такого патологического монстра, как Гумперт Гумперт, не смог сочинить даже сам Федор Михайлович. Может быть, юдофилу Набокову претила юдофобия Достоевского. А Бунина Набоков любил, а затем разлюбил. Тургенева критиковал за сентиментальность, но его роман «Отцы и дети» назвал лучшим романом Девятнадцатого века. Горького просто стирал с лица земли. Наверное, ему претило и пролетарское происхождение этого писателя. Происхождение для Набокова было чем-то очень важным. Ведь он *так* описывал свое русское прошлое, что иностранцы почти всегда считали его чистокровным аристократом. На самом деле, Набоков-отец был нетитулованным дворянином, а мать родилась в богатой купеческой семье. Пастернака Набоков не любил какой-то странной, долголетней «нелюбовью». Его четверостишие «Пастернак», написано в 1970 году, уже через десять лет после кончины до смерти затравленного, на весь мир жаловавшегося поэта: «Я пропал, как зверь в загоне...» А Набоков бубнил об оборотах и эпитетах:

Его обороты, эпитеты, дикция,
стереотипность его -
всё в нем выдает со стихом Бенедиктова
свое роковое родство.
Кто бы мог бы придумать такое «родство»?

Есть у Набокова сложное, длинное стихотворение «Слава». Оно напоминает чеховский рассказ «Черный монах». Только у Чехова призрак-Монах убаюкивает своего нервнобольного собеседника его же мыслями о своих несуществующих талантах и успехах. У Набокова – тоже призрак: «некто восковой, поджарый, с копытю в красных ноздрях». Этот инфернальный «он» тоже повторяет Набокову его же мысли, только набоковские мысли не успокаивающие, а тревожные, мрачные мысли о своей судьбе писателя и о своем творчестве вне родины:

«...твои бедные книги», сказал он развязно,
«безнадёжно растают в изгнание. Увы,
эти триста листов беллетристики праздной
разлетятся – но у настоящей листвы
есть куда упадать, есть земля, есть Россия,
есть тропа вся в кленовой крови,
есть порог, где слоятся тузы золотые,
есть канава – а бедные книги твои
без земли, без тропы, без канав, без порога,
опадут в пустоте, где ты вырастил ветвь,
как базарный факир, то есть не без подлога,
и недолго ей в дымчатом воздухе цвествь.
Кто в осеннюю ночь, кто, скажи-ка на милость,
в захолустии русском, при лампе, в пальто,
среди гильз папиросных, каких-то опилок,
и других озаренных неясностей, кто
на столе развернет образец твоей прозы,
зачитается ею под шум дождевой,
набегающий шум заоконной березы,
поднимающей книгу на уровень свой?»
И вот из этого же стихотворения:
«...А случалось еще, ты пописывал
не без блеска на вовсе чужом языке,
и припомни особенный привкус анисовый
тех потуг, те метанья в словесной тоске...»
Это 1942 год.

Набоков знал, что многие читатели его не любили: «Меня страшатся потому, / что зол я, холоден и весел, / что не служу я никому...». Но в стихах первых 5-ти лет эмигрантской жизни у этого злого, холодного и веселого пиита можно найти другие качества характера. Это было время его тоски по потерянной его России. Свою

Россию писатель хорошо запомнил, покинув ее уже в двадцатилетнем возрасте. В этот, довольно долгий срок жизни за рубежом, у Набокова потоком лились ностальгические стихи о России.

Может быть, не нужно сравнивать поэзию Набокова с его же великолепной орнаментальной прозой, сумевшей затмить собственные стихи. Он, любящий объяснения, называет свой «ностальгический» период «неким частным ретроспективно ностальгическим кураторством». Этот перевод с английского приведен в предисловии к поэтическому Набоковскому сборнику «Стихи». (Поэт еще сам успел отобрать стихи для этой книги, вышедшей в 1979 году.)

Конечно, за словами о частном кураторстве трудно услышать теплый тембр голоса поэта, тоскующего по навсегда покинутому дому. Вот конец стихотворения «Сны»:

Только сон утешит иногда.
Не на области и города,
не на волости и села,
вся Россия делится на сны,
что несметным странникам даны
на чужбине ночью темной.
(В творчестве Набокова много о снах.)
И еще о России:
Зато в полночной тишине
внимает долго слух не спящий
ее родной, ее щемящей,
ее бессмертной глубине.

Я не могу удержаться, чтобы не привести целиком довольно известное романтично-ностальгическое стихотворение «Расстрел»:

Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывет кровать;
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать.
Проснусь, и в темноте со стула,
где спички и часы лежат,
в глаза, как пристальное дуло,
глядит горящий циферблат.
Закрыв руками грудь и шею,
- вот-вот сейчас пальнет в меня, -
я взгляда отвести не смею
от круга тусклого огня.

Оцепенелого сознания
коснется тиканье часов,
благополучного изгнания
я снова чувствую покров.
Но сердце, как бы ты хотело,
чтоб это было вправду так:
Россия, звезды, ночь расстрела
и весь в черемухе овраг.

Под такое настроение писались и другие стихи в которых голос поэта становился мягкого тембра и даже – вот они, строки не «чистого риторического, стилистического приема», а строки, в которых можно найти жалость к «маленькому человеку»:

Перешел он в новое жилище,
и другому отдадут на днях
комнату, где жил писатель нищий,
иностранец с книгою в руках.

(Иностраннный нищий писатель – русский: Юрий Айхенвальд.)

В то время писались стихи «с душой» и на религиозную тему. Вот одно из них – «Тайная вечеря», написанное в Крыму молодым поэтом, уже тоскующим в преддверии эмиграции, уже потерявшим родной дом:

Час задумчивый строгого ужина,
предсказанья измен и разлуки.
Озаряет ночная жемчужина
олеандровые лепестки.
Наклонился апостол к апостолу,
у Христа – серебристые руки.
Ясно молятся свечи, и по столу
ночные ползут мотыльки.

Лет через пятьдесят знаменитый писатель объяснит такие свои стихи «стремлением развить византийскую образность (некоторые читатели ошибочно усматривали в этом интерес к религии, который для меня ограничивался литературной стилизацией). Не знаю, что «усматривали» в этом стихотворении «некоторые читатели», я же неизменно восклицаю: «сколько в этом стихотворении умиротворенной красоты!» И вижу картину великого художника, и страницу Евангелия, и светлую тень серебристых рук,

и даже набоковских бабочек, которых на картине гениального Леонардо нет.

А Россия, того не зная, долго продолжала мучить Набокова. В стихотворении «К России», он отчаянно кричит: «Отвяжись, я тебя умоляю! / Вечер страшен, гул жизни затих. / Я беспомощен. Я умираю / от слепых наплываний твоих.»

Но наконец писатель сам перерезал пуповину, «отвязал» себя от России, поняв, что она уже не *его*, а совсем другая страна – СССР, страна – без единой гласной буквы, как жаловалась Цветаева. Вот об этом у Набокова:

Каким бы полотном батальным ни являлась
советская сусальнейшая Русь,
какой бы жалостью душа ни наполнялась,
ни поклонюсь, ни примирюсь
со всею мерзостью, жестокостью и скукой
немого рабства – нет, о, нет,
еще я духом жив, еще не сыт разлукой,
увольте, я еще поэт.

Батальное полотно упомянуто не случайно. Случайности вообще попадают редко у этого рационального автора. Стихотворение написано в 44-м году, когда Россия (советская) была в смертельной борьбе за свое место на географической карте. И ценой страшных жертв его отстояла.

Весь тот ужас, к счастью, уже забывается. Сейчас можно на досуге порассуждать: был ли роман «Лолита» блестящим шахматным ходом, рассчитанным на всемирный успех? Так считают некоторые критики, хотя у набоковской нимфетки были предшественницы: «Лилит» в поэзии, и та же проблема в рассказе «Волшебник» – физическое влечение зрелого мужчины к девочке-подростку... Но оставим эту слишком сложную тему.

Набоков любил пародии – веселые и остроумные. Например, в его русском переводе «Алисы в стране чудес» («Аня в стране чудес»), есть чудесные строчки: «Скажи-ка, дядя, ведь недаром / тебя счтают очень старым?». Или: «Как дыня вздувается вещей Омар». И: «Крокодилушка не знает / ни заботы, ни труда...».

Но вот полупародия на стихотворение Пастернака «Нобелевская премия». Зачем она, и зачем снова Пастернак? Неужели потому, что эта Премия не давала Набокову покоя? Пародийное стихотворение опубликовано в 1959 году, в предпоследний год жизни Пастернака, когда он был уже больным и

затравленным. Но одновременно и всемирно знаменитым лауреатом Нобелевской премии. Неужели у Набокова не хватило сил, чтобы не возникнуть тогда со своей «Лолитой», которую он в первой строфе стихотворения сравнивает с «Доктором Живаго» (по Набокову «Доктором Мертваго»)? Вот набоковский текст:

*Какое сделал я дурное дело,
и я ли развратитель и злодей,
я, заставляющий мечтать мир целый
о бедной девочке моей.
О знаю я, меня боятся люди,
и жгут таких, как я, за волшебство,
и, как от яда в полном изумруде,
мрут от искусства моего.
Но как забавно, что в конце абзаца,
корректору и веку вопреки,
тьнь русской ветки будет колебаться
на мраморе моей руки.*

Действительно – забавно. И даже не совсем понятно: зачем ему, американскому писателю, понадобилась тень *русской* ветки, а не американской, выращенной им ветви, о которой говорил ему таинственный «он» или «некто» в стихотворении «Слава»? Интересно еще и это: сбылось ли всё то, что так четко видел Владимир Набоков в конце абзаца? Не совсем сбылось. Есть два набоковских памятника: один в Швейцарии, другой в России. Но оба они не мраморные.

Иван Елагин заглянул в будущее Набокова более прозорливо, чем сам Владимир Владимирович:

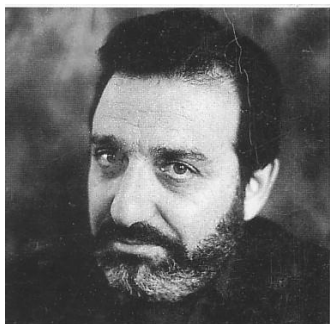
Набоков, как всегда вы метки:
Вас ждет качанье русской ветки.
Но вы не из числа пророков –
Не будет мрамора, Набоков.⁶⁴

Филадельфия, 2018

⁶⁴ Неопубликованное четверостишие И. Елагина из архива Елены Матвеевой.

Евсей Цейтлин

Чикаго, США

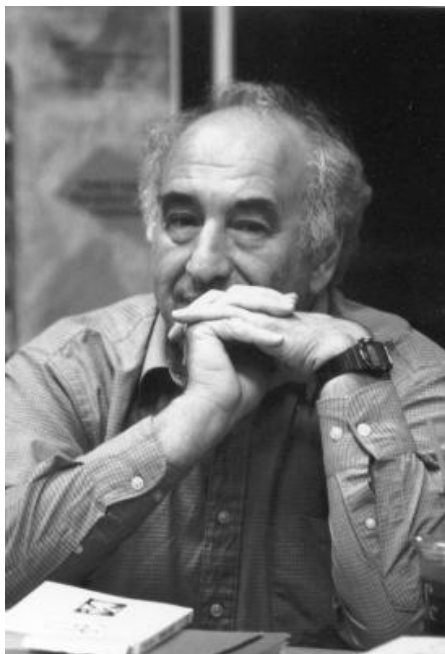
Свои и чужие: Беседа писателя Евсея Цейтлина с поэтом Борисом Кушнером

Борис Кушнер – известный математик, поэт, переводчик, публицист, историк, философ.

ЕЦ. Начну с очевидного: эмиграция оборачивается для писателя разными гранями. С одной стороны – несет свободу: физическую и, зачастую, духовную. С другой стороны – нередко мешает творчеству: заставляет писателя мучительно менять профессию. И, случается, он замолкает надолго, порой – навсегда. Давайте и поговорим сейчас об этом. О реальных проблемах и ситуациях, о сложившихся и горьких писательских судьбах. Вы прожили в эмиграции почти 30 лет. Есть что вспомнить и о чем задуматься.

БК. Не берусь судить, можно ли назвать меня писателем сейчас, поскольку я неисправимый дилетант. Но вряд ли такой высокий титул был применим ко мне в момент отъезда. Моя семья покинула Советский Союз в конце февраля 1989-го. К этому моменту было опубликовано несколько десятков моих математических работ, включая монографию (переведённую на английский язык). Что же касается собственно писательства, то мой портфель был почти пуст. Первый мой сборник стихов составила Вера Свечинская – вдова моего товарища Аркадия Шапиро. И она же отпечатала несколько копий на большом компьютере, который, кстати, имел только один шрифт, да и тот содержал лишь заглавные буквы! Правда, за время нашего

трёхмесячного странствия в США через Австрию и Италию мое «открытое письмо Шафаревичу» было опубликовано в Германии и в Израиле, а переводы сонетов Шекспира – в Москве. Но всё это можно охарактеризовать как хобби математика. Переводам сонетов была, вроде бы, суждена долгая жизнь – неоднократные публикации, увенчанные недавним (2016 г.) включением в академический том Сонетов Шекспира (в серии «Литературные памятники»)..

Борис Кушнер

И всё-таки я эмигрировал как математик, а не как писатель. У математиков-эмигрантов, разумеется, есть свои немалые трудности, но языковой барьер здесь всё же не столь высок, а производная синуса – она и в Африке косинус. И поскольку круг моего общения – особенно в первые американские годы – состоял в основном из математиков, у меня нет «перворучного» знания «горьких писательских» судеб. Здесь Вы могли бы рассказать гораздо больше. Через несколько лет после приезда стали завязываться связи с профессиональными литераторами, но все они к тому времени уже «состоялись». Кстати, писателей, с которыми я общался и общаюсь, легко перечислить по пальцам, – поскольку я в своём роде мизантроп.

ЕЦ. Кажется, Ваша судьба в эмиграции оказалась счастливой. Вы себя в полной мере реализовали как математик. Да и поэтических сборников выпустили немало. Но это – взгляд со стороны. А каково Ваше внутреннее самоощущение: какими были эти долгие, стремительно – как всегда, в эмиграции – пролетевшие годы?

БК. Я смог заняться в эмиграции любимым делом – преподаванием разумного, доброго, вечного, чем, несомненно, является математика (в отличие от, скажем, «политических наук»). Я видел юные лица: мне удавалось зажечь огонь в глазах рассказом о красивом интеграле или о великих творцах науки. Что же касается сочинительства, то я словно раскрепостился: как будто спали невидимые посторонним оковы.

Не буду идеализировать здешнюю реальность – в ней много болезненного, неприятного, порою зловещего. Но, кажется, Черчилль сказал: демократия – отвратительная вещь, однако лучшего способа поддержания цивилизованного общества не придумано. Годы эти – Вы правы! – пролетели мгновением. Почти как в Танахе: «И служил Иаков за Рахиль семь лет; и они показались ему за несколько дней, потому что он любил ее»... Так и я полюбил жизнь в эмиграции. И была мне она не сестрой, как у Пастернака, но возлюбленной.

ЕЦ. В своей литературной биографии Вы обращаетесь к метафоре игры: «Образ жизни как игры знаком всем из литературы, да и собственный опыт ведёт туда же. Не зря говорят о «драме жизни», «трагедии жизни». Как будто каждый из нас на подмостках и руководит нами Всеобщий Режиссёр...» Может быть, это и есть формула счастливой жизни в эмиграции?

БК. Моя метафора уподобляет жизнь развивающейся драме, фабула которой, как и её исход, нам неизвестны. Мы, в меру нашей восприимчивости, сознаём настоящее; память, пока она есть, в какой-то степени позволяет владеть прошлым. Третья грамматическая категория – Будущее – полностью вне нашей власти. Непостижимы Автор и Режиссёр этой Драмы. Можно также говорить о жизни как о гигантской Симфонии. Малер ощущал себя инструментом, на котором играет Вселенная...

Но, пожалуй, за меня лучше скажут два небольших стихотворения.

* * *

До излёта взора
Чайки над водой,
Солнце ре-мажора,
Моцарт молодой.
Над волненьем рощи

Пенные поля –
В небесах Настройщик
Тихо тронул «ля»...

19 июня 2006 г., Pittsburgh

* * *

Глаза мои стали тусклы. –
Времени вес.
Меркнут в театре люстры.
За-на-вес.
И всё же шепчу упрямо,
Пишу, карандаш кроша:
«Кончается жизни драма,
Но как была хороша»!

13 июля 2009 г., Route East

ЕЦ. В эмиграции Вы, по собственному признанию, обрели особое состояние души. Произошло чудо? «Расставание с Россией... оказалось крайне благотворным. Стихи стали приходить... почти каждый день, бывали дни, когда сочинялось несколько совершенно разных (настроение, метры, метафоры) стихотворений». Ваши поэтические дневники уникальны. Они растянулись на десятилетия. И, конечно, достойны осмысления.

БК. Да, это своего рода лирический дневник. Стихи приходят как бы сами собой, подчас чувствую: только что сочинённое стихотворение уже было где-то в этом мире, и я его только «подслушал». Конечно, такое «само собой» имеет цену: короткая, но предельная концентрация утомляет душу. Работая в региональном кампусе университета, я был окружён природой. Университету, в частности, принадлежал обширный лес, на тропах которого я встречал и стада оленей, и стаи диких индеек, да и змея порой переползала тропу. Кстати, коллеги рассказывали о небезопасных встречах с медведями. На тропах леса появилось много моих стихов, некоторые пришли по дороге на работу через поле, сменявшее наряды с временем суток и временами года. Особенно, «задевали» меня весна и осень.

Конечно, мне приходилось слышать упреки в дилетантизме: нельзя, мол, сочинять, как Б-г на душу положит, надо работать над стихом и т.д. Надо, надо... Что же, «каждый пишет, как он слышит». В моём случае имеется неодолимый импульс, инстинкт, если хотите, самовыражения. По-моему, «поэт» – это вообще не профессия, это

человек с особенным устройством души. И я невольно вздрагиваю, когда читаю в мемуарах известного автора советской поры: «В ресторане обедала группа из десяти поэтов». Ну, не ходят поэты «группами»... Каждый сам по себе. Отсюда ясно, что ни к каким «группам» я не примыкаю и, соответственно, никогда ни в какие литкружки, студии и пр. не ходил.

ЕЦ. У Вас много еврейских стихов. Причем, еврейство присутствует в них не формальными приметами – иудаизм часто определяет суть Вашей поэзии. Вы ощущаете глубину еврейской традиции, проходящей через века, особую философию праздников, каждый из которых укрепляет нашу связь со Всевышним. И Вы, конечно, сами не раз оглянулись назад, задумались: «Библия (...) оказала на меня сильнейшее воздействие. В ней обнаруживались «неподвижные точки» европейской культуры, образы, ассоциации, пронизывавшие литературу и искусство. Книга Книг проливала свет на многое, что оставалось бы без неё неясным. Какого богатства духа нас лишали, предлагая взамен марксистские прописи! С тех пор образы Танаха, порою просто парафразы, стали постоянно появляться в моих стихах. Иногда они приходили сознательно, иногда внезапно, казалось бы, случайно».

Здесь прерву Вас, дорогой Борис: в нашем разговоре должна непременно возникнуть важная, хоть и болезненная тема. Вы – один из немногих поэтов «еврейского происхождения», который уверенно остался в иудаизме, не ушел от него. «В отличие от многих сверстников у меня не было проблем с национальной идентификацией. Я ощущал себя с незапамятных моих времён именно евреем, соединённым нитями – духовными и физическими – с Отцами, с Моисеем. Возможно, сказывалась и кровь: дедом по материнской линии моей бабушки Софьи Моисеевны был 4-й Любавический Ребе Шмуэль Шнеерсон». Между тем легко заметить: огромное число русских литераторов-евреев уходило и уходят в христианство. И тут, в общем, нечему удивляться. Русская литература выросла на идеалах и темах христианства, пронизана ими. Однако естествен вопрос к Вам: легко ли Вам, работая и живя в этом культурном пространстве, оставаться самим собой, быть русским и – одновременно – еврейским поэтом?

БК. Вы, в сущности, ответили на этот вопрос – обширной цитатой из моего эссе. Что добавить? Безусловно, я ощущал и ощущаю серьёзный диссонанс, внутренний дискомфорт, сочиняя стихи, особенно еврейского содержания, на языке культуры, которую не могу воспринять как свою. К сожалению, тут ничего не поделаешь. Меня научили играть на этом инструменте (а русский язык удивительный, великолепный инструмент). Остаётся утешаться тем, что на скрипке,

рояле, флейте, кларнете можно исполнять самую разную музыку. У меня – надеюсь – иногда получается музыка еврейская. Припоминаю бесчисленные споры вокруг моей русскости/не русскости. Я спокойно объяснял: при полном уважении к русским, сам себя таковым не ощущаю. На моё «не ощущаю» следовали горячие, до белого каления доходящие инвективы. «Нет, ты так не чувствуешь, ты здесь родился, ты на этом языке говоришь... Россия – родина твоя» (почти по песне Вано Мурадели). Я удивлялся: разве кто-то может знать, что и как я чувствую, лучше меня самого?! И старался прекратить бесполезный спор. Безусловно, я родился в России. Но мои оппоненты явно имели в виду слово «Родина» с прописной буквы, а это гораздо больше, чем констатация места рождения. В русской литературе можно найти удивительные по мощи выражения строки, в которых живет подобное восприятие России – как Родины.

У меня же отказывались признать полное отсутствие такого чувства. Отказывали наотрез, до крика. Причём именно и особенно соплеменники. Русские друзья практически всегда меня понимали и деликатно умолкали. Возможно, и они чувствовали неловкость, да в отличие от меня не могли высказать её. Например, когда известный поэт «еврейского происхождения» (еврейской внешности, еврейской манеры говорить настойчиво, чтобы не сказать назойливо с упором на прилагательное) повторял: «Я – русский поэт, я – русский поэт, я – русский поэт». Систематические осквернения могилы Пастернака в Переделкино – трагическое подтверждение уязвимости такой позиции. Войти родным в родной язык оказалось трудным делом. Признаюсь, я всегда избегал вмешательства в вопросы, тесно связанные с русским национальным самосознанием. Никогда не стал бы пушкинистом, не читал бы лекций о декабристах и т.д. «Еврейская линия» в стихах возникала у меня сама по себе, без всякого наперёд заданного намерения, скорее как внутренний императив. Трудно выбрать что-то для нашей беседы из огромного корпуса моих еврейских стихов, но всё-таки:

* * *

На тьму наложено вето –
Света.
Теперь никаких теней!
Приходит Время Завета,
Наступление Дней.
И тьмы бесполезны уловки,
О, как злодеи слепы!
Повсюду звон перековки

Мечей в орала, в серпы.
Веселье под Любящим Оком, –
Имеющий Душу, внемли!
Осанна Еврейским Пророкам,
Спасителям Звёзд и Земли.

5 декабря 2002 г., Pittsburgh

* * *

Начальнику хора. При появлении зари. Псалом Давида.
Псалом (1),1
Но появления зари
Не пропусти, начальник хора. –
Созвездий лопнут пузыри,
И зазвенит твоя кинора. –
При появлении зари.

На вызов тьмы, чреватой злом,
На безнадежье поношенья –
Звучи, целительный Псалом,
Души бессмертной утешенье. –
На вызов тьмы, чреватой злом.

Мой Б-же, я в тоске, один. –
Зачем же Ты меня оставил
Цепляться за осколки льдин?
Я обречён, я – прах, я – Авель. –
Мой Б-же, я в тоске, один.

В слезах молю, услышь, узри.
Начальник хора, тон небесней!
Я оживу не хлебом, Песней, –
.....
При появлении зари.

3 февраля 2000 г., Johnstown

* * *

Душа, что роздана потребам... –
И пахло утро свежим хлебом,
И дымом – дом, очаг, обед.
Как лемехом, дробилось эхом

Название тёплое Бет-Лехем –
.....
Начало стольких наших бед.

9 марта 2000 г., Johnstown

...Евреи и христианство: еще один сложный и – простой – поворот темы. Сложный – потому, что сложна огромная «история вопроса», сложны вовлечённые чувства людей. Вспомним, например, прекрасные стихи Пастернака. Простой – потому что прямой линией через века проходят преследования, гонения евреев, издевательства над ними со стороны христианских церквей. Новый Завет содержит удивительные, чистой печальной поэзии страницы. Но без фундамента Танаха, называемого христианами Ветхим Заветом, религиозная концепция не состоится. Таково начальное неудобство новой религии, так называемого Нового Израиля, виртуального, выражаясь современным языком, образования, задумавшего вытеснить, заместить Израиль настоящий. (Не так ли Интернет сегодня начинает теснить реальность?) Неоднократно приходилось читать высказывания, да и слышать от собеседников: иудаизм – отжившая, примитивная религия, преодолённая посланием учителя из Галилеи.

Многие речи и теории приводились в поддержку этой идеи. Восторгаясь красотами слога, изяществом логических построений, я всё-таки видел простую и резкую истину: а не Эдипов ли комплекс просвечивает сквозь все изыски? Не учит ли яйцо курицу? Что касается крещения евреев, то и здесь для меня всё сложно и просто. Сложно, потому что вовлечены душевные миры талантливых, тонких, попросту очень хороших людей. Мне приходилось близко наблюдать евреев-неофитов из круга вдохновенного проповедника, священника Александра Меня. Деятельность его по обращению евреев в (православное) христианство вызывала и вызывает у меня глубокое сожаление. Ещё один заблудший, одарённый талантом сын Израилев. Но не буду продолжать – жуткое убийство Александра Меня не позволяет. Относительно же еврейского крещения мой моральный ориентир опять-таки прям и прост: ощущаю в этом такую начальную непорядочность, что и объяснять неловко. Для тех, кого такое объяснение не удовлетворяет, напомним слова великого православного мыслителя Владимира Соловьёва: «Проходя через всю историю человечества, от самого ее начала и до наших дней (чего нельзя сказать ни об одной другой нации), еврейство представляет собою как бы ось всемирной истории». Родиться на этой оси и поддаться центростремительным силам – какое падение!

ЕЦ. В эти годы Вы часто обращались к истории евреев в России. Вспомню, к примеру, Вашу большую работу, посвященную книге Семена Резника «Вместе или врозь?» Резник писал «на полях» двухтомника Солженицына «Двести лет вместе». И Вы тоже вступили в спор. Вообще Вы часто вступали в полемику с антисемитами. А какую роль антисемитизм сыграл в Вашей собственной жизни?

БК. Безусловно, я сталкивался с проявлениями юдофобства – на улицах, в магазинах, поездах... Что касается партийно-государственной политики в «еврейском вопросе», то мне повезло. В университет я поступал во время определённой отдушины. Бесчинства в отношении еврейских детей на приёмных экзаменах начались позже. К сожалению, в этих (назову вещи своими именами) преступлениях оказались замешанными и некоторые мои однокурсники. Они не были энтузиастами-ненавистниками, просто колебались вместе с линией партии. В профессиональной среде эта линия выражалась в неприёме на работу, блокировании «еврейских» диссертаций, препятствии в публикациях статей и книг.

Те же самые еврейские спорщики, о которых я упоминал, обычно приводили «неотразимый» аргумент: «Если бы мне не напоминали, я бы не чувствовал себя евреем». Горько было слушать эти признания духовного рабства, которые, кстати, подогревали и подогревают снисходительное, если не презрительное отношение к евреям у некоторых интеллектуалов (вспомним того же Шульгина с его книгой «Что нам в них не нравится»)...

ЕЦ. Еще в СССР многие узнали Вас по открытым письмам академику Игорю Шафаревичу: они гуляли в самиздате, их читали по радио «Свобода». Как известно, Шафаревич, который с предупредительной вежливостью здоровался с Вами в коридорах МГУ, был не только выдающимся математиком, но и, последовательным, убежденным антисемитом. И это ярко проявила его «Русофобия». Конечно, разубедить антисемитов, как правило, невозможно. Думаю, Ваши глубокие, страстные письма были нужны, прежде всего, соплеменникам. Тора говорит, что Всевышний посылает нам испытание антисемитизмом и для того, чтобы еврей не смог уйти от себя, не смог покинуть еврейский мир. Ситуация выбора, трудное осознание собственной миссии – это тоже будни духовной жизни еврея.

БК. Сен-Санс не публиковал при жизни свой искромётный «Карнавал», опасаясь: эта композиция отвлечёт внимание от его более значительных сочинений. У меня примерно такое же чувство в отношении упомянутой Вами публицистики. «Автор открытого письма Шафаревичу» – эти слова нередко были моим определяющим

«титолом». В своём автобиографическом эссе я рассказал об обстоятельствах того давнего дела. Весной 1988 г. мне дали прочесть ходивший в Самиздате список «Русофобии». Шафаревич развивал концепцию «малого народа» и его зловещей роли по отношению к «народу большому». Естественно, с особым упором на Россию и её историю. Хотя формально «малый народ» не определялся в этнических терминах, всё изложение подводило к выводу, что «русский малый народ» – это почти исключительно, а духовно целиком – евреи. На российское еврейство, таким образом, ложилась тяжёлая ответственность за несчастья страны. «Русофобия» на меня особого впечатления не произвела, лишь огорчил уровень Шафаревича публициста, историка, социолога, совершенно не сопоставимый с его масштабом как математика. К сожалению, отложить пухлую машинопись в сторону не удалось. Тревожила растерянность еврейских друзей, очевидно, не находивших для себя аргументов. Наконец, я получил прямые просьбы ответить. Пришлось сесть за письменный стол и через несколько часов появилось Открытое письмо. Должен сказать, что на него горячо реагировали и многие мои русские друзья, коллеги. Конечно, появились возражения, причём особенно вздорные, на мой взгляд, с еврейской стороны. «Я бы написал(а) подрутому», «Вам его не переубедить» и т.д. Разумеется, никакого намерения «переубедить» Шафаревича в моём случае не было и в помине. Недавняя кончина Игоря Ростиславовича глубоко меня опечалила. Это был совершенно незаурядный человек. Вспоминаю университетский трёхсеместровый курс линейной алгебры. Как же нам повезло – Михаил Михайлович Постников в первом семестре, Шафаревич – в остальных двух. Блистательные, неподражаемые профессора! (Шафаревич, кстати, оказывал несомненное внимание одной из наших однокурсниц).

Вы, возможно, заметили, что я избегаю термина «антисемитизм», он и в моей публицистике появляется крайне редко. Слишком часто с лёгкостью употребляют это тяжёлое слово, тем самым с одной стороны его девальвируя, а с другой – сводя к ярлыкам сложные проблемы. Мне неизвестны конкретные антиеврейские поступки Шафаревича – «заваливание» диссертаций, блокирование книг. А ведь возможности были. Он проявлял внимание и предупредительность к любому собеседнику, будь то еврей или эллин. Да, его социо-политические труды в менее щепетильных руках могли (и могут) обернуться огромной бедой, с ними необходимо было полемизировать перед самой широкой аудиторией, отнюдь не ограничиваясь аудиторией еврейской. В последнем случае, хотя бы и в попытке вернуть национальное самосознание уже упомянутым еврейским спорщикам.

А поддерживать таковое вне рамок религиозной традиции нелегко. Впрочем, сегодня труды российских еврееведов, будь то Шафаревич или Солженицын, представляются мне отнюдь не магистральной нашей проблемой. Совсем не главной опасностью.

Многое тревожит куда сильнее, в особенности ситуация вокруг и внутри Израиля. Здесь и зловещая тень почти ядерного Ирана, ИГИЛ и прочие прелести исламского мира, системное преследование (иного слова не подберёшь) еврейского государства европейскими странами, подлое поведение ООН, движение университетских «интеллектуалов», призывающих к бойкоту, санкциям и т.д. Полное энтузиазма участие «либеральных» евреев в таких оргиях – тяжелейшая вещь. В почтовой комнате моего собственного дома систематически появляются листовки организаций вроде «Евреи за справедливость в Палестине». Во что выльется «палестинская справедливость», не видит только умственно ослепший. Проезжаю мимо очередной демонстрации в защиту невинных овечек из Газы. В первых рядах красуется пожилая идиотка (извините мой французский) с плакатом: «Не все евреи за Израиль». И если бы только «не за»! Против Израиля! А мерзавец Голдстоун с его клеветническим «отчётом»?! Безусловно, граждане Израиля имеют полное суверенное право сами решать свою судьбу. Безусловно, они видят всё изнутри, из гущи событий. Не осмеливаюсь приставать к ним с советами, но со своего расстояния ощущаю деятельность ряда левых и «правозащитных» израильских организаций как психиатрическое заболевание, танец с факелами на пороховой бочке. Вот уж наказание Б-жьё... Какой тут Шафаревич!

* * *

Евреи – споры, ссоры, гам,
Вагон сочувствия к врагам,
И все мы вместе –
В их перекрестье.

15 мая 2005 г., Pittsburgh

* * *

Ужели взвешено уже
Всё Царство до последних унций? –
Послы, министры, атташе,
Парламентарии-безумцы?
Ослов пустая болтовня,
Паяцы, важные, как дожи? –
Но Свой Народ средь бела дня

За что наказываешь, Б-же?

17 февраля 2000 г., Johnstown

ЕЦ. Что Вы скажете о литературной жизни эмиграции? Читаю еще одно Ваше признание: «Начиная с 90-х годов прошлого столетия, новые средства коммуникации, Интернет в особенности, подарили мне старших друзей, общение с которыми безмерно обогатило мой духовный мир. Яков Хелемский, Иосиф Шварц, Владимир Зак, Марк Азов... С некоторых пор предпочитаю виртуальный мир реальному. С одной стороны, электронная почта – мгновенный вид связи, вдобавок не знающий географических границ. С другой стороны, – с электронным письмом не связан риск нежелательного вторжения в физический мир корреспондента... Виртуальность общения скрадывает различия возраста, положения, жизненного опыта. Мир, вроде бы, виртуальный, а вот возникающие отношения – самые настоящие»...

Знаете, Борис, Вы точно очертили реалии моей собственной жизни – сегодня мое общение с коллегами тоже происходит в основном в виртуальном пространстве. Но тогда возникает вопрос: а существует ли еще литературная жизнь эмиграции в ее традиционных формах?

БК Мне трудно судить о литературной жизни эмиграции в целом, поскольку моё участие в этой жизни (объединения, встречи и т.д.) минимально. Знаю, что в традиционных формах живого общения авторов литературная жизнь существует в Нью-Йорке. В Сан-Диего активно работает литературный клуб «Кактус». Я и сам выступал с чтением стихов в Питтсбурге, Балтиморе, Сан-Диего, Нью-Йорке. Но, действительно, реальность заметно вытесняется виртуальностью. Как во всяком сложном явлении, здесь можно видеть и плюсы и минусы. Однако начавшееся движение неостановимо. Мне, правда, удаётся избежать участия в социальных сетях, сам жаргон которых вызывает отторжение: каждый встречный называется «другом», Девятая симфония Бетховена – «песней» и т.д. Нет у меня и «умного» телефона, зависимость от которого уже напоминает эпидемию. Упрёк, что я просто «устарел», безусловно, приму.

Вместе с тем, моя библиотека электронных книг далеко превзошла физическую и даёт доступ к изданиям, которые никогда бы иначе не попали мне в руки. Но жаль, жаль добрых старых книг, с потёртыми обложками, пожелтевшими страницами, с запахами клея и типографской краски... Увы.

* * *

Собранье электронных книг,
Теней умерших книг бумажных, –
Пустившись в плаванье однажды,
Находишь всё, что хочешь, вмиг.
И всё ж нахмуришься, жалея –
Убил клавиатурный лёд
Бумаги хруст и запах клея
И ветхий тёплый переплёт.
И вспомнишь вдруг из этой жали
Про книжку сказок дней иных,
Как руки бабушки дрожали,
Когда она читала их...

4 апреля 2017 г., Pittsburgh

Уникальная черта публикаций в Интернете – читатели без границ. Откуда только не приходили отзывы! А вот два удивительных случая из цикла «Нам не дано предугадать,/ как наше слово отзовётся». В эссе «Учитель» (памяти А.А. Маркова) я употребил прилагательное «апокрифический». Соответствующая цитата вошла в национальный корпус русского языка как иллюстрация словоупотребления этого термина. В эссе об «еврееведческом» двухтомнике Солженицына есть небольшое рассуждение о языке писателя. Оно цитируется в Энциклопедии русского языка для школьников. И, кстати, думая о судьбах эмигрантской литературы, нельзя обойти вопрос о языке, об оторванности от метрополии, от океана живой речи. Не пишем ли мы на своего рода ладино, сохраняя – кто знает, может быть для будущих исследователей – архаичные формы русского языка? Сколько новых слов появилось! Судя по программам первого канала ТВ (только таковой мне здесь ограниченно доступен), по новым фильмам, изменилась сама музыка речи. Многие неологизмы кажутся уродливыми, но мне ли судить? Язык – живой организм. Словари пытаются уложить его развитие в какие-то рамки. Однако сколь часто приходится меняться им самим под натиском народа-языкотворца!

ЕЦ Уходя в эмиграцию, погружаясь в неё, русский (или русскоязычный) писатель, тем не менее, не может проститься с Россией. Не буду задавать вопрос о «долгом прощании», притягивании и отталкивании – ответу за Вас. Вашим стихотворением, оно публиковалось и в США, и в России:

* * *

Россия –

памяти ожог. –
Хоть свечи погасил я, –
Прошу Тебя,
еврейский Б-г,
Пусть выживет Россия.

Храни Россию у межи,
При резкой смене галса –
Прошу за всех,
кому там жить,
За всех, кто там остался...

Спаси простёртою рукой
И Тайною Шумера, –
И пусть придёт в Москву покой,
Достоинство и вера...

БК. Спасибо, что напомнили это стихотворение мая 1997-го. По его поводу известный российский филолог, прозаик и критик, профессор Московского университета Владимир Новиков писал: «Для истории отечественной религиозно-культурной мысли Ваше стихотворение «Россия – памяти ожог» означает необходимую и уникальную нишу. «Прошу Тебя, еврейский Б-г, пусть выживет Россия» – так до Вас в поэзии не писал никто, а тот, кто скажет после, должен будет дать ссылку типа «как Кушнер некогда сказал».

Признаюсь: никакой ностальгии именно по России у меня нет. Со времени отъезда там не был, да и не тянет поехать. Иногда оказываюсь там во сне – просыпаюсь в ужасе. Есть печаль по ушедшей молодости, по друзьям, по местам, где был счастлив... И, конечно, воспоминания бывают не всегда радостными. При моей импульсивной манере сочинения стихотворение часто оказывается мгновенной фотографией состояния души. Среди таких «фотографий» были и очень резкие, несправедливые. Они ранили меня самого. Отсюда и «Россия – памяти ожог». Конечно, желаю счастья и благополучия Бельгии, Франции, Канаде, Грузии – назовите страну. Но всё-таки Россия на особом месте в сердце – там остались друзья, родные, наконец, могилы. В кинофильме «Семь стихотворений» я читаю ещё одно такое «ожоговое» стихотворение:

* * *

Зарево над далью,

Тени – блок-посты... –
А по междушпалью
Редкие цветы...

Памятью опалой,
Вдоль болот-осок –
Шпалы, шпалы, шпалы... –
Щебень и песок...

Небо так высоко,
Звёзды высоки –
Камыши-осока,
Жалобы-гудки...

Ржавые кривые,
Звездопад дождём... –
Мы полуживые
По путям бредём...

Из росы горошин
В искрах свет-факир... –
Как же он заброшен –
Этот горький мир...

Тяжесть кирасирья,
Солнце на оси... –
Бедная Россия... –
Б-г тебя спаси...

3 июня 1996 г., Pittsburgh
Счастлив тот, кому довелось умереть там, где он родился.
Октябрь, 2017

Михаил Голубовский
Беркли, Калифорния, США

Алексей Константинович Толстой: двух станов не боец. К 200-летию писателя

Ушедший 2017–ый год памятен двумя громкими юбилеями: 500-летием начала Реформации и 100-летием большевистской революции в России. Но многим любителям культуры в России были дороги два других юбилея: 200-летие рождения Алексея Константиновича Толстого (1817—1875) и 125-летие рождения Марины Цветаевой. Совсем не случайно, 15 декабря 2017 г. в музее Цветаевой состоялись чтения в честь 200-летия А.К.Толстого. Связующая двух поэтов линия идет от жизненного девиза Толстого:

Двух станов не боец, но только гость случайный,
За правду я бы рад поднять мой добрый меч,
Но спор с обоими досель мой жребий тайный,
И к клятве ни один не мог меня привлечь;
Союза полного не будет между нами –
Не купленный никем, под чье б не стал я знамя,
Пристрастной ревности друзей не в силах снести,
Я знамени врага отстаивал бы честь ! (1858)

Спустя 77 лет эти сильные строки были повторены Цветаевой в ее стаккатных, напряженных словно струна, состукиваниях слов, созвучий и смыслов:

Двух станов не боец, а – если гость случайный –
То гость – как в глотке кость, гость – как в подметке гвоздь.
Вы с этой головы, настроенной – как лира:
На самый высший лад : лирический...– Нет, спой!
Два строя: Домострой – (и Днепрострой – на выбор!)
Дивясь на ответ безумный: – Лиры – строй.

В концовке из дилеммы Двух (станов, строев) воскресает повтор – заклятие Дух :

Двух станов не боец: судья – истец – заложник –
Дух – противубоец! Дух – противубоец.

Сохранение духовной независимости, свободы от клятвенной верности группе, даже если в ней твои друзья – трудный благородный выбор, доступный в искусстве и науке лишь избранным. Особенно в острых социальных ситуациях почти непримиримого разделения на станы, лагеря и партии.

«Многосторонняя, всеобъемлющая, безмятежная ясность, основанная на идеалистической философии (платонизме)...Его гармония чужда благодушия и самодовольства. Она чиста и благородна. В поэзии, как и в жизни, Алексей Толстой – джентльмен с головы до ног». Так ярко и кратко очертил облик поэта Д. Святополк-Мирский («История русской литературы»). Гармония воплощается в естественном сочетании в творчестве и жизни трех граней личности: разум – эмоции – интуиция. Аналитический разум без эмоций бывает холоден и равнодушен. Эмоции и энтузиазм без разума опасны впадением в состояние «восторженного дурака». И непременно важна интуиция – внерациональное подсознательное соприкосновение с огромным миром природы, невербальные прозрения.

Толстой – художник проявил себя как лирик и поэт-философ, исторический писатель и драматург. Но особенно уникален его редкостный дар иронии, сарказма и сатиры. Вместе с двоюродными братьями Жемчужниковыми (общие гены!) Толстой – инициатор и со-творец и поныне постоянно цитируемого Козьмы Пруtkова – уникального абсурдистского литературного гомункулуса с портретом и подробной биографией. Эта смесь чистого наслаждения с нелепицей, наставлений-апофегм и просто афоризмов – вершина русской юмористики. Неоспоримая заявка Толстого на бессмертие, полагал Святополк-Мирский.

Предрасположение к творчеству. Евгений Онегин не обладал высокой страстью для звуков жизни не шадить. Такая страсть врожденная, она зависит от генотипа. Тяга к поэзии, художественному творчеству, музыке возникает с детства в виде неодолимого влечения. «С шестилетнего возраста я начал мараить бумагу и писать стихи – настолько поразили моё воображение некоторые произведения наших лучших поэтов. Я всегда испытывал непреодолимое влечение к искусству вообще, во всех его проявлениях. Та или иная картина или статуя, равно как и хорошая музыка, производили на меня такое сильное впечатление, что волосы буквально подымались на голове», – поведал Толстой в письме к его итальянскому биографу литератору А. Губернатису. Очевидны параллели с пушкинским Сальери: «ребенком будучи, когда высоко звучал орган в старинной церкви нашей, я слушал и заслушивался, слезы невольные и сладкие текли». Даже в 40 лет Толстой признался в письме жене, что читая на ночь столь хорошо ему знакомого «Онегина», дошел до описания зимы в деревне – и «брызнули слезы из глаз». Столь эмоционально воспринимал поэзию этот мужественный по натуре человек, охотник на медведей, отличавшийся смолоду недюжинной физической силой.

Становлению творческого таланта способствует «обогащенная среда» (термин в генетике), где есть определенные благоприятные условия. Здесь А.К. повезло. В его генеалогическом древе многие родичи восходили к военно-государственной элите или проявляли художнические таланты.

Прадедом Толстого по материнской линии был граф Кирилл Разумовский (1728-1803). В юные годы его отправили обучаться наукам в Европу по протекции старшего брата (фаворита Елизаветы Петровны). А когда он вернулся в Петербург, то в традициях петровских причуд в 18 лет его назначали Президентом Петербургской академии наук («Веселая царица была Елизабет / Поет и веселится, порядка только нет»). В оной должности граф пребывал 5 года – данный рекорд вряд ли будет превзойден. Его сын Алексей Разумовский (1748-18) тоже в юности обучался в Европе, а в 1810 г. стал министром народного просвещения. При нем открылся Царскосельский лицей, появились многие школы и гимназии. Алексей Разумовский стал отцом десяти внебрачных детей. Все они получили дворянское звание и фамилию Перовские (по названию подмосковного имени графа). Двое из внебрачных сыновей стали генерал-губернаторами, а третий (Лев Перовский) 11 лет состоял министром внутренних дел.

Карл Брюллов. Портрет поэта и драматурга Алексея Константиновича Толстого в юности

Анна Перовская (седьмой ребенок графа) вышла замуж за К.П. Толстого, родного брата скульптора, художника Ф.П. Толстого, вице-президента Академии художеств. Но вскоре после рождения сына брак распался. Мать отвезла Алешу в украинское имение к родному брату писателю Алексею Перовскому (1787-1836). Дядя усердно культивировал у племянника любовь к искусству. Специально для Алешки он написал сказку «Черная курица» (псевдоним Антон Погорельский) – первая в России книжка для детей. Алексей Перовский был знаком с литературной элитой. На его квартире Пушкин впервые читал «Бориса Годунова». Алешу приняли в царскую семью для игр с его сверстником, будущим императором Александром II. В. Здесь он получил первоклассное образование.

В детские годы Толстой несколько раз с матерью путешествовал по городам Германии, включая Веймар и посещение Гете. « В памяти моей остались величественные черты Гете и то, что я сидел у него на коленях», – вспоминал писатель. Он особо впечатлился от поездок в

Италию – «сокровища искусства открылись моей душе еще до того, как я их увидел воочию».

Будучи с юных лет приближен ко двору, А.К. затем состоял в свите императора в звании флигель-адъютанта. Но чиновная карьера и служба его сильно тяготили. При всем благорасположении к нему вступившего на престол Александра II, Толстой просится в отставку. Замечательно по стилю и содержанию последнее прошение об отставке в 1861 г.: «Государь, служба, какова бы она ни была, глубоко противна моей натуре... Путь, указанный мне провидением – мое литературное дарование, и всякий иной путь для меня невозможен... Я думал, что мне удастся победить в себе природу художника, но опыт показал, что я напрасно боролся с ней. Служба и искусство несовместимы, одно вредит другому и надо делать выбор... У меня есть средства служить Вашей особе и я счастлив, что могу предложить его Вам: это средство – говорить во что бы то ни стало правду, и это единственная должность, возможная для меня, и к счастью, не требующая мундира». Отставка была, наконец, принята.

Толстой о драмах истории. В 1834 году Толстой сдал экзамены в Московском университете и начал работать в Московском архиве министерства иностранных дел над разбором и описанием летописных документов. Он глубоко проникся историей древней Руси X-XII веков. Отсюда идет инкрустация его поэзии и прозы древними забытыми словами. Изучив опубликованный лексикон русского языка В. Даля, Толстой нашел более 80 слов, не вошедших в этот авторитетный словарь.

Драма русской истории запечатлена Толстым в трилогии: «Смерть Иоанна Грозного – Царь Федор Иоанович – Борис Годунов». На ее написание ушло семь лет. К сценической постановке трилогии Толстой написал пояснения. Общая идея трагедии, писал он, проста: «Иоанн, властолюбивый, от природы испорченный лестью окружающих его царедворцев и привычкой к неограниченной власти...Он видит врагов во всех, кто стоит выше обыкновенного уровня, все равно чем: рождением ли, заслугами ли, общим ли уважением народа. Ревнивая подозрительность и необузданная страстность Иоанна побуждают его ломать и истреблять все, что может, по его мнению, нанести ущерб его власти, сохранение и усиление которой есть цель его жизни». Это описание поражает сходством со Сталиным. Недаром Сталин возвеличивал тирана Ивана IV.

Первая трагедия начинается сценой, где Грозный, терзаемый убийством сына и склонный к театральным играм, удаляется из Кремля в слободу (как уже было 30 лет назад) и просит бояр выбрать из Думы нового государя. Бояре разделены на группы, каждая алчет выдвинуть

своего ставленника. Но в то же время они боятся непредсказуемого тирана. Тогда брат царицы Ирины хитроумный Годунов предлагает всем молить царя не оставлять престола. Ибо: «Глубоко в сердца вросли корни / Привычка безусловного покорства / И долгий трепет имени его.../ Мы держимся лишь им. Давно отвыкли / С собой мы думать, действовать собой». Здесь поражает совпадение со строками Мандельштама 50 лет спустя: «Мы живем под собою не чуя страны, наши речи за десять шагов не слышны». Новый кремлевский тиран опять играл судьбами полулюдей. История России пошла по кругу.

Первая часть трилогии была поставлена в Москве в 1868 г. но в провинциальных городах цензура ввела ограничения. Вторая часть «Царь Федор Иоанович» была запрещена к постановке и вышла на сцене лишь 30 лет спустя при открытии МХАТа в 1898 г. Зато «Смерть Иоанна» в переводе поэтессы Каролины Павловой (она блистательно переводила многие его сочинения) была с успехом поставлена в Веймаре. Этому содействовал великий Ференц Лист. Он в те годы проживал в Веймаре с русской гражданской женой княгиней Каролиной Витгенштейн (урожд. Ивановская), которая была знакома с Толстым и высоко ценила его творчество. Толстой писал Листу в 1868 г.: «Я прежде всего Вам обязан принятием на веймарскую сцену моей трагедии... Той магнетической силе, которой Вы подкрепили Вашу рекомендацию...Театр был переполнен, любопытных было больше, чем мест, и после окончания первого акта аплодисменты уже не прекращались... прием, который не могу назвать иначе, чем триумфом». Ференц Лист затем написал музыку по мотивам баллады поэта «Слепой».

Поэтическое кредо. Еще будучи на службе, А.К. опубликовал серию лирических стихов, посвященных будущей жене Софье Андреевне (урожд. Бахметьева). По странной планиде, так же звали и жену Льва Толстого. И еще одно сближение: 13 декабря 1873 г., отмечает в дневнике академик и цензор А.В.Никитенко, «графы Лев Толстой и Алексей Толстой избраны в член-корреспонденты». Лирические стихи Алексея Толстого изящны, привлекают тонкой аурой искренних чувств и переживаний. Множество их положено на музыку, причем, иногда одни и те же стихи – разными композиторами (Чайковский, Рубинштейн, Римский-Корсаков, Рахманинов). Романсы на стихи Толстого остаются в репертуаре и ныне («Средь шумного бала», «То было раннею весной», «Минула страсть и пыл ее тревожный», «Н е ветер, вея с высоты»). Захватывает их исполнение Галиной Вишневской, где ей аккомпанирует на пианино Мстислав Ростропович (запись 1964 г).

Вымышленный «портрет» Пруtkова, созданный Львом Михайловичем Жемчужниковым, Александром Егоровичем Бейдеманом и Львом Феликсовичем Лагорио

Алексей Толстой, вслед за Тютчевым, справедливо признан поэтом – мыслителем. Он чувствовал себя связующим звеном между миром вечных идей или первообразов и миром вещественных явлений – так характеризовал его мировосприятие философ Вл. Соловьев.

Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель! Вечно носились они над землею, незримые оку... Много в пространстве невидимых форм и неслышимых звуков, Много чудесных в нем есть сочетаний и слова и света, Но передаст их лишь тот, кто умеет и видеть и слышать, Кто уловив лишь рисунка черту, лишь созвучье, лишь слово, Целое с ним вовлекает создание в наш мир удивленный.

Действительно, подлинным художникам и творцам и в искусстве, и в науке выпадает радость открытия как бы предсуществующей гармонии, красоты и связей, ранее «незримых оку».

Против течения, стиль полемики. Такое отношение Толстого к творчеству подверглось трудному испытанию. В конце 1850-х – начале 1860-х резко изменились время и читатель. После смерти Николая I академик и цензор А.В. Никитенко записывает в дневнике: «Теперь только открывается, как ужасны были для России прошедшие 9 лет. Администрация в хаосе; нравственное чувство подавлено: злоупотребление и воровство выросли до чудовищных размеров». Вновь явная параллель с периодом оттепели после смерти Сталина.

При воцарении Александра II происходит резкий общественный подъем. Годы 1856-1857 называют иногда необыкновенным двухлетием в русской литературе. Печатаются «Рудин» Тургенева, «Севастопольские рассказы» Льва Толстого, «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина, «Доходное место» Островского. В 1856 г. выходит книга стихов Некрасова, которая, по словам Огарева, «обожгла душу русского человека». Книга имела грандиозный успех. «Всё издание было раскуплено в несколько дней, и так как спрос на книгу продолжал возрастать, вскоре появились её рукописные копии, иногда продававшиеся за удешевленную цену», – отмечал К. И. Чуковский в книге о Некрасове. В сборник стихов, проскочивший через цензуру, Некрасов включил программный тезис: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Этот тезис стал как бы знаменем времени.

Еще в 1856 г. Некрасов, публикуя в своем «Современнике» стихи А. Фета, заключил: «Человек, понимающий поэзию и охотно открывающий душу свою её ощущениям, ни в одном русском авторе после Пушкина не почерпнёт столько поэтического наследия, сколько доставит ему г-н Фет». Однако, уже спустя несколько лет поэзия Фета осыпается градом насмешек, нападок, оскорблений, пародий. Писарев пророчествовал, что в будущем стихи Фета за неимением спроса «продадут пудами для оклеивания комнат под обои и для завёртывания сальных свечей, мешщерского сыра и копчёной рыбы». Тогда и Фет станет приносить своими произведениями «некоторую долю практической пользы». Изданный в 1863 г. двухтомник Фета оставался нераспроданным до конца жизни поэта, несмотря на маленький тираж. Чувствуя разлад с духом времени, поэт на многие годы умолк. Такая же судьба постигла и вышедший в 1868 г. томик стихов Тютчева. Это издание тоже не нашло читателя и годами лежало нераспроданным.

На арену общественной жизни ворвалось поколение Базаровых с совершенно другими культурными, эстетическими, социальными идеалами, нежели их отцов. Нигилизм, дерзостное отрицание прошлого и настоящего сочеталось в статьях кумира молодёжи Писарева с призывом к практической деятельности, к занятиям наукой. Только в науке его последователи видели силу, которая противостоит религии и способна преобразовать общество. Если нигилизм понимать просто как нежелание ничего не принимать на веру, он может быть вполне приемлем. В этом смысле известный биолог и философ А.А. Любищев называл себя нигилистом. Однако, Любищев был платоником, ценил религию. А философское мировоззрение нигилистов 1860-х годов отличала такая триада: крайний материализм, детерминизм и утилитаризм: «Рафаэль гроша ломаного не стоит».

Таково было веяние времени. «...Пришла пора иная, / Пора печальная, когда / Гетера гонит площадная / Царицу мысли и труда; / Да не смутит души поэта / Гоненье на стыдливых муз, / И пусть в тени, вдали от света, / Свободней зреет их союз», – горевал Фет в дружеском послании к Алексею Толстому. В литературной критике, близкой к журналу «Современник», возникла своего рода атмосфера «либерального террора» (Добролюбов, Чернышевский). Тогда Толстой принимает вызов времени и пишет свое знаменитое «Против течения». Он призвал противостоять оглушительным крикам вокруг: «Сдайтесь, певцы и художники! Кстати ли вымыслы ваши в наш век положительный?.. сдайтесь новому времени». Противостоять и верить – «верх над конечным возьмет бесконечное». Свою веру творца об истинном предназначении искусства поэт выражал в письмах со свойственной ему страстью: «В произведении литературы я презираю всякую тенденцию, презираю ее как пустую гильзу, тысяча чертей! Как разяву у подножия фок мачты, три тысячи проклятий. Я это говорил и повторял, возглашал и провозглашал! Не моя вина, если из того, что я писал ради любви к искусству, явствует, что деспотизм никуда не годится. Тем хуже для деспотизма! Это всегда будет явствовать из всякого художественного произведения, даже из симфонии Бетховена».

Поэт поднимает свой «добрый меч» иронии и сарказма, публикуя балладу с невинным названием «Порой веселой мая». Начало ее идет в нарочито архаичном игривом стиле. Молодая пара, он «в мурмолке червленной», она «вся в ткани серебристой...», звенят граненые мониста», вышла в сад на свадебное гулянье. И тут жених, «стан ей обняв гибкий», решил, по иронии автора, рассказать невесте о близком будущем. Цветущий сад засеют скоро репой. Кусты, где утром нас будит рокот соловьиный, вырвут с корнем, там индеек хотят кормить червями. Тенистую рощу порубят «на здание такое, где б жирные говяда кормились на жаркое». Невеста в ужасе: «Ужель для той скотины иного места нету, иль то «матерьялисты», у коих трубочисты» повыше Рафаэля? Люди сии разные, пояснил жених, но они согласны в одном: «Коль у других именье /Отыметь и разделишь / Начнется вожделенье./ Весь мир желают сгладить и тем внести равенство». (Ау, Шариков!). Услышав об ожидаемом будущем, «в сердцах сказала дева, – ступай себе направо, а я пойду налево». Авторская концовка язвительна: «Я новому ученью / Отдавшись без раздела, / Хочу, чтоб в песнопенье / Всегда сквозило дело...Российская коммуна, / Прими мой первый опыт!». Здесь утопия доведена до своего логического конца. Увы, поэт-сатирик оказался провидцем, ибо российский вариант

построения социализма оказался и подлинной экологической катастрофой на громадной территории.

С публикацией баллад случился казус. А.К. печатался обычно в либеральном журнале «Вестник Европы», где редактором был достойный человек, историк, филолог и публицист, Михаил Матвеевич Стасюлевич (1826-1911). Между ними было полное понимание и доверие. Однако Стасюлевич не решился опубликовать в 1871 г. баллады поэта «Порой веселой мая» и «Поток-богатырь», усмотрев в них пасквиль не только на нигилизм и материализм, но и на либерализм вообще. Толстой возразил, что не может понять, почему нигилистам можно сколь угодно резко осыпать бранью всех, не согласных с ними, а вот над их взглядами и утопиями нельзя иронизировать. Тогда он отдал баллады в консервативный «Русский вестник» (редактор М.Н. Катков), следуя принципу – «спор с обоими мой жребий тайный». Идеиные позиции этих двух журналов были резко различны, примерно как сто лет спустя у «Нового мира» и «Октября».

Баллада «Поток-богатырь» построена на любимом приеме Толстого – снах и путешествии во времени. Поэт романтизировал Киевскую Русь и Новгород, видя там прообраз народовластия – вече, выборы князей. Из периода Владимир-Солнышко его герой витязь по имени Поток переносится во сне на полтысячи лет вперед и попадает в Московское царство. В полном изумлении Поток наблюдает, как при появлении царя все «повалились на брюхи» и «землю метут бородой». При виде подобного преклонения перед земным царем, словно перед небесным богом, витязь как сноп впадает в сон и просыпается еще через триста лет – в середине XIX века. Здесь он попадает на собрание, где некий аптекарь, или патриот излагает перед толпою свое ученье: «Что, мол, нету души, а одна только плоть / И что если и впрямь существует господь, / То он только есть вид кислорода, / Вся же суть безначальи народа». Это ироническая квинтэссенция базаровского мировосприятия, которое спустя полвека дословно воплотилось в российский социализме.

Далее идет замечательный иронический диалог, который я особенно люблю. Патриот (этот термин здесь использует сам А.К.Толстой) сурово вопрошает Потока:

«Говори, уважаешь ли ты мужика?»

Но Поток вопрошает: «Какого?».

«Мужика вообще, что смиреньем велик!»

Но Поток говорит: «Есть мужик и мужик:

Если он не пропьет урожаю,

Я тогда мужика уважаю!»

Алексей Константинович иронизирует и над народническими утопиями, и мистическим преклонением перед некоей высшей правдой мужика – убеждения, которые разделяли в своих взглядах и творчестве великие современники поэта Лев Толстой и Достоевский.

Крики патриота – «только в народе спасенье» – витязь достойно парирует: «Я ведь тоже народ, так за что ж для меня исключенье?». После этого естественного вопроса Потока называют остзейским бароном: «Ты народ, да не тот! / Править Русью призван только черный народ! / То по старой системе всяк равен, / А по нашей лишь он полноправен!». Чеканный афоризм поэта – я того мужика уважаю, если он не пропьет урожаю – метафорически применим и за пределами российской утопии. Например, к лозунгам типа «Black life matters».

Две самые известные сатиры Толстого «История государства российского от Гостомысла до Тимашева» и «Сон Попова» никогда не были напечатаны при жизни поэта, хотя тексты ходили в тогдашнем самиздате. Так, в 1873 г А. Фет просит прислать ему копию «Попова». Ответное письмо начинается замечательным обращением: «Добрый, хороший, милый, любезный Афанасий Афанасьевич!». Толстой извиняется за задержку из-за приступа ужасных болей, которые он регулярно испытывал: «Конец сентября и начало октября были для меня настоящей пыткой, ни на час, ни на четверть часа я не был свободен от самых яростных невралгических болей в голове». Через год поэт умер после нового сильного приступа и введения слишком большой дозы морфия.

На вечере памяти Толстого в 1875 г. предполагаемое чтение «Сна Попова» не было дозволено цензурой. Ирония и сатира по отношению к политической полиции (в данной сатире – это III Отделение, своего рода предтеча ЧК и ГПУ) – самое уязвимое деяние для авторитаризма. Интересно примечание к публикации этой сатирической баллады в виде отдельной брошюры в России в 1910 г.: «Гр. А.К. Толстой, монархист по убеждениям, читал ее государыне и заслужил ее полное одобрение; затем это произведение было напечатано в «Русской старине», а между тем, отдельного издания этой остроумной вещи не допускалось; мало того, при таможенном досмотре на границе эта брошюра в заграничном издании отбиралась наравне с подпольной литературой».

Избрав своим тайным жребием спор с разными лагерями и станами, Толстой строго соблюдал и призывал других следовать главному этическому принципу полемики: не смешивать личности авторов с их текстами и взглядами. «Уничтожайте и дробите в прах,

если можете, мнения авторов, но да будет личность их неприкосновенна», – писал он. Это убеждение он подкрепил своей неотразимой саркастической иронией: «Нападать на противника вне поля, предназначенного для боя, значит пользоваться недозволенным оружием. Достаточно доказать, что человек неправ, а причины, которые могли вызвать его неправоту, к делу не относятся и сообщают всему оттенок сплетни... Я могу считать, что какая-нибудь картина плоха, но я в своем отзыве не должен писать, что она плоха оттого, что художника отвлекали от работы частые посещения Мальвины Карловны, которой он недавно подарил браслет, купленный в английском магазине за 158 рублей – сумму, врученную ему женой для уплаты долга тестя г-на Щевелева, который занял эти деньги 6 лет тому назад для поездки в Старую Руссу... Все наши полемисты не умеют полемизировать, так как не аргументируют, а бранятся». Эту благородную этическую позицию Алексея Константиновича Толстого продолжил в России сто лет спустя известный культуролог и философ Г. Померанц. Вот его две выстраданных максимы:

1. Стиль полемики порой важнее предмета полемики;
2. Дьявол начинается с пены у рта на устах ангела.

А. Толстой в споре с дарвинизмом. Не соглашаясь в ряде случаев со своим издателем Стасюлевичем, Толстой–полемист, однако, признавался, что не может лишиться себя удовольствия спорить с ним: «Вы выслушиваете и возражаете, а большая часть людей только возражает, да и то, не на Ваши аргументы, а на мнимые, которые они Вам приписывают».

Надпартийная позиция Толстого – вне станов и лагерей – ярко проявилась в его полном иронии «Послание к М.Н. Лонгинову о дарвинизме» (конец 187). Лонгинов был литератором, талантливым библиографом, входил по молодости в круг журнала «Современник». Но, как нередко бывает, получив высокий пост главного цензора МВД, занял сугубо охранительные позиции. Обращение к нему Толстого вызвано слухами о цензурных препятствиях к публикации книги Дарвина. Дарвинизм (Толстой писал через букву «с») предлагал естественно-научное, материалистическое объяснение разнообразию живых организмов, включая человека. Это вызвало атеистический энтузиазм, веру в полное торжество материализма. Но при этом упускали из виду, что сам Дарвин вовсе не отрицал роли Творца. Он лишь полагал, что, создав начальные формы жизни на земле, Творец далее не вмешивался в ход их усложнения и эволюции. Послание Толстого цензору, шутливое по форме, было глубоким по сути:

Отчего б не понемногу
Введены во бытие мы?
Иль не хочешь ли уж Богу
Ты предписывать приемы?
Способ, как творил Создатель,
Что считал Он боле кстати –
Знать не может председатель
Комитета по печати.

Далее следует столь свойственный для поэта-свободолюбца иронический пассаж: «Но на миг положем даже: / Дарвин глупость порет просто – / Ведь твое гоненье гаже / Всяких глупостей раз во сто!»

Философ Владимир Соловьев в 1895 г. опубликовал, на мой взгляд, самую проникновенную и умную статью о поэзии Толстого и ее значении (www.rodon.org/svs/pgakt.htm). Она сейчас еще более актуальней, чем 125 лет назад. Закончу такими строками из нее: «Произведения Толстого привлекательны и значительны своей искренностью. Он стоял в них за то, что было глубоко заложено в нем самом – так как он сам был сильной и свободной индивидуальностью, человеком внутреннего достоинства, чести и правды прежде всего. Эти качества не суть единственные добродетели, но без них все прочие стоят немного, без них отдельный человек есть только произведение одной внешней среды, а сама такая среда является стадом».

Владимир Солунский
Милуоки, США

Есенин-Маяковский. Часть 1. Косым дождем на розовом коне!

«Я хочу быть понят моей страной,
А не буду понят – что ж...
По родной стране пройду стороной.
Как проходит косой дождь.»
В. Маяковский

Так уж российской поэзии повезло, что на излете 19-го века где-то в ее провинциях родились два поэтических гения. Здесь уместно напомнить слова Б.Л.Пастернака: «Провинция не всегда отставала от столиц во вред себе. Иногда в период упадка главных центров глухие углы спасала задержавшаяся в них благодетельная старина.»

Литература, посвященная этим людям необозрима. Только в интернете в поисковой системе один миллион четыреста тысяч (!) цитирований имени Есенина и четыре миллиона (!) -имени Маяковского. При этом на каждый «плюс» находится «минус», к каждому утверждению можно отыскать противоположное. В соответствии с известным выражением: «врет, как очевидец», врут или недоговаривают, умышленно и нет, из желания подкрасить или очернить, завербовать в свои политические сторонники или, наоборот, – отринуть.

Это, конечно, не значит, что я собираюсь вам рассказать нечто, лучше или хуже других. И что может здесь значить еще один голос, который, конечно же, по закону больших чисел затеряется среди сотен тысяч других?! Но вот, как в ведре воды, зачерпнутой из лесной реки, муть постепенно оседает на дно, так и здесь – постепенно выявляется некий незамутненный слой. Хотя ненадолго – вот кто-то, проходя мимо, небрежно пнул ведро, и со дна поднимаются новые взвихрения. Так произошло со вспыхнувшими десятилетие назад безумными спорами о смерти обоих.

Хочу предупредить, эти очерки – это всего лишь мое мнение. «Мнение» – это такая штука, которая не нуждается в доказательствах. В доказательствах нуждаются «утверждения», и для этого есть академическая литература, а не популярные журналы. Итак, приступим!

Сначала о Маяковском:

Говорить о нем сейчас не модно и трудно. Трудно потому, что придется говорить о революции, а говорить о ней не хочется. Трудно потому, что людям старшего возраста советская школа вбила устойчивое отвращение к Маяковскому, а молодые просто не знают и не хотят знать этого «агитатора, горлана, главаря» – певца Партии.

Когда я в 1998 г. готовился к отъезду в США и притащил в букинистический магазин 12-томное полное собрание сочинений Маяковского, мне за все дали целых три с половиной гривни – тогдашнюю цену бутылки водки.

Да, все так, но диссидентское движение зародилось в СССР именно возле памятника Маяковскому, куда молодые поэты, будущие диссиденты и политзаключенные, приходили читать свои стихи. А, думаете, случайно в течение нескольких лет Эдуард Лимонов со своими ребятами (которых я, вообще-то, недолюбиваю) 31-го числа каждого месяца рвались в Москве на Триумфальную площадь, туда – к Маяковскому, в защиту 31-й статьи (о свободе демонстраций) российской конституции?

Трудно говорить еще и потому, что мое отношение к Маяковскому менялось на протяжении жизни. После периода острой влюбленности мне попала строчка: «...люблю смотреть, как умирают дети...» – и тогда я закрыл книжку и десять лет я этого людоеда не читал. А лет через десять подумалось: « Ну, сказал и сказал! А я сам за эти десять лет разве не наговорил множество разных глупостей и гадостей?» Тогда я вернулся к Маяковскому, но смотрел уже несколько иными глазами.

Родился он, как считается, в 1893 году в селе Багдади Кутаисской губернии. Отец – дворянин, из казаков, работал лесничим. Кроме Володи, в семье еще две сестры, старше его, Люда и Оля. Был еще брат Константин, но он вроде бы умер от скарлатины. Семья относительно небогатая. Но пусть помогает рассказывать сам Владимир Владимирович (поэма «Люблю»).

«Любовь любому рожденному дадена,
но между служб, доходов и прочего
Со дня на день
Очерствевают сердечная почва.
Под старость спохватятся -
Женщина мажется,
Мужчина в гимнастике мельницей машется,
Но поздно -
Морщинками множится кожа...
Любовь поцветет, поцветет и скукожится.
Я в меру любовью был одаренный,
Но в детстве людье трудами муштровано,
А я же улег на берег Риони
И шлялся, ни черта не делая ровно.
Сердилась мама – мальчишка паршивый,

Грозился папаша поясом выстегать,
А я, разживясь трехрублевкой фальшивой,
Играл с солдатом под забором в три листика.
Дивилось солнце – чуть виден весь-то,
А тоже с сердечком, старается малым.
Откуда в таком вот в аршине место
И мне, и реке, и подзвездным скалам?»
В 1902 г. будущий поэт начал учиться в гимназии в Кутаиси.
«Человечий детеныш чуть только вывелся
За книжки рукой, за тетрадные дести,
А я учился азбуке с вывесок,
Листая страницы железа и жести.»

А вот мама пишет, что Володя учился на одни пятерки. Но какая же мама плохо напишет о сыне!?

1905 год. Первая революция. В Кутаиси стреляют, объявлено военное положение.

В 1906 году умер отец. Относительное благополучие кончилось. Распродав мебель и заняв деньги на проезд, семья перебирается в Москву. Пенсия матери – 10 рублей в месяц. Этого не хватало – мать, Александра Алексеевна, сдавала часть квартиры жильцам (с обедами), а младшие выжигали и раскрашивали деревянные пасхальные яйца на продажу. Владимир Маяковский отчислен из гимназии за неуплату денег за обучение.

«У юношества занятий масса
-грамматике учим дурней и дур мы...
Меня ж из пятого вышибли класса,
Пошли швырять в московские тюрьмы.»

Насчет «московских тюрем» следует поговорить особо. Дело в том, что жильцами у Александры Алексеевны сплошь были знакомые по Грузии студенты, а вот они-то были революционерами. Так и получилось, что семья оказалась в гуще революционных дел, и нет ничего удивительного, что мальчишка с головой окунулся в эти дела. В биографиях Маяковского пишут, что в 1908 г. он вступил в РСДРП, некоторые биографы добавляют в скобках букву «б», другие ничего не добавляют. Владимир Маяковский арестовывался трижды: за ношение оружия, по подозрению в причастности к делам подпольной типографии и к побегу женщин-политкаторжанок из Новинской тюрьмы. По двум последним делам у полиции не хватило улик (хотя к последнему делу семья была точно причастна, Александра Алексеевна

шила одежду, в которую должны были переодеться беглянки), а по поводу револьвера – Владимир был отпущен «по малолетству» под надзор полиции и попечение родителей. Не устаю удивляться сравнительному гуманизму кровавого царского режима – при советской власти он бы точно из тюрьмы не вышел!

Странно другое, в том же 1908 году Маяковский был кооптирован в Московский комитет РСДРП. Это в неполных 15 – то лет! Не рановато ли? Вот добавить бы годика три-четыре... Все знакомые с Маяковским в это время в один голос утверждают, что он выглядел значительно старше своих лет. Вот несколько цитат:

«...Мне было тогда девятнадцать лет, а Володе тринадцать лет, – разница почти не чувствовалась...» (И. Морчадзе)

«Он был моложе меня года на два, и помню, когда сестра мне сказала, что сегодня придет брат Людмилы Владимировны, Володя, мальчик тринадцати лет, я отнесся к этому весьма пренебрежительно: что для меня этот маленький мальчик? Но оказалось, пришел не мальчик, а вполне сформировавшийся юноша, который не только по внешнему виду, но и по всей своей манере держаться выглядел значительно взрослее, чем я.» (С. Медведев)

«Однажды у меня спросила знакомая: «Сколько лет Володе?» – и удивилась, что ему только четырнадцать лет. А когда она ушла, Володя обиженно сказал мне: – Зачем говорить, сколько мне лет! (А.А.Маяковская)

В «малолетство» Маяковского не могли поверить и полицейские власти, запрашивавшие документы из Грузии, требовавшие медицинской экспертизы.

На некоторые размышления наводит и его партийная кличка – «товарищ Константин». А ведь был еще один Маяковский, Константин, якобы умерший от скарлатины. (Родился вроде бы в 1888 г. и умер в трехлетнем возрасте).

А что если на самом деле от скарлатины умер Володя, а его документы были переданы старшему брату, чтобы выгнать его «по малолетству» из какой-нибудь передраги? Вот тогда все становится на свои места. «Из Грузии в Москву приехал «товарищ Константин», заслуженный по 1905 году товарищ».

Долгое время я думал, что это один я такой умный. Что-то, кажется, было в промелькнувшем томе «Литературного наследия» за 1958 год, но это издание, признанное «политической ошибкой», сразу было изъято, да и были там, помнится, только публикации из следственного дела Владимира Маяковского. Но вот совсем недавно я обнаружил, что у меня есть единомышленник. В интернете существует такой журнал «Доктор Сербский», видимо, для эдаких безумных идей, и вот там я

нашел большую статью Юрия Зверева, которая так и называется – «Под чужим именем».

Но как бы то ни было, Владимир-Константин или Константин-Владимир, или просто Владимир Маяковский изрядную часть 1908-1909 года провел в разных тюрьмах. И вот там в Бутырках, в камере № 103, родился поэт.

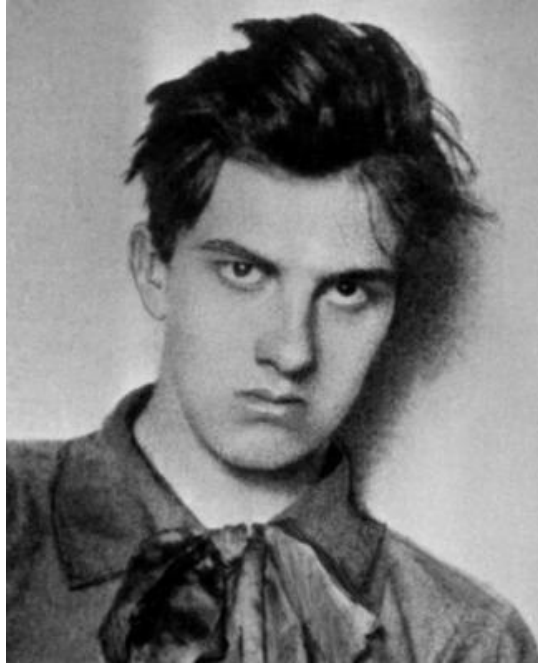
Это вообще большая тайна, как рождается поэт. Ну, вспомним Бродского: обалдуй-двоечник. И вдруг к нему в руки попадает книга стихов Баратынского. И он понимает – вот чем, и только этим, надо заниматься. Ну, лежал себе и лежал на печи Илья Муромец, и еще бы лежал, но тут вдруг случается – страннички меч-кладенец подбросили. Ну, ничего не поделаешь, надо подвиги совершать!

И опять вспомним добрым словом прежние тюрьмы. Любая тюрьма есть тюрьма Но тогдашний режим в них был не сравним с теперешним. В одиночной камере №103 Маяковский, по его выражению, «начал читать, перечел все новое», читал Белого, Брюсова, Блока, исписал тетрадь собственными стихами (тетрадь отобрали при освобождении).

А после освобождения дилемма – продолжать занятия революцией или учиться? Если «в революцию», то после трех арестов надо переходить на нелегальное положение. Учиться? Но чему и как, это после пяти-то классов. Выбрал московское «Училище живописи, ваяния и зодчества». Учился старательно и стал бы, наверняка, неплохим (а, может быть, и выдающимся) художником, если бы не познакомился там с Давидом Бурлюком. Бурлюк, поэт и художник, основатель российского футуризма, до этого уже изучал живопись в Германии и Франции. Он был гораздо старше Маяковского, и тот сразу признал его своим учителем. Бурлюк не оказался в долгу, представляя его своим знакомым, добавлял: «мой гениальный друг». В одном из первых футуристических сборников, «Пощечина общественному вкусу» (191 г.), состоялся дебют Маяковского:

«Багровый и белый отброшен и скомкан,
В зеленый швыряли горстями дукаты,
А черным ладоням сбежавшихся окон
Раздали горящие желтые карты...»

Удивительно емкое описание вечера, когда солнце уже зашло, но еще догорает закат, среди деревьев вспыхивают гирлянды фонарей. В окнах зажигается свет, и окна кажутся ближе. Повисить емкость стиха – это был один из лозунгов футуристов. Заметим еще и то, что в этих строках явственно виден будущий мастер!

Владимир Маяковский

А были еще публичные выступления со скандалами и «сбрасыванием Пушкина и Толстого с парохода современности». В итоге за публичные футуристические выходки и Бурлюк, и Маяковский исключены из училища. Образование закончилось! Но к этому времени уже сложилось все футуристическое братство: Бурлюк, Маяковский, Каменский, Хлебников, Крученых, Северянин и другие, и начались поездки по городам России с лекциями и выступлениями.

Да, но пора бы вернуться к поэме «Люблю», о которой мы несколько подзабыли. Что там дальше?

«...Враспашку сердце, почти что снаружи,
Себя открываю и солнцу и луже:
-Входите страстями, любовями влазьте,
Над собственным сердцем я больше не властен.
У прочих знаю сердца дом я -
Оно в груди, любому известно,
На мне же с ума сошла анатомия -
Сплошное сердце, гудит повсеместно.
О, сколько их, одних только весен,

За двадцать лет в распаленного ввалено!
Их груз нерастраченный просто несносен,
Не сносен не так – для стиха, а буквально!...»

1912 -1914 годы Маяковским написаны знаменитые впоследствии поэмы «Облако в штанах» и «Флейта-позвоночник». Он их с успехом читает. Имя – Маяковский – уже известно всей молодежи.

Началась Мировая война, Маяковский очень скоро (но не сразу) – против. В кафе «Бродячая собака» на просьбу почитать стихи Маяковский читает:

«...Вам ли, любящим баб да блюда
Жизнь отдавать в угоду!
Я лучше блядью в баре буду
Подавать ананасную воду!»

Девушки, разносившие ананасную воду обиделись, джентельмены вступились за девушек, дело кончилось потасовкой.

1915 год. Маяковский в биографии отмечает: «Радостнейшая дата, познакомился с Бриками». Эта встреча была настолько важной для всей последующей жизни ВВМ, что тут надо бы поговорить подробнее.

Осип Максимович Брик, юрист по образованию, был известен позднее своими статьями по теории языка. Он стал вторым, после Бурлюка, учителем Маяковского. Мало того, Брик за собственные деньги издал его поэмы и платил Маяковскому построчно, а тот всю жизнь относился к «Осе» с глубочайшим уважением («Как жаль – нет Оси. Ося такой умный!»).

Женой Осипа Максимовича была Лиля Юрьевна, Лиля.

В это время Маяковский с бешеной энергией ухаживает за 16-летней Эльзой Каган, впоследствии Эльзой Триоле, впоследствии женой Луи Арагона. Та однажды привела его в дом старшей сестры, Лили Брик. При первой же встрече, после чтения «Облака в штанах», Маяковский попросил разрешения посвятить поэму Лиле, а она была профессиональной укротительницей мужчин. Скоро Маяковский уже называл Бриков своей семьей, а Лилю женой и, хотя там и было все не просто, но так или иначе, в этот день он встретил женщину своей жизни.

А вот стихи Маяковского этого времени. Это вступление к поэме «Облако в штанах»:

«Вашу мысль,
мечтающую на размягченном мозгу,

как выжиревший лакей на засаленной кушетке,
буду дразнить об окровавленный сердца лоскут:
досыта изъиздеваюсь, нахальный и едкий.
У меня в душе ни одного седого волоса,
и старческой нежности нет в ней!
Мир огромив мощью голоса,
иду — красивый,
двадцатидвухлетний.
Нежные!
Вы любовь на скрипки ложите.
Любовь на литавры ложит грубый.
А себя, как я, вывернуть не можете,
чтобы были одни сплошные губы!
Приходите учиться -
из гостиной батистовая,
чинная чиновница ангельской лиги.
и которая губы спокойно перелистывает,
как кухарка страницы поваренной книги.
Хотите -
буду от мяса бешеный
– и, как небо, меняя тона -
хотите -
буду безукоризненно нежный,
не мужчина, а – облако в штанах!..».
Ну, а теперь о Есенине.

А что мы вообще знаем о человеке Сергее Есенине? Здесь тоже все расплывчато, все неточно. Начиная с фамилии: сохранились бумаги о разделе имущества между его отцом и дядей, там оба брата пишутся с заглавного Я – Ясенины. Родился в 1895 году (т.е. Есенин на два года младше Маяковского) в селе Константиново под Рязанью, здесь сомнений и разночтений нет. Воспитывался в семье деда по матери «по бедности отца и многочисленности семейства» – это версия самого Есенина, хотя сестры родились намного позже. А по рассказам родственников его мать, Татьяна Титова, поссорившись с мужем, ушла с трехлетним сыном к родителям.

Сергей Есенин

Дед, старообрядец, зажиточный баржевладелец, хотя по версии Есенина и обедневший («две баржи сгорели, две затонули», а сколько осталось, не указывается). Но это все не в укор поэту – сколько их было людей, подчищавших и переписывавших свои биографии в советское время из простого чувства самосохранения!

Образование: четырехклассное училище, а затем три года церковно-учительской школы с дипломом «учителя школы грамоты». В это же время начал писать стихи, преимущественно духовного содержания (стихи эти в большинстве не сохранились).

«...Тогда впервые с рифмой я схлестнулся.
От сонма чувств кружилась голова.
И я сказал: коль этот зуд проснулся,
Всю душу выплесну в слова».
«Тогда в мозгу, влеченьем к музам сжатом,
Текли мечтанья в тайной тишине,
Что буду я известным и богатым
И будет памятник стоять в Рязани мне....»

В 1912 году уехал в Москву, где сначала работал в мясной лавке, в которой его отец был приказчиком. Но скоро с отцом рассорился и устроился работать в издательство и типографию Сытина, сначала грузчиком, потом помощником корректора («читчиком»). Женился (без венчания) на старшем корректоре типографии Анне Изрядновой. Она позднее рассказывала, что уже в это время он был убежден в своей поэтической предназначенности, все зарабатываемые деньги тратил на книги и несколько лет посещал историко-философское отделение Народного Университета. Т.е. какое-никакое, но образование, и, кажется, неплохое, у него было. Изряднова вспоминала, что, хотя он и приехал из деревни, но ни по костюму, ни по разговору деревенским никак не выглядел. Весной 1915 г., несмотря на рождение сына (Юрия или Георгия?), уехал в Петроград.

«...Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром...»

Это первое, напечатанное в московском детском журнале, стихотворение Есенина.

А вот в Петроград приехал совершенно другой человек, эдакий деревенский кудрявый голубоглазый ангелочек с грудой стихов, завязанных в цветастый платочек. У поэтов А. Блока, С. Городецкого, Н.Гумилева «бесхитростно» объяснил: « Проездом в Ригу, бочки катать, жрать нечего!»

«Гой ты, Русь моя святая
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края
Только синь сосет глаза.
Как захожий богомолец
Я смотрю твои поля,
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.
Пахнет яблоком и медом,
По церквам твой кроткий Спас
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.
Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,

Мне навстречу, как сережки
Прозвенит девичий смех...»

«И гудит за корогодом..»— я пересмотрел все доступные мне словари. Выяснилось, что слово «корогод» тождественно слову хороход. Тогда почему веселый пляс гудит не «В» корогоде , а «За»? Я думаю, что ни Блок, ни Гумилев в словарях не рылись и, что такое корогод, не знали. Но это их не смущало.

Петербургская интеллигенция была буквально очарована этим пастушком с дудочкой. Да ведь и стихи, такие звучные, были хороши! Все наперебой стремились помочь этому ангелу, спустившемуся с неба. А он, этот ангелок, был изрядный хитрован, объяснявший приятелю, Мариенгофу: «Не вредно прикинуться дурачком. Шибко у нас дурачков любят. Каждому надо доставить удовольствие. Пусть, думаю, каждый считает: я его в литературу ввел. Им приятно, а мне наплевать.» «Стихи идут хорошо, — писал он в Москву,— из 60 напечатали 51.» За несколько месяцев в Петрограде Есенин добился того, на что у других уходят годы!

Вот тогда и случилась первая встреча Маяковского, уже шумно известного, и Есенина, рвущегося к известности. Маяковский так рассказывал об этой встрече:

«В первый раз я его встретил в лаптях и в рубаше с какими-то вышивками крестиками. Он мне показался опереточным, бутафорским. Тем более, что он уже писал нравящиеся стихи и, очевидно, рубли на сапоги нашлись бы. Как человек, уже в свое время относивший и оставивший желтую кофту, я деловито осведомился относительно одежды:— Это что же, для рекламы? Есенин отвечал мне голосом таким, каким заговорило бы, должно быть, ожившее лампадное масло. Что-то вроде: — Мы деревенские, мы этого вашего не понимаем... мы уж как-нибудь... по-нашему... в исконной, посконной.... Его очень способные и очень деревенские стихи нам, футуристам, конечно, были враждебны. Но малый он был, как будто, смешной и милый».

Шла война, и приспела пора служить в армии. Надо заметить, что большинство российских поэтов, в отличие от Н.Гумилева, отнюдь не рвались воевать. По протекции М.Горького Маяковский был определен для службы в Петроград, в Учебную автомобильную школу.

А Есенин? Тут тоже нашелся покровитель, адъютант императрицы полковник Ломан. При его содействии, «с высочайшего соизволения», Есенин был зачислен санитаром в Царскосельский военно-санитарный поезд и Царскосельский госпиталь, находившийся под патронажем Императрицы. В этом же госпитале работали и Великие княжны. «Был

представлен ко многим льготам», писал Есенин в одной из автобиографий, «читал стихи Императрице и княжнам». Сопровождал царскую семью в ее последней поездке в Крым, сопровождал санитаром, но не в должности дело! Подготовленный сборник стихов Есенин посвящает Императрице. Уже часть интеллигенции приходит в ужас – «новый Распутин»! А этому «новому Распутину» всего 21 год!

Тут ударила революция, посвящение Императрице было снято, и стихи вышли уже без такового, а Есенин «самовольно покинул армию» и вернулся в Петроград, какое-то время был с эсерами (левыми), отсюда его дружба с Я. Блюмкиным, тем самым Блюмкиным, который, будучи левым эсером, убил германского посла Мирбаха в 1918 году, а потом был одним из видных работников ЧК. Эта романтическая дружба, а Блюмкин был несомненно овеян легендами и ветрами авантюризма, продержалась долго. Позднее Мариенгоф рассказывал, что когда они по вечерам выходили из «Стойла Пегаса», они всегда ставили Блюмкина в середину, «чтобы труднее было стрелять в «Блюмочку».

Для Маяковского революция была естественным продолжением его предыстории. В своей биографии Маяковский пишет: «Принять или не принимать – такого вопроса не было. Моя революция. Пошел в Смольный. Работал.»

Однако не все так просто. Вот давайте посмотрим его стихотворение, датированное 1918 годом, «Ода революции». Но сначала небольшой комментарий, дела-то ведь давние. Октябрьский переворот в Петрограде прошел сравнительно бескровно. Палящие из-за дровяных баррикад пулеметы – придумка Эйзенштейна, так же, как и строки Маяковского о штурме Зимнего: «Каждой лестницы каждый выступ брали, перешагивая через юнкеров.» Не велика доблесть перешагивать через трупы 17-летних мальчишек, но, к счастью, в Петрограде все было не так кроваво. Но не в Москве – там бои шли несколько дней, по Кремлю стреляли из пушек, был снарядами поврежден храм Василия Блаженного. И еще: «Слава» – это крейсер Балтийского флота, взорванный и затонувший в 1917 г. Кто взорвал, не понятно, то ли супостаты, то ли морячки курили не там, где надо, то ли немцы, ведь война была, но взорвался и затонул. Итак:

«Тебе, освищенная,
осмеянная батареями,
тебе,
изъявленная злословием штыков,
восторженно возношу
над руганью реемой
оды торжественное

«О»!
О, звериная!
О, детская!
О, копеечная!
О, великая!
Каким названьем тебя еще звали?
Как обернешься еще, двулика?
Стройной постройкой,
грудой развалин?
Машинисту,
пылью угля овейному,
шахтеру, пробивающему толщи руд,
кадишь,
кадишь благоговейно,
славишь человеческий труд.
А завтра
Блаженный
стропила соборы
тщетно возносит, пощаду моля,—
твоих шестидюймовок тупорылые боры
взрывают тысячелетия Кремля.
«Слава» хрипит в предсмертном рейсе.
Визг сирен придушенно тонок.
Ты шлешь моряков
на тонущий крейсер,
туда,
где забытый
мяукал котенок.
А после!
Пьяной толпой орала.
Ус залихватский закручен в форсе.
Прикладами гонишь седых адмиралов
вниз головой
с моста в Гельсингфорсе.
Вчерашние раны лижет и лижет,
и снова вижу вскрытые вены я.
Тебе обывательское
— о, будь ты проклята трижды!—
и мое,
поэтово
— о, четырежды славься, благословенная!»

Согласитесь, что это несколько сложнее прямолинейного – «Моя революция».

А Есенин?

«...Любимая! Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был, как лошадь, загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.
Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму,
Куда несет нас рок событий.
Лицом к лицу лица не увидать.
Большое видится на расстоянии.
Когда кипит морская гладь,
Корабль в плачевном состоянии.
Земля – корабль! Но кто-то вдруг
За новой жизнью, новой славой
В прямую гущу бурь и вьюг
Ее направил величаво.
Ну кто ж из нас на палубе большой
Не падал, не блевал и не ругался
Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.
Тогда и я
Под дикий шум,
Но зрело знающий работу,
Спустился в корабельный трюм,
Чтоб не смотреть людскую рвоту
Тот трюм был
Русским кабаком.
И я склонился над стаканом,
Чтоб, не страдая ни о ком,
Себя сгубить
В угаре пьяном.»

Тут позвольте слегка остановиться. Самое любимое российское занятие – это рассуждать о том, почему человек пьет: мол, общественный строй не тот или в любви не везет, или не понят современниками. Как человек, сам глубоко уважающий это дело (питие т.е.) и относящийся к нему крайне вдумчиво, позвольте дать вам исчерпывающее объяснение: – Человек пьет потому, что он пьяница! –

А почему он пьяница? – спросите вы. –А потому, что он пьет! Вот и все!

Я подозреваю, что революция и все, что с ней связано, было не главным для Есенина в это время. Главное для него было – утвердить себя в поэзии. Довольно быстро рассорившись с так называемыми «деревенскими поэтами» (Клюев), Есенин и Мариенгоф придумывают себе новую «кликуху» – имажинисты.

Маяковский был органичен.

Есенин, хороший артист, всегда носил маски. Его беда состояла в том, что очередная маска намертво прирастала и отдирать ее приходилось с кровью. Так же рьяно, как раньше он лелеял свои кудри, так теперь он их яростно распрямляет и заталкивает под шляпукотелок, свирепеет, когда его называют «деревенским поэтом» («я не деревенский поэт – я просто поэт!»).

Маска пастушка с дудочкой уже не годится и появляется новая:

«Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот и удалый свист!
Разнеслася дурная слава,
Что охальник я и скандалист.»

В конечном счете, все мы носим ту или иную маску. Важно, чтобы это была удобная, комфортабельная маска.

Прочитую еще одного классика:

«Один – себя старался обелить,
Другой – лицо скрывает от огласки,
А кто – уже не в силах отличить
Свое лицо от непрременной маски.»...

В. Высоцкий

Итак – произошла революция. Времена наступали тяжелые.

Ирина Чайковская

Б.Вашингтон, США

Судьба Биби. Варвара Богданович и Иван Тургенев. К 200-летию писателя

Посвящается Елене Михайловне Грибковой

Вступление. Кто такая Варвара Николаевна Богданович-Житова и как она связана с семьей Тургенева

В письмах Варвары Петровны Тургеневой к сыну Ивану то и дело мелькает имя Биби. Сначала это маленький ребенок, потом девочка, затем подросток. Но упоминания о ней постоянны, разве только в последних письмах за 1844 год (в этом году письма матери к сыну обрываются) их меньше – девочку отдали в пансион, она не целыми днями находится на глазах у Варвары Петровны.

Биби – воспитанница матери Тургенева, но воспитанница странная.

В доме есть еще одна воспитанница, Мавра Сливацкая, дальняя родственница, дочь умершего капитана Тимофея Сливацкого»⁶⁵. Мавра (1828 – после 1885) на пять лет старше Биби. Ее учат музыке, так как у нее есть к этому способности. О ней Варвара Петровна в письмах к сыну упоминает редко, а своей подруге Марии Карповой пишет так: «Она учится теперь в пансионе, чтобы преподавать музыку по билетам и тем доставать себе пропитание. Потому что все ее состояние состоит из 5000 капитала, и так по одежке надо протягивать

⁶⁵ В воспоминаниях Житовой Мавра Сливацкая названа «троюродной племянницей» Вар. Петр. (стр. 22) и ее «племянницей» (стр. 140).

ножки»⁶⁶ (20 февр. /4 марта 1843) В том же письме Тургенева просит приятельницу «перебрать гардероб Мавры», выросшей из своих платьев, но «не как богатой барышни и твоей дочери, но как бы твоей питомички»⁶⁷. Про «питомичку» Варвара Петровна пишет, что надобно следить, чтобы она «не привыкла в больших наших домах к роскоши, к щегольству»⁶⁸. Посему она предлагает переделать одежду для девочки из старых платьев ее матери, хранящихся в доме.

Ничего похожего нет в отношении Варвары Петровны к другой ее воспитаннице – Биби, или Вареньке Богданович, как ее называли в детстве. Позднее, по предложению сына Ивана, Варвара Петровна вместо «придуманной» фамилии воспитанницы Богданович даст ей свою девичью фамилию Лутовинова⁶⁹. Так ее будут звать до замужества, а потом она станет Варварой Житовой – и жизнь ее покатится совсем по другим рельсам – с горки под откос. Но до этого еще далеко.

Имя Вареньке, по всей видимости, дала сама Варвара Петровна, назвав девочку как себя. Откуда взялись ее отчество и фамилия? Точного ответа на этот вопрос нет. Елена Грибкова полагает, что, возможно, «отчество и фамилию Биби получила от крестного отца»⁷⁰. Но кто этот крестный отец, нам неизвестно. Можно предположить, что в фамилии Вареньки Богданович использована заложенная в ней этимология: «данная Богом», а отчество Николаевна произведено от Св. Николая-угодника, в православии покровителя путешественников, заключенных и сирот. Варенька была сиротой.

Варвара Петровна назвала девочке дату ее рождения – 1 июня 1833 года. Точна ли эта дата, мы не знаем и проверить не можем.

Сама Варвара Тургенева в детстве была сиротой при живой матери, которая, по ее словам, ее ненавидела⁷¹. Взятой на воспитание девочке она приводила в пример свое «подлинное» сиротство, сопоставляя его с положением Вареньки: «... ты – сирота, но ты во мне имеешь мать, ты

⁶⁶ Здесь и далее цитирую по кн. Твой друг и мать Варвара Тургенева. Письма В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу (1838- 1844). Тула, Гриф и К, 2012, стр. 473

⁶⁷ Там же

⁶⁸ Там же

⁶⁹ Кстати сказать, сам И. С. Тургенев свои первые произведения публиковал под инициалами Т-Л, Тургенев-Лутовинов. Варвара Петровна в одном из писем к нему писала: «... Я прошу тебя быть в твоих сочинениях Лутовиновым, ты меня очень утешишь». Того же она хотела и от Вареньки. В воспоминаниях Житовой написано об этом так: «... по странному капризу Варвары Петровны, вместо моей настоящей фамилии: Богданович, я носила фамилию Лутовиновой и под этим именем до самого своего замужества была известна своим подругам» (стр. 104)

⁷⁰ См. Е. М. Грибкова. Очерки о жизни Варвары Николаевны Житовой. В кн. В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева. М. «Гелиос АРВ», 2016, стр. 177

⁷¹ В. Н. Житова, стр. 19

так окружена моею любовью и моими заботами, что не можешь осознать своего сиротства». ⁷²

Варвара Богданович и Иван Тургенев

И в самом деле, в воспоминаниях Варвары Житовой читаем: «У меня хранятся все ее письма, наполненные самыми горячими выражениями любви и заботы обо мне: самая нежная мать не могла бы сильнее выразить любви своей к родной дочери» ⁷³. Варенька звала Варвару Петровну маман, спала вместе с ней в ее спальне, сопровождала ее во всех поездках – ближних и дальних. Ничего похожего не было в отношениях с «родственницей» Маврой Сливичкой. Девочка платила ей тем же: «... я ее страстно любила и когда я, хотя и редко, была в разлуке с ней, я чувствовала себя и одинокой, и несчастной» ⁷⁴.

Вот еще выдержки из тех же воспоминаний: «Любила меня Варвара Петровна и баловала, говорят, даже больше, чем сыновей своих в детстве. Наряжала меня роскошно, все было из магазина

⁷² Там же, стр. 19

⁷³ Там же, стр. 21

⁷⁴ Там же, стр. 21

Salomon – знаменитости тогда; куклы и игрушки мои возбуждали зависть моих маленьких гостей»⁷⁵ .

Варенька росла, траты татан на нее увеличивались: «В пансионе жила я со своей гувернанткой», которая должна была «ежедневно кататься (с барышней) в отличном экипаже, запряженной парой или четверней дорогих лошадей». Варенька находилась в пансионе на особых правах : «У меня была своя комната, своя прислуга, свой прекрасный Мейбомовский инструмент, особый учитель музыки, известный тогда Гарддорф, и т. д.»⁷⁶

«На мои личные расходы, кроме того, что тратилось на мое воспитание, определен был доход с целого имения, а именно с Холодова, которое по конторским книгам значилось так: имение барышни Варвары Николаевны Богданович –Лутовиновой»⁷⁷ Мемуаристка пишет, что ее мучило то, что при той роскоши, в которой ее содержала Варвара Тургенева, «ее родные дети были ... только что не в нищете» (речь идет о 1849-1850 гг.) Дальше в воспоминаниях есть фраза, что такое положение впоследствии повлияло на отношения Вареньки с сыновьями Варвары Петровны. Запомним эту фразу, в своем месте мы к ней вернемся. Приведу еще одну выдержку , свидетельствующую о том, что отношение к Вареньке было иным, нежели к воспитаннице Мавре Сливицкой, которую Варвара Петровна советовала одевать в старые обноски:«... меня она все больше и больше наряжала и даже подарены мне были бриллианты; крест и ожерелье, все из солитеров, оцененные в 8 тысяч рублей».⁷⁸

В конце этой главки приведу выдержку из письма Варвары Петровны к Вареньке от 18 ноября 1847 года, Варенька в это время находится в московском пансионе: «Я никогда не была так беспокойна, очень скучаю по тебе. Когда-то я буду жить своею семьею? Когда увижу всех вас, моих деточек? Из трех не вижу ни одного!...»⁷⁹

Из этого письма видно, что Варвара Петровна причисляла Вареньку Богданович к своей семье, называла в числе своих «деточек», то есть в одном ряду с сыновьями, Николаем и Иваном.

Тайна рождения Вареньки Богданович. Чья она дочь?

Изложу гипотезы о происхождении Варвары Николаевны Богданович.

⁷⁵ Там же, стр. 47

⁷⁶ В. Н. Житова, стр. 105

⁷⁷ Там же, стр. 115

⁷⁸ Там же, стр. 128

⁷⁹ Там же, стр. 105

Первая, наиболее устойчивая: Варенька была незаконной дочерью Варвары Петровны Тургеневой и ее домашнего врача, молодого Андрея Берса. Эта гипотеза помещена в Википедии как неоспоримый факт: «... еще при жизни мужа она родила внебрачную дочь Варвару Богданович– Лутовинову, в замужестве Житову. Ребенка она родила от домашнего врача, некоторое время служившего в ее доме. Врача звали Андрей Берс». Продолжим цитирование, нам пригодятся сведения, идущие следом: «30 окт. 1834 года Варвара Петровна овдовела. Она находилась тогда за границей, куда уехала, видимо, для родов упомянутой дочери, и сопровождала ее мать Берса, повивальная бабка. На похороны мужа не приезжала. Возвратилась только через полгода – тогда скончался ее третий сын Сергей. Надгробие мужу на Смоленском кладбище в Петербурге Варвара Петровна так и не удосужилась поставить. В итоге могила оказалась утерянной...». Википедия, однако, источник безличный. Но вот выписываю из вполне научного исследования, книги О. Ю. Сафоновой «Род Берсов в России»⁸⁰. Автор книги о родословном древе семьи Берсов в России пишет совершенно определенно: «У А. Е. Берса была побочная дочь Варвара Николаевна Богданович-Лутовинова (в замужестве Житова (1833-1900) от матери И. С. Тургенева Варвары Петровны Тургеневой, рожденная в ту пору, когда Берс служил у нее домашним врачом, и воспитанная матерью...».

81

В подтверждение этих слов приводится тот факт, что зять Андрея Берса, Лев Толстой, отзывался о нем так: «чрезвычайно прямой, честный и вспыльчивый человек ... и большой ловелас».⁸² У Андрея Берса, по свидетельству его дочери, Софьи Андреевны Толстой, была еще дочь, Лизанька Рене, рожденная от связи с француженкой. По семейной легенде, он же был отцом кн. Петра Кропоткина, известного революционера-анархиста⁸³. Каких-то более достоверных фактов для доказательства приведенного утверждения в книге не приводится.

Обычный аргумент в пользу этой гипотезы, – то, что Варвара Петровна именно на имя Андрея Берса выписала вексель на 15 тыс. серебром, который Варенька должна была получить при достижении совершеннолетия⁸⁴.

Однако версия появления Вареньки от связи Варвары Тургеневой с Андреем Берсом опровергается в ряде солидных источников, хотя и без аргументации.

⁸⁰ О. Ю. Сафонова. Род Берсов в России. М., Энциклопедия сел и деревень, 1999

⁸¹ Там же, стр. 44, сноска

⁸² Там же, стр. 44

⁸³ Там же, стр. 44, сноска

⁸⁴ См. В. Н. Житова. Воспоминания о семье Тургеневых, стр.150

Уходит от конкретики в этом вопросе исследователь семейного клана Тургеневых Николай Чернов, о Вареньке он пишет так: «Варвара Петровна с младенчества воспитывала как собственную дочь Вареньку Богданович, происхождение которой не вполне ясно»⁸⁵. Для нас важно, что Чернов не ссылается на Берса как на возможного отца девочки.

В фундаментальном, прекрасно откомментированном издании писем Варвары Петровны Тургеневой к сыну Ивану⁸⁶ о Вареньке Богданович говорится так: «Предположительно – внебрачная дочь А. Е. Берса (ссылка на В. Н. Житову и С. А. Толстую, – И. Ч.). Версия о том, что В. Н. Богданович была внебрачной дочерью Варвары Петровны Тургеневой не находит достаточно убедительных подтверждений».⁸⁷

Таким образом, солидные исследователи отвергают версию о происхождении Вареньки от связи Варвары Петровны с домашним лекарем.

Вопрос об отцовстве Андрея Берса остается открытым.

В связи с этим можно говорить о **второй гипотезе**: Варенька Богданович – внебрачная дочь Андрея Берса и какой-то неизвестной женщины, воспитанная в доме Варвары Петровны Тургеневой.

Эту гипотезу чрезвычайно трудно подтвердить. Мало того, что нет практических свидетельств, ее очень трудно обосновать психологически, настолько она не вяжется с характером матери Ивана Тургенева. Воспитывать в доме чужого ребенка как своего, и это при том, что сам отец не проявляет к нему никакого внимания, им совершенно не интересуется (о чем дальше). Отбиваться от сплетен, слухов, неизбежно возникших с появлением Вареньки в семье – ради человека, первоначально бывшего в доме на положении «обслуги»? осыпать этого ребенка милостями, дарить ему драгоценности, обеспечить приданым и быть озабоченной его дальнейшей судьбой⁸⁸... и все это для дитяти Андрея Берса? Нет, Варвара Петровна по своему

⁸⁵ Николай Чернов. И. С. Тургенев в Москве. М., Грааль, 1999, стр. 94

⁸⁶ Подготовка текста и комментарии Л. Н. Левиной и Л. А. Павловой, первая кандидат филолог. наук, директор ФГБУК «Гос.музея-заповедника «Спасское – Лутовиново», вторая – зав. редакционно-издательским отделом музея-заповедника.

⁸⁷ Твой друг и мать Варвара Тургенева. Письма В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу (1838-1844). Тула, Гриф и К, 2012, стр. 39, сноска 32 к первому письму от 30 июля/11 авг. 1838

⁸⁸ В письме к Марии Карповой в 1844 году, за 6 лет до смерти, Варвара Петровна пишет: «На счет ее бумаг, слава богу, все кончено. Она – чернская купчиха Богдановичева и я уже плачу за нее акциз. Бумаги ее у меня. Фантазия Ивана была дать ей мою бывшую фамилию Лутовиновой, но! Ты знаешь, что фамилия девочке не так нужна – пусть она будет для свету Лутовинова, а в гильдии купчиха Богдановичева...». Твой друг и мать Варвара Тургенева. стр. 39-40

жесткому, властному, весьма эгоистичному характеру на такое способна не была.

Может быть, в гипотезе о связи Варвары Петровны с ее домашним врачом все же есть рациональное зерно? Наверняка люди, знакомые с творчеством Тургенева, в качестве аргумента приведут его пьесу «Нахлебник». В ней действительно изображена похожая коллизия.

Вот и Николай Чернов в своей книге «Тургенев в Москве» пишет: «Некоторые современные исследователи, пусть не вполне доказательно, все же склонны считать ее (Вареньку Богданович, – И. Ч) дочерью жившего в доме Тургеневых молодого доктора А. Е. Берса. Не исключено, что ситуация воспроизведенная в комедии «Нахлебник», также содержит намек на указанные обстоятельства: неверность мужа вынуждает оскорбленную женщину решиться из чувства мести на столь необычный протест».⁸⁹

По-видимому, к этому аргументу нужно присмотреться пристальней.

Пьеса «Нахлебник» как аргумент в споре

Пьеса написана в 1848 году. Это комедия в двух действиях, посвященная (на писарском списке) Петру Чаадаеву, а ориентированная, конечно же, на Михаила Щепкина, идеального исполнителя для роли Кузовкина. У «Нахлебника» была несчастливая судьба. Текст, помещенный в № 3 «Отечественных записок» за 1849 год, был запрещен к печати и к читателям не пришел. Впервые пьеса была опубликована под заглавием «Чужой хлеб» в 1857 году в № 3 журнала «Современник». Первая постановка «Нахлебника» на сцене была осуществлена в Москве, в Большом театре, в бенефис Михаила Щепкина. Это произошло только в 1861-м, через 14 лет после написания пьесы.

Главное действующее лицо комедии мелкопоместный помещик Василий Сменович Кузовкин, выступающий для окружающих соседей побогаче и понаглее в роли шута-потешника.

Приехавшей в деревню молодой барыне Ольге Петровне он рассказывает про ее мать, страдавшую от неверности и побоев мужа. Однажды муж, рассерженный тем, что его бросила любовница-соседка, палкой избил жену. Униженная женщина, желая отомстить мужу, проводит ночь с Василием. Ольге Петровне открывается страшная тайна, она – дочь «нахлебника» и домашнего шута.

⁸⁹ Николай Чернов. И. С. Тургенев в Москве. стр. 55

Николай Чернов пишет о «Нахлебнике»: «Эта пьеса рождала у зрителей ощущение «ужасающей правды»... Может быть, потому, что драму главного героя Кузовкина автор «взял живьем» из хорошо знакомой ему действительности собственного семейства». И продолжает, уже конкретизируя: «Положение таких реальных лиц, как В. И. Губарев, А. Е. Берс, живших в доме Тургеневых, слишком хорошо было Ивану Сергеевичу известно».⁹⁰ Здесь неясно одно, почему исследователь перечисляет в одном ряду две эти фамилии. Воин Иванович Губарев был старинный друг семьи, небогатый сосед-помещик, вольтерьянец, переписывавшийся и водивший дружбу с Василием Жуковским (он и привел однажды Ивана Сергеевича к Жуковскому). При всем при том, был он плутом и пакостником, причем в этой оценке соседа Варвара Петровна сходилась с деверем Николаем Николаевичем Тургеневым. Из писем вырисовывается фигура эдакого чудака, при случае способного утащить то, что плохо лежит, напакостить и смошенничать. Кстати говоря, в этом смысле несколько не похожего на честнейшего Василия Кузовкина, «купить которого нельзя».

Андрей Берс, в отличие от Воина Ивановича Губарева, *служил* у Тургеневых, был домашним лекарем. Очень молодой человек, который в 1827 году, едва закончив курс обучения в Московском университете, отправился с семьей Тургеневых за границу в качестве врача. Ему в это время 19 лет. Через два года, вернувшись из поездки в Париж, как написано в его родословной, он поступает на службу в Сенат. В Кремлевском дворце ему отводят казенную квартиру. В воспоминаниях дочери, Татьяны Кузминской, которые цитирует О. Ю. Сафонова в книге «Род Берсов в России» сказано, что вернувшись из-за границы летом 1831 года, Андрей Евстафьевич перевез родителей к себе»⁹¹. Если так, то в это время он жил уже не у Тургеневых, а на казенной квартире в Москве. Будучи семейным врачом, Андрей Берс обслуживал всю семью: хозяина, хозяйку, детей. Сергей Николаевич, мучимый приступами мочекаменной болезни, два раза брал его в качестве компаньона в Париж, куда ездил на лечение и для операции. Было это в 1827-1829 и в 1831 г.г.

Если считать, что Варвара Петровна родила Вареньку от Андрея Берса, их сближение должно было произойти где-то около 183 года. В это время супруги Тургеневы находятся на грани разрыва, живут в разных домах. Сергей Николаевич нанимает в Москве сразу три дома. В двух живут он и его супруга с детьми. У Сергея Тургенева – своя

⁹⁰ Николай Чернов. Тургенев в Москве, стр. 112

⁹¹ О. Ю. Сафонова. Род Берсов в России. М., Энциклопедия сел и деревень, 1999, стр. 14

личная жизнь. Но там, где мужчина свободен, женщина зависит от толков и пересудов. Скрыть роман с Берсом, бывшим, кстати говоря, на 20 лет ее моложе, было бы весьма затруднительно, так же, как и последующие беременность и роды. Правда, исследователь Елена Грибкова считает, что замужней даме Варваре Петровне незачем было скрываться от людей в случае ожидаемых родов⁹². И все же именно в момент, когда супруги разъехались, внимание к брошенной мужем «соломенной вдове» со стороны окружающих могло быть повышенным. Странники названной гипотезы полагают, что поездка Варвары Тургеневой за границу в 1834 году, поездка, в которой муж ее не сопровождал, была предпринята для того, чтобы спрятать концы в воду. В подтверждение приводится тот факт, что Варвару Петровну сопровождала мать Андрея Берса, бывшая повивальной бабкой⁹³. Тогда рождение Вареньки передвигается по срокам, это будет уже не 1833, а 1834 год. Но так ли? Варваре Петровне 45 лет, она больна, болезнь, скорей всего, по женской части. Известно, что за границу она едет для лечения, и по возвращении домой, через год после отъезда и через восемь месяцев после смерти мужа,⁹⁴ ей делают сложную гинекологическую операцию по удалению полипа. Оперирует профессор акушерства Медико-Хирургической академии С. А. Громов⁹⁵. Вареньке Варвара Петровна постоянно говорила, что та – сирота. Удивлялась себе, что может так полюбить «чужого» ребенка. Андрей Берс знать не знал о том, как росла Варенька, чем занималась... впоследствии, когда Варвара Петровна умерла и наследники потребовали, чтобы Варенька покинула дом Варвары Петровны, Берс отказал ей в пристанище. Все это мало похоже на «отцовские чувства».

Значит, Варенька не дочь Варвары Петровны и «бедного лекаря»? Почему же тогда Иван Сергеевич Тургенев берется за сюжет «Нахлебника»? Откуда взялся этот сюжет в его творчестве?

Похожий сюжет, в несколько ином варианте, есть еще в одном тургеневском произведении, кстати сказать, написанном примерно тогда же, когда и «Нахлебник». Рассказ из «Записок охотника» «Уездный лекарь» (1847) был опубликован в № журнала «Современник» за 1848 год.

⁹² Е. М. Грибкова. Очерки о жизни Варвары Николаевны Житовой в кн. В. Н. Житова. Воспоминания о семье Тургеневых, стр. 181

⁹³ В кн. Н. Чернова указано, что в этой поездке участвовал также Андрей Берс, что неверно. См. Н. Чернов И. С. Тургенев в Москве, стр. 56

⁹⁴ Варвара Петровна вернулась в Петербург в июне 1835 года. Сергей Николаевич умер в октябре 1834 года.

⁹⁵ Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818-1858), составитель Н. С. Никитина, С-П, Наука, 1995, стр. 27

В этом рассказе Тургенева умирающая барышня, дворянская дочь, в порыве отчаяния и жажды любви проводит «три дня и три ночи» с уездным лекарем. Спустя годы, лекарь, по имени Трифон, рассказывает об этом «приключении» случайному встречному. Он хорошо понимает, что та, красивая и образованная, с чудным именем Александра Андреевна, была не для него. Вступив в «законный брак», он взял за себя купеческую дочку, с семью тысячами приданого. Зовут его жену Акулина – «Трифону-то под стать». Рассказчик, как и герой рассказа, видят несоответствие не только положения уездного врача из разночинцев и молодой дворянки, но и полное несовпадение ожиданий «героини», рассчитывающей обрести романтического возлюбленного, и захолустного, забывшего латынь, играющего в преферанс по копейке, лекаря по имени Трифон...

В рассказе выведен уездный врач. В семье довольно часто прибегали к услугам врачей. И это был не только Берс. Из писем Тургеневой к сыну мы узнаем, что в доме был свой «крепостной доктор» Порфирий Кудряшов, в качестве «дядьки» сопровождавший Ивана Сергеевича за границу и слушавший лекции по медицине в Берлинском университете, а затем ставший «дворовым врачом» Варвары Петровны. Ему посвящены проникновенные страницы воспоминаний Варвары Житовой. Уездным доктором во Мценске был некто И. Беневоленский, из духовного звания, закончивший на собственные средства медицинский факультет Московского университета. О нем Варвара Петровна отзывалась в письме к сыну: «...он пресмешной и предобрый оригинал, но! Этим не лечат...»⁹⁶ В другом письме она говорит, что в Спасском Беневоленский был ее «домовой доктор», и далее: «... все мы его полюбили более Берса. И весел, и мил, и шутилив. Закашлялся. И дух вон в 3 года в одну минуту».⁹⁷

Собственно, уездный врач в рассматриваемом нами рассказе начинает галерею тургеневских героев-разночинцев, попавших в дворянский дом и оказавшихся в поле внимания «барышни» или «барыни». Это Инсаров и Елена Стахова («Накануне»), учитель Беляев и Наталья Петровна («Месяц в деревне»), Базаров и Одинцова («Отцы и дети»). При сравнении можно увидеть, что Трифон Иванович из «Уездного лекаря» ближе других стоит к Кузовкину из «Нахлебника». Он, как и Кузовкин, ощущает свою «недостойность» «предмета» любви. Он явно не на месте в той диспозиции, какая ему предложена. Наблюдал ли Тургенев подобные ситуации в жизни? Или это была его

⁹⁶ Твой друг и мать Варвара Тургенева, стр. 84

⁹⁷ Там же, стр. 165

«реконструкция», реконструкция чуткого и талантливого художника? Вполне возможно, он задумывался о чем-то похожем в связи со слухами о происхождении Вареньки Богданович. Все же появилась она в доме неожиданно, как с неба свалилась, рассказами о ней были полны письма матери, рассказами, которые не могли не вызвать даже некоторой ревности, ибо источали реальную любовь и нежность, столь мало свойственные Варваре Петровне по отношению к *чужим*. Чей это был ребенок? Тургенев полагал, по-видимому, что это был ребенок Берса (что явствует из последующего его поведения). Но почему мать так привязана к этой девочке? Нет ли тут и ее «греха»? Вполне допускаю, что в голове молодого Тургенева такие мысли бродили.

Однако на этом пути останавливает тот факт, что «Нахлебника» писатель собирался публиковать при жизни матери, в 1849 году. Да, Варвара Петровна в своих письмах отвергала все слухи и сплетни (мы еще обратимся к ее письмам), она настаивала на том, что Биби – чужой ребенок. И все же снова возбуждать в обществе циркуляцию слухов в связи с появлением пьесы и поставленного по ней спектакля (также был запрещен цензурой!) было весьма неосмотрительно. Обстоятельства помешали выходу пьесы в печати и появлению ее на сцене, а иначе – кто знает? – отношения материнского любимца, сына Ивана, и Варвары Петровны, и без того серьезно испорченные его несогласованным с матерью отъездом за границу – вслед за Полиной Виардо, – могли быть прерваны бесповоротно.

На что хочу обратить внимание: муж барыни в «Нахлебнике» умер буквально на следующий день после «грешной ночи», проведенной ею с Кузовкиным. В повести «Первая любовь», о которой речь впереди, отец героя тоже умер сразу после того, как сын узнает о его грешной любовной «тайне».

И в жизни Ивана Тургенева была неожиданная смерть отца, и затем – через 8 месяцев – возвращение матери из-за границы и, по нашим предположениям, через год или, скорее, три года⁹⁸ появление в доме маленькой Биби.

Сюжеты в голове писателя редко возникают случайно, из воздуха, обычно на них наталкивает жизнь, происходящее вокруг. Известно, что Лев Толстой, работая над «Войной и миром», использовал не только семейные предания, но и семейные ситуации в домах ближайших родственников, из-за чего у последних возникали к нему претензии и обиды. Тургенев, как мне кажется, не вполне верил тому, что Биби – дочь Берса. Не думаю, что Варвара Петровна сказала ему без обиняков,

⁹⁸ В 1836 году умерла Екатерина Львовна Шаховская, по нашему предположению, мать Биби, и девочка осталась круглой сиротой.

кто родители Вареньки. У него в сознании могли прокручиваться различные возможности ее появления в доме. Во всяком случае, рассмотренный нами сюжет адюльтера «госпожи и «слуги» (назовем так для краткости) дает пищу для такого вывода.

Еще одна гипотеза происхождения Вареньки Богданович. Варенька – дочь Сергея Тургенева

Задумывался ли Иван Сергеевич и над любовной тайной отца, в которую волею случая был вовлечен? Конечно. Ведь на эту тему им написана повесть «Первая любовь», опубликованная в 1860-м, через 6 лет после смерти Сергея Николаевича. Нам просто необходимо коснуться этой повести в связи с неожиданной, но очень правдоподобной гипотезой, выдвинутой недавно умершей исследовательницей Еленой Грибковой как раз по поводу происхождения Биби.

Итак, **третья гипотеза** такова. Варенька Богданович, она же Лутовинова, она же Житова, действительно, приходилась *сестрой* Ивану Сергеевичу Тургеневу, рожденной вне законного брака. Только она была дочерью не Варвары Петровны, а... Сергея Николаевича Тургенева».⁹⁹

Елена Михайловна Грибкова, вследствие болезни, а затем и смерти, не успела собрать весь материал для обстоятельного обоснования и подтверждения этой гипотезы. Документов у исследователей на сей счет нет. Дворяне в 19-м веке хорошо умели прятать от современников и потомков свои семейные тайны. Версия Грибковой показалась мне весьма правдоподобной, и я постаралась собрать весь возможный материал для ее подтверждения. Но этому будет посвящена вся моя статья. А пока изложу гипотезу Грибковой до конца.

Исследовательница полагает, что матерью Вареньки Богданович могла быть та самая княжна Шаховская, которая послужила для Тургенева прообразом княжны Зинаиды Засекиной. в повести «Первая любовь». Обратимся же к этой повести.

Повесть «Первая любовь»

Повесть «Первая любовь» была написана в начале 1860 году и тогда же напечатана в № 3 журнала «Библиотека для чтения». О ней Тургенев писал: «Это единственная вещь, которая мне самому до сих

⁹⁹ Очерки о жизни Варвары Николаевны Житовой в кн. В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева.

М. «Гелиос АРВ», 2016, стр. 186

пор доставляет удовольствие, потому что это сама жизнь, это не сочинено. «Первая любовь» – это пережито».¹⁰⁰ Примерно то же он говорил А. В. Половцеву: «Одну только повесть я перечитываю с удовольствием. Это «Первая любовь». В остальном — хотя немного, да выдуманно, в «Первой любви» же описано действительное происшествие без малейшей прикраски, и при перечитывании действующие лица встают как живые предо мною».¹⁰¹

Н. А. Островская так передает рассказ Тургенева: «В «Первой любви» <...> я изобразил своего отца. Меня многие за это осуждали, а в особенности осуждали за то, что я этого никогда не скрывал. Но я полагаю, что дурного в этом ничего нет. Скрывать мне нечего. Отец мой был красавец; я могу это сказать потому, что я нисколько на него не похож, – я похож лицом на мать. Он был очень хорош – настоящей русской красотой. Он обыкновенно держал себя холодно, неприступно, но стоило ему захотеть понравиться – и в его лице, в его манерах появлялось что-то неотразимо очаровательное. Особенно становился он таким с женщинами, которые ему нравились».¹⁰²

События, описанные в повести, происходили в 1833 году. В «Мемориале» писателя, то есть в его тайном дневнике, читаем:

1833. Новый год в Москве (Первая любовь) . Кн<ажна> Шаховская. Я себе ломаю руку. – Определение в Университет. – NB. Перепутье. – Жизнь на даче против Нескучного»¹⁰³ .

Рассказ в повести ведется от первого лица. Юноша-герой на год старше прототипа, Ивану в 1833 году было не шестнадцать, а пятнадцать лет.

1833 год в жизни родителей Тургенева, как уже говорилось, был годом разобщения. Осенью 1832 года Сергей Николаевич нанял несколько домов в Москве¹⁰⁴. Варвара Петровна жила еще в одном нанятом доме, отдельно от мужа и детей.¹⁰⁵ В это время старший сын Тургеневых Николай готовился к поступлению в военное училище, а младший Иван – к поступлению в университет.

¹⁰⁰ И. С. Тургенев. Полное собр. соч. и писем в 30 т., 2 издан. испр. и дополн. М., Наука, 1981, т. 6, «Первая любовь». Комментарии Е. И. Кийко, стр. 488

¹⁰¹ Там же, стр. 479

¹⁰² Там же, стр. 478

¹⁰³ То же издание, том 11, см. также «Лит. Наследство», М., 1964, т. 73, кн. 1 «Автобиографический конспект И. С. Тургенева «Мемориал». Предисловие и публикация Андре Мазона.

¹⁰⁴ См. Николай Чернов. И. С. Тургенев в Москве, стр. 54-55

¹⁰⁵ Там же, стр. 55

Причиной разъезда Тургеневых и необходимость для Сергея Николаевича нанять несколько домов Николай Чернов, наиболее осведомленный исследователь этого отрезка жизни семьи, объясняет так: «Вся эта путаница с наемом нескольких домов является, по нашему мнению, следствием серьезного разлада в семье и получившего огласку скандального романа С. Н. Тургенева с юной особой...».¹⁰⁶

Если продолжить мысль, можно предположить, что в одном из нанятых Тургеневым-старшим домов и жила сия «юная особа», а именно княжна Шаховская, с которой у Сергея Николаевича был роман. Поскольку дома нанимаются осенью 1832-го, можно предположить, что этот роман начался ДО лета 1833 года, хотя в повести хронология несколько другая: там знакомство и сына, и отца с княжной Засекиной происходит именно летом, на даче.

Сюжет повести «Первая любовь»

Владимир Петрович, человек уже зрелый, рассказывает (он это делает в письменном виде), по просьбе друзей, о своей первой любви. Будучи шестнадцатилетним юношей, живя с родителями на даче возле Нескучного сада, он влюбился в 12-летнюю соседку, княжну Зинаиду Засекину.

Девушка была прелестна – живая, с прекрасными серыми бархатными глазами – и окружена поклонниками, их пятеро, собирающихся ежедневно в ее доме. Владимир – самый юный из сраженных Зинаидой; княжна, видя его влюбленность, играет им как кошка с мышкой. Однажды, когда он забрался на высокую стену оранжереи, она, проходя мимо, сказала, что, если он ее любит, то спрыгнет со стены. Что он и сделал, потеряв на время сознание и сломав руку.

С княжной познакомился отец Владимира, Петр Васильевич, человек еще не старый, изысканно спокойный, самоуверенный и самовластный. Юноша замечает отца в компании княжны на конной прогулке, потом видит, как отец ночью крадетсЯ в дом княгини Засекиной. Поведение княжны меняется, она становится грустна, говорит о безвыходности своего положения... Владимир застаёт домашний скандал и узнает от слуги, что мать получила письмо и упрекает отца в неверности, а тот указывает ей на ее возраст. Слуга подтверждает, что у отца была связь с княжной, так как помогал барину в разных ситуациях. Владимир в отчаянии, он не понимает, как могла

¹⁰⁶ Там же, стр. 55

молодая девушка, княжна, пойти на бесчестящую ее связь, да еще с женатым человеком. Последний раз он видел княжну, когда через несколько месяцев уже в городе сопровождал отца в конной прогулке. Тогда он пошел вслед за отцом, оставившим его сторожить лошадей. В окне ближайшего домика он видит Зинаиду; возле окна, спиной к Владимиру, стоит отец. В ответ на ее требования оставить семью он бьет ее хлыстом по обнаженной руке, а она... целует образовавшийся шрам. Отец вбегает в дом, а потрясенный увиденным юноша возвращается к лошадям.

Через два месяца Владимир поступил в университет; отец его через полгода умер от удара, случилось это в Петербурге, куда переселилась семья. Незадолго до смерти отец получил письмо из Москвы, сильно его взволновавшее. Он просил о чем-то жену и, говорят, даже заплакал. После его кончины мать послала в Москву довольно значительную сумму.

Снова услышал о Зинаиде Владимир через четыре года. Он узнал, что ее связь с его отцом имела «последствия», но потом она вышла замуж за состоятельного человека и сейчас, став госпожой Дольской, остановилась в гостинице Демута. Но когда Владимир, придя в гостиницу Демута, спросил госпожу Дольскую, оказалось, что она за четыре дня до того «почти внезапно» умерла от родов.

Для нашей темы, важно определить, что здесь реальность, а что вымысел.

Повесть «Первая любовь» как отражение реальности

В «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева», в соответствии с «Мемориалом», о лете 1833 года говорится: «Лето. Семья Тургеневых живет на даче Энгель близ Калужской заставы, против Нескучного сада, по соседству с домом кн. Е.Е. Шаховской; Т влюбляется в ее дочь, кн. Е. Л. Шаховскую»¹⁰⁷.

Совпадает время – лето 1833 года. Реальному Ивану Тургеневу, прототипу Владимира, в эту пору не 16, а 15 лет. У юного героя-рассказчика нет братьев, у Ивана Тургенева их двое, старший Николай и средний Сергей, который рано умрет. Реальный Иван Тургенев, как и вымышленный Владимир, готовится к поступлению в университет; тогда же он ломает руку – при неизвестных обстоятельствах. Был ли причиной перелома описанный в повести прыжок со стены как доказательство любви к Екатерине Шаховской – мы не знаем.

¹⁰⁷ Летопись жизни и творчества Тургенева (1818-1858), стр. 23

Совпадают ли характеристики отца и матери героя с психологическими портретами Варвары Петровны и Сергея Николаевича? Отца автор пытается «списать с натуры» – изобразить таким, каким он видел его в то время. Поэтому характеристика реального Сергея Николаевича Тургенева: «Он обыкновенно держал себя холодно и неприступно» точно совпадает с описанием поведения Петра Васильевича: «...он, по своему обыкновению, холодно и вежливо отмалчивался». Тургенев-писатель и не скрывает, что изображает в повести своего отца. С матерью – сложнее. «Матушка» Владимира нарисована одной краской, что и понятно: изображая внутрисемейный конфликт, автор сознательно уходит от сложностей натуры Варвары Петровны редуцирует женский характер, делая его целиком страдательным («Матушка моя вела печальную жизнь: беспрестанно волновалась, ревновала, сердилась...»). Характер отца рисуется крупно, выпукло, наделяется особым шармом и особой «мужской» жизненной философией. Вот его поучения сыну: «Сам бери что можешь, а в руки не давайся». «Самому себе принадлежать – в этом вся штука жизни». «Умей хотеть – и будешь свободным, и командовать будешь». Главное, что говорится об отце: «Отец мой прежде всего и больше всего хотел жить – и жил». Реальный отец Тургенева, бывший военный, кавалергард, участник войны с Наполеоном, действительно был необычайно хорош собой и пользовался успехом у женщин. Военная его карьера не задалась, и свои дела он поправил, женившись на богатой орловской помещице Варваре Лутовиновой, бывшей шестью годами его старше. Ко времени венчания (январь 1816) жениху было 3 года, невесте – 9, что по тем временам было уже многовато... Кстати говоря, в повести момент «женихбы на деньгах» присутствует («Мой отец, человек еще молодой и очень красивый, женился на ней по расчету), а возрастная разница между супругами даже увеличена («она была старше его десятью годами»). Размышления об отце завершаются такой фразой: «Быть может, он предчувствовал, что ему долго не придется пользоваться «штукой» жизни: он умер сорока двух лет». Сергей Николаевич Тургенев умер сорока лет, не от удара как герой повести, а вследствие неудачного лечения мочекаменной болезни. И в том, и в другом случае смерть пришла неожиданно.

Если верить Варваре Петровне, был Сергей Николаевич трусоват, боялся начальства¹⁰⁸. Однако реальное жизненное его поведение говорит о другом. Он не побоялся нарушить царский указ и остался в

революционном Париже для проведения операции, за что попал под негласный надзор полиции. Связь Сергея Николаевича Тургенева с молоденькой девушкой из известного, хотя и обедневшего семейства также не говорит о нерешительности и трусости. Портрет отца, художественно вылепленный сыном, характеристике Сергея Николаевича, данной Варварой Петровной, сильно противоречит. О матери герой говорит: «...она очень его боялась». И дальше: «а он держался строго, холодно, отдаленно...». С представлением о трусе не очень вяжутся такие характеристики Петра Васильевича, как «самоуверенный и самовластный» или (он) «презирал робких людей». Можно сказать, что отец в повести, если не идеализирован, то явно героизирован. Это настоящий романтический герой, сродни тому же Печорину, не нашедший себя и бросивший все свои природные дарования и наследственный шарм на завоевание женщин. Как Печорин от делать нечего «влюбляет в себя» княжну Мери, так и Петр Васильевич завладевает душой и телом прелестной Зинаиды Засекиной. Зачем? Бог весть, чтобы взять от жизни свое, чтобы почувствовать, что живет... Мы можем только подозревать, как приключение «на водах» повлияло на лермонтовскую княжну Мери, на ее репутацию в свете, на ее судьбу. С княжной Засекиной дело обстоит более определенно и безрадостно.

Для тогдашней барышни то, что совершила Зинаида, было самоубийственно. Даже далекий от жизни юный Владимир хорошо это сознает: «Как могла она, молодая девушка – ну, и все-таки княжна, – решиться на такой поступок, зная, что мой отец человек несвободный, и имея возможность выйти замуж хоть, например, за Беловзорова? На что же она надеялась? Как не побоялась погубить всю свою будущность?»...

После случившегося «ей не легко было составить себе партию»; были последствия...» (слова встреченного Владимиром *через четыре года* приятеля), но она все же выходит замуж. Ее муж человек состоятельный, «прекрасный малый», она «еще похорошела». Однако, как Тургенев ни старается смягчить развязку, она драматична. Владимиру не суждено увидеть Зинаиду Засекину, ставшую госпожой Дольской. За несколько дней до его прихода в гостиницу Демута, где она остановилась, «она умерла почти внезапно от родов». Еще одна смерть в рассказе. Сначала неожиданная – в сорок два года – отца, потом «почти внезапная» смерть молодой прекрасной женщины. Причем, волей-неволей в нашем сознании эти две смерти связываются. Но и в повести Владимир, услышав сообщение, воображает «эти глаза, эти кудри – в тесном ящике, в сырой подземной тьме – тут же недалеко от меня, пока еще живого, и, может быть, в нескольких шагах от моего

отца...»¹⁰⁹. В конце рассказа Тургенев описывает смерть бедной старушки, при которой он присутствовал, узнав о кончине Зинаиды, «по собственному неотразимому влечению». Эта несчастная, много испытывавшая старая женщина умирать не хочет, на ее лице читается «выражение страха и ужаса кончины». Вот тут-то и пробрал рассказчика страх смерти: «... мне стало страшно за Зинаиду, и захотелось мне помолиться за нее, за отца – и за себя». В этот круг тяжелых, ведущих в тупик отношений, завершившихся двумя смертями, рассказчик включает и себя, хотя он был почти сторонним лицом в свершающейся драме. Думаю, что в этом месте автор точно описывает свои переживания, охвативший его, Ивана Тургенева, страх смерти. И вот о чем я думаю. Не отразились ли эти ранние впечатления писателя на его последующем восприятии смерти? Известно, что, извещенный о предсмертном состоянии матери, он *пять дней* добирался из Петербурга в Москву, приехав, когда ее уже похоронили. То же было и во время последней болезни Герцена. Тургенев обещал его «вдове» Наталье Тучковой-Огаревой приехать на похороны – и не приехал. Не отзвук ли это драмы, пережитой в ранней юности, не боязнь ли это снова столкнуться со смертью, столь страшно на него подействовавшей в молодые годы?

В реальности история юной влюбленной отца Тургенева, княжны Шаховской, была еще более безысходна.

О княжне Екатерине Шаховской нам известно мало. Тот же Николай Чернов обнаружил, что Екатерина Львовна Шаховская и поэтесса Екатерина Александровна Шаховская – одно и то же лицо. Значит, княжна писала стихи. Все в том же 1833 году была опубликована ее поэма «Сновидение», имеющая подзаголовок «Фантазмагория» и вызвавшая похвальные рецензии «Московского телеграфа» и газеты «Молва»¹¹⁰. Дальнейшая судьба молодой прелестной женщины была подкошена встречей с Тургеневым-старшим и предосудительной связью с ним. Исходя из повести мы можем предполагать, что связь имела «последствия». Куда делся ребенок, неизвестно. Почему-то тургенеvedы не задаются этим вопросом. Мне бы хотелось, чтобы читатель не пропустил это обстоятельство. «Последствия», то есть рождение ребенка, относятся как раз к 1833-му, году рождения Вареньки Богданович.

¹⁰⁹ В действительности могилы отца писателя и Екатерины Шаховской находятся в одном городе – С.-Петербурге, но на разных кладбищах. Могила Сергея Николаевича Тургенева находится на Смоленском кладбище, Екатерины Львовны Владимировой (в девичестве Шаховской) – на Волковом.

¹¹⁰ Николай Чернов. Тургенев в Москве. стр. 59-65

В 1835 году, примерно через год после неожиданной смерти Сергея Николаевича, княжна выходит замуж. Это мезальянс, молодая девушка из известной дворянской, даже княжеской фамилии, выходит за 33-летнего вдовца, чиновника 10 класса (коллежский секретарь), служившего в Горном департаменте, а затем ставшего помощником контролера в почтовом ведомстве. Лев Харитонович Владимиров, муж княжны, не был дворянином, не располагал ни имением, ни деньгами. Замужество Екатерины Шаховской было порождено отчаянием, по всем признакам, оно было катастрофичным. Родился ребенок, названный Александром. И через шесть дней после его рождения молодой женщины не стало. О судьбе сына и мужа Екатерины Шаховской, в замужестве Владимировой, ничего не известно. Что сказать? После таких известий хочется помолчать. Есть в этой судьбе печать рока...

*Полный вариант статьи опубликован в журнале «Чайка»:
<https://www.chayka.org/node/9095>*

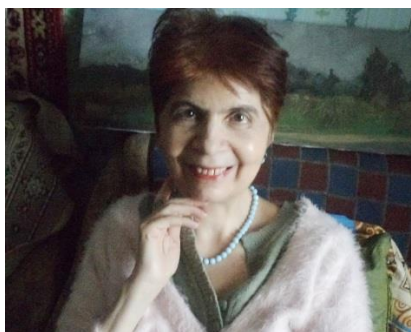
Часть 7. Искусство

Аристарх Лентулов. Автопортрет со скрипкой. 1919. ГТГ

Вера Чайковская

Москва, Россия

Новый взгляд. Ноктюры солнечного Лентулова

Мне всегда были интересны моменты каких-то слов, неожиданных смен видения у талантливых художников. За ними часто скрыта тайна духовного преображения, странных и глубоко спрятанных коллизий во внешней и внутренней жизни самого автора.

Положим, Орест Кипренский, попав наконец в Италию, стал писать не дневные и солнечные работы, как писали остальные российские пенсионеры-художники, положим, Карл Брюллов с его утренними и полудневыми пейзажами с юными итальянками, а ночные, загадочные, лунные, обращенные к мирозданию и «ночной» стороне человеческой души.

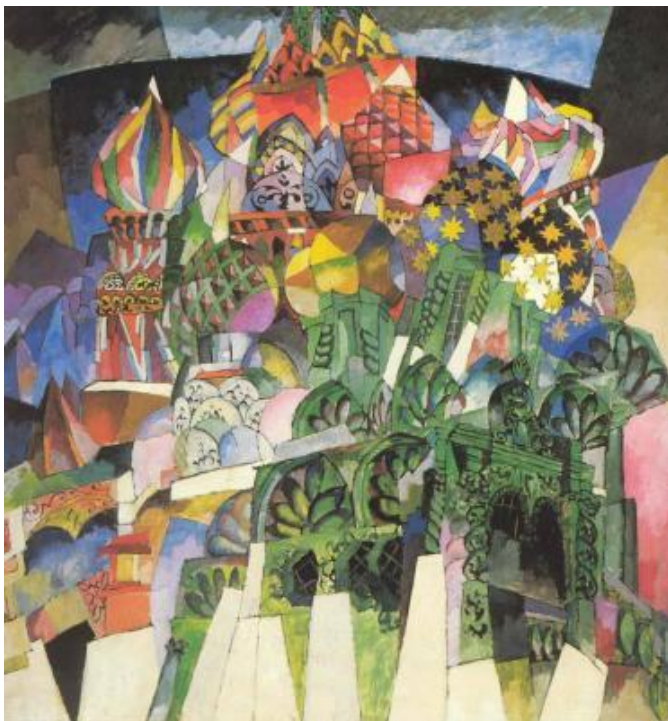
Не привычная «солнечная» Италия, а Италия загадочная, ночная, с колдовским взглядом женских «черных очей» и новым ощущением присутствия космических энергий, – вот что ему вдруг там открылось и что поразило воображение! («Молодой садовник», 1817, «Цыганка с веткой мирта в руке», 1819, «Ворожея со свечой», 1830).

На мой взгляд, нечто сходное произошло через сто лет еще с одним талантливейшим российским художником – Аристархом Лентуловым.

В записанных под его диктовку «Воспоминаниях» художник говорит, что его страсть к солнцу и яркому свету, сопутствовала ему со дня рождения.¹¹¹

¹¹¹ Лентулов А. Воспоминания, С-П, «Петроний», 2014, с.17.

В самом деле, общее впечатление от дореволюционного творчества этого виднейшего представителя «Бубнового валета» – яркая красочность, солнечность, что несколько смягчает кубистическую угловатость и линейную определенность форм, присущую русским сезаннистам и кубистам, даже раннему Роберту Фальку.

А.Лентулов. «Василий Блаженный» (1913, ГТГ)

Самые знаменитые лентуловские дореволюционные полотна, вроде «Василия Блаженного» (1913, ГТГ) и «Звона» (1915, ГТГ), поражают, кроме яркой праздничности и солнечной насыщенности красок, музыкальными сдвигами архитектурных форм, их «наплывами» одна на другую. Пространство как бы «растекается» во времени, разыгрывая архитектурный хорал – духовное песнопение. Это и есть «фишка» Лентулова, по которой он тотчас узнается.

Почти общепризнано, что молодой, авангардный Лентулов «круче» послереволюционного, у которого поубавилось солнечности и

живопись стала более «реалистической», то есть утратила кубистическую изломанность форм. Впрочем, и с этими суждениями можно спорить.

Но мне в этом эссе хочется выделить некий, видимо, стихийно сложившийся цикл «ночных» работ художника конца 20-х годов, которые представляют собой явную антитезу заявленной им самим и ставшей в общественном сознании приметой всего его творчества – солнечности.

Работы эти, на мой взгляд, не только встают в один ряд с прежними шедеврами «солнечного» Лентулова в отношении художественного качества, но содержат некое новое «послание», изменившееся и углубившееся понимание мира.

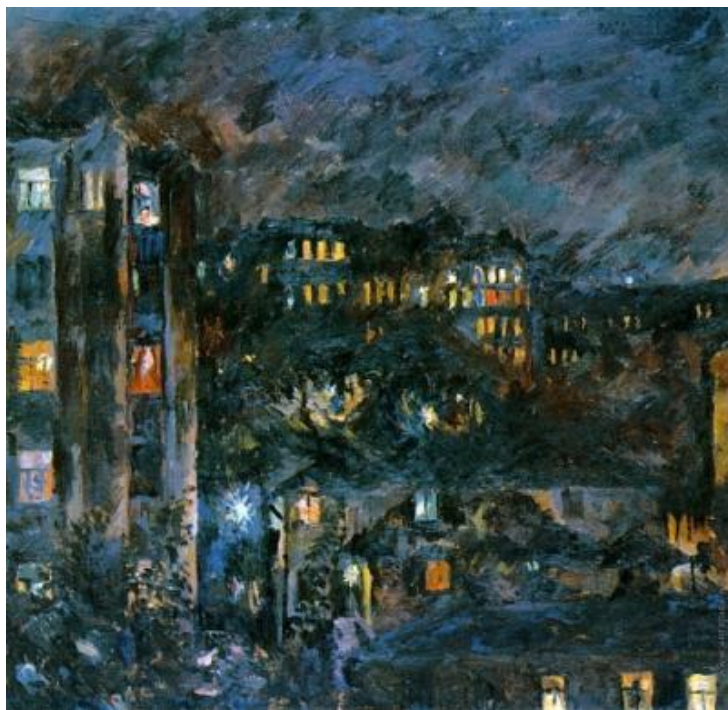
«Солнечный» Лентулов – прям, смел, энергичен. В живописи у него не стоит искать каких-то глубинных подтекстов, она вся на виду, вся выражена в красках и линиях. Да и в своих воспоминаниях он без обиняков и с большим юмором выражает суждения о коллегах, что заметно, положим, в характеристиках Петра Кончаловского и его жены.

А.Лентулов. Москва. Страстная площадь (1928, ГРМ)

Вот об Ольге Васильевне Кончаловской: «Она зорко следила за каждым словом и каждой фразой, сказанной не в пользу Пети, и в

случае надобности сама с яростью вцеплялась в разговор»¹¹². Как выразительно это неожиданное «вцеплялась», намекающее на «звериную» хватку милой интеллигентной дамы!

А.Лентулов. Ночь на Бронной (1928, ГРМ)

А вот и про самого «Петю»: «Петя говорил громко, властно, уверенно. Шутил он лучше всех и несмолкаемо пел испанские и итальянские песни»¹¹³. И тут несколькими энергичными штрихами художник дает довольно комический образ собрата.

Собственные суждения Лентулова об искусстве даже в послереволюционный период никогда не ангажированы, а достаточно искренни и опираются на живописные достоинства произведения, а не на политическую конъюнктуру.

Положим, похвалив в обзоре выставки работы Бориса Иогансона и Александра Герасимова, он тут же говорит, что в «самой культуре живописи» первого художника нет того, что могло бы его поставить «в ряды европейских первоклассных мастеров».

¹¹² Лентулов А. Воспоминания. с.58.

¹¹³ Там же. с.58.

Предъявлен «гамбургский счет», которого знаменитый «Допрос коммунистов» не выдерживает! А одиозному Александру Герасимову он желает «более тонкого глаза и вкуса», что делает прежние похвалы простой фигурой вежливости.¹¹⁴

В сущности, Лентулов – большой ребенок, опирающийся на гармонию, ясность и соразмерность мира, эстет, любитель красоты, но красоты не зализанной, «шаблонной», а как бы впервые обретенной с помощью самобытного таланта.

Однако Лентулов эпохи «ноктюрнов» являет собой нечто другое. Эти работы вовсе не тусклее и не проще прежних.

Художник сам пишет, что в своих «закатах солнца», очень его интересовавших в конце 20-х годов и представляющих собой, как мне кажется, своеобразные варианты «ноктюрнов», – он восстановил «резко прерванную» линию формальных исканий, «без которых искусство невозможно»¹¹⁵.

Эти пейзажи колористически необыкновенно красивы и изысканны. Но красивы как-то по-новому. В них открывается какой-то совершенно иной Лентулов и иной мир – мир ночной души, безумный, экспрессивный, смятенный и во всем противоположный миру дневному и солнечному.

Тут, кстати, можно вспомнить ранний, невероятно экспрессивный роман Вирджинии Вульф «День и ночь» (1919), весь построенный на противоположности «ночных» и «дневных» человеческих состояний.

У художника в его «ноктюрнах» изображены в основном городские пейзажи, хотя есть и деревенские закаты («Закат на Волге», 1928). Ночь лишает эти пейзажи определенности очертаний и форм, присущих бывшему кубисту. Тут правит бал стихия «наплывающего» черного пронизываемого «эфира», в котором то тут, то там вспыхивают и загораются огни.

Это огни человеческих жилищ, блеск белого снега или мостовой под фонарем, куполов скупно освещенного московского собора или лампочек внутри ночного трамвая («Москва. Страстная площадь» (1928, ГРМ), «Ночь на Бронной», (1928, ГРМ), «Ночь на Патриарших прудах» (1928, ГТГ).

¹¹⁴ Там же, с.152.

¹¹⁵ Там же. с.119.

А.Лентулов. Ночь на Патриарших прудах, 1928 г.

В двух вариантах «Солнца над крышами» (1928, ГРМ, 1929, ГММ) – роль «светила» достается солнцу, но это закатное солнце, ничуть не напоминающее яркое и радостное дневное. Его лучи, может быть, даже интенсивнее прежнего (художник, работая с натуры, опасался за свое зрение), но, тем не менее, мир постепенно погружается во мрак. Работы явно обрели символический подтекст и нарастающую внутреннюю экспрессивность, углубились и усложнились.

И дело даже не в том, что Лентулов предрекает гибель только что возникшему новому миру. Он, по всему судя, революцию принял и хотел ей служить. Он был восхищен грандиозностью московского городского строительства и масштабом новых задач.

Но тут, в ночных и закатных пейзажах, ощутим какой-то интуитивный поворот к «внутреннему» человеку, к глубинным размышлениям о мире и о жизни, прежде художнику не очень-то присущим. Я бы даже сказала, что в работах этих есть нечто религиозное или мистическое, звучит страстная мольба к ночи о человечности и об «утешении» человеческих сердец...

Какое-то сходное настроение можно ощутить в рассказе художника о том, как с ним случилась «страшная история».

После заседания жюри знаменитой выставки «Художники РСФСР за 15 лет», позже прошедшей в Москве (лето 1933 года), подвыпивший художник мечется по столице. Он описывает, как его буквально «закружило» и он оказался ночью на Пасху в Елоховском соборе вместе с «самыми убогими людьми».

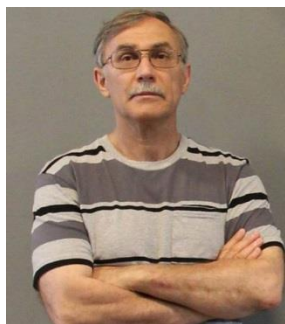
В смятении покинув собор, он понял «суету» идеалов насильственного политического переустройства мира: «Явятся новые лица, которые поймут мировую ошибку насилия и вопиют: «Да воскреснет человек, да воскреснет воля, вдохновение и свободное творчество жизни!».¹¹⁶

Конечно, смысл «ноктюрнов» словами не передать. Но возникающий в них ночной мир ближе к небесам и универсуму, чем мир дневной. С него как бы спадает социальная и политическая шелуха, оставляя только свободное, сущностное, творческое.

Ночные работы художника несравненно «веселее» приведенного мною отрывка. В них есть не только почти религиозная смятенная мольба о человеке, но и ощущение продолжающейся мирной, полной любви и творческого горения жизни в московских и прочих жилищах. А также чувство невероятной красоты и загадочности ночного космоса...

Игорь Волошин

Чикаго, США

***Уильям Шварц – романтический модернист.
Биографический очерк***

¹¹⁶ Там же, с.145

Будучи старым и неизлечимым книжником, я стараюсь не пропускать книжные распродажи в библиотеках соседних городков и периодически делаю для себя неожиданные находки, к книжному миру не относящиеся. В какой-то давний, но памятный день, я бродил по библиотеке города Гленко и увидел на стене картину. Не могу сказать, что она на меня произвела большое впечатление. Картина представляла собой групповой портрет четырех мужчин, собравшихся вокруг пианино. Называлась она несколько пафосно: «Americana. Composers», и автором ее был некий Уильям Шварц (William Schwartz).

Автопортрет

Как я уже сказал, картина не вызвала большого интереса, но чисто из любопытства решил выяснить, кто же эти 4 композитора, которые, по всей видимости, должны быть знаменитыми, коли только их четверых объединил художник на полотне с таким громким названием. Это оказалось не просто, и мне пришлось потратить немало времени, пока нашел описание картины онлайн, но гораздо более важным для меня было открытие необыкновенно интересного художника, который, в силу обстоятельств, вынужден был в период Великой Депрессии выполнять государственные заказы, одним из которых и оказалась вышеназванная картина.

Уильям Шварц родился 3 февраля 1896 года в белорусском городе Сморгонь, в то время входившем в состав Российской Империи, в большой, но бедной еврейской семье Самуила Шварца и Тойбы Резниковой (Samuel Schwartz and Tauba Reznikoff).

У юного Уильяма было восемь братьев и сестер, но только у него рано проявились художественные способности. Увы, семья была слишком бедна, чтобы покупать талантливому ребенку краски и холсты, поэтому даже карандаши были для юного дарования в радость. В возрасте 13 лет Уильяму была выделена стипендия для обучения живописи в художественной школе расположенного неподалеку города Вильно. Его учителем оказался известный русский художник Иван Трутнев, в то время преподававший в этой школе. За четыре года обучения Шварц получил хорошую профессиональную подготовку, но после окончания, когда пришло время выбора, он решил отправиться за океан, чтобы начать свою профессиональную карьеру в США, тем более, что к этому времени там уже проживала часть семьи.

Таким образом, в 1913 году Уильям Шварц прибыл в Америку. Нью-Йорк поразил его своим размахом, о чем он впоследствии писал: «Я был совершенно не готов к встрече с Нью-Йорком. Мое впечатление можно передать только одним словом – Мощь. Этот город меня поглотил.»

Первое время Уильям жил у сестры, перебивался случайными заработками, но в итоге в 1915 оставил Нью-Йорк и переехал к брату в спокойный и провинциальный город Омаха, штат Небраска. Здесь он занялся интенсивным изучением английского, что оказалось непросто. Необходимость минимального дохода, вынуждала Шварца соглашаться на любую работу, поэтому вскоре он начал работать маляром. В этом неожиданно оказался и свой плюс – Уильям расписывал экстерьеры зданий, и, поскольку он стремился воспользоваться любой возможностью для занятий живописью, то эта работа такую возможность, пусть ограниченно, но давала. В то же время Шварц посещал Kellom School, где брал уроки живописи у Лори Уоллеса (J. Laurie Wallace), ученика знаменитого Томаса Икинса (Thomas Eakins). Много позже, в 1931 году, Шварц выполнил характерный портрет преподавателя. С холста на нас смотрит аскетичный, настороженный и недоверчивый человек, много познавший и переживший, но увы, как художник оставшийся малоизвестным. Уоллес оказал на Шварца громадное влияние, введя последнего в мир современной живописи.

По рекомендации Уоллеса, в 1916 году Шварц отправляется поступать в Чикагский художественный институт (School of Art Institute of Chicago – SAIC). Пожалуй это был самый важный шаг в его

жизни. Молодому художнику снова повезло с преподавателем. Живописец Карл Бюер (Karl A. Buehr), известный своим традиционным подходом к живописи, наблюдая за талантливым учеником, не препятствовал его увлечению искусством современных художников, в частности фовистов.

Уже в 1917 году Шварц закончил с отличием SAIC. Однако, как ни странно, он все еще не мог определить, какому творчеству себя посвятить, поскольку обладал прекрасным оперным тенором, поэтому параллельно с обучением в SAIC Шварц занимался в Auditorium Conservatory of Music, Chicago у Карла Стайна (Karl Stein).

На некоторое время он отложил занятия живописью, и потребовалось несколько лет, чтобы выбрать дальнейший путь, однако за это период Уильям успел выступить на сцене Ascher Portage Park Theater, а несколько позже пел в операх «Риголетто» и «Травиата» в Bohemian Opera на сцене Studebaker Theatre, на что получил многочисленные благоприятные отзывы. По воспоминаниям современников, он обладал красивым тенором. Впрочем, оперой дело не ограничилось, и Шварц участвовал в мюзиклах и в радиопостановках. Сцена была не только увлечением и страстью молодого человека, но и, что немаловажно, поддерживала необходимый жизненный уровень и давала возможность оплачивать обучение в SAIC. Впрочем, как говорил сам Шварц: «Музыка была моим вторым языком».

Таким образом, нет ничего удивительного в том, что первым известным произведением молодого художника стала созданная в 1916 году графическая иллюстрация на мотив трехактной оперы Руджеро Леонкавалло «Паяцы» (I Pagliacci), в которой Шварц сумел очень сжато, но ярко показать, разворачивающуюся на сцене, трагедию.

На первом плане, в соответствии с пьесой, изображен несчастный клоун Тонио, повествующий о чувствах и страстях актеров, на заднем плане слева – жена главного героя Канио – Недда (Коломбина) в объятиях любовника Сильвио, а справа – сам обманутый муж Канио и один из поклонников Недды. В ветвях деревьев можно различить неясные лица, похожие на театральные маски, как бы подсказывающие нам, что это всего лишь театр, однако в них скрывается некое недоброе предзнаменование. Как мы знаем, пьеса заканчивается трагически – ревнивец Канио убивает Недду и бросившегося ей на помощь Сильвио. Создание этой графической работы наилучшим образом свидетельствует о любви художника к опере.

Портрет матери, 1920

Однако страсть к живописи возобладала, и Шварц вернулся к холсту. Возможно сказалось влияние друзей-художников, в числе которых были ставшие впоследствии весьма известными Арон Богрод (Aron Bohrod), Малвин и Иван Олбрайт (Malvin and Ivan Albright), рано скончавшийся Антоний Ангалора (Anthony Angarola) и самый известный в то время чернокожий художник, прозванный художником эры джаза (Jazz Age) Арчибальд Мотли (Archibald Motley Jr.).

Важно отметить, что еще на раннем этапе творчества Шварц пришел к выводу, которому он следовал всю последующую жизнь: «Я уверен, что и в музыке и в живописи главным является индивидуальный путь создания гармонии. В живописи гармония может быть трех видов: цвета, формы и линии. Мастерства в создании только одной формы недостаточно. Я стремлюсь к мастерству во всех трех формах.»¹¹⁷

Вскоре после возвращения к живописи Шварц создает портрет матери. Это один из редких портретов в его творчестве, но по нему

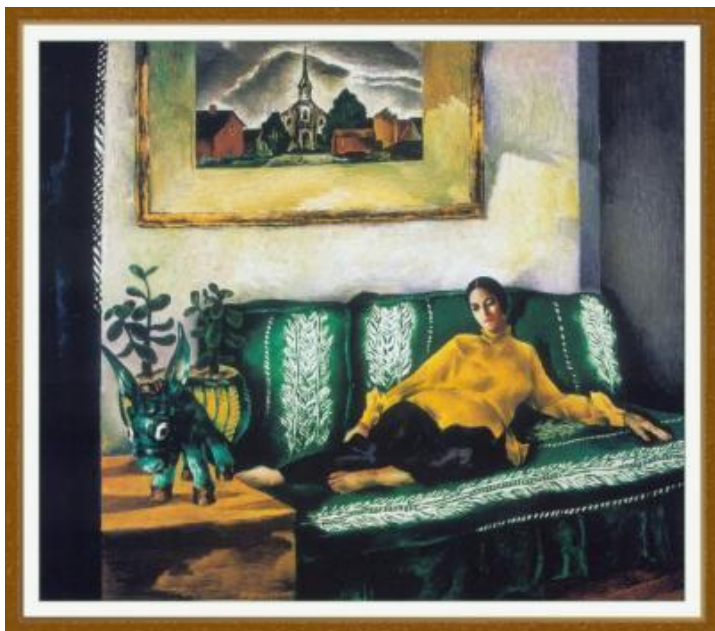
¹¹⁷ William Schwartz. In catalogue for Exhibition of Contemporary American Painting, University of Illinois, Chicago, 1950)

можно судить о большом таланте молодого мастера. Перед нами интеллигентная и добрая женщина, чей внимательный взгляд, немного удивленный излом бровей, чувственные губы, изящный поворот кисти сразу приковывают внимание зрителя, а мягкие и приглушенные тона картины создают ощущение домашнего уюта. В этой женщине столько благородства, что трудно даже представить, что перед нами обремененная большой семьей женщина, родом из скромного еврейского местечка. Вполне возможно, что портрет матери всего лишь романтическая фантазия художника, ну хотя бы потому, что к моменту написания картины мать Шварца должна была быть много старше. Однако это всего лишь мое предположение. Сей пример «деликатного реализма» не был характерен для Шварца и очень редко встречается в его творчестве.

В 1921 году на вечеринке после одного из концертов Шварц встретил очаровательную женщину по имени Мона Тёрнер. Мона была замужем, и у нее было двое детей, однако внезапно возникшая страсть к художнику не могла ее остановить. Взаимная любовь с первых же дней оказалась настолько крепка, что не гасла более полувека до самой кончины Уильяма, хотя официально они поженились лишь в 1939 году. Мона стала его любовницей, музой, спутником в путешествиях, лучшим другом и самым строгим критиком.

В первой половине 20-х годов в живописи Шварца появляется новая тема – тема жизни, как непрерывного странствия во времени и в пространстве. Это тему в разных картинах он трактовал по-разному – от активного оптимизма до депрессивного отчаяния, впрочем свойственного ему крайне редко.

Одной из наиболее характерных работ этого периода является «Романс русской деревни». Это картина – странствие, странствие во времени, романтическое воспоминание о жизни в России, хотя, полагаю, скорее это воспоминание о еврейском местечке, ибо откуда молодому человеку, выросшему в черте оседлости, знать русскую деревню? В этой работе соединены давние впечатления с современным художественным осмыслением. В «Романсе русской

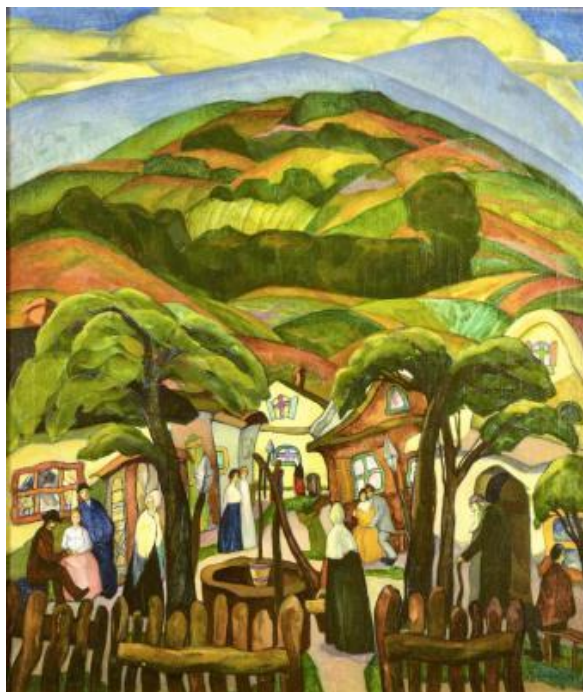

Зеленый диван (Портрет жены), без даты

деревни», написанном спустя годы после эмиграции из России, Шварц вспоминает уклад жизни и типичные человеческие характеры своей юности. Эта картина одновременно и декоративная и ностальгическая. Местечко, расположенное в холмах, заполнено персонажами, занимающимися своими повседневными делами: достают воду из колодца, беседует с соседями, заходят в магазин. Белобородый старый рабби осторожно проходит по центру деревни, опираясь на палку. По замыслу автора все в картине предполагает внутреннюю гармонию и пронизано светом, исходящим от окружающего ландшафта, от стен покосившихся домиков, от одежды жителей. Свет – это жизнь, дарованная людям. Конечно, это не реальное воспоминание Шварца о еврейском местечке, а скорее. романтическое, немного тоскливое детское впечатление.

К работам, пронизанным романтической ностальгией по ушедшему времени и родным местам, можно отнести и две другие картины, выполненные в это же время: «Старый базар» (The Old Country Bazaar) и «Конец рабочего дня» (Day End After Working Hours).

К лучшим работам этого периода можно также отнести картину «Пионеры» (Pioneers) 1924 года, в которой безликий поток неведомо куда бредущих существ показан на фоне мощной, все поглощающей силы света.

Романс русской деревни (The Romance of a Russian Village), 1925

По мнению некоторых критиков, в этот ранний период творчества Шварц все еще находился под влиянием Гогена и Матисса, что отразилось на колорите всех вышеупомянутых и описанных картин.

В 1926 году Художественный институт (SAIC) организует первую персональную выставку (one-man show) Уильяма Шварца, что означало настоящее признание художника, которому было всего 30 лет. С этого времени его известность начинает расти стремительно. Всего через три года в 1929 году в том же SAIC проходит вторая выставка Шварца. А далее следует целый ряд персональных и групповых выставок, на которые Шварца приглашают различные галереи и музеи Среднего Запада, Нью-Йорка и Вашингтона.

О Шварце заговорили как о талантливом художнике, хотя его новый мечтательный стиль, с элементами популярных в Европе абстракционизма, конструктивизма, кубизма и сюрреализма, еще не успевших получить должной оценки в Америке, весьма раздражал консервативно настроенных любителей живописи, диктовавших в то время условия местным мастерам. Более того, по этой же причине, Шварц, несмотря на свой легкий и общительный характер, приобрел

совершенно скандальную известность многочисленными литографиями обнаженных женщин, что для чикагской патриархальной общественности было неприемлемо.

Однако, Шварц отказывался служить прихотям консервативной публики и присущей ей моды. Он говорил: «Никто не может диктовать мне, что я должен писать или что я не должен себе позволять. Я свободен в темах и пишу в согласии со своей верой, и верю, что все мною сделанное, наилучшим образом свидетельствует обо мне и отображает мой внутренний мир».

С 1928 по 1938 годы Шварцем было создано более 60 литографий, каждой из которых сопутствовали от 16 до 73 вариантов. Тематически они очень разнообразны. Это не только скандально известные обнаженные натурщицы, но и танцоры, архитектурные зарисовки, пейзажи. Его рисунки лаконично утонченны, образы запоминаются элегантной простотой и мастерством исполнения, что в итоге привело к постепенному принятию данного стиля Шварца широким кругом любителей искусства.

Вскоре после первой выставки Шварц начинает именовать себя последователем европейских модернистов, а также знаменитого американского мастера Артура Дэвиса (Arthur B. Davies). В каталоге второй выставки известный критик Джейкобсен (J. Z. Jacobsen) весьма похвально отзывается о литографиях Шварца, называя их «мощными и ритмичными», что, пожалуй, не удивительно, поскольку ритмичность и музыкальность его графики непосредственно связана с увлечением музыкой.

Многогранность палитры Шварца вызвала полемику среди критиков, к какому жанру отнести его творчество, но интересы Шварца как художника были столь широки, что его невозможно было

ограничить рамками только одного жанра. Он стремился изобразить все – от обнаженных женских тел и абстрактных композиций до промышленных корпусов и ландшафтов, поэтому любые построения критиков, столкнувшись с разнообразием тем и техник художника, сразу разваливались. Однако своим творчеством и образом жизни Шварц завоевал уважение и интеллектуалов, и богемы.

Нельзя не коснуться еще одного немаловажного момента жизни и творчества Уильяма Шварца. Первые годы в Америке его преследовало страстное желание ассимилироваться в стране, перенять американский образ жизни, но ему мешали его еврейские корни, и он считал, что стать истинным американцем можно только через христианство. Он встречался с католическим пастором для бесед и получения советов, что впоследствии отразилось в его живописи, в интерпретации евангельских сцен жития Христа.

Изображая Иисуса, Шварц брался за образ бесстрашно, четко моделируя портрет и наделяя его отчасти своими чертами – усами, космами волос.

Середина 20-х является переломным периодом в творчестве Шварца. Художник начинает серию работ «Симфонические формы» (*Symphonic Forms*), которую многие специалисты рассматривают как его наивысшее достижение, хотя единого мнения, к какому направлению живописи ее отнести – к сюрреализму или абстракционизму – как мне кажется, до сих пор не существует.

Однако, прежде чем я расскажу об этом этапе творчества Шварца, позвольте вернуться на десятилетие назад к выставке *Armory show*, прошедшей в 1913 году. На этой выставке чикагские художники впервые увидели образцы современного европейского искусства, после чего они постепенно начинают отказываться от классического направления в живописи, доминировавшего с памятной Всемирной Колумбовой Выставки 1893 года. В 1920 году под влиянием кураторов Роберта Харше (*Robert B. Harshe*) и Дэниэля Каттона Рича (*Daniel Catton Rich*) Чикагский художественный институт организывает выставку современного европейского искусства, на которой любители искусства и художники, смогли вплотную подойти к пониманию новых форм живописи и, таким образом, с 1920 года Чикаго становится центром художественных экспериментов и реформ.

В 1922 в Чикагском художественном институте (*SAIC*) состоялась ретроспектива Василия Кандинского из частного собрания коллекционера современного искусства Артура Джерома Едди (*Arthur Jerome Eddy*). Несмотря на то, что Кандинский уже был отчасти знаком любителям искусства по *Armory show*, только теперь произошло его настоящее открытие чикагской публике. Выставка оказала громадное

влияние на весь ход развития американского искусства, и молодой художник Уильям Шварц оказался под ошеломляющим впечатлением от работ русского мастера. Вероятно, именно в живописи Кандинского, прекрасного музыканта-виолончелиста и пианиста, Шварц почувствовал родственную душу, и их взгляды на живопись сквозь призму музыки, совпали.

Вот что пишет искусствовед Йен Аззаро (Yen Azzaro): «Так же, как в работах Кандинского, расположение символов и линий у Шварца неслучайно. Каждая грань в многоплановой картине требует от зрителя реакции. Более того, в своих работах этого периода, Шварц поднимается до уровня, на котором ему удастся добиться слияния двух его главных художественных страстей – музыки и искусства, аллегорически становящихся отражением друг друга. Каждый элемент в картинах что либо представляет – ноты, тембр, инстинкты, вызываемые музыкой. Лазурно-голубой цвет дополняется желтым и оранжево-розовым в «Симфонических формах моря» (Symphonic form of the Sea), где разнообразные формы сливаются в композицию мореподобных созданий, из загадочных глубин подводной жизни. В общей сложности с 1924 по 1967 год Шварц написал 66 работ, объединенных в серию «Симфонические формы». По его замыслу, они представляют собой визуальную музыку, не требующую узнаваемых форм. Более того, Шварц считал, что абстракция – это чистая форма общения между художником и зрителем, в которой музыка сама возникает в сознании зрителя под влиянием абстрактных форм, причем различные цвета звучат как присущие им музыкальные инструменты оркестра, что в итоге приводит к созданию «симфонической живописи».

Однако стоит привести и несколько противоречащее вышеприведенному высказыванию мнение критика Дагласа Дрейшпуна (Douglas Dreishpoon), заметившего, что в творчестве Шварца «экспериментаторство никогда полностью не отрицало форму, абстракция была всегда сбалансирована предполагаемыми природными элементами». Поэтому даже абстрактные картины Шварца иной раз наводят на мысль об их стилистическом сходстве с ландшафтными работами художника.

Несмотря на то, что «Symphonic forms» создавались с 1924 года, впервые они были выставлены лишь в 1935 на третьей персональной выставке Шварца в SAIC.

Симфоническая форма моря (Symphonic form of the Sea), без даты

Однако мне хотелось бы задержаться на одной из работ этого периода, не имеющей отношения к «Symphonic forms». Это – литография «Портрет жены художника Моны с дедушкой». По какой-то причине данная работа не отмечена специалистами. Как я уже сказал, Шварц не интересовался своими еврейскими корнями и не увлекался еврейской тематикой, тем интереснее появление такого портрета. Совершенно очевидно, что художник был влюблен в свою очаровательную жену, но этого мало, чтобы свести в одной работе два столь различных еврейских типа – дедушку и внучку.

Чем же так заинтересовал дедушка Моны художника? Нам неведомы страницы его жизни, можно только догадываться, насколько тяжелой она была, если такими глубокими складками прорезала лицо. Может быть, он совсем недавно приехал из России, пережив нищету черты оседлости и петлюровские погромы, потерю близких людей в годы гражданской войны, их смерти или переход к большевикам-атеистам, что тоже было сродни потере близкого.

Ему есть, что вспомнить и о чем грустить. Но на картине его суровые и печальные черты лица в сочетании с теплыми и нежными, будто обволакивающими заботой, чертами лица внучки, создают яркий и запоминающийся контрастный портрет. Перед нами удивительное сочетание юности и мудрости, свежести и дряхлости, взаимозависимости и любви.

Еще одна работа того же 1929 года привлекла мое внимание. В ней чувствуется влияние кубизма, но не этим она мне интересна – значительно больше привлекает напряженная работа мастера. Он сосредоточен, все внимание поглощено работой. Его не волнует беспорядок в мастерской, криво развешенные собственные картины, кажется, что даже позирующая ему модель – жена и возлюбленная Мона Тернер – не очень достойна внимания. Только он сам в ярком пятне света, а все остальное всего лишь обстановка, сопутствующая работе.

И еще одна нехарактерная для Шварца работа этого периода – «Портрет Рабби». Мне не удалось установить, что подтолкнуло художника неожиданно обратиться в еврейской теме и создать сильный психологический портрет задумавшегося книжника. Его напряженный, возможно, даже настороженный взгляд, наводит на мысль что он не просто размышляет, но рискну предположить – он о чем-то спорит со Всевышним...

Когда разразилась Великая Депрессия, Шварц, как и многие другие художники, вынужден был обратиться за помощью к правительству и был включен в государственный проект Federal Art Project (WPA – Work Progress Administration) под начало известной чикагской региональной художницы Инкрис Робинсон (Increase Robinson). Тут уж выбирать не приходилось. Либо идешь на службу к государству и выполняешь социальный заказ, либо вместе со своей семьей гордо сидишь голодный. Шварц на время оставил присущий ему стиль, чтобы вынужденно поработать в непривычной для себя манере.

Как и многим другим художникам, ему было поручено создание настенных росписей в почтовых отделениях и в общественных зданиях. В 1933 году он выполнил настенную роспись «Добыча угля» или «Шахта» (Mining) для всемирной чикагской выставки Century of Progress, в 1935 году для дома престарелых графства Кук – роспись «Чикаго», затем последовали три панно для почтовых отделений в иллинойских городках Fairfield, Eldorado и Pittsfield и несколько других росписей.

Добыча угля в Иллинойсе (Mining in Illinois) (Eldorado, Il. Post Office), 1937 (почтовое отделение)

Пожалуй, особое место в творчестве Уильяма Шварца в период госзаказа занимает серия картин Americana. Не стану утверждать, что это вершина его творчества – увы, нет – но в какой-то степени в историческом плане и она интересна. Каждая картина представляет собой групповой портрет наиболее выдающихся деятелей искусства и науки. Всего было выполнено 4 картины – композиторы, художники, писатели и ученые.

Americana 1. Поэты/Писатели: Марк Твен (Mark Twain), Уолт Уитмен (Walt Whitman) и Эдгар Аллен По (Edgar Allen Poe).

Americana 2. Художники: Огастес Сент-Годенс (Augustus St. Gaudens), Джордж Беллоуз (George Bellows), Джон Сингер Сарджент (John Singer Sargent), Джордж Иннес (George Inness), Джеймс Эббот Уистлер (James Abbott McNeill Whistler) и Уинслоу Хомер (Winslow Homer).

Americana 3. Композиторы: Виктор Херберт (Victor Herbert), Реджиналд Дековен (Reginald De Koven), Джордж Чедуик (George Chadwick) и Эдвард Макдоуэлл (Edward MacDowell). 1934 (Та самая картина, с которой началось мое «знакомство» с Уильямом Шварцем)

Americana 4. Ученые: Томас Алва Эдисон (Thomas Alva Edison), Чарлз Протеус Стайнмиц (Charles Proteus Steinmetz), Александр Белл (Alexander Graham Bell) и Сэмюэл Морзе (Samuel Morse).

Americana. Artists (Художники)

Начиная с 1935 года неофициальным центром чикагского художественного мира становится ресторан Riccardo's на бойкой улице Rush Street. Традиционно чикагские любители искусства, в связи с нехваткой картинных галерей в Городе Ветров, отправлялись приобретать картины в Нью-Йорк. Некоторые городские рестораны и картинные галереи пытались восполнить это упущение, но без особого успеха. Однако, с появлением Riccardo's положение изменилось.

Художник и скульптор Ричард «Рик» Риккардо (Richard «Ric» Riccardo), открыв итальянский ресторан, поначалу все стены завесил собственными работами. Своих же друзей-художников он по доброте душевной просто подкармливал. Однако в период Великой Депрессии как участник государственной программы Federal Art Project Рик привлек их к оформлению ресторана. По этой программе 7 художников, объединенных общим названием «The Seven Lively Artists» создали ряд росписей, символизирующих 7 видов искусств: Уильям Шварц – музыка, Малвин Олбрайт (Malvin Albright) – скульптура, Иван Олбрайт (Ivan Albright) – драма, Аарон Богрод (Aaron Bohrod) – архитектура, Рудольф Вайсборн (Rudolph Weisenborn) – литература, Винсент Д'Агостиньо (Vincent D'Agostino) – живопись, Рик Риккардо (Vincent D'Agostino) – танец.

Роспись, представленная Шварцем, как выше было сказано, символизировала музыку, что вполне объяснимо, если знаешь увлечение художника. В своей работе, высотой 8 футов и шириной 4 фута, Шварц изобразил карликовую фигуру под открытым малиновым небом. В панно чувствуется меланхолия одинокого человека, на фоне нарастающей мелодии, которая невольно наводит на мысль о любимой, но далеко и вынужденно отложенной теме Шварца – Симфонии моря (Symphonic of the Sea). Хотя, как знать, не исключено, что в росписи скрывается и грусть по оставленной навсегда оперной сцене...

Эта работа Шварца была самой значительной среди всех росписей ресторана и запомнилась многим, равно как запомнился ее автор своими яркими отличительными чертами – усами, в форме велосипедного руля, длинными волосами и тяжелым русским акцентом. Дружба с Риком продолжалась много лет, и впоследствии Шварц даже снимал студию на верхнем этаже здания над рестораном.

Увы, ничто не вечно, и Ресторан Riccardo's, пережив и хозяина и его друзей-художников, закрылся 1992 году, а росписи в 2002 году приобрел известный филантроп Сеймур Перски (Seymour H. Persky) для своей частной коллекции. Впрочем, в 2015 году Перски скончался, и что стало с его уникальной коллекцией, мне не известно.

После первой выставки 1926 года, когда к Шварцу пришла известность и появились первые свободные деньги, он принялся воплощать в жизнь свою давнюю мечту о путешествиях и вместе с Моной проехал по всей стране. С особенным интересом они посещали небольшие уютные городки Среднего Запада Америки, которые Шварц стремился запечатлеть в своих полотнах. Увы, это уже в то время была «исчезающая натура», но эти дряхлые городки и пышные зеленые пейзажи были столь очаровательны, что Шварц нередко

останавливался, чтобы запечатлеть их на холсте зачастую стилизованно и придавая старым строениям дополнительный шарм, меняя прямоугольные стены зданий на покосившиеся, добавляя уютные тени, драматизируя очертания туч. Не меньший интерес у него вызывали встреченные в пути провинциальные жители. Их замершие на полотнах лица – уставшие и озабоченные, мужественные и ироничные, открытые и замкнутые, но всегда светлые и добрые – это еще одна яркая сторона творчества Шварца.

Мне бы хотелось привести длинную выдержку из статьи Шварца в *Chicago Tribune* от 5 апреля 1970 года:

«... оглядываясь на 40 лет назад, я понимаю теперь, что был абсолютно не подготовлен к наиболее важному и продолжительному влиянию, которое Америка оказала на меня и мои работы... Это сторона неизвестная в Европе, или, по крайней мере, неизвестная мне. В моем личном открытии Америки это стало полным сюрпризом.

Моим первым открытием были восхитительная красота и жизненность американской природы. Никто не предупредил меня, что я должен ожидать такие сочные и волнующие сюжеты для краски и холста. Никто и никогда даже не намекнул мне на разнообразие американских пейзажей, богатство красок, количество интересных тем. Я потратил большую часть моей жизни, запечатлевая природу Америки...

И как следствие первого, моим вторым открытием стали американцы как таковые.

Люди есть люди, конечно, по всему миру. Но американцы, однако, это особый тип людей, значительно отличающийся от своих европейских предков. Мужчины и женщины многих профессий из разных регионов, которых я пытался из жизни перенести на полотно, их характеры и лица несли в себе безошибочный отпечаток нового мира.

Я старался изобразить эту человеческую сущность Америки, используя разные живописные техники, так же как стремился запечатлеть атмосферу ее лесов и вод, городов и деревень, равнин и холмов»...

Шварц оставил после себя большое наследие. Его работы хранятся в десятках музеев и частных собраниях США и за рубежом: в художественном институте Чикаго, Библиотеке Конгресса в Вашингтоне, художественных музеях Нью-Йорка: Метрополитен и Уитни, музее искусств Джослин в Омахе, музее искусств Далласа, музее искусств Тель-Авива, коллекции чикагского *Union League Club*, музее современного искусства Биробиджана и других.

У Шварца были три персональные выставки в Художественном институте Чикаго, он участвовал в ряде групповых выставок по всей Америке и получил множество призов и наград различных музеев и частных художественных фондов.

Посмертная ретроспективная выставка Уильяма Шварца прошла в Чикаго в 1984. В 2006 и 2007 в Чикаго состоялись также выставки работ из собрания семьи художника.

В статье, написанной для «Чикаго Трибюн» в апреле 1970 года, Шварц выразил суть своих работ такими словами: «Мои темы – красота и удивление, смех и поэзия, сострадание и террор современного мира – этой единственной мне известной вселенной. Мои рисунки, композиции, цвет и техника основываются на том лучшем образовании, которое я получил, и расширены до границ моего собственного творческого воображения и способностей. Я не имитирую. Я отвечаю за то видение мира, которое хочу передать зрителю.»

... А друзьям и близким Уильям Шварц запомнился как хороший друг, любитель саморекламы, балагур, завязанный театрал и мечтательный художник...

Библиография

1. William S. Schwartz: Romantic Modernist
<https://www.incollect.com/articles/william-s-schwartz-romantic-modernist>
2. William S. Schwartz
http://www.chicagomodern.org/artists/william_schwartz/
3. William S. Schwartz
https://en.wikipedia.org/wiki/William_S._Schwartz
4. Douglas Dreishpoon. The Paintings, Drawings and Lithographs of William S. Schwartz. Hirschl & Adler Galleries, Inc. New York, N.Y., 1984
5. Yen Azzaro. William S. Schwartz: Romantic Modernist, 2013
<https://www.incollect.com/articles/william-s-schwartz-romantic-modernist>
6. Chicago Painting, 1896 to 1945. The Bridges Collection, Illinois State Museum, Springfield, 2004
7. Michael D. Hall and Pat Glascock. Great Lake Muse. American Scene Painting in the Upper Midwest, 1910-1960, The Inlander Collection, 2003
8. Bram Dijkstra. American Expressionism. Art and Social Change, 1920-1950, Harry N. Abrams, Inc., 2003
9. Thomas G. Aylesworth & Virginia L. Aylesworth. Chicago. The Glamour Years (1919-1941), Bison Books Corp, 1986
10. Schwartz, William S. An Artists Love Affair with America. The Chicago Tribune. April 5, 1970, Pages 64-65.

Лев Гуревич
Германия

Моисей Вайнберг. Судьба и музыка

Проследить и описать судьбу одного человека – значит косвенным образом вместить частицы множества судеб, и, может быть, даже судьбы государства.

Михаил Кураев

В самом начале XX века по югу России прокатилась волна еврейских погромов. Одним из наиболее трагических стал Кишинёвский погром 1903 года, унесший жизни 49-и человек, 600 человек были ранены. Многие евреи, особенно молодёжь, начали всерьёз задумываться об эмиграции.

Решил покинуть Кишинёв, свой родной город молодой клезмер (музыкант, исполнитель еврейской народной музыки) Шмуэль Вайнберг. По совету знакомых, он выбрал Варшаву – город, в котором большая еврейская община, еврейские театры, много ресторанов, кафе, одним словом, – без работы не останешься.

Приехав в Варшаву, Шмуэль вскоре овладел нотной грамотой и был приглашён в оркестр еврейского театра. Благодаря природному

таланту, он успешно играл на различных музыкальных инструментах, начал сочинять музыку к спектаклям и дирижировать оркестром. В 1916 году Шмуэль Вайнберг и артистка еврейского театра на идиш Соня Беркович поженились, а в январе 1919 года у них родился сын Мойша.

С раннего возраста мальчик обладал прекрасным слухом и памятью, свободно играл на фортепиано всё, что слышал. Родители понимали, что их сын музыкально одарён. И, действительно, уже в десять лет Мойша играл в оркестре отца, сочинял отдельные музыкальные фрагменты к спектаклям.

В двенадцать лет Мойша Вайнберг поступает в Варшавскую консерваторию, где получает серьёзное музыкальное образование. Во время учебы им были написаны первые опусы – «Колыбельная» для фортепиано и струнный квартет. В 1939 году он блестяще заканчивает консерваторию как пианист по классу Юзефа Турчиньского, соредатора полного собрания сочинений Шопена.

Музыкальная жизнь Варшавы того времени бурлила. В филармонии выступают А. Рубинштейн, С. Рахманинов, П. Казальс, Ф. Крейслер, О. Клемперер. С 1927 года в Польше начинает проходить конкурс имени Фредерика Шопена. Ведущую роль среди композиторов того времени играет Кароль Шимановский, автор многочисленных фортепианных, камерных и оркестровых сочинений.

Казалось бы, что перед Вайнбергом серьёзная музыкальная карьера. Но в конце 30-х годов республика Польша оказалась в стальных тисках геополитики. С Востока – Советский Союз, который не забыл позорного поражения во время советско-польской войны

1919-1921 годов. С Запада – фашистская Германия, мечтающая о новых землях на Востоке, о чём Гитлер писал в своей книге «Майн Кампф» в тюрьме Ландсберг ещё в 1923 году.

Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом и Секретные протоколы к нему, подписанные в конце августа 1939 года, фактически означал раздел Польши. 1-го сентября 1939 года произошло вторжение германских войск и последующая оккупация польских территорий, а 17-го сентября советские войска вошли на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины. Началась Вторая мировая война. Несмотря на отчаянное сопротивление и личную храбрость, польские войска не смогли оказать серьёзного сопротивления германским танковым соединениям и авиации. Фронт приближался к Варшаве.

Польские евреи, безусловно, знали об отношении к евреям в Германии, о принятых антиеврейских законах, но подлинные масштабы преследования и уничтожения, невозможно было себе представить. Семья Вайнбергов собиралась покинуть Варшаву, однако Советское Правительство распорядилось не пускать беженцев из Польши, и только Мойше, благодаря поклонникам его таланта, удалось проникнуть в состав, идущий к белорусской границе.

Советские пограничники, оформлявшие Вайнбергу въездные документы, видя перед собой еврея, да ещё не говорящего по-русски, записали его имя как Моисей.

Вскоре после приезда, сыграв на прослушивании, Вайнберг без экзаменов поступает в Минскую консерваторию в класс профессора Василия Андреевича Золотарёва, выпускника Петербургской консерватории, ученика Н.А. Римского-Корсакова.

Невысокий, худощавый, с копной тёмно-рыжих волос, дружелюбный и воспитанный, к тому же разговаривающий с сильным польским акцентом, Моисей (друзья звали его Метеком) заметно отличался от своих товарищей. Он успешно занимается композицией, совершенствует исполнительское мастерство. За время учёбы в Минске Вайнбергом были написаны симфоническая поэма, второй квартет, фортепианные пьесы. В 1941 году он с отличием оканчивает консерваторию.

Долгое время он ничего не знал о судьбе своих родных. Еврейские общины уничтожались полностью, и не оставалось родных, близких, друзей, которые могли бы сообщить имена погибших, да и о связи с Польшей не могло идти речи. Только после войны Моисей Вайнберг узнал, что родители и младшая сестра Эстер были депортированы в Лодзинское гетто и впоследствии уничтожены в концлагере Травники. Эта трагедия преследовала его всю жизнь.

22 июня без объявления войны германские войска вторгаются на территорию СССР. Вайнберг снова оказывается в гуще событий. Его эвакуируют в Ташкент, в котором нашли приют и убежище многие представители творческой интеллигенции. Здесь он поступает на работу в театр оперы и балета. В Ташкент был также эвакуирован Государственный еврейский театр (ГОСЕТ), художественным руководителем которого был великий еврейский актёр Соломон Михоэлс. Вскоре Моисей Вайнберг знакомится со старшей дочерью Михоэлса – Натальей, и в 1942 году они поженились.

Вайнберг много работает в театре, даёт концерты, занимается композицией. В 1942 году он заканчивает Первую симфонию, которая сыграла особую роль в его жизни. В 1943 году он посылает партитуру симфонии Дмитрию Шостаковичу, который, ознакомившись с музыкой, организует правительственный вызов автора в Москву.

Семья Вайнбергов поселяется у Никитских ворот, неподалёку от Московской консерватории, и Вайнберг активно включается в музыкальную жизнь столицы. За период с 1943 по 1948 год им созданы Симфония № 2, концерт для виолончели с оркестром, две балетные сюиты, четыре струнных квартета, более двадцати произведений для фортепиано.

В феврале 1948 года в семье Вайнберга, как и в жизни миллионов советских евреев, произошла страшная трагедия. По прямому указанию Сталина в Минске был злодейски убит Соломон Михоэлс. Гибель Народного артиста СССР, руководителя Еврейского антифашистского комитета, собиравшего огромные средства на борьбу с фашизмом, положила начало разнузданной государственной антисемитской кампании в СССР.

В феврале 1953 года на волне нарастающего антисемитизма Моисей Вайнберг был арестован. Ему было предъявлено обвинение в «еврейском буржуазном национализме и тесных связях с Еврейским антифашистским комитетом». Младшая дочь Соломона Михоэлса Нина вспоминала: «Мы только пришли с друзьями – Борисом Чайковским и Николаем Пейко после концерта, где симфонический оркестр исполнял концерт Моисея Вайнберга. Дирижировал Натан Рахлин, солировал Давид Ойстрах. Концерт прошёл с колоссальным успехом. В два часа ночи раздался стук в дверь, и Вайнберг был арестован».

Дмитрий Шостакович принял активное участие в судьбе Вайнберга. Он писал всесильному Министру внутренних дел Лаврентию Берии: «Я могу поручиться за Вайнберга в том, что он честный художник и гражданин», и далее совершенно бесстрашные

слова: «Я знаю, что у вас быют, а его мучить нельзя, у него слабое здоровье».

Смерть тирана 5-го марта 1953 года в еврейский праздник Пурим остановила дело врачей, отменила готовящуюся депортацию советских евреев в Сибирь. 5-го апреля, спустя три месяца после ареста, Моисей Вайнберг был выпущен из Бутырской тюрьмы. Эти трагические события в судьбе композитора нашли своё отражение в Шестой, Седьмой и Двенадцатой симфониях, но только Шестая симфония была публично исполнена.

В пятидесятые – семидесятые годы композитор активно работает. За это время им написаны девять симфоний, три балета, восемь струнных квартетов и множество инструментальной музыки

Вайнберг, безусловно, был замкнутым человеком. Потеря таким страшным образом родных, арест и пребывание в тюрьме – всё это отразилось в его музыке, наполненной еврейскими мелодиями.

Герой его произведений – философ, тонкий лирик, художник, гневно протестующий против ужасов фашизма и тоталитаризма. В сочинениях Вайнберга есть три излюбленных инструмента – скрипка, флейта и кларнет, и именно этим трём инструментам принадлежит особое место в еврейском инструментальном фольклоре.

В эти годы возникает творческий союз с Московским Камерным оркестром под руководством Рудольфа Баршая – великолепного дирижёра и альтиста, совместная работа с которым, по словам Вайнберга, «была источником огромной творческой радости». При жизни композитора его сочинения исполняли музыканты с мировым именем: дирижёр Кирилл Кондрашин, виолончелисты Даниил Шафран и Мстислав Ростропович, скрипачи Давид Ойстрах и Леонид Коган, пианист Эмиль Гилельс, Государственный квартет имени Бородина.

На творчество композитора огромное влияние оказал Дмитрий Дмитриевич Шостакович. Моисей Вайнберг писал: «Школа Шостаковича является основой моей творческой работы. Я чувствовал себя счастливым человеком, потому что мог показать свои произведения лучшему композитору XX века». Шостакович воспринимал коллегу как равного, не раз исполняя с ним новые произведения в четыре руки. После кончины Шостаковича Вайнберг сочиняет, пожалуй, одно из самых своих трагических сочинений – Двенадцатую симфонию «Памяти Дмитрия Шостаковича» (1975-1976 год).

Особое место в творчестве Вайнберга занимает написанная в 1968 году опера «Пассажирка». В основе либретто, написанного Александром Медведевым, – роман польской писательницы Зофи

Посмыш «Пассажи́рка». Автор романа годы войны провела в концлагере Освенцим, чудом оставшись в живых.

Опере предпослан эпитафия из Поля Элюара: «Если заглохнет эхо их голосов – мы погибнем...». На плывущем в Бразилию корабле главная героиня оперы Марта встречает женщину (её зовут Лиза), в которой она узнаёт надзирательницу из Освенцима. Лиза сопровождает мужа – немецкого дипломата Вальтера. Лиза давно похоронила в душе Марту и теперь боится, что бывшая заключенная начнёт обвинять её в преступлениях против прошлого. А у Марты встреча с этим человеком воскрешает страшные воспоминания. Последняя сцена оперы – потрясающий по лиризму плач Марты: «Никогда не забуду друзей, погибших в Освенциме». Герои оперы поют на восьми языках: русском, польском, немецком, французском, греческом, идиш, чешском и английском.

Ознакомившись с партитурой, Дмитрий Шостакович писал: «Не устаю восхищаться оперой «Пассажи́рка» Вайнберга. Трижды прослушал её, изучал партитуру и с каждым разом всё глубже постигал красоту и величие этой музыки. Мастерское, совершенное по стилю произведение».

В 1968 году оперу заказал Большой театр, уже был получен аванс. Однако постановка оперы не состоялась. Запрет на «Пассажи́рку» был связан с нежеланием ставить оперу еврейского композитора в период обострения отношений между СССР и Израилем.

Впервые «Пассажи́рка» была поставлена в России спустя почти 40 лет – в декабре 2006-го года в Московском международном Доме Музыки. А потом началось триумфальное шествие оперы по всему миру. 2011 год – Английская национальная опера и Большой театр Варшавы, 2013 – Баденский государственный театр в Карлсруэ, 2015 год – опера Чикаго и опера Франкфурта. На премьере оперы в Чикаго присутствовала девяностодвухлетняя автор повести «Пассажи́рка» Зофья Посмыш.

Композитор Вайнберг внёс большой вклад в киноискусство. Им написана музыка к 25-ти кинофильмам и более чем к 20-ти мультфильмам. Среди них шедевр отечественной киноклассики – победитель Каннского кинофестиваля, фильм гениального Михаила Калатозова «Летят журавли», любимая народом комедия Георгия Данелии «Афоня» и многие другие. Работа с блестящим мастером мультипликации Федором Хитруком подарила нам такие мультфильмы, как «Винни-Пух» и «Каникулы Бонифация».

Композитор Моисей Вайнберг скончался в Москве в 1996 году, будучи автором 19-ти симфоний, 7-ми опер, 3-х балетов, 17-ти

струнных квартетов и множества инструментальных сочинений. К сожалению, две трети этих произведений не опубликованы.

Волею судьбы Вайнберг оказался «на перекрёстке» трёх культур – польской, еврейской и русской, – и образы этих культур он пронёс через всю жизнь.

Кумир Вайнберга Дмитрий Дмитриевич Шостакович писал о творчестве своего младшего современника: «Каждое его сочинение – это глубокие и серьезные, навеянные важнейшими событиями века мысли большого художника и гражданина».

Галентина Тарнавская

Бостон, США

Мюзикл о Франсуа Вийоне на Бостонской сцене

21 апреля 2018 года на сцене Бостонского «Театра на крыше» состоялась премьера музыкального спектакля «Ты не можешь остаться, Франсуа Вийон», жанр которого в программе обозначен как «Эскиз Драматического Мюзикла». Постановщик спектакля Евгения Хазанова не впервые обращается к имени талантливого и самобытного французского поэта 15-го столетия, сочинителя баллад и песен Франсуа Вийона. В 2003 году ею была осуществлена постановка мюзикла о жизни и творчестве Вийона на сцене Театра Эстрады в С.-Петербурге (Россия).

На вопрос, понравился ли вам спектакль, я бы ответила: «В целом, да». Постараюсь как можно убедительнее объяснить, почему «в целом», и поделиться своими первыми и, безусловно, субъективными впечатлениями.

Сразу надо сказать, что Евгения Хазанова и ее артисты взялись за трудноподъемную тему – театральными средствами приблизить к нам события давно ушедшей эпохи и воссоздать образ Вийона – человека особой судьбы, прожившего многострадальную жизнь и пользовавшегося у современников репутацией поэта-разбойника.

В результате задача, поставленная режиссером, – объединить в единое целое видеофрагменты из ее же мюзикла и тексты стихов и песен Вийона, вынесенные на специальный экран, с собственно сценическим действием – несомненно выполнена.

Писать об общем вкладе Евгении Хазановой в этот спектакль можно много, здесь она продемонстрировала не только свое режиссерское мастерство, но уверенно выступила в других ипостасях: и как автор сценария, и как композитор-аранжировщик музыки, и, что совсем неожиданно, как исполнительница заглавной роли. В ее сценическом детище много интересных находок, трансформаций, а также точных – по тону и раскрытию текстовых смыслов – сцен. В целом, это авторский спектакль. По форме и сценическим приемам он отсылает нас к эстрадным шедеврам Аркадия Райкина. Четыре стула, один столик, меняющиеся костюмы-шляпы-маски и несколько предметов реквизита – вот и вся атрибутика сцены.

Неудивительно, что «на Вийона» пришла особая, приверженная театру публика, внимание которой с самого начала было обращено на то, что исполнители все роли читают. При этом они не остаются статичны. К такому режиссерскому ходу можно относиться по-разному, ясно, что он был принят не случайно, а продиктован большим объемом текста (В будущем тут не обойтись без ножниц!)

Самых добрых слов, безусловно, заслуживают артисты: вчетвером они исполнили 27 ролей! Узнаванию героев (кто есть кто?) помогает разнообразное цветовое решение костюмов. По замыслу режиссера, действующие лица должны были виртуозно набрасывать на себя однотонные по цвету плащи и шляпы и менять их по ходу действия почти на глазах у зрителей.

В силу разных обстоятельств (возраста и недостатка сценических навыков у исполнителей) иногда заданный темп в спектакле нарушался. Однако атмосфера в зрительном зале была настолько дружелюбной, что подобные огрехи просто не замечались. Пришедшие на спектакль люди априори доверяли таланту Евгении Хазановой –

человеку исключительного творческого энтузиазма, фанатично преданному музыке и театру.

На ряде режиссерских находок стоит остановиться особо. Уже Пролог с его ритмичными жестами-отбивками реплик, ассоциирующимися с хлестанием плетками Вийона, сразу забирал зрителей в плен.

Надо было видеть (ибо представить это почти невозможно) сцены с фирменными передниками Проституток, «раздевающими» их почти догола. Полна глубокого смысла и актуальности другая сцена – с двумя оживающими Иконами (в тех же самых передниках) во время звучания песни «Вийон в церкви».

Удачен был и минимализм в сценографии: а именно 4 стула и их превращение то в окно Церкви, то в кровать Короля, то в трон Герцога, то в стул Епископа. Сыграл свою роль и свет, разный для каждой сцены (свет и звук – Евгений Верниковский).

Спектакль очень музыкален. Это же мюзикл! Одних только песен заявлено около 30. К сожалению, вокальный профессионализм был продемонстрирован лишь на экране. На сцене в исполнении Евгении Хазановой прозвучал «а капелла» один куплет из «Молитвы Франсуа Вийона» Булата Окуджавы.

Юмор и острая пародия присутствовали в песнях двух разных по стилю Поэтов (в сцене Турнира у Карла Орлеанского), которые в присущей ему гротесковой манере исполнил Марк Чульский. Получили зрительский отклик и другие его роли. Достоверны были персонажи в исполнении Нины Басаниной (возлюбленная Вийона Катрин и др.) Явно импонировала зрителям игра Ефима Сомина (Карл Орлеанский, Коллен и др.) И все же наиболее убедительно в мюзикле представлен Франсуа Вийон, исполненный Евгенией Хазановой. Колоритно выглядела на сцене и ее Марго.

Есть у меня пожелания. А именно: более взвешенно подойти к работе с текстом, из-за привязанности к которому часто пропадало общение между партнерами (что, как известно, святая святых в театре); не во всех случаях убедительна попытка перевоплощения артиста в образ лишь с помощью изменения голоса (что следует делать или мастерски, или не делать вовсе); имело бы смысл ужать и решить в условной манере сцену пыток Вийона, что придало бы действию динамики; хорошо бы избавиться от некоторой невнятности и поспешности в произнесении сценического текста.

Полагаю, что спектакль выиграл бы, если бы в роли Вийона выходил на сцену опытный актер-мужчина. Это было бы привычнее и убедительнее.

Театральный коллектив не прекращает работу над спектаклем и ждет кандидатов на роль Вийона.

«Эскиз Драматического Мюзикла» (с одним антрактом) держал зрителя в напряжении в течение 3-х часов при переполненном зале. Счастливые артисты вышли на поклон под дружные рукоплескания. Общее возбуждение, цветы, поздравления, а также обмен мнениями в фойе и за буфетными столиками свидетельствовали о том, что этот «драматический мюзикл», при всех его недоработках, состоялся. Пожелаем же ему расти и жить дальше!

Ольга Соловьева

Санкт-Петербург, Россия

Интервью с «вампиром». Из записок на коленке

Талантливый актер, поющий чистым тенором, Марк Зайберт (Mark Seibert) живет и работает между Веной, Берлином, Кельном, Лондоном и т.д. К этому списку теперь прибавился и Санкт-Петербург. Один из первых красавцев музыкального Европейского театра безупречен настолько, что не прибегает к помощи гримеров, если того не требует роль.

Марк Зайберт //janfrankl.com

В настоящее время питерцам и гостям нашей Северной столицы посчастливилось увидеть его в образе графа-вампира фон Кролока на сцене театра музыкальной комедии благодаря стараниям продюсера Юрия Шварцкопфа. Спектакль играли и играют в 12 странах на 11 языках. И интерес к этому проекту не уменьшается, наоборот, он приобретает новых поклонников. «Вампирам» удалось завоевать сердца зрителей всего мира.

Первоначально я не планировала писать о самом мюзикле. Но сходя на новую премьеру, изменила свои намерения. Я не буду заново рассказывать об особой изысканной чувственности и мрачной роскоши сценического решения. Остановлюсь на другом, на недостатках. Так вот, на премьерный спектакль на роль Сары поставили ранее неизвестную питерцам Каспарову. Признаться, актриса меня разочаровала. Ее актерская игра и вокал оставляли желать лучшего. Внешний облик также не вполне соответствовал персонажу. В нашей Северной столице в этой роли зрители видели лучших «Сар» – Газаеву и Свешникову. Можно только гадать, почему премьерный цикл открыла Каспарова. Скорее всего, по каким-то внутрисценическим причинам. Искусство – дело не простое. И продюсеру приходится быть гибким политиком, в противном случае, может не состояться в полном

объеме интересный проект. К удивлению, на премьере меня разочаровал и русский фон Кролок Ожогин, в этот раз его граф-вампиры были неинтересно злыми. Я знакома с лучшим исполнением актером этой роли. Тем не менее, премьера в целом была принята хорошо. Остальной актерский ансамбль, наш неизменный Герберт – Кирилл Гордеев, исполнители второстепенных ролей не подвели, выступили достойно. Удивительная музыка, гармонирующие с ней световое и цветовое оформление, применение современных технологий погрузили нас в некую особую реальность, в которой сплелись воедино земная жизнь и мистическая. Человек и реагирует, в первую очередь, на свет и звук. Хореография и костюмы также были «на высоте». В результате не самое лучшее выступление исполнителей двух ведущих ролей не помешало успеху премьеры. Спектакль был спасен достойным выполнением своей задачи остальными участниками этого проекта. Чуть не забыла: световое оформление – Хью Вэнстон (Великобритания), музыкальный супервайзер – Майкл Рид (Великобритания), звукорежиссер – Томас Штребель (Швейцария), хореография – Деннис Каллахан (США), музыкальный руководитель – Алексей Нефедов. Собственно, премьера – это статусное мероприятие с соответствующими зрителями. Настоящие ценители искусства ориентируются на составы.

Я несколько отвлеклась от героя этой статьи. Но терпение читателей сейчас будет вознаграждено. Истинное удовольствие я получила двумя днями позже, посмотрев мюзикл с «проверенной» Сарой – Верой Свешниковой и Марком Зайбертом, нашим героем, в роли графа фон Кролока. Марк играл и пел на немецком языке. Большое впечатление произвел его «светящийся» вокал. Интересно было познакомиться и с новой для российского зрителя манерой игры, делающей графа-вампира Марка более выразительным. Его фон Кролок властвовал в созданном на сцене мире. Для одних – романтическая несбыточная мечта, для других – научная цель, а для кого-то – ближайший, уважаемый и очень опасный сосед. Граф-вампир Зайберта стал одновременно и монстром, и притягательным мужчиной, способным на глубокие чувства. Люди порой нуждаются не в героях, а в таких монстрах.

Поклонницы Зайберта наверняка захотят сварить меня живьем в кипятке или сжечь на костре, узнав, что я сидела в соседнем кресле, за одним столиком с Марком и запросто беседовала с объектом их мечты. Нет, он не угощал меня шампанским. Он лишь последовательно отвечал на вопросы. Одет был в джинсы и рубашку. Обаятельная улыбка, открытый лоб, слегка вьющиеся светлые волосы зачесаны

назад. Мой собеседник был прост и естественен. Слушал внимательно, отвечал серьезно.

– *Марк, Ваша работа связана с гастролями. Вы много путешествуете и надолго покидаете дом. Легко ли Вам это или, напротив, тяжело? Вы любитель путешествий или домосед?*

– Я объединяю эти два типа. Мне нравится бывать дома, нравится домашняя рутина. Однако моя работа связана с разъездами. И гастролировать мне интересно. Прекрасная возможность попутешествовать. Особенно, если это не слишком продолжительные поездки. Этого времени бывает достаточно, чтобы поработать и познакомиться с новыми местами. Этакая комбинация работы и отдыха. Что само по себе хорошо. Подобные поездки делают мою жизнь занимательнее, красочнее, внутренне богаче. Я вижу новые места и новых людей. Что полезно и для творчества. Это позволяет познакомиться с какими-то незнакомыми мне ранее творческими приемами. Более многогранной становится не только моя жизнь, но и мои сценические герои. Персонажи становятся более интересными, живыми, я нахожу для них новые оттенки и краски. Что касается быта, то у меня нет проблем с выбором отеля, нравится завтрак на «шведском столе».

– *Что вам больше всего нравится в профессии актера мюзикла?*

– Объединение музыки и истории. В отличие от попсы, в мюзикле есть развивающееся действие, герои имеют свою историю, взаимодействуют с другими персонажами, что делает мою работу интереснее.

– *При работе над ролью Вы любите импровизировать или строго следуете за указаниями режиссера?*

– Прежде чем говорить об импровизации, надо помнить, что я могу отвечать только за себя и за своего персонажа. Это же спектакль. А спектакль представляет собой объемное полотно с большим количеством участников, соответственно оформленное. Моя работа – некая составляющая единого многопланового проекта. И она должна гармонично вписываться в общую сценическую картину. Какая-то степень свободы при работе над ролью может даваться. Возможность импровизации зависит от конкретного проекта и режиссера. Я не буду делать то, что однозначно не получило одобрение режиссера. Нужно помнить, что я подписал контракт на спектакль. И большие изменения просто не могут быть внесены.

– *Вы часто исполняете роли мифических персонажей. Например, Смерть в «Элизабет». Сейчас в Санкт-Петербурге я видела Вас в образе графа-вампира фон Кролока. При этом у меня не возникло*

ощущения, что передо мной нежить, бездушное неживое существо. На сцене передо мной был, прежде всего, мужчина, таинственный, привлекательный, способный на живые эмоции. Это было здорово. Что позволяет Вам сделать Ваших героев такими интересными? Что Вас вдохновляет?

– Работа над ролью связана и с вопросом понимания моего героя. Даже если персонаж, которого я играю, не живой человек, а мифическое существо, то вы все равно можете увидеть его глазами живого человека. В спектакле я представляю своего героя, в первую очередь, как мужчину. Для меня взаимодействие моего персонажа и партнерши – это отношения мужчины и женщины. И, конечно же, мне как Марку Зайберту, думаю, как и зрителям, хотелось бы видеть на сцене взаимоотношения живых людей, живые эмоции. Если герой, которого я играю, изначально представляет собой излишне лирический образ или, наоборот, жестокую нежить, то я стараюсь добавить какие-то иные черты, найти некое равновесие. Конечно, с учетом того, что, например, лирики в «смерти» не должно быть слишком много. И конечно, надо любить постановку и оставаться гибким вокально. Можно вдохновиться идеей. Составить представление о шоу, глядя на разные сценические интерпретации и различное исполнение. Но затем следует найти свой собственный путь. Я стараюсь вдохновиться идеей, мне нравится получать удовольствие от моей работы.

– Ваша любимая роль?

– Я не могу назвать самой любимой какую-то одну роль, выделить особо одного персонажа. Интересно менять маски, примерять на себя различные личности, переходить от одного героя к другому. Но больше меня привлекают ужасные персонажи. Они выразительные. Если добавить им некие лирические черты, можно сделать их более многогранными.

– Какую бы роль Вы мечтали сыграть?

– Пожалуй, это роль Джекилла-Хайда в мюзикле «Джекилл&Хайд». прекрасная музыка, интересная пьеса, очень интересный персонаж, объединяющий две разные личности.

– Как вы относитесь к своим фанатам?

– Я отношусь к ним как к людям, которым очень понравился спектакль с моим участием. Им хочется пообщаться с исполнителем роли, взять автограф, сделать фотографии. Проблема с лимитом времени. Конечно, фанаты в разных городах отличаются друг от друга. Питерские поклонники моего графа фон Кролока мне нравятся. Но надо помнить, что основная моя работа – это не общение с фанатами, а сцена.

– *Что является самой большой проблемой при работе в других странах?*

– Самая большая проблема – это знание языка. Конечно, существует интернациональный английский. Но все равно возникают проблемы и при общении в работе, и при подборе костюма. В России «Бал вампиров» поставлен на русском языке, я свою партию исполняю на немецком. Что, конечно, усложняет задачу.

– *Марк, Вы играете на русской сцене, но в западноевропейском мюзикле. Вы хотели бы принять участие в русском мюзикле?*

– О, для меня это было бы очень интересно. Само собой, не обойтись и без определенных трудностей, если мюзикл будет на русском языке. Но чем сложнее задача, тем увлекательнее ее решать.

– *Летом в С-Петербурге не только проходит «Бал вампиров», но и состоится чемпионат по футболу. Любите ли Вы спорт? Любите ли Вы футбол?*

– О, да. Я люблю спорт. Более того, мой брат работает с немецкой футбольной командой. Так что спортивный интерес для меня приобрел семейный оттенок. Опять же, спорт, физические упражнения необходимы мне для поддержания профессиональной формы. Я актер, и мое тело – это мой инструмент.

– *Вы уже не первый раз бываете в Санкт-Петербурге. Вы хотите приехать сюда снова?*

– Да. И с удовольствием.

Что ж, надеемся увидеть Марка Зайберта в Санкт-Петербурге в недалеком будущем. Его новые поклонники и новые друзья будут рады встрече с ним.

Элеонора Мандалян

Лос-Анджелес, США

Кинообозрение от Элеоноры Мандалян. Джеймс Кэмерон и его приоритеты

Джеймс Кэмерон... Да кто ж его и о славных деяниях его не знает! Достаточно вспомнить эмоции, которые он нам подарил, и внушительную статистику: восемь самых успешных его фильмов собрали в прокате более 5,5 млрд долларов, а «Титаник» и «Аватар» являются самыми кассовыми художественными фильмами всех времен, и рекорд этот до сих пор никто не побил.

И все же захотелось вытащить его из «глубокого подполья», в которое он обожает время от времени забираться, и еще раз «перемыть косточки» этой уникальной личности, какие являются на радость человечеству, к сожалению, далеко не часто. Захотелось заглянуть по ту сторону экрана, с которого мы, открыв рты, смотрели его шедевры, чтобы попытаться понять, какой он человек, чем живет и что им движет. И почему, подарив миру своего прекрасного «Аватара», он молчит вот уже восьмой год, до сих пор не взорвавшись очередным шедевром, которого все от него так ждут.

Быть может, он просто уже сказал нам все, что хотел, и ушел на заслуженный покой? Ведь гениальный канадец, 1954 г.р., к сожалению, разменял уже седьмой десяток. Неумолимая Природа могла бы и пощадить хотя бы избранных детей своих, избавив их от прелестей преклонных лет...

Нет! Природа тут ни при чем. Джеймс Кэмерон и не собирается стареть. Он по-прежнему полон сил и энергии, наслаждается жизнью на полную катушку, наполняя легкие чистейшим воздухом, глаза – потрясающими природными красотами Новой Зеландии, тренируя тело здоровыми спортивными удовольствиями. И при этом отнюдь не уваливает от работы. Ведь работа и увлечения для Джима синонимы. А увлечений у него ой как много.

Кэмерон стал для нас Кэмероном с тех пор, как запустил в мир киборга-терминатора (1984). Образ этот привиделся заболевшему режиссеру в лихорадочном бреде – этакий монстр с красным глазом преследует женщину, меняя свои обличия. Выздоровев, он написал сценарий и начал предлагать его киностудиям, которые отнюдь не проявляли рвения связываться с малоизвестным фильммейкером, у которого в то время за душой была только «Пирания: Нерест» (1981).

Эту дешевую страшилку-сиквел и дебютом-то не назовешь, поскольку уже через неделю после начала съемок продюсер Овидио Ассонитис, недовольный работой начинающего режиссера, отстранил его от участия в фильме и дальше снимал все сам. Но имя Кэмерона в титрах осталось. В отместку «али как», но Джеймс потом признавал, что фильм хорош разве что «под пиво».

Общий язык на предмет «Терминатора» он нашел с начинающим продюсером Гэйл Энн Хёрд, уговорив ее принять сценарий за символическую плату в один доллар, если его утвердят в качестве режиссера, и с воодушевлением приступил к работе. Правда, на бюджет всего в 6 миллионов долларов особо не разгуляешься, и

Джеймсу приходилось изворачиваться и «химичить», добиваясь желаемого малой кровью – отсутствие в ту пору навыков со спецэффектами диктовало свои условия. Экономии абсолютно на всем, даже на режиссерской тележке – вместо нее Джеймс с камерой катался по съемочной площадке в инвалидном кресле. И таких «мелочей» было множество.

Кэмерон долго искал актера на роль Терминатора. Железный Арни, по его мнению, меньше всего походил на шпиона-лазутчика, которому, по законам жанра, надлежало быть невыразительным, незаметным. Но Кэмерон остановил свой выбор именно на нем.

– Он просто чрезвычайно круто выглядел в этих зеркальных очках и кожаной куртке, – со смехом отвечал на расспросы журналистов режиссер. – Если серьезно, то никто и не говорил, что кино – разумная штука. Он был эффектным, роль сидела на нем как влитая. Он и не играл Терминатора, он им был!

Что из этого получилось, рассказывать нет необходимости. «Терминатор» стал эпохой в мировом кинематографе, изменив Голливуд в целом, превратив Кэмерона в величайшего мастера современности, в практически недостижимый эталон наивысшего качества кинопродукции. А Гэйл Энн Хёрд, продюсер и сценарист фильма, стала его женой.

Дальше последовали фильмы «Чужие» (1986) – два «Оскара» из пяти номинаций; и «Бездна» (1989) – один «Оскар».

На фоне небывалого зрительского успеха «Терминатора» как бы сама собой возникла идея сиквела. На сей раз кинокомпания, а их набралось целых четыре – Carolco Pictures, TriStar Pictures, Lightstorm Entertainment (продюсерская студия Кэмерона) и Le Studio Canal+ S.A. – скупиться не стали – бюджет фильма перевалил за \$100 миллионов. И Кэмерон не подвел ни их, ни себя – «Терминатор: Судный день» (1991) пятикратно окупился, заработав к тому же четыре «Оскара». Однако продолжать «терминаториану» он отказался, впоследствии объяснив свое решение так: «Я считал, что мне не стоит возвращаться в этот проект. Я перерос эту картину».

Но с героем фильма, Железным Арни, он еще поиграл – в шпионском комедийном боевике «Правдивая ложь» (1994).

Как рождался «Титаник»

Джеймс Кэмерон – личность разносторонняя, увлекающаяся, любознательная. У него есть две основные страсти или призвания – кинематограф и океан. Он с детства был равнодушен к морской стихии и ее таинственным глубинам. А магия знаменитых, до конца

неразгаданных кораблекрушений прошлого притягивала его воображение своей мрачной романтикой. Вне конкуренции среди них – гибель шикарного пассажирского лайнера «Титаник». Джим жаждал опуститься на дно, к месту крушения, и увидеть все собственными глазами.

Чтобы заинтересовать Голливуд, заставить его раскошелиться на дорогую и небезопасную экспедицию, он и придумал свой художественный фильм, предложив сценарий кинокомпании 20th Century Fox. Сценарий был одобрен. Так он получил возможность вплотную подобраться к тайнам «Титаника», обломки которого лежат на глубине 3750 метров, в холодных водах Северной Атлантики.

Для таких погружений нужны были надежный обитаемый батискаф и корабль, его обслуживающий. Лучшего варианта, чем российское научно-исследовательское судно «Академик Мстислав Келдыш» с его батискафами «Мир-1» и «Мир-2», Кэмерон не нашел. Прилетев в Москву, он прямо в аэропорту «Шереметьево» встретился с ученым-океанологом мирового масштаба Анатолием Сагалевичем. Их первая беседа состоялась там же, за чашкой кофе.

Анатолий Сагалевич

– Джим так волновался, – вспоминал позднее Сагалевич, – что когда нам принесли кофе, он вместо сахара бухнул себе в чашку две ложки соли. Когда я заметил: «Джим, это соль», – он ответил: «Это неважно». И, не поморщившись, выпил. Все его мысли были о съемках... Потом уже мы полетели с Кэмероном в Калининград и

обсуждали там детали будущего фильма. Сюжет «Титаника» родился в Калининграде.

Почему полетели в Калининград? Именно там были изготовлены батискафы «Мир-1» и «Мир-2», сконструированные Сагалевичем.

Поскольку экспедицией на российском судне к затонувшему «Титанику» руководил Сагалевич, то и в фильме он играл самого себя. Ни трудности погружения, ни смертельно опасное давление толщи воды в 400 кг на квадратный сантиметр режиссера-энтузиаста не устроили. На равных с членами экспедиции он совершил 12 погружений, реализовав, но все еще до конца не насытив свою давнюю мечту.

– Когда мы с русскими закончили подводные съёмки, – рассказывал позднее Джим, – я попросил всех собраться на палубе. Перед этим мы снимали всю ночь и весь день, больше 17 часов. Люди были предельно измотаны, но все собрались на носу корабля, и мы спустили на воду венок, на котором написали: «Памяти пассажиров и экипажа «Титаника». Наш фильм – кинематографический венок этим людям.

С помощью Ирландской судостроительной компании Harland and Wolff для съёмок фильма было построено несколько моделей судна разной величины. Самая большая – односторонний макет лайнера, высотой в восьмизэтажный дом – была воссоздана практически в натуральную величину. Все это хозяйство надо было где-то размещать.

Студия 20th Century Fox построила гигантский павильон на побережье мексиканского курортного города Rosarito и арендовала 40 акров водной поверхности. На берегу был вырыт невиданных размеров бассейн на 4 миллиона литров соленой воды. Модель корабля, которую должна залить вода, строили на дне этой бетонной чаши, на платформе с гидроцилиндрами.

Наиболее драматические эпизоды кораблекрушения и спецэффекты создавались с помощью компьютерной графики на 17 студиях, во главе с кэмероновской Digital Domain. Кэмерон тщательнейшим образом готовился к съёмкам, досконально проштудировал все доступные источники, с привлечением компетентных историков, изучил по минутам последний день на «Титанике». «Это не просто история, это трагедия, – говорил он. – И я чувствовал огромную ответственность, стараясь правильно всё передать». Однако не принимал, что его «Титаник» – фильм-катастрофа. «Это любовная история на фоне исторического события, – настаивал он. – И когда любовь Джека и Розы будет разрушена, зритель станет оплакивать её, как реальную трагедию.»

Модель «Титаника»

Бюджет подлетел до 200 миллионов, сделав будущий фильм самым дорогостоящим по тем временам. Сказать, что руководство студии нервничало, значит ничего не сказать. Оно с готовностью разорвало бы контракт с неуправляемым режиссером и закрыло этот проект с сомнительными шансами на успех, да деваться было некуда, он слишком далеко зашел. Джеймс обещал даже отказаться от своего процента от сборов, что было бы лишь каплей в море. Чтобы выйти из трудной финансовой ситуации, 20th Century Fox была вынуждена пригласить к сотрудничеству своего конкурента – кинокомпанию Paramount Pictures.

Как мы знаем, Кэмерон их не подвел, в очередной раз превзойдя самого себя. К настоящему времени «Титаник» собрал более двух миллиардов долларов, имеет полторы сотни наград и номинаций и всемирную зрительскую любовь. Получая свои одиннадцать «Оскаров», он со сцены по-мальчишески выкрикнул реплику Джека:

«I am the king of the world!» («Я – король мира!»).

Не жалея ни себя, ни других

Кэмерон сам выкладывается по максимуму и того же требует от своей команды. Работать с ним нелегко. Напряжение вокруг него зашкаливает. Его могут бояться и даже ненавидеть за деспотизм и требовательность, за невыносимые порой условия, в которых он заставляет работать. Но в конечном итоге каждый понимает – «ничего личного», все во имя искусства и качества, которое в кэмероновских

работах, будь то художественный или документальный фильм, просто не может не быть на высоте, как правило – высоте заоблачной. Кэмерон считает, что «оправданием для плохого поведения» служит уже сама его профессия.

В чем оно заключается это «плохое поведение»? Говорят, например, что у деспота Джима, обладающего взрывным характером, всегда был наготове гвоздемёт, которым он вколачивал в стену мобильные телефоны непонятливых актеров, забывавших их выключать во время съемок... Думается, его можно понять. Но основное недовольство режиссера вызывает некачественная игра, несоответствие выпестованному им образу.

– Работаешь с людьми, говоришь им, какой тебе нужен результат, а через несколько недель они все забывают. И тогда ты кричишь на них, – разводит руками он. – Полагаю, все, кто подписывается на работу со мной, понимают, что от них потребуются первоклассная игра. Ну что ж тут неприятного?

На съемочной площадке чаще всего актеры слышат от него одну и ту же фразу: *God damn it! That's exactly what I didn't want!* («Черт возьми! Это именно то, чего я не хотел!»)

Когда модель «Титаника», согласно сценарию, затопила вода, изрядно вымокли все – и те, кто снимался, и те, кто снимал, включая Кэмерона. Они находились в воде часами – по пояс, по плечи, а то и целиком. Воды для затопления требовалось слишком много, чтобы суметь ее достаточно прогреть. В основном на всех были гидрокостюмы, но от переохлаждения это не спасало. Одержимый творческим экстазом, Джеймс не позволял прерывать съемочный процесс, даже если кому-то приспичило в туалет. Сцены, когда Роза разыскивает Джека в затопленных коридорах и каютах, Кейт Уинслет играла без гидрокостюма, несколько часов находясь в воде и стуча зубами от холода. Это закончилось для нее тяжелой пневмонией.

Когда создавался фантастический фильм «Бездна», киноиндустрия еще не обладала методами компьютерного моделирования сложных сцен, и Джеймсу приходилось все снимать «вживую». В съемочную площадку была превращена недостроенная электростанция, заполненная водой. В целях дезинфекции воду так нещадно хлорировали, что это отразилось на здоровье актеров, задыхавшихся в ядовитых испарениях. От переизбытка хлора их волосы обрели тускло-серый или белесый оттенок. Добавим сюда крутой нрав режиссера и получим недовольство, помноженное на недовольство. По окончании съемок актеры и вся команда в знак протеста облачились в специально заказанные T-shirts с надписью: «Меня ничем не напугаешь, я работал с Джеймсом Кэмероном».

Перфекционизм, сопровождающийся чрезмерной, порой садистской жестокостью по отношению к актеру, как известно, присущ довольно многим режиссерам самого высокого класса. К их числу относятся Стенли Кубрик, Альфред Хичкок, Ларс Фон Триер, Мел Гибсон, Дэвид Рассел, воспринимавшие актеров как реквизит, как средство выражения их идей и замыслов. «Артисты – это единственное препятствие, которое стоит между режиссером и хорошим фильмом», – любил говорить Ларс Фон Триер.

Если этих корифеев киноискусства что-то не устраивало в игре актера, они впадали в бешенство и вели себя неадекватно, как маньяки. Гении вообще народ неадекватный. А режиссер получает во время съемок своего фильма полную власть над задействованными в нем людьми, порой, ради достижения намеченной цели, в буквальном смысле измываясь над ними. И те, соответственно, платят тирану ненавистью, которую вынуждены скрывать, чтобы потом обменять ее на громкий успех в лучах гения-маньяка.

Увы, в каком-то смысле «Железный Джим», как называют Кэмерона, пополнил число таких гениев. Поскольку в обычной обстановке, то есть вне съемочной площадки, это спокойный, доброжелательный и уравновешенный человек, то некоторые заговорили о том, что он страдает раздвоением личности. Так у Джима появился еще один ник – Mij (Мидж), как перевертыш от Jim (Джим).

Кэмерон любит, чтобы все в его картинах выглядело предельно натурально – реквизит, образы, сцены. Для съёмок в фильме «Бездна» он потребовал, чтобы актеры прошли курс профессиональных ныряльщиков. А «десантников» для фильма «Чужие» натаскивали по полной программе в военном лагере. Вживаясь в образы своих фантастических героев для продолжения «Аватара», Джим решил отправиться вместе с актёрами в бразильские тропические джунгли, дабы они испытали на себе, каково это жить в диком лесу среди натуральных дикарей.

Гениальный «Мидж», выжимающий из актеров все соки, порой заставляющий чуть ли не сутками оставаться на съемках, без выходных, способен доводить людей до иступления, до истерик, до нервных срывов. (Вспомним еще раз его собственную фразу: «Перед этим мы снимали всю ночь и весь день, больше 17 часов. Люди были предельно измотаны...») Многие из них, закончив съемки, зарекались пересечься с ним когда-либо снова. Но после того, как результаты кэмероновских экспериментов превосходили все ожидания и золотые «Оскары» сыпались на них дождем, обиды как-то сами собой забывались. И тогда актеры начинали понимать, что им дано было пережить наивысший в их жизни творческий взлет.

Свои методы Кэмерон сравнивает со сплавом по бурной горной реке, после которого все участники вымотаны и полуживы, но в финале счастливы.

– Да, люди, работавшие со мной в фильмах, порой говорят: «О, я едва выжил», – признает он. – Это означает, что мы просто хотели подать историю наилучшим образом. Но это вовсе не означает, что кто-то был ранен или эмоционально опустошен.

Справедливости ради нельзя не признать, что Кэмерон к самому себе не менее беспощаден, чем к своей команде. Сгорая в творческом пылу, погружаясь в него с головой, он уже просто не способен думать ни о чем другом. Будь это возможно, он всё, от начала до конца, делал бы сам. Не случайно он не только режиссер, но и сценарист, и оператор, и продюсер своих фильмов, зачастую – и монтажер. На площадке Кэмерон не случайно не расстается с камерой, ведь он к тому же еще и непревзойденный новатор в области технологий. А если его не устроит грим актера, он тут же перевоплотится в гримера. Неплохо рисуя, он сам всегда делает раскадровки к своим будущим картинам.

Якобы поднятый с затонувшего «Титаника» рисунок обнаженной Розы, и остальные наброски Джека сделаны Кэмероном. (Кстати сказать, рисунок этот ушел с аукциона за 10 000 фунтов-стерлингов.) Наверное, по-настоящему творческая личность и не может вести себя иначе. Отсюда и завышенная требовательность к остальным.

Океаномания

Выложившись по полной на «Титанике», Кэмерон, казалось, ушел в глубокое подполье. По крайней мере, художественных фильмов от него много лет не поступало. А ведь после такого грандиозного успеха он должен был быть нарасхват.

– Я продолжал заниматься своим делом – просто я снимал не художественные, а документальные ленты. Я нырял в океанах, разрабатывал специальные «морские» камеры, изучал течение вод, глубокие впадины. Мне всегда была интересна эта тема. Так что не подумайте, я не валял дурака все это время. Мне, конечно, присылали множество сценариев, но я их отметал — какие-то они были несерьезные.

В частности, он не стал снимать продолжение «Терминатора».

Джеймс Кэмерон, Мария Вильхельм и Майкл МакДауэлл на Байкале

Получается, что после того, как одна его составляющая триумфально реализовала свой художественно-творческий потенциал, вторая – ученого-исследователя, не удовлетворившись одним кораблекрушением, заявила о своих правах. И Джеймс с головой ушел в морские приключения.

Благодаря российскому судну и российскому океанологу Сагалевичу, помимо «Титаника» (1995), он смог осуществить глубоководные съемки для четырех своих документальных фильмов: «Пришельцы глубин» (1999) – о необычных живых существах и гидротермальных процессах на дне океана, включая «черных курильщиков»; «Призраки бездны: Титаник» (2001), посвященный гибели «Титаника» на основе исторических фактов и еще одной экспедиции к останкам судна; двухсерийный «Бисмарк» (2002) – о немецком линкоре «Бисмарк», который лежит на глубине 4700 метров вместе с останками 104 членов команды; «Чужие из бездны» (2005) – о представителях глубоководной фауны. И в том же году снова «Титаник».

– С Кэмероном мы сделали прямую передачу с «Титаника» в 2005 году по волоконному тоненькому проводу, – вспоминает Сагалевич, сокрушаясь, что российский зритель этого не увидел. – Ее в течение двух с половиной часов посмотрели 800 миллионов зрителей. Шла прямая трансляция с глубины 3800 метров.

Этот бесстрашный, находящийся в вечном поиске человек совершил свыше 80 глубоководных погружений, и не только к затонувшим кораблям. В 2010-м он отметил свой 56-ой День рождения на дне Байкала, снова в батискафе «Мир-1». Что привлекло режиссера-исследователя к голубой жемчужине России?

Байкал, уникальное древнее озеро девственной красоты и редкой чистоты, таит в себе множество неразгаданных тайн. Будучи самым глубоким на Земле (свыше полутора километров), оно заполняет собой впадину на стыке тектонических плит. На его дне наблюдается необъяснимый разогрев земных недр и разного рода аномальные процессы. Об активности всей зоны говорят частые землетрясения, сила которых достигает порой 9,5 (1959) и 10,5 баллов (1862). Его берега «дышат», то поднимаясь, то опускаясь.

Вот уже 10 лет научно-исследовательская экспедиция «Миры на Байкале» пытается понять, что происходит в его глубинах. Разве мог любознательный Джим пропустить такое! В компании с австралийским исследователем Майклом МакДауэллом и американской писательницей Марией Вильхельм он провел три часа на дне озера.

На самом дне Земли

Семь лет Кэмерон втайне от прессы (а это значит – от всех) готовился к самому главному в своей жизни погружению: «Я занимался йогой и много бегал, чтобы быть в форме физически и морально, зная, насколько все будет трудно», – признавался он позже.

В порядке «теста» аппарата и себя он опустил на глубину 8166 м близ Папуа-Новой Гвинеи. А через 20 дней (6 марта 2012 года) состоялся его «коронный номер» – поистине «космическое путешествие» к самой глубокой точке Мирового океана и земного шара. Причем в полном одиночестве. Уже за одно это Кэмерон заслуживает всенародного уважения и восхищения. Котловина Челленджер в Марианском жёлобе, на дне которой он, не будучи даже профессиональным океанологом, провел почти три часа, обессмертила его имя, вписала его в Золотую книгу величайших достижений человечества. (Если таковой еще нет, ее наверняка стоило бы завести.)

Кэмерон был зачинщиком этой невероятной идеи и основным членом созданного им содружества: James Cameron–National Geographic Society–Rolex. На проектирование, строительство и тестирование торпеды-батискафа (в Австралии), названного как и весь проект Deepsea Challenger, и ушли те 7 лет. Инженеры, работавшие с ним, не могли дать стопроцентной гарантии надежности аппарата под

11-километровой толщиной воды с давлением свыше тонны на квадратный сантиметр, что в тысячу раз превышает наше привычное атмосферное давление.

До него, как известно, в Бездне побывали только два человека (в 1960 году) – швейцарский учёный-океанолог Жак Пикар и лейтенант ВМС США Дон Уолш, в батискафе «Триест». На дне желоба они провели всего 20 минут, т.к. одно из внешних окон их капсулы дало угрожающую трещину. За прошедшие полвека никто больше так и не рискнул повторить эту безумную затею. Бездна ждала Железного Джима, мечтавшего о ней всю свою жизнь.

Помните его репортажи из батискафа на разных стадиях погружения?

«Кабина пилота – стальной шар диаметром чуть больше метра, я упакован в нее, как грецкий орех в скорлупу. Сажусь, согнув колени и упираясь головой в потолок. Я вынужден буду сохранять это положение в течение следующих восьми часов. Мои голые пятки упираются в 180-килограммовую крышку люка, задраенную снаружи... Ярко-зеленый батискаф, как вертикальная торпеда, нацеленная в центр Земли.»

«Если батискаф даст течь, вода выстрелит с силой лазерного луча, разрезая все на своем пути, включая толстые стальные стенки моей кабины и меня. Я думаю о том, что почувствую, если это случится. Будет больно? В любом случае я проживу после этого лишь пару секунд.»

Когда он «разгуливал» в батискафе по дну Марианского желоба, один за другим начали выходить из строя двигатели, пока батискаф не потерял способность перемещаться. Только после этого Джеймс сбросил балласты и устремился вверх.

«Я чувствую себя ничтожно малым перед бесконечностью всего того, что нам неизвестно. Я понимаю, как мала свеча, которую я зажег здесь за эти несколько минут, и как много еще остается сделать для познания нашего огромного мира.»

За мужество и удачно осуществленное погружение X Prize Foundation наградил Джеймса премией в \$10 млн. Но он от денег отказался, передав их на развитие науки.

На пресс-конференции после погружения в Марианскую впадину Кэмерона спросили, чем так манят его морские глубины, что заставляет рисковать жизнью и каким будет его следующий эксперимент, на что Кэмерон ответил, что испытывает потребность совмещать науку и искусство в своем творчестве. Что прежде всего им движет любопытство и желание бросить вызов самому себе.

– Я хочу делать фильмы, которые никто до этого не видел, нечто такое, что раньше нельзя было даже вообразить. Мне нравится открывать для себя новые горизонты, исследовать новые виды. Я не люблю риск ради риска. Риск оправдан только тогда, когда ты открываешь для себя что-то новое.

Неугомонный Джеймс еще не все новое для себя открыл. Ведь помимо океанских глубин есть и глубины космоса. Если уж он побывал в 11-километровой Бездне, то заглянуть на скрытую от нас половину Луны – для него, вроде как, дело чести. Коммерческое путешествие на космическом корабле «Союз» уже было зарезервировано им и оплачено. Поскольку Кэмерон не был просто миллионером-романтиком (он собирался все снимать для очередного документального фильма), посредническая компания Space Adventures взяла с него не \$40 миллионов, а 150. Он уже прошел инструктаж и начал предварительную подготовку через ту же компанию. Планировалось, что «Союз», с двумя пассажирами на борту, облетит Луну в 2015 году.

Увы, подвела Российская коммерческая ракетно-космическая корпорация. Почему? Если заглянуть на их сайт с фотографиями сплошных ветеранов с удрученными лицами и «плачем Ярославны» в каждой строке из-за отсутствия финансирования, то все становится очевидным.

А ведь Кэмерон полетел бы, как пить дать. Возможно, для него еще не все потеряно. Ведь на подходе Илон Маск со своим инопланетным азартом, миллиардами и SpaceX, для которого запущенная в космические просторы его любимая вишневая «Тесла» – лишь пробный камень...

Сквозь замочную скважину...

При всей своей «научно-художественной» целеустремленности и занятости, Джеймс и в личной жизни преуспел, целых пять раз поменяв законных жен. Первой была скромная официантка Шерон Уильямс, продержавшаяся в этой роли шесть лет. Брачный союз со второй женой, продюсером Гэйл Энн Хёрд, продлился 4 года, ознаменовавшись тремя совместными картинами: «Терминатор», «Чужие» и «Бездна». Со следующей женой – режиссёром Кэтрин Бигелу, Джеймс прожил 2 года.

Кэтрин оказалась настолько успешной в избранной профессии, что в 2009 году выиграла у тогда уже бывшего супруга номинацию на «Оскар», став первой женщиной в истории кинематографа, названной «лучшим режиссёром года». И обошла она Джеймса в его самом

кассовом творении, когда никто не сомневался, что его «Аватар» лучший из лучших. Фильм Бигелоу «Повелитель бури» получил 6 «Оскаров» при 9 номинациях, включая «Лучший фильм». Не трудно представить, какие эмоции в тот день скрывал Джеймс за внешней невозмутимостью.

Официально Джим и Кэтрин развелись в 1993-м, но он оставил ее уже двумя годами раньше – из-за актрисы Линды Хэмилтон, роман с которой начался во время съемок «Терминатора», где Линда играла Сару Коннор. С новой женой Джим прожил несколько лет в так называемом гражданском браке. В 1993-м у них родилась дочь Жозефина. Но законным браком пара сочеталась только в 1997-м. А через два года снова развод, по условиям которого Линда Хэмилтон с дочерью получили от Кэмерона 50 миллионов долларов.

Любопытная деталь: у Линды есть сестра – абсолютная ее копия, так как они близнецы. Их сходство настолько поразительно, что на съемках «Терминатора» сестра иногда подменяла ее. С детских лет Линда так тяготилась наличием «двойника», делая страшные глупости, чтобы избавиться от этого сходства, что в конце концов заработала психические отклонения (а может, с них все и начиналось).

С пятым браком Джеймс, похоже, нашел-таки свою половинку – в лице актрисы и бывшей фотомодели Сьюзи Эмис, сыгравшей в «Титанике» эпизодическую роль внучки Розы, где они и познакомились. Их брак длится уже 18 лет. Пара с удовольствием проводит все свободное время вместе. Сьюзи стала матерью их трех совместных детей – дочери Клэр, которой уже 17, и близнецов Элизабет Роуз и Куинна, 11 лет. Кроме того у нее есть взрослый сын от первого брака. Так что в общей сложности Джеймс – отец пятерых детей. Самой Сьюзи сейчас 56 лет.

Вдали от мира

Являясь наименее известным, общепризнанным американским кинорежиссером, Джеймс Кэмерон до сих пор остается гражданином только Канады (по месту рождения). В 2004 году он забрал свое заявление по политическим соображениям, демонстративно отказавшись от американского гражданства после того, как Джордж Буш Мл. был переизбран на второй срок. Теперь он вроде бы подумывает стать гражданином Новой Зеландии.

Нет, он, конечно же, не собирается прерывать контакты с Америкой. Рядом с Голливудом у него есть стабильное пристанище – поместье в Малибу. А во втором поместье, докупленном по соседству, Джеймс разместил свой бизнес-центр. Но в Новую Зеландию он

буквально влюбился еще в 90-е годы, когда первый раз посетил эту страну:

– И не только из-за красивых пейзажей, но и из-за энергетики ее жителей, – говорит он. – Я никогда не чувствовал до этого такой сильной связи с каким-либо местом. За все эти годы я не забывал этого ощущения волшебства.

Джеймс Кэмерон и Сьюзи Эмис

В 2012 -м он приобрёл там 1000 гектаров земли – на юго-западе Северного острова, в местечке Вайрарапа, что в 80 км от столицы Новой Зеландии, Веллингтон. «Благородная леди и скромная пастушка в одном лице», как называют Новую Зеландию – самая экологически чистая страна на планете, уютно устроившаяся посреди Тихого океана. Она экзотична и девственно прекрасна. Поскольку острова находятся по ту сторону экватора, на них все наоборот: Чем севернее, тем теплее. Зимой – лето (прохладное), а летом – зима (теплая). Солнце движется по небу против часовой стрелки. И так далее.

Супруги Кэмерон приняли решение жить здесь семьей по несколько месяцев в году. Они много путешествуют и просто гуляют по обоим островам – побывали на леднике Тасмана, на горе Альфред, ходят вдвоем в походы по горам и лесам, ездят на велосипедах, сплавляются на каяках по рекам. «Если вы любите природу и приключения, – восклицает Джеймс, – то вам не найти на планете места краше!»

У королевства Новая Зеландия, помимо фантастически красивой природы, мягкого климата и высокого уровня цивилизации, масса

преимуществ перед нашим перенаселенным, грязным, во всех отношениях, миром. И основное из них – полная изоляция от всего этого.

Сам Джеймс, а вместе с ним и его семья, включая детей, – крутые веганы, то есть вегетарианцы, не использующие даже яйца, молоко и молочные продукты. «У нас нет необходимости есть животных, – считает Кэмерон, – это просто способ питания, который становится нашим моральным или аморальным выбором, причем таким, который имеет огромное влияние на планету, истощая ее ресурсы и уничтожая биосферу... Изменив то, что мы едим, мы изменим всю систему взаимоотношений между человеческим видом и природой.»

Джеймс активный защитник окружающей среды и животных, что в его понимании теснейшим образом взаимосвязано. Например, он разделяет мнение, что животноводство, само по себе, наносит непоправимый ущерб экологии, и не только тем, что под пастбища и посевы кормовых безжалостно вырубаются лесные массивы, но и парниковыми газами, значительно превышающими выбросы от автотранспорта.

Тут можно вспомнить, что калифорнийская студия MBS Media Campus, которую Кэмерон арендовал для производства «Аватара», славится своей приверженностью программам Greenpeace – на ней экономят электричество и водные ресурсы, не используют вредные красители и чистящие средства, держат заправочные станции для электромобилей и полторы сотни велосипедов, которыми сотрудники пользуются бесплатно на обширной территории кампуса. Приветствуя чистые источники энергии во всех видах, Кэмерон перенес туда и свою компанию «Lightstorm Entertainment», не пожалев пяти миллионов долларов на солнечные панели, которые разместил на крышах павильонов MBS.

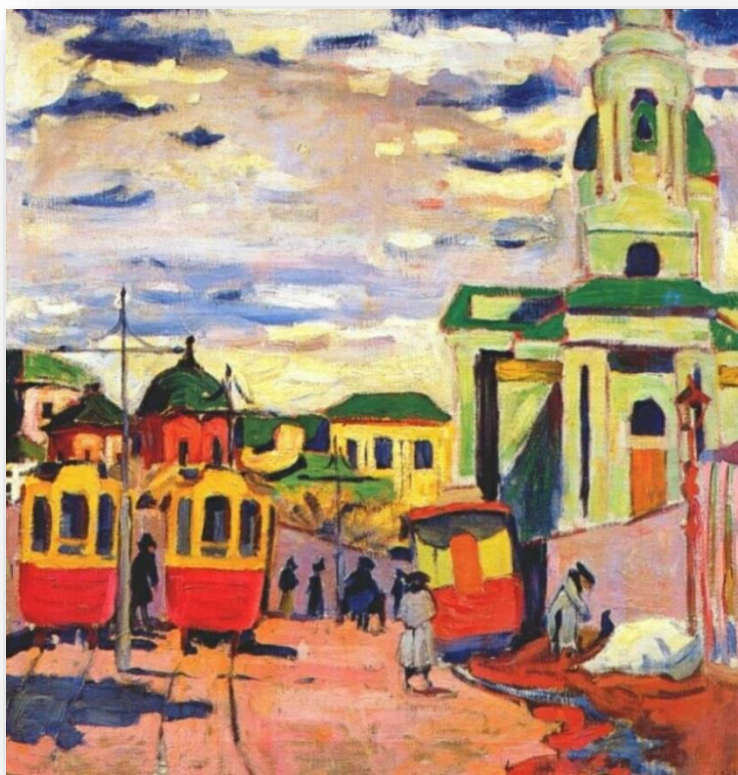
Ну а в Новой Зеландии он настроен вести свое натуральное хозяйство, приобщая к здоровому образу жизни и физическому труду всех членов своей семьи. Он «не заболел» интернет-манией, неотвратимо засасывающей человечество в виртуальный мир искусственного интеллекта, и наверняка не позволяет этого своим детям. Джеймс не разминивает драгоценное время на Фейсбуки и Твиттеры, не пишет в них сам и не читает других, едко и метко высказавшись о всеобщем «чатовском психозе»: «Как сказал бы Десмонд Моррис, приматам нужна группа. Им просто нужно сидеть и перебирать друг другу шерсть – вот вам и весь фэйсбук и твиттер. Это называется взаимная чистка.» ...

Джеймс Кэмерон – ярчайшее явление нашего времени, через жизнь на созданной им прекрасной Пандоре стремится показать земному человечеству всю неприглядность алчности и бездушия завоевателей, с одной стороны, и бесценность бережного отношения к природе, ответственности за свою среду обитания, с другой.

Полный вариант статьи опубликован в журнале «Чайка»:

<https://www.chayka.org/node/8946>

Часть 8. Проза

Арисарх Ленгулов. Улица. Москва. 1910

ДЕБЮТЫ

Мария Малухина (дебют)

София, Болгария

Другая музыка

Расскажи мне о лучшем моменте твоего дня.

– Сегодня?

– Ну да, сегодня. Что у тебя хорошего случилось за сегодня?

Я как-то даже растерялась. Пожалуй, лучшим моментом за весь день был ее внезапный вопрос. Вслух я, конечно, этого не сказала и начала вместо этого затирать ей про странную девушку, с которой я имела несчастье обедать за несколько часов до.

Та, обеденная, была другая, совсем непохожая на мою новую знакомую Элис. Немного деревянная, она чересчур старалась понравиться, и вызывала вместо этого мучительную внутреннюю неловкость...

Неловкость, впрочем, всегда хороший материал для комедии, а потому мой рассказ про «девушку-чересчур» развеселил Элис.

Когда она улыбалась, она становилась похожа на лисичку. Вообще она много на кого была похожа – на журнальную обложку семидесятых, на утрированную парижанку – черный свитер под горло, длинное каре, большие серовато-синие глаза, в такую обычно влюбляется европейский подросток где-то к двадцатой минуте фильма.

В Голливуде этот типаж и все причитающиеся к нему характерные роли оккупировала в последние несколько лет актриса Эмма Стоун, глазастая почти до некрасивости. Но тут главное в «почти». Элис тоже

была почти – глаза на пару миллиметров побольше, нос поменьше, и была бы живая карикатура, но природа остановилась за секунду до провала, и вышло хорошо.

Несмотря на свою почти гротескную «парижскость», англичанка Элис владела французским примерно в той же степени, что и забывшая его напрочь со школы я. В ответ на чей-то комплимент в адрес своей «французской» стрижки, она попыталась выдать коронное, въевшееся в моих ровесниц с подростковой obsesсией «Мулен Ружем», «ву ле ву куше авек муа се суа»¹¹⁸, но умудрилась его испортить, гордо заявив, вместо этого, что она – хлеб. Мною было решено, что Элис должна быть парижанкой на расстоянии, маяча где-то в духах и туманах и, желательно, не открывая рта.

Вообще в тот вечер мы все время хохотали. В маленьком ресторанчике было тесно, шумно, и полый пингпонговый мячик смеха летал от одного конца длинного стола к другому, отскакивая от наших заботливо пополняемых официантом винных бокалов. Небольшой, почти полностью (если не считать пожилого веселого дипломата, приятельствовавшего с нашей именинницей) девичьей компанией прижившихся на Балканах «экспатов», мы отмечали День Рождения.

Элис рисовала психоделические картины, преподавала английский и мечтала о танцах. Она не могла усидеть на месте, все время напевала что-то себе под нос, двигала плечами в ритм своим мелодиям, там внутри все рвалось по-тан-це-вать. Ей, с ее геометрически развешиваемым влево –вжжух, и вправо – вжжжух, каре, это очень шло. *Girl, you'll be a woman soon*¹¹⁹. Мия Уоллес перед своим ингаляторным недоразумением с белым порошком. Прическа у нее, во всяком случае, была ровно такая же, как у Умы Турман. Такие прически обычно сильно меняют мироощущение. Они начинают жить собственной жизнью и тянут, тянут привязанных к ним владелиц куда-нибудь туда, в какое-нибудь эдакое. В случае Элис – как раз на танцы.

Танцев, правда, в тот вечер с нами так и не случилось, зато случилось вино и еще немного вина, и, как следствие, разговоры о жизни.

Помимо довольно однообразных, сильно не меняющихся от дамы к даме, тиндер-сексов¹²⁰, разговоры сводились к процессу выживания,

¹¹⁸ *Voulez-vous coucher avec moi ce soir* (фр.) – Не хотите ли Вы со мной сегодня вечером переспать?

¹¹⁹ *Girl you'll be a woman soon* (англ.) – Девочка, ты скоро станешь женщиной. Цитата из песни группы *Urge Overkill* из саундтрека к «Криминальному чтиву» Квентина Тарантино

¹²⁰ Секс после знакомства в мобильном приложении *Tinder*.

больше известному как «эта ваша взрослая ответственная жизнь», и в воздухе как-то сам собой возник вопрос о самой своей безумной работе.

– О, – своим хриловатым голосом произнесла Элис, – у меня для вас есть история.

И история у Элис, лисички-Элис, синеглазки-Элис в черном свитере под горло, о, история у малышки Элис действительно была.

Когда ей было девятнадцать, она устроилась работать в какую-то местную британскую благотворительность кертейкером¹²¹, и ее определили в помощники молодому мужчине с расстройством аутического спектра. Тому было слегка за двадцать, и единственным местом, где он чувствовал комфорт и хоть какое-то единение с пугающим, вечно рассинхронизированным с его внутренней вселенной внешним миром, был стриптиз-клуб.

Когда-то на отдыхе с родителями он случайно увидел девушку у шеста, и вдруг в какофонии пестрых пятен забрезжил какой-то смысл. Элис не знала, было ли переживание стриптиза для него эротическим, возможно, что и было, но одно было очевидно – полеты вокруг шеста, напряжение мышц голого тела, острый угол невероятно высокого каблука, вся эта геометрия чудесным образом успокаивала то бушующее, клокочущее внутри него болезненное несоответствие, то страшное несопадение себя и мира, которое заставляло его громко кричать, и качаться из стороны в сторону, и закрывать голову руками.

Водительских прав у Элис на тот момент еще не было, поэтому на стриптиз их отвозили на машине родители молодого человека. Они не заходили внутрь, и все, что происходило за дверями ночного клуба, становилось ответственностью девушки. Ей, естественно, не разрешалось пить алкогольное, и пока ее пациент медитировал на стриптизерш, малышка Элис сидела с ним рядом за столиком и наблюдала происходящее вокруг.

Бесконечные одинаковые предсвадебные мальчишники и девичники, «stag parties» и «hen parties». Олени и курицы – все же англичане понимают в этой жизни – в последний раз прибежавшие на водопой. О, безумная алкогольная удадь англосаксов! О русском умении пить ходят легенды, хотя британцы в своем неумении давно нас по части легендарности обошли. В дождь, холод и промозглый островной ветер они мотаются из клуба в клуб – олени в шортах, куры – в коротких платьях, едва прикрывающих пупырчатые мороженые

¹²¹ Caretaker (англ.) – сиделка-компаньон.

бедро, – начиная делать фото с собственной голой задницей после первого крепкого бокала.

Последний титанический рывок перед свадьбой, после которой, разумеется, наступит совсем другая жизнь, с буколическим Стивеном Фраем в твидовом костюме-тройке, попивающим файвоклок-чай на изумрудном газоне, соседствующем с чистеньким домиком будущей английской четы.

Но пока «Да» не сказано, пока подружки невесты в одинаковых розовых фатах заканчивают девичник синхронным блёвом в соседних кабинках, а друзья жениха выносят его на руках из клуба – смотрите, не уроните его в разбросанные по улице остатки недоеденных дюнеров и фиш-энд-чипс! – пока невеста рыдает за столиком, сама не зная от чего, и накладные ресницы, отклеиваясь от мокрого глаза, падают в стакан с лагером, по цвету и запаху неотличимым от того, чем уроненный-таки в мусор, но, восставший в последний перед финальной отключкой раз, жених, поливает булыжник мостовой, пока вся эта нестройная пятничная симфония набирает свои обороты, двадцатилетний опекаемый во все глаза смотрит на стриптизершу Татьяну.

Татьяна сделала себе грудь такого размера, что даже немного страшно – это шары для боулинга, обтянутые кожей, с сосками, смотрящими в разные стороны. Но она, эта явно славянская женщина, точного происхождения которой Элис уже не упомнит, дьявольски умна, потому что своими тяжелыми сиськами, которые она носит впереди себя как набитый доверху рюкзак, она зарабатывает самые большие чаевые.

Татьяна – тоже «девушка-чересчур», но ее чересчур работает от обратного – мужская совесть, равно как и стыд, вот это вот всё «неловко», напрочь отключаются, когда объект этого примитивного, животного желания почти не похож на настоящую женщину. Это как хотеть мультяшную крутобедрую Джессику Рэббит – абсолютно объяснимо, но все-таки понарошку.

Они, в общем-то, все тут играют – кто во что горазд – полуголые детки, дорвавшиеся до запрятанной на верхнюю полку коробки с печеньем. У них у всех тут sugar rush¹²², не бойся, мама, до свадьбы не сплпнется!

В этом безумном детском саду, в этом сладком пряничном домике среди Гензелей и Гретелей, присосавшихся к приторным чупа-чупсам Татьянинных косоглазых сосков, есть только два взрослых.

¹²² Sugar rush (англ.) –эйфория от поедания сладкого.

Лисичка-Элис – та смотрит вокруг, и кажется, ее глаза от удивления становятся все больше и больше. Не волнуйся, погляди лучше в свою прозрачную минералку в высоком стакане – там, в ее ряби, как в хрустальном шаре, дальняя дорога, стрижка до плеч, день рождения незнакомой тебе пока еще подруги, я, сидящая на соседнем стуле, и потом, если посмотреть еще чуть дальше вперед, танцы. Обязательно танцы.

А второй взрослый – тот смотрит на прыгающие синхронно с дурным тумцкающим ритмом Татьянины шары, и взгляд его, отражаясь от них как от зеркальной поверхности, уходит внутрь и там, в районе солнечного сплетения, расщепляется на тысячи лучей, образуя пульсирующие гексагоны и октаэдры, по которым бежит совсем другая, слышная только ему музыка.

Всеволод Муронец (дебют)

Москва, Россия

Причащение к пиниям

Эти поля пахали еще римляне. Отвлечшись от мистерий, оргий, римляне работали. Усердно, много. Так же, как выполняли действия культа. Они не верили, но выполняли тщательно. Могли не знать о своем счастье, однако обладали им. Такое счастье даже не предвиделось у жителей Этрурии, на чью территорию я, проезжая поля Рима, отправляюсь в поезде. Туски не видели его, как я.

Ночь, и полей не видно. Лишь помню их. Во всяком случае, они рисуются передо мной, когда смотрю в окно. На них указывала мама,

если видела коз. Я плохо помню ту поездку. Свет солнца, я совсем малыш. То есть тринадцать лет. Покуда находился в Риме, сильно любил его, но стоило уехать – все забыл. Бывает, если вкус к эстетике насытился. Особенно насытился. Так, будто бы пропал. И голова вдруг замолчала.

Рим встретил меня пиниями. В тринадцать лет я хаживал по тропке Аппия, и все равно сейчас они казались мне диковинкой. Деревья пахли словно божества язычников. Точнее, ими пахли. Смотрел на них так долго, что стал интересен полицейским. Буона сэра, кто такой? Затребовали паспорт. Дал. Затребовали справку, что учусь в Москве. Затем понадобилась справочка, которую мне выдали, когда впервые пошел в школу. Свидетельство о браке. Дал и его, хотя не был женат. Все отдал, и они заулыбались. Чао, сеньоре. И пропали, свернув за угол. Я так и не догнал их.

Не знал, что делать. В пути почти двадцать часов. Устал. Присел. Мимо меня прошел мужчина, лицо которого хранило на себе серьезность. Серьезность та была сравнима с камнем. Баулы, что он нес по штучке на руку, хранили непонятно что. Какие-то детали, микросхемы, провода. Он отложил их и, оглядываясь, приспустил штаны. Звук отдавался в голове какой-то слизью. Я защищался от него: Челлини, Брунеллески, Боттичелли, Джотто. Я отправлялся в город, где возможно только наслаждаться. Преклоняться. Но не думать: только изредка мышление взлетает так, что вытесняет удовольствие. Тогда оно само течет, как наслаждение. И никаких прозрений. Да кому они нужны?

Смотрел, как проезжает поезд с грузами. Машина для убийства, нес на себе картинки, которые были словно тату. Запугиванье удавалось. Кроме картинок, одна ржавчина. Тукдук-тукдук, ДукДук-ДукДук – по голове, по голове. Смотрел уже в другую сторону, однако видел только поезд. Нет конца. Мужчина ростом с карлика отпрыгнул от меня. Стаскивал сумку, пока я отвлекался на шум поезда. Теперь сидел рядом со мной. В Бразилии семья и псина. Лишь здесь он чувствует, как одинок. И приезжает каждый год. Не может удержаться. Как перед заключенным в лагере летает хлеб, так перед ним парит собор в центре Флоренции. Знакомо это чувство. Купол собора хочется обнять. И только подойдешь к нему, как возникает голод или похоть. Ты либо хочешь трахнуть кампаниллу, либо съесть. Примерно это же испытывал бразилец, что сидел подле меня. Он говорил, будто я ангел и спаситель от отчаяния. Пока слова сползали с его губ, рука приблизилась к моей коленке. Я слышал про таких, как он. Рядом со мной сидел сам Педераст. Гейропа. Отец рассказывал, откладывая ужин: они крадут юных мужчин. Мне следовало бы прислушаться,

однако никогда не был знаком с отцом. Преподавательница физики сказала как-то на уроке (не знаю, почему, к чему), мол, больные люди. И больше ничего не знал о педерастах.

Я защищался от него. Да Винчи, Караваджо. Рим кажется ему слишком большим. «Какая гадость», – думал я, пока он трогал мои руки. Они большие, сильные и цвета лебедя. Поезд стучал по голове: «Дукдук, дукдук». Быки. Лишь ими кочегары, вырезав печенки, растопляли печь. На печени гадали, когда бык сгорал. Быки, пока не попадали в печь, смотрели на деревья, которым дали имя «пинии». Не знаю, о чем думали тогда быки. Мужчина ростом с карлика сказал, что нужно посидеть у него в спальне. Или в моей спальне. За стуком поезда я мог смотреть лишь в одну точку. Окаменел как будто. Он говорил, что есть отель рядом с вокзалом.

Я вдруг подумал, что поехать, куда надо, значило бы дать себя духовности. Значило потом отправиться домой, к еще большей духовности. К прозрениям. За наслаждениями следует болезнь. Хотя эта болезнь и норма. Не хотел этого. И вместе с тем я наблюдал, как моя плоть немеет. Тот поезд еще ехал. Тугдук-тугдук. Словно нашел свое пристанище. Как будто встал на свой кусок земли, хотя совсем не ожидал этого.

Смотря в окно, я мог еще вернуться к чистоте, морали, духу, когда бы захотел, я мог бы вылезти из этой вони, чувства, будто кто-то выжрал мое сердце. Просто уехать. Вернуть всю жизнь назад, вернуться в то же русло. Мои конечности не двигались. Мне стоило лишь захотеть.

Но не хотел.

Илья Прозоров (дебют)

Таллинн, Эстония

Конец августа

Было далеко за полночь, когда Надежда Андреевна вошла в вагон-ресторан. Редкие вспышки станционных фонарей мелькали в темных окнах и отражались на хромированных ободках ламп, стройным рядом поселившихся под потолком. Дружной дробью постукивали стыки рельс, передавая друг другу эстафету. Иногда, где-то очень далеко, будто на другом краю земли гудел протяжный ночной гудок локомотива, напоминающий о присутствии себя любимого.

Вагон-ресторан был пуст и уютен. В самом конце вагона горел тусклый свет и был слышен звон посуды, изредка прерываемый знакомыми напевами из современных радиохитов. Эти радиохиты каждый раз вызывали отвращение у Надежды Андреевны, потому здесь она была гостем не частым. Аккуратно двигаясь между столов, Надежда Андреевна прислушивалась к настроению звона посуды, который становился все громче и не сулил ничего доброго. Но это был единственный шанс для Надежды Андреевны, и она была готова на все. Поезд подскочил на стрелке, затрясся нервной дрожью и заскрипел всеми тысячами металлических и неметаллических деталей, из которых был сделан. Стрелка хорошо была известна Надежде Андреевне, это был своего рода знак, что пора торопиться. Она еще раз проиграла всю будущую сцену в голове, хотя четко знала, что ничего в ее голове придуманное в жизни не становится явью. Надежда Андреевна посмотрела в окно. Сквозь темноту она научилась угадывать скорость поезда, и сейчас скорость быстро падала, намекая Надежде Андреевне, что надо действовать. Она завернула за желтую дверь с надписью «посторонним запрещено» и взгляд ее остановился на огромной, широкой спине в белой футболке. Футболка была насквозь мокрая и источала неприятный запах, который распространялся на все маленькое отделение кухни.

– Ритка, – чуть слышно сказала Надежда Андреевна, топнув при этом ногой, чтобы как-то обозначить свое присутствие.

На это чуть слышное «Ритка» обернулась толстая женщина, в малиновом фартуке и с огромной бородавкой на одном из многочисленных подбородков. Каждый раз Надежда Андреевна пыталась сосчитать эти подбородки, но что-то ее всегда отвлекало от этого важного занятия.

– Ах, Надька, напугала, дура. Я из-за тебя так всю посуду побую.

Заскрипели, запищали тормоза. За окнами началась настоящая светомузыка из станционных огней. Надежда Андреевна заволновалась.

– Ритка, милая. Выручай! Продай бутылку, а?
– Я бы, может, и продала, раскупили все давно.
– Ритка, я знаю у тебя в загашнике есть. Продай, а...
– Ты глухая? Я же тебе сказала – нету. В одиннадцатом какая-то пьянка глобальная. Все скупили...

Действительно, разговор с Риткой происходил совсем не так, как Надежда Андреевна себе его представляла. Обычно Ритка срывалась на истошный крик, мучительную матерную брань, которую не каждый выдержит, топала своими опухшими ногами, но быстро продавала то, о чем ее так настойчиво просили. Видимо, водка действительно закончилась, раз Ритка вошла в глухую оборону. Однако у Надежды Андреевны выбора не было. Она решила во что бы то ни стало достать так ей необходимую бутылку. Даже если Ритка попросит за это золотые и бриллиантовые горы.

– Ритка...Риточка. С меня помада. «Макс Фантом». Американская, Ритка!

– «Макс Фактор», дура.

– Ритка, продай, а? Одной бутылкой меньше, одной больше.

Ритка глубоко вдохнула, и медленно, глядя прямо в лицо Надежде Андреевне, проговорила:

– Что я буду продавать клиентам с одиннадцатого? У меня между прочим три рыла дома, которых кормить надо. Сережа так работу и не нашел.

– Да я твоему Сереже десять таких бутылок куплю.

– Ишь, еще чего вздумала, чужого мужика поить. Хрен тебе, дорогуша. Помадку свою себе знаешь куда засунь!

И Ритка смешным жестом показала, куда надо засунуть помаду. Надежде Андреевне захотелось реветь горькими слезами и бить Ритку по ее потному, жирному лицу. Но Надежда Андреевна никогда не била людей и не умела их бить. В детстве Надежду Андреевну нещадно колотили отец и брат. Оба прожигали жизнь на самом дне бутылки и не церемонились со своими дамами. Поэтому сначала померла от побоев мать Надежды Андреевны, а следом за нею, от тех же самых побоев в могилу шагнула жена брата, измученная в довесок его изменами и шантажом. Надежда Андреевна, перед тем как покинуть отчий дом, получила свою порцию пьяных тумачков, которые покрыли ее нежную кожу фиолетовыми и желтыми пятнами. До тридцати лет она вздрагивала от каждого неаккуратного движения ее собеседника, чуя в нем непредсказуемую скрытую опасность, умудрялась избегать конфликтов на работе, где каждый день был наполнен недовольными и пьяными пассажирами плацкарта, возмнившими себя гостями европейского гранд-экспресса.

Надежда Андреевна все это время держала сжатую в кулаке пятисотрублевую купюру. Настало время для тяжелой артиллерии, настало время разжать кулак и протянуть Ритке в лицо измятую, мокрую синюю бумажку.

– Ритка. У меня вот пятьсот есть, больше пока дать не могу. В город вернемся, отдам.

Все это Надежда Андреевна проговорила скороговоркою.

– Я сказала нет. Вас таких за целый рейс тысячи, и все на один лад «Риитка, Риточка, Ритуулечка».

Надежда Андреевна глубоко вдохнула, посмотрела на лампочку, сдержала водопадный поток слез, потом опять глубоко вдохнула, потом все же пустила маленькую слезу для театральности и громко, четко произнесла главное заклинание, которое уничтожило и раскололо непробиваемую Ритку.

– Пятьсот сейчас. Пятьсот в городе. Тушь. Клянусь, в городе отдам. Итого тысяча с тушью.

– Заколебали вы меня, прости господи.

Ритка закрыла кран, вытерла мокрые руки об себя. В морозилке, которую открыла Ритка, обыкновенная толстая баба хабалистого разлива, дослужившаяся до смотрительницы вагона-ресторана (своего уровня мечты), лежали шесть одинаковых бутылок водки, аккуратно уложенные штабелями. Надежда Андреевна не удивилась, потому что знала, что водка у Ритки есть. У Ритки мог закончиться яблочный сок для изжоги, позавчерашний оливье для поноса, начатый кем-то жульен для ночных свиданий с туалетом, но водка...водка у Ритки никогда бы не закончилась. Ритка с трепетом вынула бутылку, нежно сняла легкую изморозь рукой и протянула Надежде Андреевне.

– Держи. Но только спрячь, а то увидят, поползут сюда как муравьи на ночь глядя.

Надежда Андреевна засунула бутылку в рукав, хотела Ритку поцеловать, но та только отвернулась. Смятая пятисотенная купюра уже грелась в риткином кармане, ожидая своего скорейшего подселения в кошелек к своим таким же измятым братьям и сестрам.

Со смешно вздутым рукавом, служившим временным убежищем для ноль-семьдесят пять, Надежда Андреевна бегом бежала из вагона-ресторана. Машинисту оставалось недолгих сто тридцать метров, чтобы намертво приковать поезд к станции. Надежда Андреевна проявляла невероятные способности, пробираясь сквозь плацкартное царство сновидений, со свисающими ногами и руками, с отвратительными запахами и нечеловеческим храпом. Она слышала, как задела ногой стеклянную банку, и та по всей вероятности лопнула, но Надежда Андреевна не остановилась. Она конечно остановится в

любое другое время, но только не сейчас, когда бутылка обжигает холодом и решается ее судьба-судьбинушка; судьба взрослой, сорокапятилетней дамы, без высшего образования, с двумя задолженностями в банке, с частой мигренью и зубными болями в нижних восьмерках, с некрасивой родинкой на спине и потерянной связью с дочерью, рано покинувшей однокомнатную материнскую берлогу хрущевки-пятиэтажки. Поезд остановился.

Станция Вилуково, где поезд делал свою плановую получасовую остановку, была редким захолустьем, куда модернизация (остановочных пунктов) от главной железнодорожной конторы страны еще не добралась. Платформа давно не отвечала требованиям безопасного передвижения пассажиров, была максимально низкой и более походила на протоптанную в поле тропинку. Станцию Вилуково можно было причислить к местам, где профессия стрелочника доживала свои последние дни. Во всей огромной стране ручные стрелки давно были переведены на автоматику, но только не в Вилуково, которое находилось в подчинении района, ставшего известным благодаря самодуру-чиновнику, сумевшему поругаться со всем вышестоящим руководством. Чиновнику самодурство сошло с рук, но в наказание бюджет урезали больше, чем на половину, и оставшихся средств едва хватало, чтобы оплатить обучение чиновничьих детей, которые получали по второму высшему образованию в лучших университетах Москвы. Вилуково находилось на отшибе района, и никому до него не было дела. Вилукинцы потихоньку умирали от запоев и инфарктов, благословляя своих потомков на то же самое. Железная дорога давала основную работу небольшой части населения Вилуково, тем, кто работать еще хотел и мог, кто еще не совсем потерял рассудок от паленой водки.

Одним из таких счастливиц был татарин Эдик, потомственный путевой обходчик. Эдик считался правильным алкоголиком, человеком, который вовремя пьет и вовремя умеет остановиться. Но так, чтобы остановиться навсегда, Эдик, конечно, не умел. Его отец-обходчик всю жизнь проходил в оранжевой жилетке и не снимал ее даже дома, а иногда и вовсе в ней спал. Отец Эдика погиб, когда сыну было восемь лет, уснув пьяным на рельсах длинной кривой перед въездом на станцию. Грузенный товарняк протащил отца несколько километров, и если бы не жилетка с номерным знаком, его еще долго не могли бы опознать. Вскоре после этого, скончалась и мать Эдика, утонув пьяной в реке, купаясь на рассвете со своим любовником-пчеловодом, носившим рубашку наизнанку. За это в Вилуково его прозвали «шиворот-навыворот». Пчеловода потом посадили за

продажу государственных ульев, а Эдика забрала к себе тетка Ника (Вероника).

Эдик был холостяк. В квартире тетки Эдику отвели самую маленькую комнату, окна которой выходили аккурат на станцию, и Эдик мог по гудкам опознать каждый поезд. Стены комнаты были увешаны выцветшими плакатами забытых псевдозвезд из 90-ых. Здесь Наталья Орейро нежно подмигивала глазом, приглашая к себе в Аргентину; еще худой Сережа Жуков из группы «Руки Вверх» пытался сделать умное лицо; вечно молодая группа Scooter в верхнем углу стены рекламировала свой новый-старый альбом. Под чугунной батареей стояла бутылочная армия Балтик семерок, во главе с литровыми водочными генералами, сплошь покрытыми вековой пылью. Убираться в комнате Эдик не любил, а тетя сюда не заходила уже несколько лет. Еще у Эдика в трехлитровой банке жила полевая мышь. Ее Эдик нашел под старыми рельсами у склада, застрявшую в куске шланга. Мышка жалобно пищала, и это не могло не подействовать на уже подвыпившего Эдика. Как известно, пьяные гораздо сентиментальнее трезвых.

Эдик очень ждал этот ночной поезд, на котором работала Ритка. Ритка ждала прибытие поезда не меньше Эдика. Перед ее прибытием Эдик обязательно брился, стриг ногти на руках и ногах, выдергивал редкие татарские волоски из ноздрей. Надежда Андреевна это знала и это ценила.

Бутылка водки, с таким трудом добытая Надеждой Андреевной, предназначалась Эдику, потомственному обходчику. Ее он выпьет в могильной тишине своего склада, где хранился весь рабочий инвентарь. Как иногда хотелось Эдику, чтобы и Надежда Андреевна выпила с ним рюмашечку, сидя на промасленной шпале и щурясь от вечернего солнца. У шпалы всегда росла сочная земляника, перебивающая запах мазута.

Встречи их были короткими и резкими. Поезд стоял в Вилюково двадцать минут и Эдик спешил успеть все. Они закрывались в купе проводника, где Эдик кусал каждый ее палец, жадно нюхал волосы, сопровождал это все нечеловеческими рычанием и поцелуями, впивался в Надежду Андреевну своими крепкими рабочими руками, не хотел уходить и обещал броситься под ближайший товарняк. Она теряла с ним контроль времени, терялась сама, зажмуривала глаза и в ужасе представляла, как слышит их возню в купе весь плацкартный вагон. Они успевали уложиться в двадцать минут, успевали сделать невозможное. И обстоятельства всегда благоволили им в виде ночной стоянки поезда, когда весь вагон спал мертвым сном.

Сейчас Эдик и Надежда Андреевна стояли друг перед другом и молчали. Молчали под шипение тормозов и удары молотков по буксам. Это обходчики играли свою суровую мужскую песню.

– Принесла?

– Принесла.

Он всегда так начинал разговор, не здоровался, не улыбался, переминался с ноги на ногу и все поглядывал в начало состава, где одиноко горел синей точкой маневровый семафор.

– Держи...

Надежда Андреевна протянула Эдику бутылку водки, завернутую в газету. Это чтобы Эдику не холодно было держать холодную бутылку. Он, конечно, увидел это, он заметил, но он не подал виду, что заметил. Бутылка провалилась в глубокий карман рабочей куртки, чтобы разбудить там горсть семечек и пачку сигарет «Космос». Эдик опять глядел вдаль, на синий семафор, на постукивающих обходчиков. Надежда Андреевна смотрела на него, на его нерусский профиль, на его замасленные и грязные руки, на его манеру постоянно хлопать себя по животу, и любила его сейчас. Любила и понимала, что любит. Здесь, на платформе забытой станции Вилюково, этим двум людям не надо было ничего объяснять друг другу, не надо было строить драму, играть роли. Надежда Андреевна не могла больше ждать, время шло, скоро поезд тронется в путь.

– Пойдем, – тихо сказала она и кивнула в сторону вагона.

Как она была незащитна сейчас, как нежна в этом «пойдем». Эдик, топорный и жесткий по натуре, сжимался весь внутри, словно комок. Слезы его были наготове, были готовы хлынуть мощным потоком из красных глаз и упасть на землю. Он вспомнил отца, вспомнил их поездки на рыбалку в дырявой плоскодонке, как он крючком зацепил большой палец отца и был выпорот за это. Вот и мать пролетела перед Эдиком, несчастная и прожившая жизнь зря. Эдик не хотел думать об этом.

– Станцию переводят на автоматику. Нашу ПЧ закрывают, а участок отдают под крыло райцентра.

Эдик знал, что говорил. Еще неделю назад на станции повесили приказ о расформировании путевой части станции Вилюково. Дальнейшая судьба работников станции не была интересна руководству железных дорог, и многие были в отчаянии, не зная, куда деваться дальше. Эдик себе места не находил, он ничего больше не умел делать, он знал всю жизнь только вот эти рельсы, этот трехкилометровый участок станции с тремя путями, с выходными семафорами и покосившимися километровыми столбами, с длинной кривой при въезде, где трагически погиб его отец. Эдик понимал, что

это конец, финал его еще относительно молодой жизни. Конец у всех был один – водка.

– Ничего страшного, Эдик. Подумаешь, с кем не бывает. Поехали со мной?

Надежда Андреевна сама не знала, что говорила. Она не сможет прокормить их двоих. Погрязшая с ног до головы в долгах, она сводила концы с концами, сгорала на работе, никогда не конфликтовала с пассажирами, чтобы не дай бог не выгнали с работы. Был случай, когда Надежда Андреевна принесла переслащенный чай пьяному пассажиру, огромному армянину с ужасным запахом изо рта. Армянин силой затащил Надежду Андреевну в свое купе и наказал ее за чай. Даже тогда она смолчала, проглотила и не сказала начальнику поезда о случившемся. А через месяц взяла отгулы, пошла делать аборт и застряла в больнице еще на трое суток от потери крови и сил. Когда руководство узнало о случившемся, Надежду Андреевну вызвали к начальству и приказали молчать. Армянин имел какие-то серьезные связи наверху. А она и так молчала.

– Эдик, ты слышишь? Давай я заберу тебя с собой. Устроишься проводником. Будем вместе ездить на одном маршруте, а? Эдик, а?

Эдик молчал. Он не мог себя даже представить в роли услужливого мальчика, разносящего по вагону белье и чай, чистящего туалеты от бумаги и подметающего тамбур от окурков. Нет, конечно, он не будет работать проводником. Может, попробовать найти работу в районном депо? Но там с позапрошлой весны сокращения.

– Я никуда не поеду. Останусь здесь. А ты будешь приезжать.

В этот раз они не закрывались в купе. Когда пришло время прощаться, Надежда Андреевна поцеловала Эдика в щеку и виновато улыбнулась. Потом он помог ей подняться по крутым ступенькам в вагон, она подняла подножку поезда и поезд быстро растворился в ночном тумане.

Они условились встретиться на обратном пути, когда Надежда Андреевна поедет пассажиром обратно домой. Через несколько дней в назначенный час, когда вагон как и всегда в это время, спал, она вышла, закутанная в свой плащ на платформу. Платформа была пуста. Надежда Андреевна вытащила свою старую, кнопочную Нокию и посмотрела на зеленый экранчик: три минуты первого ночи. Она вслушивалась в любой шорох, впивалась глазами в силуэты на станции, но ничего похожего на Эдика не было и близко. Она не плакала, не металась по платформе и не звала на помощь. Она стояла ровно, даже смирно, смотрела вдаль, где одиноко горел семафор. Надежда Андреевна кое-что поняла: этот семафор будет гореть здесь до тех пор, пока будут ходить поезда. Он горел уже очень давно, и

страшно представить, сколько таких людских взглядов он видел на своем веку. Надежда Андреевна залезла обратно в вагон, тихонько пробралась на свою верхнюю койку и мгновенно уснула. Где-то очень далеко, будто на другом краю земли, гудел протяжный ночной гудок локомотива. Как всегда. Поезд тронулся, быстро набрал скорость и исчез со станции Вилуково, как фантом. Как всегда. Одиноко горел семафор, освещая сказочным синим пламенем станционные пути. Был уже конец августа, и было прохладно. И все было здесь как много лет назад.

Игорь Троицкий (дебют)

Нью-Йорк, США

Командировка в Колпашево

На совещании отдела Тартаковского обсуждалась информация, полученная из воинской части, базировавшейся в районе сибирского города Колпашево. Утверждалось, что при наблюдении низкоорбитальных спутников радиолокатор обнаруживает сигнал ещё до того, как объект попадает в рабочую зону. Нереальность подобного явления была очевидна. Однако заказчик настаивал на тщательном изучении полученной информации, и Тартаковский, дабы угодить начальству, решил отправить в Колпашево кого-нибудь из сотрудников отдела. Удивительно, но это оказалась именно та воинская часть, в которой служил мой школьный товарищ Вася Маскаев, и я добровольно вызвался отправиться в эту дальнюю командировку.

Подружился я с Васей в пятом классе мужской школы № 439, находившейся на окраине Москвы в районе завода Фрейзер. До этого я ходил в школу в подмосковном посёлке, где мальчики учились вместе с девочками. В классе, куда я попал, учились два близнеца: Юлий и Марк Скундины. Марк – высокий в очках, тихий, всех сторонившийся, хорошист; Юлий – маленький, юркий, двоечник, слывший заядлым драчуном. Очень скоро после моего появления в классе он «надрался» на меня. «Надраться» – это означало вызвать «стыкнуться». Стычка, т.е. драка, проходила после уроков в присутствии всего класса на городской свалке, находившейся неподалеку от школы. Для меня это было абсолютно необычное мероприятие, свойственное, как я полагал, исключительно мужской школе.

И вот большая ватага учеников с криком: пошли смотреть, как два еврея будут стыкаться – ринулась после уроков на свалку. Обычно здесь, на наименее загаженном месте образовывался полукруг: с одной стороны стояли болельщики за одного стыкующегося, а напротив – за другого. Естественно, все заняли сторону Юлия – «своего» еврея, а с моей, нового, чужого еврея, не было никого. Вдруг от болельщиков Юлия отделился один высокий, крепкий парень и встал на мою сторону. Это был Вася Маскаев. Он приехал из глухой мордовской деревни и, так как плохо говорил по-русски, то два года просидел дома. За это время его сестра, студентка педагогического института, поднатаскала брата так, что на диктанте, за который на днях я получил двойку, Васе поставили пятёрку. Вася был за справедливость и потому, увидев, что все – за Юлия, перешёл на мою сторону.

Драка была скоротечной. Под улюлюканье учеников: «Давай! Давай!» – я и Юлий пошли навстречу друг другу. Когда мы оказались лицом к лицу, а крики слились в один сплошной ор, я легонько толкнул Юлия и в ответ получил сильнейший удар в правый глаз. Повидимому, в кулаке у противника была зажата свинчатка. Я не упал, но глаз мгновенно начал затекать, и я стоял пошатываясь. Вася быстро подошёл ко мне и, положив руку на плечо, громко скомандовал:

– Достаточно. Расходимся.

Неудовлетворённые зрители быстро разбежались, а Вася повёл меня домой. Уже поздно вечером в постели с пакетиком льда на опухшем глазе, я рассуждал: «Откуда они узнали, что я еврей? Чтобы меня не «компрометировать», мама вообще не появлялась в школе. Наверное, кто-то видел, когда она подавала мои документы. Ну что ж, теперь, по крайней мере, она может спокойно ходить на родительские собрания,» – решил я, засыпая и пытаюсь таким образом хоть как-то смягчить результат столь позорного поражения.

Назавтра, когда я проходил мимо Рема Хотянова, он, подставив мне подножку, прошипел: «То же мне, Троицкий! А драться не умеешь!»

Рем был маленького роста, ярко-рыжий еврейский мальчик. Его лицо покрывало несчётное число больших и маленьких налезавших друг на друга веснушек. С ним никто не общался по одной причине: общаться с ним было опасно. Если что-то ему не нравилось, он сразу же бил в морду. Я это понимал так: ему своей физиономии абсолютно не жалко, испортить её было невозможно. И потому его боялись все, даже ученики из старших классов.

Вася упросил классную руководительницу пересадить меня за парту рядом с ним. И с тех пор мы за одной партией просидели вплоть

до самых выпускных экзаменов. Иногда Васю «охватывали особые дружеские чувства», и тогда, обращаясь ко мне, он спрашивал:

– Скажи, вот если бы я сделал что-то очень незаконное, украл или убил кого-то, и меня бы искали и хотели схватить, ты бы меня спрятал?

И я, всегда предварительно взвесив все «за и против», обещал, что обязательно спас бы его. Но вот пришёл в Москву Всемирный Фестиваль Молодёжи и Студентов. У меня случились два билета в Парк Культуры имени Горького на встречу с иностранными студентами. Я пригласил с собой Васю. Когда мы прошли билетный кордон и оказались на сравнительно малолюдной аллее, к нам подошли трое парней и попросили оставшиеся у нас использованные билеты. Я, опасаясь, что они ещё могут понадобиться, отказал, за что после нескольких несвязных слов получил по физиономии. Вася занимался в боксёрской секции, и, казалось бы, это был великолепный шанс продемонстрировать своё искусство, но, увы, когда я обернулся, Васю не увидел. Он появился из-за кустов уже после того, как драчливая троица убежала. После этого случая Вася более не приставал со своим дурацким вопросом, а я усомнился в верности его теста относительно дружбы.

За несколько дней до отъезда я навестил маму. Перед самым моим уходом она спросила, помню ли я Николая Александровича, друга бабушкиной юности, посетившего нас вскоре после смерти Сталина.

– Он жил в том самом Колпашево, куда ты нынче отправляешься, – сказала мама, – я запомнила это название по схожести с «околпачиванием». Посмотри может быть это тебя заинтересуют, – и она передала мне несколько писем.

– Обязательно прочту, – пообещал я и, как только оказался дома, сунул их в рюкзак, подготовленный для предстоящей командировки.

Полупустой рейсовый теплоход медленно спускался по Оби, направляясь в Колпашево. Я устроился на палубе и стал просматривать взятые с собой письма. Всего их было восемь, но особенно меня заинтересовали два. Одно оказалось не письмом, а черновиком того, которое бабушка отправила своей сестре Анне в Ленинград. Второе – было письмо Николая Александровича моей бабушке Марии Яковлевне.

Письмо Марии своей сестре Анне

Милая Анюта! Выполняю твою просьбу подробно описать, как Николай посетил меня в Салтыковке.

Представь себе, я сидела за столом на балконе и перебирала малину, когда услышала скрип калитки. Я подняла голову и увидела пожилого мужчину с огромной корзиной, который с трудом протискивался вместе с ней в наш сад. Пока я пыталась сообразить, к кому он мог приехать, звонок сделал короткий, слабый «дзинь». «Придётся открыть», – решила я и нехотя пошла к лестнице.

Уверенная в ошибке незваного гостя, я, как только открыла дверь, сразу стала объяснять, что нужно обойти дом с левой стороны, чтобы ... но тут внезапно вспыхнувший блеск улыбающихся старческих глаз ослепил меня: ноги сами собой подкосились, и, опустившись на ступеньку, я прошептала:

– Николай, это – ты?

– Да, Мария, – еле слышно прозвучал ответ.

Какое-то время я сидела, а Николай неподвижно стоял на крыльце. Наконец, я пришла в себя и уже более чётко, но всё так же тихо, почти про себя:

– Этого не может быть!

– Да, ... не может быть, – согласился Николай, – но случилось.

Мы поднялись в комнату, куда Николай, тяжело дыша, втащил корзину, доверху заполненную разными фруктами. К боковой ручке корзины была привязана завёрнутая в бархатный лоскут бутылка вина.

Пока Николай мыл фрукты, я переоделась. Молча, он раскупорил бутылку вина, и мы подняли наполненные бокалы. Взгляды наши встретились. Я еле справлялась с охватившей меня дрожью. Ещё бы, ведь прошло сорок лет. Казалось, любые произнесённые слова только нарушат волшебство происходящего. Мы чокнулись и, улыбаясь друг другу, осушили бокалы.

– Здесь, в Салтыковке, много искусственных водоёмов. Один из них, «Золотой», всего в нескольких минутах ходьбы. Давай, пойдём к нему, – предложила я.

Николай согласно наклонил голову. Я шла, будто во сне, и вспоминала, как ты с Олей, мои любимые сестрички, когда мне исполнилось шестнадцать, стали брать меня с собой на посиделки. Вскоре отец увёз тебя на смотрины в Одессу, а у нас случилось из ряда вон выходящее событие: прошёл слух, что в доме местного священника поселился молодой студент. Говорили, постоялец был немножко малахольный, ибо хотел убить самого царя.

Новость была из ряда вон выходящей, и местные мальчишки то и дело бегали к дому батюшки, дабы посмотреть, что там происходит, а потом прибегали к нам и с жаром пересказывали всё, что им удалось

увидеть. Мы слушали с большим любопытством и, конечно, нам очень хотелось самим увидеть загадочного незнакомца, но наш «статус невест» исключал публичное проявление подобного интереса.

Обнявшись на скамейке, мы пели свои незатейливые песни, когда появился наш Соломон, с незнакомым молодым человеком, представившимся Николаем. Соломон сказал, что мама зовёт нас домой. Конечно, все сразу догадались, что пришедший и был тем самым малахольным, но, естественно, сделали вид, что даже не заметили его. Допев начатую песню, мы побежали домой. С тех пор Николай вместе с другими местными парнями стал часто появляться на наших девических посиделках.

Соломон убедил нас, что Николай никакой не «мишугине», а нормальный весёлый парень, и что он вовсе не намеревался убивать царя. Из университета его отчислили за участие в студенческой демонстрации. Отец Николая – известный священнослужитель в Санкт-Петербурге, а бабушка, у которого живёт Николай, старый приятель их семьи.

Сразу после появления Николая меня стали тревожить его взгляды. Не испытывая прежде ничего подобного, я решила поговорить с Ольгой. Но Ольга только посмеялась и пообещала, что эта ерунда скоро пройдёт. Увы, «ерунда» не проходила, а наоборот, теперь, когда Николай улыбался или, не дай Бог, обращался ко мне с каким-нибудь вопросом, мои щёки покрывались ярким румянцем и меня всю охватывала мелкая дрожь. Однажды он взял меня за руку, и я чуть не потеряла сознание. Теперь Оля видела, что со мной творится что-то неладное. Конечно, она догадывалась о причине и старалась не оставлять свою младшенькую наедине с русским студентом. Однажды, когда мы уже собрались домой, Николай подошёл к Оле и попросил разрешение поговорить со мной наедине. Оля позволила, но строго предупредила: пять минут. Николай взял меня за руку, и мы отошли к дальней скамейке.

– Мари, – сказал Николай, – возможно, в ближайшие дни я должен буду уехать. Вряд ли мы когда-нибудь ещё увидимся. Но знай, я не сделаю никогда ничего плохого. Дай Бог, чтобы жизнь как можно реже обижала тебя. Я всегда буду помнить ваши песни. Ну а теперь иди. Это всё.

Грусть и тоска были и в голосе, и во взгляде Николая.

Я встала и медленно поплелась к Ольге, не спускавшей с меня глаз. Никто ни о чём меня не спрашивал, даже назавтра, когда стало известно, что ночью Николая увезла тюремная карета. Много лет спустя уже в Салтыковке, Оля, вспоминая Николая, сказала мне:

– Ты была молодцом, я, наверное, так бы не смогла.

– Смогла бы, ведь по сути ничего и не было, – ответила я тогда Оле.

Аня, всё, что я тебе описала, как в немом кино, прокрутилось перед моими глазами, пока мы огибали пруд. Около сосны мы поднялись на невысокий пригорок и устроились на скамейке, почти вплотную прижатую к её широкому стволу.

Я рассказала Николаю о том, как прошла моя жизнь, а он поведал о своей. Он с 2-ого года по сей день живёт в маленьком сибирском городке Колпашево, а ко мне заехал, возвращаясь домой из Крыма, где присматривал себе домик. Кстати, мой адрес Николай узнал у Соломона. Каков наш любимый брат! – даже не предупредил меня.

За разговорами я потеряла счёт времени и забыла о своих обязанностях бабушки. Опомившись, я сразу же заторопилась домой.

– Подожди ещё несколько минут, – попросил Николай. – Видишь ли, Мария, – и в голосе Николая послышалась неуверенность, – я рассказал тебе о своей взрослой жизни, которая по сути началась в Сычевке. Здесь была и моя первая ссылка, и случилась первая влюблённость. Сейчас, завершая свой жизненный путь, я был бы счастлив, если бы ты оказалась рядом. Давай поженимся. Купим маленький домик в Крыму с видом на море. Конечно, время Алых Парусов давно прошло, но море и падающее в него усталое солнце ещё могут радовать нас. Со своей стороны, обещаю сделать всё, чтобы нам было хорошо вместе.

Заканчивая свой монолог, Николай встал и, стоя, ожидал ответа.

А ответ, Анютка, ты уже знаешь. Вот ты спрашиваешь не жалею ли я, что отказала? По-моему, ты шутишь. Ему уже шестьдесят с хвостиком. Правда, выглядит он хорошо. Такой крепенький старикашечка. Но, видно, не зря мы его считали малахольным: приехал свататься. Ну а если вдруг отнестись к этому серьёзно, то сама подумай: какая из меня невеста? А жена? Что я помню из замужней жизни? Бабушка я, надеюсь, хорошая, а смогла ли бы стать хорошей женой – это большой вопрос. А главное, я и не хочу ею быть: ни хорошей, ни, тем более, плохой. Я люблю внука и никакой другой любви мне сегодня не надо.

Ладно. Конец не получается.

Целую. Твоя сестра Мария. Декабрь, 1955. Кругом всё занесено снегом.

Письмо Николая моей бабушке

Славная Мири! Пожалуйста, извини меня за моё спонтанное предложение. Прежде я думал, а потом говорил и делал. Сейчас на «думать» времени не остаётся. Я ехал в Салтыковку не столько из-за

тебя, сколько исключительно ради того, чтобы убедиться в реальности промелькнувших юношеских видений. Когда же ты открыла дверь и я последовал за тобой наверх, мне казалось, что я иду не по лестнице, а поднимаюсь на тот пригорок, на котором впервые увидел тебя.

Меня поразило, как ты меня узнала. Я не надеялся, что ты меня помнишь, и приготовился к объяснениям. И вдруг ты воскликнула: «Николай, это – ты?» Твой голос, твои глаза выбили меня из седла, и я покотился кубарем, мало соображая, что делаю и что говорю.

Вспоминая наши мимолётные встречи в далёкой Сычевке: меня угнетала та неизвестность, которая осталась у тебя обо мне. А мне тогда так хотелось рассказать тебе обо всём, что происходило со мной и, главное, о моих мыслях, надеждах и планах. Но ты была ещё такой юной, почти ребёнком, что я боялся напугать тебя своими откровениями. При нашей последней встрече в Салтыковке я так волновался, что ничего толком тебе про себя и не рассказал. Теперь исправляю свою оплошность. Лучше поздно, чем никогда.

Родился я в Томске в семье священнослужителя. Мама была дочерью богатого местного купца. Когда мне исполнилось десять лет, отца пригласили на службу в одно из учреждений Священного Синода и семья переехала в Петербург. Мама не хотела, чтобы я шёл по стопам отца, и с его согласия я поступил в университет на юридический факультет. Здесь я увлёкся социал-демократическими идеями и стал активным распространителем нелегальной литературы, за что был исключён из университета и сослан вначале в твою Сычевку, а затем в Иркутск. Сибирь не охладила моей революционной активности. Здесь я познакомился с Абрамом Гоцем, одним из ярчайших членов партии Социалистов-Революционеров. Формально я не был эсером, но по факту активно работал на эту организацию. Революцию я встретил в Сибири. От партии эсеров заседал в Сибирской Областной Думе, располагавшейся в Томске, и голосовал за создание Временного Сибирского правительства во главе с Петром Дербером. Потом были и воцарение Колчака, и наше вооружённое восстание против Колчака, и, наконец, приход Красной Армии. Сибирские события сменяли друг друга с головокружительной быстротой, и во всех я так или иначе участвовал, пока в 19 году не состоялся московский процесс над членами ЦК с.-р. К этому времени всё имущество деда было уже национализировано и единственно, что осталось, это дом в Колпашево, селе, расположенном на берегу Оби примерно в трехстах километрах к северу от Томска. Сам дед со всей семьёй перебрался в Китай. После самороспуска партии эсеров я переехал в Колпашево, где поселился в доме деда, и прожил в нём более тридцать лет.

Мария, наверное, тебе интересно, не пытался ли я перебраться в Москву или Ленинград, или хотя бы просто выбраться из Сибири. Отвечаю: нет. Подобных попыток я не предпринимал, и к тому было много причин. Ехать мне было не к кому: все мои родные уже эмигрировали. Сибирь была моим родным домом, и в Колпашеве я чувствовал себя, как «в своей тарелке». Кроме того, все понимали: мы проиграли, а те, кто выиграл не оставят нас в покое никогда, ибо мы не просто враги, а враги идейные. И, наконец, из реальной активной борьбы наша деятельность в последнее время превратилась в разбирательство между собой, и эта возня мне сильно поднадоела. В доме деда оказались большие запасы муки, крупы, мёда и всякой иной снеди, а, главное, сохранилось несколько ружей и много ящиков с патронами, что позволяло охотиться.

Ещё до революции я познакомился с Юлией, племянницей Абрама Гоца, которая отбывала ссылку в Иркутске. В отличие от меня, она была настоящая, боевая революционерка. Мы полюбили друг друга, и когда я решил переехать в Колпашево, она отправилась со мной. Здесь мы сразу же занялись преобразованием церковноприходской школы в сельскую начальную, а потом и в среднюю. Конечно, наши начинания встретили яростное сопротивление архиерея Колпашевской Епархии, но в то время эта структура доживала последние дни, и мы легко вышли победителями. В школе я преподавал русский язык и литературу, а Юля, до своей революционной деятельности увлекавшаяся математикой и прослушавшая два курса университета, учила детей арифметике. Через три года жизни в Колпашево Юля начала хандрить. Окружавшая нас бескрайняя тайга физически её подавляла, ей требовался простор и в передвижении, и в общении. Однажды мы с Юлей по делам школы приехали в Томск, где, ужиная в ресторане, встретили старых приятелей. Они кутили так, как будто в последний раз: цыгане, шампанское и опять цыгане, и опять шампанское. К утру выяснилось, что прямо из ресторана они отправлялись во Владивосток, откуда предполагали перебраться за границу. По обоюдному нашему согласию Юля уехала вместе с ними. Вот так, отправился я в Томск с женой, а вернулся в Колпашево один. И долго ещё оставшиеся вещи жены напоминали мне о внезапном её исчезновении.

Впрочем, одиноким я оставался недолго, вместо Юли к нам в школу была направлена из Томска молоденькая учительница по математике, которая вскоре перешла жить в мой дом. Звали её Валентина. Уважение, нежность, тепло, доверие – всё было, но назвать это любовью всё же нельзя, наверное, отсутствовало ощущение незаменимости, кажущейся единственности, неповторимости.

Конечно, эти чувства исчезают со временем, но, по-видимому, они абсолютно необходимы в момент зарождения любви. Революция никоим боком не коснулась Валентины, и я чаще вёл диалог сам с собой, чем разговаривал со своей гражданской женой. За несколько лет жизни в Колпашево я стал заправским охотником и, когда не был занят в школе, много времени проводил с ружьём и собакой в тайге. Добыча и физическая усталость – прекрасное средство, очищающее тебя от любой скверны. А о будущем я не думал. Мне было очень интересно смотреть на всё, что происходило с Россией, живя в ней и в то же время как бы со стороны. Газеты нам доставляли летом на следующий день, а зимой – в зависимости от погоды. Когда же до нас дошло радиовещание, то большего мне уже и не требовалось. Оказалось, что для меня быть свободным, активным свидетелем, т.е. без страха переваривать и стараться разбираться в причинах происходящего, гораздо интереснее и важнее, чем участвовать в самих событиях.

Несколько лет назад Валя умерла, и, если до этого мне казалось, что жизнь идёт и будет ещё идти и идти, то со смертью Вали пришло ощущение, что жизнь кончается. Охота перестала привлекать меня. Диалог с самим собой также давно поднадоел, и поэтому, когда пришло письмо от моего старого приятеля, я призадумался. Он писал, что несколько наших общих старых знакомых уже почти год, как поселились недалеко друг от друга в Крыму, где они организовали некое товарищество старых революционеров. Он уверял, что все будут рады, если и я присоединюсь к ним. Поразмыслив, я решил поехать и увидеть всё своими глазами. А увидел я вот что: несколько небольших полулетних домиков, увитых виноградом, располагались на склоне ни то небольшой горы, ни то небольшого холма и довольно далеко от моря. Все домики смотрят на пролегающую внизу железную дорогу, за которой простирается море. Оказалось, что почти со всеми жителями этого маленького поселения я когда-то либо работал, либо просто был знаком. Они обещали мне помочь получить там прописку и построить аналогичный домик. И вот сейчас я в глубоком раздумье, принимать ли мне их приглашение или нет.

Конечно, если бы ты согласилась поехать со мной, то никаких сомнений у меня не было бы. Прошу, ещё раз подумай.

Николай. ноябрь, 1955 год

P.S.

Мари, я до сих пор помню вашу любимую песню:

Раз я гулял, и на клэйдем сэдл,
И я там увидел агайнс свайдл медл,

Я стал фрегл – видумхомди холей,
Она мне ответила – кумцу ми рагейн.

Я сейчас же пошел куми рагейн,
Она собирается авантиг вай цугейн.
Я стал фрегл кудыхтами насон,
Она мне ответила – убирайся вон.»

Извини за грамматические ошибки (к сожалению, с идишем у меня плоховато), зато мотив могу воспроизвести точно. Тогда русские слова соответственно пели русские девушки, а ты и Оля с неподдельным азартом буквально прокрикивали свои слова на идиш. Соломон перевёл мне вашу песню примерно так: «Однажды я гулял в городском саду, где увидел прекрасную девушку. Я стал напрашиваться к ней в гости. Она разрешила, и я вскоре направился к ней. Когда же я пришёл, то увидел, что она собирается идти гулять с другим. Я стал возмущаться, а она ответила – убирайся вон». Очень поучительная история.

Хотел подписаться «Твой Николай», но «твой» или «не твой» – это решать тебе.

Николая Александровича я помнил плохо, зато на всю жизнь запомнил его корзину с фруктами. Мне было лет двенадцать. Как-то ближе к вечеру я прибежал с улицы домой и застал бабушку, чаёвничавшую с неизвестным мне господином.

– Николай, познакомься, мой внук, Игорь, – сказала бабушка и в ответ на мой вопросительный взгляд добавила, – а это – Николай Александрович, гость из моей юности.

После чего, указывая мне на вазу с виноградом, предложила:

– Попробуй, эти дамские пальчики привёз Николай Александрович.

Я с удовольствием поглощал виноград и одновременно старался разобраться, откуда появился этот друг и чего ему от моей бабушки нужно. Тем временем уже стемнело, и Николай Александрович стал прощаться.

– Это твоё окончательное решение? – спросил гость.

Да, окончательное. Прощай! – ответила бабушка.

Николай Александрович поцеловал бабушке руку и вышел. Она прошла на балкон, и я последовал за ней. Гость шел сгорбившись. Ни разу не оглянувшись, он вышел за калитку и вскоре скрылся из виду.

Мы вернулись за стол и, не дожидаясь моих вопросов, бабушка объявила:

– Сегодня я получила предложение выйти замуж.

Наверное, она увидела испуг на моём лице и потому поспешила меня успокоить:

– Не волнуйся, я отказала. Когда мне было шестнадцать лет, в нашем местечке, Сычевке, появился ссыльный студент. Звали его Николай. Он был не похож на иногда появлявшихся в наших краях ссыльных студентов – грязных, оборванных, бородатых, часто в треснутых очках. Среди евреев их называли малахольными, а иногда мишугинами. Николай был другой – всегда чисто выбритый, аккуратно одетый и, как это тебе сейчас не покажется странным, казался высоким. В нашем местечке жили и русские, и евреи. Жили мирно. Никаких погромов, но и никаких смешанных романов. Но Николай был чужак, в каком-то смысле – особый случай, и в него влюбились все девушки.

Бабушка задумалась и, помолчав, предложила:

– Игорёк, давай поиграем в картишки, а о бывшем ссыльном студенте мы поговорим как-нибудь потом, на досуге. Этот досуг так никогда и не случился. Но теперь, после этого странного визита, когда бабушка шла на вечерний променад к пруду, она говорила мне:

– Пойду прогуляюсь к морю.

Читая письмо бабушки, я слышал её голос и старался представить себе, что бы она чувствовала, если бы вдруг увидела своего внука, подплывающего к тому самому Колпашеву, которое стало почти на тридцать лет убежищем друга её ранней юности. А читая письмо Николая Александровича, я старался понять стимулы и причины, побудившие его прожить именно ту жизнь, которую он прожил. Теперь от Колпашево я ожидал не только встречи со своим старым школьным товарищем, но и, ступая по тем же камням, по которым когда-то хаживал старый революционер, эмоциональное осознание того, что тот, сгорбленный старик, уносил с собой, выходя из нашей калитки.

Колпашево, село городского типа, в котором были две изюминки – Обь и деревянная мостовая, составленная из брёвен, вбитых стоймя глубоко в грунт и плотно пригнанных друг к другу. Время, морозы и влага отшлифовали дерево так, что кольца, соответствующие возрасту деревьев, в совокупности составляли четкую, необычно привлекательную, полуабстрактную картину.

Забросив рюкзак в гостиницу, я сразу же направился к Васе. Вечерело, и он уже был дома. Удивление. Радость встречи. Знакомство

с молодой женой Ольгой и годовалой дочкой Настей. Импровизированное застолье. Радостный смех, когда вспоминали школьные проказы. И вместе с выпитой бутылкой водки – отрезвление действительностью. Однообразие полковой жизни, тоска, никакого общения, кроме компанейского пьянства. На мой вопрос:

– А как же офицерский корпус?

Вася ответил прибауткой:

– Как надену портупею, так тупею и тупею.

– А как же охота, рыбалка, они-то ведь украшают твою жизнь?

– Да, пока был один, почти всё свободное время проводил на охоте, а как женился, так всё больше сижу дома. Сам то я по привычке, да и служба отвлекает, а вот Ольгу жалко, она стонет от такой жизни и всё чаще грозит сбегать к матери на Украину, – поглядывая на жену, грустно констатировал школьный товарищ.

Дальше всё получилось совсем не так, как я предполагал. Во время работы в воинской части я несколько раз издали видел Васю, который старательно делал вид, что меня не замечает. Поведение Васи я понимал, но оправдать не мог. Всё, что сообщалось воинской частью в Москву, оказалось, как и предполагалось, чистойшей выдумкой, единственной целью которой было привлечь внимание московского начальства.

В перерывах между анализом записанных радиолокационных сигналов я бродил по Колпашеву и старался найти следы бабушкиного Николая. По адресу, указанному на конвертах, стоял новый дом, где размещался продуктовый магазин. В школе, кроме самых общих слов о старом учителе, я тоже ничего не узнал, а обращаться в местный горсовет мне не хотелось.

Вечерами я выходил на берег Оби, садился на старую корягу и, отмахиваясь веткой от надоедливой таёжной мошкары, старался услышать шорох прошедших лет. К сожалению, эмоционального вдохновения на какие-либо открытия у меня не хватало и приходилось ограничиваться «философствованием». Меня не особо интересовало, почему сын священника превратился в революционера (Бог с ним! Или, точнее, не с ним). Я хотел понять, что заставило Николая поменять активную жизнь на полусонное существование. Почему он не уехал куда-нибудь в Европу или за океан, где, как многие его соратники, смог бы как-то устроиться.

Сконструировав несколько, как мне тогда казалось, вполне разумных конструкций, объяснявших принятый Николаем образ жизни, я, тем не менее, не смог ответить на главный вопрос: являлся ли он результатом поражения и сильного потрясения, обусловленного крушением юношеских идеалов, или Николаю открылось некое

высшее понимание сути человеческой жизни, указавшее ему тот путь, по которому ему следует идти.

В последний день Вася, уловив момент, когда около меня никого не было, подошел и предложил поужинать в кафе «На полянке». Кафе оказалось обычной забегаловкой. Зато меню было необыкновенно экзотичным: медвежати́на, лосятина, разная дичь и речная рыба. Вначале разговор не клеился, но после нескольких рюмок местной сивухи и моего рассказа о Николае Александровиче, о его жизни здесь в Колпашеве ситуация стала выправляться.

– В твоих словах всё время слышалась некая жалость, – сказал Вася, – думаю, ты не прав. Я, например, хотел бы прожить так, как это получилось у Николая. Возможно, что в конце, мне бы, как и ему, показалось, что Алые Паруса проплыли мимо. Возможно. Но сегодня я был бы не прочь оказаться на месте Николая.

– Ты путаешь жалость с грустью. И я не уверен, что Алые Паруса проплыли мимо. Просто они показались слишком поздно. Зато он о них помнил, пусть подсознательно, но помнил и не явно, но ждал, – не согласился я с Васей. – А интересно, что же тебе мешает повторить его путь?

– Всё – и моё настоящее, и моё прошлое. Вот мы кончали школу, и ты был свободен, мог выбирать. Я же, потеряв два года, должен был сразу же после сдачи выпускных экзаменов загреметь в армию. Единственно, что мне позволили, – это поступить в военное училище. Тогда я рассуждал так: раз уж деваться некуда, то лучше самому командовать, чем исполнять команды других. Глупый был и не догадывался, что те, кто отдаёт команды, тоже исполняют команды «других».

– А я помню, как ты собирался поступать в духовную семинарию.

– Да, я думал, что лучше церковь, чем армия. Но не получилось. В паспорте я значусь мордвин. А в действительности я – эрзянин. После Революции эрзян объединили с мокшанами и обозвали всех мордвинами. Для эрзянина мордвин – это почти так же, как «жид» для еврея. Отец мой – православный, а мать – из семьи, придерживавшейся, так называемой, народной религии, и меня не крестили. Из-за этого моё заявление о поступлении в семинарию отклонили.

– Так считай, что тебе повезло, – заключил я.

– Не скажи. В конце концов от священства я мог бы избавиться, а вот от офицерства – никаких шансов, только по здоровью, но, увы, я здоров как бык.

Вася помолчал, а потом продолжил:

– Чем привлекательна жизнь Николая, так это тем, что им никто не командовал. Он никого не обманывал, и ему никто не лгал. Он делал то, что мог и что хотел. Был всегда сыт и в тепле, да и баба была под боком..

И вдруг тон Васи изменился. Он стал резким, неприятным, отталкивающим:

– Сейчас ты находишься в нашем раю. Месяц, полтора и задует дикий холодный ветер с дождём, который затем сменится снегом. Сибирский мороз – это нечто особенное: всё сжимается в единый ледяной ком, и тогда жалеешь только об одном, что ты – не медведь, а так хочется оказаться один на один в своей берлоге, и чтобы тебя никто не трогал.

– Насколько мне известно, по истечению какого-то срока ты можешь просить перевода в другую воинскую часть, – попытался я успокоить Васю.

– Да, я примериваюсь к трём вариантам: Камчатка, Аральск и Балхаш. Что ты знаешь об этих местах?

– Я был на полигонах Камчатки и Аральского моря. По образу они очень похожи на твой и отличаются только своими задачами. Балхаш – это принципиально другое, нечто гораздо более мощное, а потому, на мой вкус, и более кислое.

Ужин закончился тостом с пожеланием будущей встречи. Мы чокнулись, выпили, но оба очень сомневались в том, что когда –нибудь ещё встретимся.

Теплоход медленно плыл вверх по Оби. Мимо меня проплывали те же покрытые непроходимой тайгой берега, но только теперь – в обратном направлении. В Колпашево я ехал с радостью предстоящей встречи со школьным другом, а прочитав взятые с собой письма, и с надеждой, что прикоснувшись к прошлому, смогу понять что-то важное для себя о настоящем, а может быть, и о будущем.

Письма по-прежнему лежали в моём рюкзаке, но запах романтики давно минувшего уже не был столь заманчивым. Появилось осознание простой элементарной истины: твои желания и возможности определяются тем конкретным временным интервалом, в котором ты живёшь, и тебе остаётся лишь искать способы, как вписаться в этот интервал.

Ещё явилось неожиданное понимание дружбы как чего-то живого, что рождается, доставляет радость, стареет и умирает. Детская дружба

с Васей, возникшая на «поле брани» между двумя еврейскими мальчишками и с грехом пополам после драки в парке Горького переросшая в юношескую, в мужскую перерасти не смогла. И дело было не в Васином начальстве, не желавшем дружеских контактов своего подчинённого с московским «ревизором», и не в Ольге, у которой с моим приездом появился лишний повод пожалеть о своей загубленной молодости, а в нас самих: нас объединяла одна парта, и, когда её не стало, мы сразу стали чужими, не нужными друг другу. Для меня это были первые похороны дружбы, и о чём я, конечно, не догадывался, к сожалению, не последние.

Это и всё, с чем я вернулся из командировки в Колпашево. А привезённые мои «научные изыскания», касавшиеся сообщений из воинской части, в силу их очевидной лживости, имели, конечно, нулевую ценность.

Роман Рязанов (дебют)

Гомель, Беларусь

У последней переправы

Казалось, на всей Северной границе Срединного государства¹²³ дул ледяной ветер, когда цзедуши.¹²⁴ Чень вышел во двор крепости, где он прожил без малого всю жизнь, в последние годы дослужившись до высокого звания командующего войсками и руководителя прилегающего к военным поселениям административного округа. Поёживаясь от холодного ветра цзедуши, коренастый, ещё крепкий для своих сорока пяти лет мужчина, подошёл к стоявшему на посту часовому и принялся отчитывать того, чтобы выместить собственную накопившуюся за последние дни злость:

– Ну как сегодня погодка? Холодно? – развязно обратился Чень к бойцу. – Холодно... да... Стоять на часах это тебе, монашек, не на мягких перинах в монастыре валяться – поддел он за живое молодого бойца, зная что того забрали в армию из буддистского монастыря – в

¹²³ Срединное государство – старинное название императорского Китая. Северная граница – граница Китая, за которой начиналась Великая степь; линия противостояния со степными кочевыми племенами.

¹²⁴ Цзедуши – чиновничья должность сродни должности генерал-губернатора в императорском Китае во времена династии Тан и несколько позднее, носитель которой сочетал полномочия военного и гражданского администратора в приграничных районах империи.

те времена чиновники Сына неба регулярно инспектировали монастыри и молодых монахов, известных своей ленью и распутным поведением, отправляли служить в войска на Северную границу. – Да, знаю я, чем занимаются молодые монашки вроде тебя, – всё также развязно продолжал цзедуши. – Вы ведь жить не можете без молоденьких прихожанок! Кстати мне сегодня тоже приведут одну... степную лисичку. Хотел бы взглянуть на неё, а монашек?

Молодой солдат безропотно сносил пощёлки командующего, и тому надоело над ним издеваться. Цзедуши Чень знал, что вчера воины из его крепости отомстили тюркам за недавний набег, совершив вылазку вглубь территории противника, и вернулись в крепость, захватив пленных, среди которых была и молодая девушка, дочь одного из придворных хакана. На неё и торопился взглянуть цзедуши:

– Но нет, мой милый монашек! – злорадно заключил командующий. – Сегодня мой черёд созерцать степных красавиц. А твой удел стоять на часах! Это наша с тобой, как написано в ваших буддистских сутрах, – карма!

Закончив говорить, цзедуши Чень вернулся в свои покои и, выпив несколько чаш зеленоватого рисового вина, принялся ждать пленницу. Через некоторое время к нему привели девушку в сопровождении охранников. Девушка наивно принялась упрашивать цзедуши Ченя вернуть её домой. Она пообещала цзедуши спеть тому красивую песню о родных степях, о голубом небе над ними...

– Ведь тогда вы отпустите меня? – взглянула она на Ченя глазами полными мольбы.

– Что же, пой, – довольно равнодушно откликнулся на её просьбу командующий, потянувшись за очередной чашей вина. – Если мне твоё пение понравится – тогда отпущу. Я ведь знаю ваш язык...

И из уст девушки полился напев, как она сказала собственного сочинения. А цзедуши Чень сидел, потихоньку прихлёбывая вино из чаши и размышляя: «Что же мне делать с этой певуньей? Отпустить... нельзя. Она была в крепости, видела наши укрепления. Потребовать выкуп у её родных? А потом убить? Но мои воины донесли мне, что её братья погибли в бою... Кто заплатит? Да и к тому же до меня доходили слухи от лазутчиков из вражьего стана, будто её род не в чести у хакана... может быть, завтра он сам вырежет всех её родственников? Кто же мне заплатит? А может поразвлекётся с ней? Нет...зачем портить такой товар? Лучше завтра продам её заезжим работаргочвам подороже...»

Приняв решение, цзедуши стал прислушиваться к пению. Оно и в самом деле было бесподобно.

– Так вы меня отпустите? – ещё раз спросила тюрчанка, когда закончила петь.

– Конечно, отпущу, – заверил её цзедуши Чень. – Клянусь Небом! Завтра же отпущу, а сегодня прошу побыть моей гостьей...

И довольная улыбка раздвинула губы командующего. Плохое настроение, будто бы вовсе оставило его. Вот что значит – власть! Здесь, на Северной границе государства, под чужим небом – но власть! Захочет – и ленивому монашку дадут сорок бамбуковых палок, захочет – и дочь знатного тюрка никогда больше не увидит родные края!

Когда девушка ушла, цзедуши Чень принялся устраиваться ко сну. В ту ночь, несмотря на выпитое вино, он долго не мог уснуть – вновь стало мучить что-то дурное... Тем не менее, ранним утром цзедуши договорился с приехавшим в крепость работорговцем о продаже знатной тюрчанки, и тот, заплатив деньги, увёз её вглубь Поднебесной. Цзедуши Чень утешал совесть тем, что девушке будет лучше в доме какого-нибудь знатного человека, может быть учёного мужа или даже поэта, чем в этих неудобных степях. Но горечь на сердце продолжала мучить его. Цзедуши ещё не мог назвать то, что гложит и терзает его...

Спустя несколько дней гонец доставил цзедуши Ченю письмо от министра Линя. Министр находился с инспекционной поездкой в приграничных провинциях и приглашал командующего посетить его в доме одного из губернаторов. Знаток конфуцианской морали, ценитель древних книг и дальний, как он сам любил подчёркивать, родственник императрицы – вот кем слыл министр Линь в Поднебесной. Неудивительно, что цзедуши Чень воспринял его просьбу о встрече как приказ. К тому же командующий хорошо помнил, что пост воинского начальника и руководителя административного округа он получил не без помощи министра. Тогда тот возглавлял одну из северных провинций Поднебесной, а будущий цзедуши был всего лишь младшим офицером, родившимся в крестьянской семье, насильно мобилизованным в армию, вместо своего земляка, умершего на военной службе, и только чуть-чуть ещё поднявшимся над остальной солдатской массой. Молодой офицер приглянулся губернатору провинции и тот, поднимаясь, наверх, увлёк его за собой...

Всё это пронеслось в голове цзедуши Ченя, когда тот входил в комнату, где его ожидал всесильный сановник. Министр лежал на кушетке, на шёлковых подушках, отдыхая после долгой дороги.

– У вас усталый вид, – заметил сановник, окинув взглядом фигуру командующего. – Если бы мы встретились в столице, я непременно угостил бы вас супом из ласточкиных гнёзд. Вы не больны?

– Нет, что вы, почтенный!– стараясь говорить бодро, ответил цзедуши Чень. – Ваш верный слуга прибывает в добром здравии, – закончил он, разглядывая своего покровителя.

С годами министр Линь ещё больше располнел, обрюзг, как и всякий жеманный, столичный чиновник.

– Это хорошо, – в свою очередь произнёс он. – Вы знаете, мой почтенный друг, я ведь неслучайно езжу в эти дни по провинциям. Мы должны готовить наши войска к последней битве с кочевниками. Сейчас, когда наша Танская поднебесная держава непоколебима как никогда, а тюркский каганат подтачивают междоусобные войны, именно сейчас настало время для решительного удара по врагам...

– Простите, министр Линь, – неожиданно для самого себя прервал речь сановника цзедуши. – Скажите, пожалуйста, а вы пишете стихи?

– Да, я написал одно стихотворение, когда сдавал государственные экзамены в молодости,... произнёс в ответ сановник. – Но я его совершенно не помню – ни строчки. Никчемная память вашего покорного слуги – начал было оправдываться он с утончённой конфуцианской вежливостью, но вдруг замолк, а потом спросил у цзедуши Ченя:– А почему вас это заинтересовало?

И цзедуши рассказал министру о тюркской девушке, спевшей ему красивую песню собственного сочинения.

– Я продал её в рабство, – закончил свой рассказ командующий. – Но с тех пор одна мысль не покидает меня, а почему я не могу сочинить ничего столь же прекрасного, почему я, подданный самого могучего государя в мире, житель самой счастливой страны на свете, умудрённый опытом всех моих предков, почему я не могу воспеть в стихах степь, реку, небо над ними? Почему я не могу поймать красоту?

– Поймать красоту?– криво, плотоядно улыбнулся министр Линь. – По– вашему, это всё равно, что схватить дракона за хвост? Или взять в плен тюрка или... тюрчанку?

Затем улыбка исчезла с лица министра, и он продолжил холодно: – Та девушка была варварского племени. А варвары всегда останутся варварами. Сто песен варваров, какими бы прекрасными они ни были, не стоят и строчки из наших древних книг. Я полагаю, вы просто раскаиваетесь, что продали её в рабство. Не огорчайтесь! Вы что, правда думаете, будто все эти тюрки, тибетцы, сяньбийцы и прочие такие же люди, как и мы, сыны Срединного государства?! Да весь их удел в том и состоит, чтобы быть нашими рабами! – закончил министр с нескрываемой злобой.

– Я понимаю, – словно бы оправдываясь, вновь заговорил цзедуши Чень. – Но просто мысли о поэзии, о стихах посещают меня последнее время...

Замолчав, командующий стал смотреть на ногти министра – длинные, холёные, заключённые в специальные шёлковые футляры. Такие ногти, впрочем, и полагалось иметь в Поднебесной учёному человеку, брезгующему чёрным трудом.

– Поэзия, стихи, – в тон ему подхватил министр Линь, мелко кивая, и вдруг резко спросил: – Вы знаете, на чём стоит Поднебесная, на чём стоит наше Срединное государство? – и сам же ответил на свой вопрос: – На терпении, мой бесценный друг, и только на терпении. Так вот, поэты, это люди, которым не хватает терпения, люди, которые не знают своего места, потому что вечно ищут чего-то. А ваше место, цзедуши Чень, определено уже очень давно – быть глазами и ушами императорских приграничных стен и крепостей. У вас должно хватить терпения исполнить свой долг до конца, – заключил сановник, указывая своим тоном на то, что аудиенция окончена.

«А, всё-таки, он, должно быть, пишет стихи до сих пор, – размышлял цзедуши, возвращаясь к себе в крепость после встречи с министром. – Только не хочет признаваться в этом тупому вояке вроде меня...».

Вернувшись, цзедуши Чень ясно понял намёк сановника, что ему надлежит заниматься только своим делом, выбросив из головы все эти мысли о стихах, красоте и прочем. И командующий вёл размеренную жизнь: муштровал новобранцев из числа угнанных на службу крестьян и наёмников, выходцев из приграничных к Срединному государству народов, вершил суд и расправу над окрестным населением, выколачивая из него налоги, идущие во благо Сыну неба, наказывал провинившихся, равнодушно отсчитывая число причитавшихся им бамбуковых палок, отражал мелкие набеги тюрков из-за реки, писал вечерами донесения в столицу о том, что на вверенном ему участке Северной границы всё в общем спокойно. И лишь украдкой цзедуши изучал несколько поэтических книг, приобретенных им во время последней поездки.

Так прошло два, а может быть и три года, а возможно, и все пять лет. Время текло медленно, словно воды приграничной реки за стенами крепости, но оно было неумолимо, словно небо над степью, – затянутое облаками зимой и пронзительно голубое, озарённое беспощадным солнцем, – летом.

Но вот однажды, это была осень, в крепость неожиданно примчался гонец. Цзедуши обрадовался – он решил, что наконец-то прислали приказ – выступать против хакана. Но гонец привёз высочайшее повеление цзедуши Ченю – явиться в столицу с собственным эскортом и подарками для императорской семьи. Обитатели крепости поздравляли командующего и прочили тому

должность при дворе или место губернатора провинции. Все они долго смотрели вслед, когда возок, в котором ехал цзедуши удалялся вглубь Поднебесной в окружении всадников.

Дорога шла легко, и скоро степь за окошком возка сменили леса. Цзедуши предпочитал ехать днём, а ночами он вместе со своим эскортом останавливался у начальников местных уездов – те встречали его так, как и подобало встречать важного гостя. Но когда он проезжал через пятый по счёту уезд, случилось дурное предзнаменование.

Начальник уезда дал цзедуши Ченю коня из своей конюшни, и они, пустив лошадей шагом, двигались из уездной управы в сторону загородного дома начальника, где цзедуши ожидал ужин и ночлег. Собственно, дом принадлежал одному из местных богачей, сына которого начальник уезда спас от смертной казни, и счастливый отец разрешил уездному чиновнику располагать домом, точно своим. Высокому гостю этого, разумеется, знать не полагалось, как, впрочем, и многого другого...

Начальнику уезда, ещё не старому, но уже начавшему полнеть чиновнику, было непривычно скакать на лошади – настолько он привык путешествовать в паланкине. Цзедуши подумал, что начальник сел в седло, только чтобы, доставить тем самым удовольствие ему, командующему, как человеку военному. Когда всадники проезжали через местный рынок, неизвестная женщина в яркой, но истрёпанной одежде, размахивая ветхой книгой, бросилась под ноги коня цзедуши Ченя и закричала:

– Позволь я погадаю тебе, добрый господин! Позволь я погадаю!

– Эй, ты, чёрная кость, пошла прочь отсюда! – прикрикнул на женщину начальник уезда, от неожиданности чуть не вывалившейся из седла.

– Позволь я погадаю тебе во имя всех пяти стихий! – не унималась женщина, хватая под уздцы коня цзедуши. – Я предскажу тебе всё... всё, что ты хочешь... кроме счастья, ибо в Поднебесной нет счастья!

– Ну, ты, заткнись! – замахнулся плёткой на женщину начальник уезда. – Или я тебя арестую за кражу священных книг! Хочешь, чёрная кость, чтобы тебя арестовали?! Там у меня в управе будешь гадать стражникам – они тебе развяжут язык!

Женщина отпрянула в сторону и лишь повторила:

– Ибо в Поднебесной нет счастья, – и вновь заговорила громче: – Во имя всех пяти стихий... во имя огня, воды, земли, металла и дерева!

Но всадники этого уже не слышали, продолжая свой путь.

– Какая странная гадальщица! – искренне удивился цзедуши.

– Гадальщица! – брезгливо повторил начальник уезда, – Да она просто сумасшедшая, несомненно одержимая злым духом! Но даже помешанные, вроде неё, знают, что лучше не попадать ко мне под суд! Представляете, она украла несколько священных книг у студента, готовящегося к экзаменам, и теперь воображает себя гадальщицей! Виданное ли дело! А началось это с того, что мужа её забрали в солдаты, и он сгинул где-то на Северной границе, болезнь ли его унесла или стрела какого-нибудь варвара, уж не знаю. А потом её дети умерли с голоду.. Вот с тех пор она и помешалась – сидит на рынке и твердит, будто может предсказать каждому любую судьбу, кроме счастливой...

Тут начальник уезда замолчал под тяжёлым взглядом цзедуши Чень, осознав, что он ляпнул лишнего. Разговор прервался, и воцарилась тишина. Неожиданно её нарушил какой-то резкий, скорбный крик.

– Что это? – спросил цзедуши. – Будто ребёнок плачет...

– Да, это обезьяны кричат в лесу, – охотно принялся объяснять начальник уезда, обрадованный возможностью продолжить беседу. – Вы, почтенный, в своей степи давно уж позабыли, как они выглядят! А наши обезьяны как раз в такую прохладную погоду, вроде нынешней, спускаются с гор. Кричат – значит, сильный дождь ночью будет! – добавил он тоном старожилы здешних мест. – Я бы на вашем месте не торопился бы в столицу...

– Я должен быть в столице в установленный срок, – сухо оборвал чиновника цзедуши Чень, прищипывая коня у ворот дома.

Глава уезда в ответ лишь многозначительно промолчал, а потом пригласил высокого гостя к себе.

– Скажите, начальник уезда, а вы пишете стихи? – спросил цзедуши хозяина за ужином.

– Стихи, – отозвался немного захмелевший от выпитого вина чиновник. – Вы знаете, почтенный, я бы лучше взялся за прозу. Попробуйте, пожалуйста, это блюдо из трепанга... Так вот, представьте себе, на днях выносил приговор по одному делу в суде – некий торговец принимал снадобье из рога носорога... для мужской силы, а потом оказалось, что жена подсыпала ему в это снадобье яду...

И что ж, жена? – задал вопрос цзедуши, чувствуя, что зря завёл весь этот разговор о стихах.

– А жена у торговца – одним словом, красотка, – живо продолжил начальник уезда, смачно жуя трепанга. – Но в шейных колодках, в которых эта утончённая прежде дамочка, теперь днём стоит на площади, по моему приговору, она теперь смотрится ещё лучше! Чем не сюжет для занимательной новеллы?

Цедуши Чень промолчал и через некоторое время, поблагодарив хозяина за ужин, отправился ко сну.

Ночь цзедуши Чень провёл скверно – ему мешал спать шум дождя и резкий ветер, дувший со стороны реки, на берегу которой стоял дом. Ближе к утру цзедуши всё же уснул, и ему приснилась сумасшедшая. Она то кричала как обезьяна, то показывала ему священную книгу учителя Кун-цзы, и все страницы в книге были почему-то пустыми. А потом, кажется, у сумасшедшей оказалось другое лицо – то лицо, которое он всегда хотел забыть все эти годы, и, кажется, она говорила уже не: «Позвольте, я вам погадаю?», а «Позвольте я вам спою? Ведь тогда вы меня отпустите? Отпустите, правда ведь?»

Цзедуши стряхнул с себя сон ещё ранним утром на исходе часа тигра (3), в то время за окном всё ещё шёл дождь. Командующий лежал в постели и вспоминал, как крестьянским мальчиком в первый раз пошёл в школу и там учитель заставлял его зубрить иероглифы по священным книгам, вроде тех, что были у сумасшедшей гадальщицы. Мысли командующего прервало появление хозяина дома.

– Вы уже не спите? – обратился он к цзедуши Ченю. – Я вынужден вам сообщить, что вода в реке поднялась после ночного дождя и повредила мост. Вам придётся подождать некоторое время, прежде чем мои крестьяне его починят, – проговорил он робко, – или найдут подходящую лодку для переправы.

В сопровождении главы уезда цзедуши, раздражённый полученным известием, спустился вниз и вышел из дому.

– А где мой эскорт? – спросил он резко. – Вчера вы мне сказали, что мои люди прибудут сюда с рассветом.

– К сожалению, вчера ночью произошло прискорбное событие, – тем же робким голосом начал рассказывать начальник уезда. – Один из ваших воинов подрался с крестьянином, выступив зачинщиком драки. До выяснения до конца обстоятельств происшедшего, мы временно задержали всех ваших людей. Разбирательство займёт всего лишь несколько часов. Как бы печально ни сложились обстоятельства, вы ведь можете продолжить путь и с другим эскортом. Каждый воин Сына неба будет рад сопровождать вас в столицу...

Цзедуши хранил молчание, скрывая ярость. Глупо было срываться на этого уездного начальника, но, кажется, что-то ещё заставило его промолчать. Он вернулся в дом, поднялся наверх и велел подать ему зелёного чаю в спальню. Когда цзедуши Чень пил чай, в комнату вошёл начальник уезда.

– А это вы, – довольно улыбнулся ему цзедуши, всем своим видом дав понять, что не сердится на уездного чиновника за все утренние неприятности. – Не желаете ли присоединиться? Знаете, как говорят:

кто утром выпьет зелёного чаю, тот днём захочет стать бессмертным! Хотя я бы в такое промозглое утро предпочёл бы чашу вина, вино иногда согревало меня в крепости...

– Вам точно не грозит участь стать бессмертным, господин бывший цзедуши Чень! – с неожиданной издёвкой ответил начальник уезда.

Цзедуши застыл с чашкой у рта, начальник уезда между тем куда-то проворно исчез, а в комнату поднялись сухопарый, чуть прихрамывающий чиновник, по виду страдающий от подагры, и несколько незнакомых солдат. Чиновник развернул бумажный свиток, готовясь начать читать.

– В чём дело? – спросил цзедуши, призвав на помощь всю свою выдержку и спокойно поставив чашку в сторону.

– Вы обвиняетесь в государственной измене, – бесстрастно проговорил чиновник со свитком. – Соблаговолите выслушать приговор Сына Неба.

– Какой ещё приговор? – вальяжно прервал чиновника цзедуши Чень. – Вы сошли с ума! Я – верный слуга Поднебесной! Меня знает министр Линь, я выслушаю приговор только от него, с вами я говорить не желаю! Наверняка, ваша бумага – подделка, её писал для вас в харчевне пьяный соискатель должности, провалившийся на экзаменах, а вы сами – всего лишь низкие заговорщики!

– Министр Линь больше не министр! – вскричал один из вошедших воинов, по всей видимости, их командир. – Он избалован как взяточник и казнокрад! Линь вымогал деньги и дорогие подарки у губернаторов провинций во время своих так называемых инспекционных поездок по стране. Он отравился мышьяком, словно крыса, когда ему были предъявлены обвинения!

В голове у цзедуши Ченя зашумело. Ему вдруг вспомнилась последняя встреча с тогдашним всемогущим сановником. Что тот говорил о месте каждого в Поднебесной, о терпении? А самому значит, не хватило терпения... дождаться конца... впрочем, ведь министр Линь был поэтом. Командующий горько усмехнулся своим мыслям и стал прислушиваться к тому, что читал по свитку чиновник:

– ... дабы посеять смуту в Срединном государстве и смешать небо и землю, его чёрное сердце замыслило взбунтовать войска, открыть границу варварам и во главе мятежников идти на столицу... Памятута прежние заслуги своего дерзкого раба Жёлтый владыка оказывает ему милость, заменив позорную казнь путём публичного четвертования на удушение шёлковым шнуром вдали от посторонних глаз...»

Цзедуши слушал молча, чуть прикрыв глаза.

– Вот так, почтенный, – закончил чиновник, сворачивая свиток. – Теперь вы быстрее предстанете перед загробным судилищем и даже получите новое тело в следующем перерождении, – добавил он тоном усталого судьи, спешащего передать дело обвиняемого высшей инстанции. – А если бы вас четвертовали, то пришлось бы вам голодным, бесприютным духом скитаться по земле. Так что цените милость Сына неба. Вашим же подчинённым на Северной границе сообщат, что вы попали под дождь, простудились, слегли и скончались, и возлюбленный государь так и не дождался встречи с вами... словом, они никогда не узнают, что вы встали на путь измены.

– Но ведь это клевета, никакой измены и не было, – тихо проговорил цзедуши. – Никогда я не злоумышлял против Сына неба, никогда не думал поднимать войско на бунт... Зачем это мне?

– Что я могу вам ответить? – мягким даже каким-то отеческим тоном возразил чиновник. – Сын неба – владыка Срединного государства, каждое его слово для нас – закон. Раз он решил, что вы совершили измену... Но меня просили вам передать, – проговорил он чуть дрогнувшим голосом опытного царедворца. – Подлинная ваша вина заключается в том, что вы оскорбили любимую наложницу нашего государя по прозвищу Небесная ласточка, и с тех пор судьба ваша была решена...

Цзедуши Чень сидел и смотрел куда-то поверх головы говорившего, в окно на реку, с нависшими над ней тяжёлыми, дождевыми тучами.

– Помилуйте, – только и промолвил он. – Как же я мог её оскорбить, если я никогда её не видел?

– А вот она помнит все оскорбления, нанесённые вами, – сказал в ответ чиновник, – и даже прислала вам свой портрет.

С этими словами он велел принести портрет девушки, написанный на шёлке.

Цзедуши Ченю хватило одного взгляда на него, чтобы понять всё. Это была она! Тюрчанка, некогда певшая красивую песню, когда за стенами крепости бушевал ледяной ветер. Её продали в гарем Сына неба, и она завоевала сердце повелителя Срединного государства, но не забыла того, кто отдал её в рабство, и уговорила государя казнить его. А заодно, увлечшись новой наложницей, тот обрушил свой гнев и на родственников императрицы, вот так пострадал и министр Линь.

– Вы не знаете, – обратился цзедуши к чиновнику, – а она... любимая наложница нашего государя... красиво поёт?

– Не доводилось... слышать, – бросил тот не слишком охотно. – Скажите, у вас есть ещё какие-нибудь просьбы ко мне, чтобы я мог помочь вам в последних приготовлениях?

– Пожалуйста, дайте мне бумагу, кисть для письма и тушь, – смиренно попросил цзедуши. – И оставьте меня одного в этой комнате...до истечения часа змеи...¹²⁵

– Не многовато ли вам нужно времени? – перебил его чиновник. – Вы собираетесь написать завещание?

– У меня нет ни детей, ни жены, – ответил цзедуши Чень. – Я напишу прощальное стихотворение. А вы никогда не пробовали писать стихи?

Сухопарый чиновник в ответ лишь понимающе кивнул и промолчал...

До конца часа змеи¹²⁶ оставалось совсем немного, и цзедуши Чень удовлетворённо отложил в сторону кисть, ещё раз перечитав написанное. Ему на ум пришло то слово, которое он насмешливо бросил замерзающему на посту солдату...Карма...значит карма. Цзедуши улыбнулся и уже совсем не испугался раздавшихся сзади тихих шагов...

Когда всё было кончено, и тело опального командующего вынесли из комнаты, сухопарый чиновник прошёл туда, где цзедуши встретил смерть. Взгляд распорядителя казни упал на бумагу, испещрённую иероглифами. Он взял бумагу в руки и прочёл:

Стоя на переправе осенним утром, вспоминаю министра Линя

Стою у последней переправы у осенней, бурной реки.

Скрылись в небе дикие гуси, там, где отроги гор блестят далеки.

Вспоминаю я друга под тоскливый крик обезьян,

Гадаю, как в службе его беспорочной отыскался изьян?

За трудом чиновным забыл мой друг все стихи свои без сомненья.

Я же, напротив, беру в руки кисть на пороге забвенья.

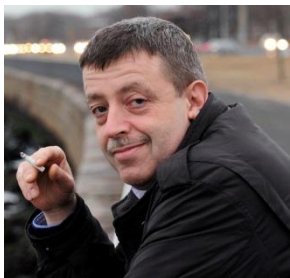
Жаль только, ошибок былого исправить не могут слова.

Красавица на портрете! К ногам твоим падёт моя голова.

¹²⁵ Час тигра – в соответствии с принятым в Китае традиционным делением суток – время с трёх до пяти утра.

¹²⁶ Час змеи – время с девяти до одиннадцати дня.

Владимир Резник
Нью-Йорк, США

Совершенное хокку

Кто-то из великих сэнсеев сказал, что время необходимо хотя бы для того, чтобы всё не происходило одновременно. Наверно, это так, вот только в мире, в котором я сейчас нахожусь, эти понятия потеряли смысл – во всяком случае, для меня. Здесь нет времени, тут ничего не происходит – и всё происходит одновременно. Здесь нет ничего – и есть всё – по крайней мере, всё, что мне требуется. Иногда мне кажется, что меня здесь тоже нет, но я же есть. Я думаю, гуляю, упражняюсь с мечами, пишу. У меня есть всё, что мне необходимо и когда это мне нужно. Не иссякает запас туши, кисточек и рисовой бумаги, всегда есть камень для заточки и масло камелии для смазки меча. Мне никогда не хочется ни есть, ни спать. И я, похоже, бессмертен и не могу перевоплотиться – я даже убить себя не могу. Мой верный меч, столько раз омытый чужой кровью, не может причинить мне вреда. Может, это и есть обещанная буддистами нирвана? Но почему же тогда я так хочу отсюда вырваться?

Это случилось в последний год правления Токугавы Иэнари – 11го Сёгуна. Мутные были времена – я чуть было не потерял своего господина – даймё и не сделался ронином: бродячим самураем без средств к существованию, которых так много развелось в ту эпоху. Меня не взял бы на службу ни один другой даймё, хоть я и был лучшим фехтовальщиком империи – слишком черна была моя слава. Я хорошо помню эту зиму: тогда температура понизилась за одну ночь так резко и так быстро, что утки в пруду Ходжо, в Киото вмёрзли в лёд, и то там, то тут виднелись их поникшие головы и чёрные, слегка припорошённые снегом спинки. Морозный воздух был так прозрачен

и хрупок, что, когда ранним утром я выходил на разминку, мне слышалось, как он звенит и рассыпается с тонким стеклянным пением под ударами моего меча.

Войн не было. Сёгун предпочитал разрешать все проблемы уговорами и подкупом. Воины разленились и разжирили. Самураи забыли кодекс Бусидо. Но меч не может лежать в ножнах. Меч не может питаться даже самым лучшим маслом камелии и гвоздики – ему нужна кровь. Горячая человеческая кровь – иначе он захиреет. Я ухаживал за ним – не давал ему ослабнуть и зачахнуть. Я поливал его тем, что ему требовалось. Всегда можно найти, чьей кровью его накормить. Мало ли шляется по миру никчёмных людишек: простолюдинов, преступников, крестьян и просто бездомных нищих, чья жизнь не стоит и площадки риса. Я выходил на охоту ночью – и редко случалось, чтобы мой меч оставался голодным. Как ни старался я менять внешность, как ни был осторожен – пару раз меня заметили и узнали, и слухи поползли по древней столице. Прежние товарищи стали сторониться – нет, никто не осмеливался сказать мне что-либо в лицо – все знали, что равных мне в схватке нет, и боялись, но круг отчуждения становился всё шире. Я не слишком этому огорчился – у меня была цель: я тренировался, я старался достигнуть совершенства.

Мой учитель по кэндзюцу – великому искусству пути меча – как-то сказал, что, если очень быстро взмахнуть катаной, то рассечённый воздух не успевает сразу же сомкнуться за ним, и на мгновение в этом разрушенном пространстве приоткрывается дверь в Ничто. Когда я стал расспрашивать, он ушёл от разговора и сказал только, что не знает никого, кто смог, и что тот, кто это сделает, станет самым великим мастером. Так вот я достиг этого. Но один раз, только один. Впрочем, я понимаю теперь, что человеку и не дано сделать это дважды, потому что это – достижение совершенства, а достигнув его, перестаёшь быть человеком. Достигнув его, ты не помещаешься в своём мире, выпадаешь из него... и, как оказалось, попадаешь в другой.

В ту ночь я пошёл на окраину, в район Симабара, только начавшийся разрастаться район гейш и проституток, где на окраинах и у ворот всегда можно было встретить нищего бродягу или разбойника, который в темноте попытается ограбить путника. Было холодно даже мне, а все бродяги, видать, попрятались по щелям, пытаясь хоть как-то согреться. Единственный нищий, которого я увидел, сидел на земле, прислонившись к столбу, и, когда я толкнул его ногой, повалился на бок с деревянным стуком. Он был мёртв давно и полностью окоченел на морозе. Я уже собрался возвращаться домой, когда заметил вышедшего из дверей маленькой дешёвой гостиницы, сдающей номера всякому сброду и местным проституткам, самурая и узнал его. Это был

Ода – молодой совсем самурай, недавно поступивший на службу к тому же даймё, что и я. У меня с ним сохранились ещё приятельские отношения, и я, было, собрался подойти, хлопнуть его по плечу и пошутить над ненасытной молодостью, как увидел, что из той же двери выскользнула закутанная во всё тёмное женская фигура и быстро пошла в сторону, противоположную той, куда направился Ода. Это не была проститутка – её походка выдавала женщину благородного происхождения. Любопытство одолело меня, и я незаметно последовал за ней. Это было непросто, несмотря на темноту. Улицы были пустынные, неглубокий вчерашний снег, скованный ночным морозом, предательски хрустел под ногами, и мне приходилось идти частым женским шагом, так, чтобы звук моих шагов совпадал с её. Она пошла сначала в сторону императорского дворца, но потом свернула на запад и вышла к замку моего господина, моего даймё. У ворот она скинула закрывавший голову платок, и я узнал её – это была Иси-ё – новая, молодая и удивительно красивая наложница даймё. Так вот с кем встречается Ода! Первым моим порывом было всё немедленно рассказать хозяину. Самурай не имеет права соблазнять жён и наложниц господина – это покушение на его собственность. Это преступление, заслуживающее смерти. Но я не стал торопиться и пошёл домой, чтобы не торопясь всё обдумать, тем более что даймё был в отъезде – поехал в лагерь сёгуна, поэтому-то мерзавка и решила уйти ночью из дворца. То, что он поехал к сёгуну и не взял меня – лучшего своего воина – было ещё одним знаком немилости, которые всё чаще стал выказывать мой господин, и эта незаслуженная обида ещё сильнее сворачивали мои мысли в другую сторону. Чем ближе подбиралось утро, тем больше я думал не о Ода и его проступке, а о Иси-ё, о её красоте, её молодом и свежем теле, которое сначала досталось этому старому разжиревшему борову даймё, а теперь молодому, ещё ничего не умеющему щенку Ода. Самурай может и должен иметь жену, но за годы войн и скитаний я так и не женился. И у меня давно не было женщины. Когда утреннее солнце – багровое, холодное, всё в морозном тумане выползло из-за вершушек гор – я решился. Я оделся и, придя во дворец, попросил приёма у Иси-ё, сославшись на важные новости от господина. Она приняла меня в небольшом кабинете на мужской половине. На ней было расшитое птицами голубое шёлковое кимоно и две длинные лакированные шпильки в тяжёлых чёрных волосах. Она была так красива, что я, дрожа от возбуждения, как щенок, не сразу приступил к делу. Потом взял себя в руки, собрался и всё ей изложил. Про то, что я видел вчера и что хочу получить от неё в уплату за моё молчание. Она не шелохнулась, и ни один мускул не дрогнул на её не напудренном и не

накрашенном с утра свежем лице. Только румянец стал чуть ярче. Она помолчала недолго, потом встала с татами и, тихо сказав: «Я сообщу вам о своём решении вечером», – вышла.

Я узнал о её решении ещё днём, сразу после полудня, в кабачке, где обычно обедают наши воины. Влетел растрёпанный самурай из моего клана и, запыхавшись от бега и нетерпения, рассказал, что Иси-ё сделала себе дзигай – это вроде харакири, только женское. Она перерезала себе горло специальным кинжалом – кайкэн – его дарят обычно девушкам на свадьбу для защиты своей чести. По всем правилам, говорит, сделала – даже, как положено, себе лодыжки связала, чтоб после смерти выглядеть пристойно. Я вышел из кабачка и пошёл прогуляться, обдумывая на ходу, чем может мне грозить, когда даймё донесут, что я встречался с ней утром, какую легенду мне придумать. Я уже подходил к своему дому, как на меня налетел Ода. Он был в бешенстве, в растерзанном кимоно и с блуждающим взглядом сумасшедшего, слезы текли и тут же замерзали на его щеках. В одной руке он держал обнажённый меч – в другой лист бумаги. И я всё понял: Иси-ё послала ему предсмертную записку, в которой рассказала о моем посещении, и теперь этот мальчишка рвался отомстить. Я не стал ничего говорить ему – да он и не спрашивал, просто с воплем бросился на меня, подняв меч. Щенок неопытный. И тут... и тут-то я и смог, наконец, достичь той скорости удара, достичь того совершенства, к которому так долго стремился. Я услышал, как с хрустом рвётся воздух под лезвием, увидел, как клином расходится в стороны пустота за моим мечом и, уже проваливаясь в неё, успел увидеть краем глаза, как распадается разрубленное надвое тело Ода.

Настоящий самурай не обрастает вещами – а я не просто настоящий – я великий мастер. Единственное, что у меня есть моё – это мои мечи – моя дайсё: великолепная пара, дошедшая ко мне через шестнадцать поколений моих предков. Я семнадцатый и последний. Мне некому передать их. Я ухаживаю за ними, как делал это всю свою жизнь, с детства. Точу, протираю рисовой бумагой, смазываю маслом камелии. Настоящий самурай в совершенстве владеет и искусством чайной церемонии – но с кем мне здесь пить чай? С кем помолчать, склонившись над тёплым заварочным чайником? – я и так тут молчу. С кем обсудить за чашкой густого чая строку из Басё или нежное сочетание красок в свежесрезанном букете? Я один здесь, я вечен, а мой любимый катана работы великого Масамунэ умирает, и я не могу напоить его даже собственной кровью.

Настоящий самурай знает и ценит поэзию. И вот теперь я пишу стихи. Я оттачиваю свои хокку, как за долгие годы привык оттачивать свой меч. До бритвенной остроты, до идеально отполированной и

чётко прочерченной извилистой линии закалки. Мой текст должен входить в читающего быстро и глубоко, не давая ему возможности отпрянуть, оторваться от страницы и стоном нарушить музыку слова, ритм стиха и красоту смерти.

Масамунэ ковал лучшие в мире мечи. Басё достиг в своих стихах совершенства в описании жизни. Я хочу достигнуть его в трёх строчках о её конце.

Может, достигнув совершенства в стихе, я окажусь в другом мире? Может, смогу вернуться? А может быть – и в этом мой план и моя надежда – это совершенное хокку о смерти, которое я когда-то обязательно напишу, убьёт и меня? Может и мне наконец-то дадут возможность умереть?!

Николай Боков
Париж, Франция

Ванна ветра

Муниципальный бассейн радовал необыкновенно свежей и прозрачной водой, хотя, конечно, и в других она не мутная, но тут в прозрачности было что-то океаническое. В том ли причина, что бассейн назван именем писателя Монтерлана? А он жил в прошлом двадцатом веке в шестнадцатом округе, самом чистом, ухоженном, богатом районе Парижа, как говорят, буржуазном? И буржуа больше других любят литературу? И чистую воду. И пляж океана в Бьяррице.

Был открыт и солярий, обычно закрытый под предлогом возможной угрозы теракта, – сокращены два слова в одно, будто времени нет произнести их раздельно, нужно сказать побыстрее, чтоб не успеть испугаться!

Посетитель бросился в прозрачную воду и плавал.

Сначала он плыл на спине, а возвращался по той же водной дорожке кролем.

И – растянулся на солнце.

И так наслаждался чередованием жара и холода, жара и дремы, лучей и воды.

Плесканье и восклицанья пловущих доносились до загорающего. Краем глаза он наблюдал разнообразие тел, – мускулистых ли, желающих похудеть, осторожной беременной женщины, загорелых или белых мучнистых – безвылазно городских.

Как на ладони – все стадии плоти, от нежной лолиты до еще живого старика, – смирись, запасайся, мой друг, благодушием, потом будешь его расходовать экономно в других обстоятельствах жизни.

Касание кожи послеполюденным солнцем ожесточалось, переставало приятствовать, и он в тень перебрался. Ветерок обвеивал

тело, он думал о нем, о временности владения им, точнее, о дозволенном пользовании; иногда беспокойном: тревожило и самое легкое недомогание, – какой-нибудь взаболомошный зуб, не говоря уж о потемнении внезапном в глазах. Но сегодня, сейчас стояла уверенность в вечном довольстве. Он размышлял о строках стихотворения, переводил так и этак, уточняя смысл, довольный совпадением своих ощущений – и строк:

легкий, о легкий
пробежал ветерок
и легко улетел
и что я подумал, не знаю,
и узнать не стремлюсь.

Не странно ли думать об этом... спустя столько лет, столько зим... спустя век... спустя рукава... а впрочем, так ли он передал:

Léger, léger, très léger
Un vent très léger passe
Et s'en va toujours très léger.
Et je ne sais pas ce que je pense
Ni ne cherche à le savoir.

В марте четырнадцатого – в столетии прошлом – записано прочитываемое им сейчас, в мае восемнадцатого, – совсем в другом месте, среди хаоса звуков воды, голосов, улицы города и безмолвия неба! Эта капля жизни – поэзии – собрана тем далеким, исчезнувшим, – и вот она, пять коротеньких строк. Определить бы поэзию, напечатать рецепт ее в книге! Невозможно – в отличие от салата и супа, хотя и не прерывается деятельность определения, повсюду ученые стараются выразить чудное мгновение в параграфах.

Немногие могут о ней рассказать или даже создать поэзию усилием сердца, а точнее, услышать ее растворенную в воздухе – присутствующую. Свойство сердца поэта – собрать ее и сгустить до ощутимых нами количеств, – подобно пчеле, труд которой он подносит ко рту ложечкой меда утром, на завтрак.

Но что это? Поэт, дав вкусить, затем делает заявление? Политическое, антицерковное даже. Как странно! Приготовить почву, а вместо цветка небесного посадить там столбик владельца.

«Со мною так не получится! прочь! А в юности принял бы, не понимая еще, что в напитке чудесном кристалл растворяется яда, и выпил бы, и потом бы смотрел с удивлением в зеркало, – в зеркало

жестов и поступков близких, они ведь пили меня, полностью мне доверяя, не видя подвоха, не умея определить вещества, примешавшегося к любви! Не понимал и я ничего.

В чем же разница того и теперь? Иные тревожатся признаками собирающегося дождя. Я же спокойно открываю зонтик или разворачиваю плащ.

Ванна ветра! Мне нравится так выразиться, поскольку воздух упруг, он меня омывает подобно волне, воде, но с большею деликатностью, с ног он не валит, его материальность умеренна и угрожающей не становится здесь, в тени обрамляющих солярий сосен.

Мне нравится соединение предмета быта, ванны, и свободного воздуха».

Время длинных строчек. Время коротких строк. Время многоточия.

Время отсутствия.

Эмиль Дрейцер
Нью-Йорк, США

Революционный этюд

– Нина, вы следующая, – шепчут ей откуда-то сбоку, из-за кулис.

Она забирает воздух полной грудью и уже на полпути к фортепиано жалеет об этом. Душно. В луче солнца, чудом пробившегося сквозь плохо промытые окна актового зала, прыгают пылинки. Зал пустой, только где-то посередине, в ряду десятом, расселась комиссия. Две тетki да директор, дядька с лысой бледно-

оранжевой, как среднеазиатская дыня, головой. Все при очках, бумажки в руках, хотя слушать надо, а не читать. Экзамен ведь – по музыке, а не сочинение на вольную тему «Как я провела лето»

Папа с мамой – в холле. Сидят там, небось, бледные, затаив дыхание. Носовые платки от волнения жуют.... Да что они в самом деле! Операция у меня, что ли? Гнойный аппендицит? Ну, не возьмут в музучилище – подумаешь, большое дело!.. Ну, для них, может быть, и большое, даже великое, а мне-то что!

Быстрым нервным шагом подходит к раскрытому Стейнвейю, допотопному, довоенному. На крышке – паутина трещин и черный лак по краям облупился. Да и клавиши уже тронуты желтизной... На минуту мелькает страх: так много накопилось эмоций – старик Стейнвей может не выдержать ее напора. Рухнет под руками, как слон в цирке – сразу на все подпорки...

Вот сейчас так отбабахая, – решает, опускаясь на стул, – не то, что в музучилище, в посудомойки не возьмут...

Благо, вещь, которую выбрала, – для такого случая самая что ни есть подходящая. «Революционный этюд» Шопена. Уж я устрою вам революцию!

К кому относится «вам», она точно не знает. Полагает – ко всем на белом свете.

Наткнулась на эту вещь случайно, но, как только взглянула на ноты, на первые аккорды – резкие, диссонирующие – сразу потянуло сыграть. После первого бурного пробега по волнам – *allegro con fuoco*, то есть, быстро, с огнем, так и легло под «Черт побери!».

«Черт-по-бе-ри!»». И сразу после паузы – ещё более гневное: «Черт побе-ри-и-и!»

Ну, как еще, скажите на милость, выразиться по поводу того, как сложилась жизнь, вторая ее половина, лет то есть с семи! Недаром этюд – в тональности «до минор». Вам удивление: молодая девчонка, какой тут может быть минор?

Что ж, да саро, любезная комиссия.... Да саро *al fine*, вернемся к началу и пройдем до конца, то есть до самого последнего аккорда....

...Левая рука наполняет зал бурным рокотом пассажей, а правая выдает трагические аккорды основной мелодии. И так – с первого такта по десятый. Та-та-там!.. Та-та-там!

Ну, как так случилось в жизни, что повергла себя на вечную муку?! Росла ведь нормальным ребенком, но стукнуло семь, и родители насели:

– Пойдешь учиться музыке.

Повезли на трамвае на другой конец города, записали в музыкальную школу, в класс фортепиано. Проверили слух и ритм.

Барабанили карандашом по столу – повтори! Пропой «В лесу родилась елочка»... Начались занятия, училка стала объяснять, где какая нота, как называется. Ну, галки сидят на заборе, дальше что?..

Скучно было. Каждый раз в школу тащили силком.

– Не хочу я эту музыку, – ныла.

– Мало что не хочешь! – наседала мама. – Не забывай – ты еврейка. То есть тебе не дадут выучиться ни на врача, ни на юриста. А с музыкой – шанс выбиться в люди. Вот смотри – Буся Гольдштейн... Эмиль Гилельс... Давид Ойстрах... Станешь звездой – закроют глаза, что не той национальности... Ну, если и не звездой, то закончишь консерваторию, училище хотя бы – будешь музыку преподавать. Все-таки без куска хлеба не останешься...

Она на них глазища свои темно-карие выкатила. Чего, чего вы мне такое говорите?.. Мы же в школе проходили! У нас же Советский Союз, не какая-нибудь ужасная Америка, где негров на деревьях вешают... У нас все национальности равны. Я в «Родной речи» читала, знаю....

Матово-белые блики рук в откинутой крышке рояля то сходятся, то, словно повздорившие влюбленные, разбегаются в разные стороны, чтобы тут же, зависнув на мгновение в воздухе, обрушиться на клавиши в оглушительных аккордах.

Черт побер-и-и! Черт побери-и-и!...

... Папа – высокий и красивый. В углу родительской спальни – пианино. Папа садился за него каждое утро. Откашливался. Аккомпанировал себе и разогревал горло бесконечными ми-ми-ми, ма-ма-ма и мо-мо-мо. Она росла и узнала, что папа поет в большом сизовато-сером здании со скульптурами по бокам главного входа, в театре оперы и балета. Все девчонки в школе смотрели на нее с завистью. Надо же, как повезло! Иметь такого замечательного папу! И поет он не где-нибудь, а – в оперном!

Водили их туда всем классом. Ей там не понравилось. Облезлый, когда-то бордовый плюш на креслах. Нафаталином отдает... И поют тоскливо. За стенами театра – солнце, голубое небо и море недалеко. А тут – темный зал, горестные лица на сцене. Да и в зале – ничуть не веселей... Сплошное doloroso. Тоска, то есть, зеленая....

Вот и у папы лицо редко бывало счастливым. Он грустил, всегда грустил.

– Успокойся же ты, наконец! – время от времени говорила мама.

Но он не успокаивался. За обедом, хотя уже подано жаркое, слюнки текут, а он, вместо того, чтобы есть, долго складывает салфетку. Сначала вдвое. Потом, подумав, – в четверо. Потом – в восьмушку. И, выждав паузу, так же медленно, шаг за шагом разворачивает ее....

Так, сейчас – *appassionato con forzo*, страстно и с силой. Черт по-бе-ри!... Черт по-бе-ри!..

Мистика, отчего папа всегда грустен, длилась долго. Пока однажды не прояснилось: папа, хоть и поет в опере, и голос у него замечательный, теплый и грустный в одно и то же время, но поет он – в хоре. В солисты ему хода нет, поскольку зовут его прямо-таки зверски – Исаак Рафаилович Мейстель. Хуже не придумаешь, качает он головой. Ни за что не спрячешься. Ни за имя, ни за отечество, ни тем более за фамилию.

Конечно, говорил он иногда за столом, если б случилось, чтоб не тенор у него был, а бас, да с диапазоном от высокого, певучего кантанта, каким поют Мефистофеля или Бориса Годунова, до низкого, каким полагается петь Ивана Сусанина и Хана Кончака, тогда бы его тоже взяли в солисты. В тот же одесский оперный. Как Марка Рейзена, несмотря на фамилию, – в Большой...

Черт по-бе-ри!... Черт по-бе-ри!..

Время от времени папа смотрел на нее своими большими красивыми и печальными глазами – и до нее однажды вдруг дошло, о чем он думает. Пусть хоть ей, его дочери, единственному его дитяти, удастся то, чего не привелось достичь ему...

И пошли годы пыток, учебы в двух школах – обычной и музыкальной. Ехала в трамвае из одной в другую, смотрела на свое отражение в стекле, думала: «Какая я несчастная! Мои подружки сделают уроки и бегают по двору, играют. В скакалки прыгают или в классы, мелом на тротуаре начерченные... А я тут тащусь из одной школы в другую. Каждый день – каторга. Какая тут тональность?.. Проиграй эти гаммы двенадцать раз... Назови аккорды... Запиши ноты с голоса... Теперь спой по ним...

Дома – закрывают в комнате на ключ. Учи сольфеджио. Пропой упражнение... Построй аккорды... Выучи тональности... Ля-до-ля...Ре-ми-до... Еще раз! Еще, и еще!.. Просто издеваются над ребенком...

Не поднимая головы, она следит за левой рукой, которой полагается быть неутомимой во время всей вещи, нагнетать громы....

... Подошло время поступать в музучилище. Готовила частная преподавательница. И где они такую мучительницу для нее откопали? Такую старую каргу только в какой-то древней книжке и видела. Пенсне на длинном шнурке... Сидит, выпрямив спину, и только и знает, что говорить занудным голосом:

-Здесь не престиссимо, детка, не престиссимо..... Аллегро здесь умерато. Сбавь ходу...

Однажды в нормальной школе классная руководительница Надежда Ивановна, когда были в классе одни, вздохнула, покачала головой, сказала вполголоса:

– Ах, Нина, Нина... В классном журнале, по метрике, – оказывается, ты Нехама. Бедная девочка!.. Трудно тебе будет в жизни... Надо же, такое невезение!.

Нехама пожалала плечами. Вон в две школы тащусь каждый день – куда уж больше!..

Но прошедшей весной поняла – бывает и больше. Витька, вихрастый сосед, конопатый, скуластый, серые глазенки так и зыркали на нее каждый раз, когда, возвращаясь домой, проходила по двору, размахивая нотной папкой. Переминался с ноги на ногу, но ни заговорить, ни подойти не решался. А на восьмое марта вдруг взял да позвонил в их дверь. Едва открыла, ткнул ей чуть ли не под нос букетик фиалок – и убежал.

Не прошло и двух часов, как снова звонок.

– Чего тебе?

А он в пол глядит, насупился, бубнит злым голосом:

– Отдай цветы!.. Не знал, что ты – еврейка!..

Его счастье, что цветы принес в кулаке, а не в горшке. Так и разбила бы о дурацкую его голову! Вот губошлеп!.. Надо же! Не знал, что еврейка... Вот кретин!..

Черт поberi!.. Черт по-бе-ри!..

Постепенно, день за днем, музыка этюда стала проникать в Нехаму. Она уже читала, что Шопен написал эту вещь, когда до него дошла весть о том, что восстание, вспыхнувшее в Варшаве, подавлено. В звуках, исторгаемых ее пальцами, она все больше узнавала свой собственный гнев, свой протест, свою душевную боль. За день до экзамена она сыграла этюд с такой отдачей, что старая карга, дернув шнурок своего пенсне и поймав его сморщенной рукой, выкатила на нее свои близорукие глаза, будто увидела свою ученицу в первый раз:

– Похоже, детка, у тебя от долгих страданий прорезалась душа художника...

Ночь перед экзаменом Нехама спала плохо. Обрывками снился Шопен, измученный дорогой в Штутгарт, где его застала трагическая весть с родины. Горели во тьме его глубоко посаженные глаза...

Вот и добралась, наконец, до коды. Скорбь, оплакивание гибели героев. Порыв мятежных чувств.... Шквал грозных вихревых пассажиров.... Пусть, пусть грозит смерть – не сдаваться, ни за что! Ни за что!..

Звучит последний аккорд. Вздохнув полной грудью, не поднимая головы, она проводит языком по солоноватым с ссохшейся корочкой

губам. Похоже, старик Стейнвей не подвел, выдержал натиск. Не крякнул ни разу...

Наступает странная тишина. Похоже, что в зале, в комиссии, все замерли, перестали шуршать бумажками и шептать что-то, будто испугались чего, прониклись тем, что происходит на сцене....

Она чувствует, как внутри нее светлеет. словно тучи, освободившись от тяжелой влаги, разогнанные поднявшимся ветром, стремительно расползаются по небу, так же быстро тает в ней привычная, годами накопленная злость на родителей, на судьбу.

По тому, как радостно застучало сердце, она уже знает, что отныне, начиная вот с этой минуты, жизнь ее уже пошла в другую, неведомую ранее сторону. Гений шопеновской музыки, гений светлой печали уже завладел ею, отравил кровь. Со странной смесью радости и тревоги она ощущает, что, кроме вот этих будоражащих душу звуков, возникающих под ее пальцами и проникающих в грудь, ей ничего не нужно. Что по-другому невозможно – да и не к чему! – жить...

Павел Кожевников
Колорадо Спрингс, США

Вовка

Я встретил этого человека всего два раза в жизни. Но обе встречи были настолько необычны, что запомнились хорошо.

В 90-х годах уже прошлого века мне довелось часто летать по всему свету, особенно в Россию. В то время авиакомпания Delta была и по цене, и по качеству – одной из лучших международных компаний, вот я и летал на её «боинговых» лайнерах.

Летать в Россию было интересно: с каждым визитом она менялась, становилась другой, чем-то лучше, чем-то хуже. В 93 году рейсы из России были забиты эмигрантами: евреями, немцами, новоиспечёнными бизнесменами, усыновлёнными детьми, русскими женщинами... . А в Россию летали... – да кто только тогда не летал в Россию: и свидетели Иеговы, и мормоны, и ортодоксы, и авантюристы всех мастей. Были и русские люди, которые, устроившись на Западе, летали в Россию либо по делам, либо на отдых. Я стал некоторых узнавать, разговаривать с ними, делиться мыслями о «приобретённом и потерянном».

Однажды одним из моих собеседников на рейсе Москва – Нью-Йорк оказался средних лет мужчина, довольно симпатичный, но излишне эмоциональный и разговорчивый.

– Еду к своей американочке. Не очень красивая, но состоятельная и умная. Устал от бардака, от грязи, хамства, русского расп***яйства, – пожаловался он мне.

Звали мужчину Владимир, был он разведённым, повидавшим жизнь человеком. Встретил американку у себя в институте, где преподавал. Она влюбилась в него по полной; они наспех поженились и жили некоторое время у него в Питере. Но институт закрыли, его уволили. У американки закончилась виза, и она вынуждена была

вернуться в Штаты, а он стал продавать китайские колготки на базаре, изредка вспоминая её и жалея, что не уехал с ней, как она умоляла его тогда при расставании.

Но женщина не забыла о нём. Через какое-то время от неё пришло письмо -приглашение в Америку. Быстренько распродав всё, что было можно и оформив визу на воссоединение с женой, он взял билет и поехал к своей «американочке». В Штатах устроился хорошо, всё у него было...

Владимир ещё долго рассказывал обо всём и вся, но я заснул в кресле, а когда проснулся – он спал. В Нью-Йорке мы попрощались. Он ушёл пружинистым шагом навстречу своей американской мечте, а я – к своей привычной жизни.

Прошло несколько лет и опять судьба свела меня с этим человеком. Мы уже подлетали к Москве, когда я столкнулся с ним в самолёте. Он выходил из туалета, а я по привычке разминал затёкшие от долгого сидения ноги, гуляя по узкому проходу.

– О, привет! – сказал он, сразу же узнав меня. Я его тоже узнал. Он немного изменился, поправился, стал посолиднее, в кудрявых волосах была красивая дымчатая седина.

Разговорились о том, о сём. Теперь он был более сдержанным, менее улыбчивым.

Я не выдержал и спросил его о семье, о его «американочке».

– Ты знаешь, не сложилась у меня жизнь с ней. Развёлся давно, а сейчас и вовсе еду домой, не могу без России. Достала эта гребаная Америка. Устал я от их политкорректности, устал от пустых, недалёких людей, которые только и думают о бабках, да о себе.

Я удивился и возразил ему.

– Наверное, мы разные люди. Ты вон уже сколько лет вне России и ничего! – ответил он как-то вяло.

– Да я в России никогда и не жил, – поправил его я.

– Ах, да. Я забыл, что ты из какой-то нацреспублики.

Я подсказал.

– У тебя – другое дело. Вас оттуда выдавили, а Россия не приняла. Я сейчас вспомнил твой рассказ.

Это было не совсем так, но я не стал его поправлять.

– А у меня была Россия, были друзья, шашлык, банька, рыбалка, несколько любовниц, но самое главное, я жил среди своих! Мне не надо было каждый раз обдумывать, как правильно сконструировать вопрос на чужом языке, чтобы тебя поняли, притворяться лучшим, чем я есть на самом деле, скучать на их пресных свадьбах, поминках, днях рождения.

Я не удивился его словам. В начале моей жизни в Америке, когда её идеализация прошла, я тоже чувствовал себя «не в своей тарелке»: всё меня раздражало, всё американское казалось скучным и ... примитивным. Но потом, особенно когда я стал работать, эти мысли, вызванные ностальгией, прошли. Я искренне полюбил Америку, не сравнивая её с той страной, из которой уехал. В каждой из них была и своя прелесть, и свои «колючки». Я поделился этим с Владимиром, но он покачал головой:

– Нет, земляк, ты меня не понял. Здесь глубже. Я работал в дружном коллективе, получал неплохо, имел друзей среди американцев. Но я не о том... Как бы тебе объяснить это...

– Ты, наверное, не любил свою американочку? – попытался помочь я ему.

Он на минуту задумался. – Может быть. Но кто любит в зрелом возрасте, вся любовь переходит в привычку. Хотя, наверное, это и есть любовь. Только другого качества. После развода у меня были и другие женщины, но всё это не то... Я не знаю, как тебе это объяснить... Нет в Америке того, что есть у нас. Нет удали, что ли, бесшабашности, открытости... Соседи там не знают друг друга, в лучшем случае, кивнут тыковками и выдают этот пустой и глупый вопрос-приветствие, на который и не ждут ответа – «How are you?» То ли дело у русских: «Здравствуйте!», а, каково? Здоровья желают, а не спрашивают – как дела? Или отношения между мужиками и бабами, это же ужас! Не смей сказать комплимент женщине, пропустить её вперёд, поцеловать ей ручку, например. Однажды меня чуть не засудили за такое. Я сказал своей коллеге, что у неё потрясающе красивые глаза, а через час меня вызвал босс и показал письмо-жалобу этой мадам, в котором она жаловалась на мои «сексуальные домогательства». Понял, да ?!

Мне повезло: босс был нормальным мужиком, он всё это спустил на тормозах, и я отделался только письменным извинением перед этой дурочкой, а могли бы не только уволить, но и посадить за такое.

Другой случай – о нём в газетах недавно писали. В военно-воздушной академии кадет и кадетка пили после «party»¹²⁷ в его комнате. Напились, улеглись в постель... А на следующий день его арестовала полиция за изнасилование девушки. Она, когда протрезвела, цитирую: «поняла, что кадет воспользовался тем, что девушка была пьяна, изнасиловал её». И как ни билась защита, утверждая, что девушка сама пришла к парню, дала себя раздеть и не сказала ни разу слово-выручалку – «нет!», судья впаял по полной – двадцать лет тюрьмы. Хотя это ещё не по полной, могли и

¹²⁷ вечеринка

пожизненно дать, если бы были отягчающие обстоятельства... И знаешь, чем мотивировал решение судья? Тем, что девушка была не в состоянии сказать «нет» из-за сильного опьянения!

Я пожал плечами. – Ну, мало ли что газеты напишут, наверное, были какие-то детали, которые они упустили. Ты же знаешь этих писака!

Мой собеседник, кажется, и не услышал того, что я сказал. Он продолжил.

– Словом, я стал размышлять, а для чего я живу на этом свете? Для того, чтобы набить желудок, отложить на чёрный день, отказывая себе во многом, солидную сумму, которая позволит жить в «nursing home»¹²⁸, где ты будешь никому не нужен, но где исправненько тебе будут менять подгузники и вывозить на прогулку по коридору?

Был я в одном таком с бывшей жёнущкой. Там – чистота, культурненько. Но у стариков такие печальные глаза, что душу сжигают. Мы навещали тогда её бабульку, которой было за сто. Она уже никого не узнавала, сидела в кресле в обнимку с куклой и постоянно кричала, что её не кормят, не дают хлеба! Это был уже и не человек, а овощ! Тогда я и сказал своей мадам, что лучше пуля в лоб, чем такая жизнь. Кажется, эта была наша первая ссора. Потом ссоры стали всё чаще и чаще. У меня появилась любовница – русская женщина откуда-то из Москвы. Стал я жить как бы на две семьи. У американки было всё – огромный дом, дорогие машины, шкафы, заполненные одеждой, кольца, бриллианты..., но не было самого простого – не было смеха в доме, не было спонтанности; всё шло по американскому трафарету, который они называют «американской мечтой». А у русской женщины – квартира в бедном районе, в доме – бардак, в холодильнике – шаром покати, жила ведь от зарплаты до зарплаты. Но там был смех, там были шутки, там был русский мир, что ли. И знаешь, что оказалось последней каплей в моём разрыве с женой? Не поверишь – простая, казалось бы, вещь. Однажды я поругался из-за пустяков с американкой и ушёл к Ирине, так звали мою подругу. Она открыла дверь и, бросившись ко мне на шею, воскликнула – Вовка, как здорово, что ты пришёл, я как раз поджарила твои любимые котлетки! – Вовка! Ты понял, братан! Не Владимир, не Вова, а, именно, по-русски – Вовка!

Он посмотрел на меня, пытаясь догадаться, понял ли я его. Я его понял.

– Вот это и было последней соломинкой, как говорится. Мы разошлись с американкой, и я стал жить у Ирины. – Он замолчал.

¹²⁸ дом престарелых

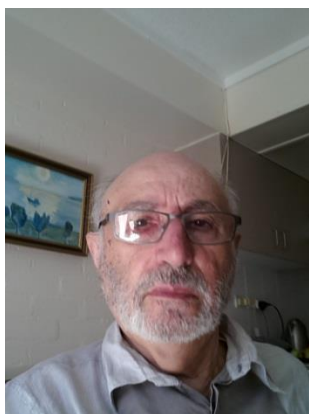
– Так вы вместе летите на Родину? – не выдержав молчания, спросил я.

– Нет, она уже в Москве. С год назад уехала. Умерла её мать, и она унаследовала дом в центре Москвы. Теперь работает в турбюро, делает хорошие бабки, вот и меня вызвала. Словом, хватит, наездился, пора и домой...

Объявили посадку, и я вернулся на своё место. Позже, выходя из аэропорта, я увидел моего собеседника, целующего маленькую, неказистую женщину. Заметив меня, он помахал рукой. Женщина улыбнулась, и они скрылись в толпе.

Наум Белог

Мельбурн, Австралия

Свадьба. Из Одесских историй

Светлой памяти Жени Белоголовской

Это было в середине шестидесятых. Я жил в Одессе, большом, веселом городе на берегу Чёрного моря. Мне было тогда двадцать два года, и в один прекрасный летний вечер я встретил девушку. Её звали Соня, и я влюбился в неё с первого взгляда.

Мы были очень разными. Я был длинный и худой. Всё моё тело состояло из странных остроугольных треугольников. Ко мне было

опасно прикоснуться: лопатки, плечи, колени и локти – всё это могло уколоть и причинить боль. В этом плане я, наверное, был скопирован моими родителями с Пикассовской картины кубистического периода.

Соня была прямой противоположностью мне. Все в ней имело мягкие, закругленные формы. У нее были темные с рыжеватым отливом волосы и глаза как маслины. Но не те дикие серовато-зелёные, которые растут на склонах Ланжерона и Аркадии, а те настоящие – греческие, в которых горело страстное солнце Средиземноморского юга. Её щеки были цвета спелого персика и пахли чем-то приятным, напоминавшим мне ещё довоенное детство. Я думаю, что Ренуар писал свои портреты с девушек, похожих на Соню.

Что еще разнило нас? Я был неисправимый мечтатель, полный идеями, которые выплескивались из меня ежедневно, как ежедневно выпекают хлеб или доят коров. Соня была реалисткой и пыталась смотреть на мир, отбросив розовые очки, которыми я пользовался частенько. Мы были разными, но в нас обоих созревала любовь. Она созревала, как созревает абрикос в пропитанном зноем июне. Тяжелый, сочный плод уже был готов сорваться с ветки...

© Margarita Krivitsky

Мы видели друг друга каждый вечер. Обычно мы встречались в парке недалеко от дома, где жила Соня. В парке, кроме нас, не было ни

души. Только вдалеке, где-то глубоко внизу шумело море. Над нами было черное небо, покрытое звездами, которые залегли недвижно, как залегают уставшие овцы на пропекшемся полуденным зноем лугу. Из меня сыпались истории, одна неправдоподобнее другой. Одни – пришли из моих снов, другие – я придумывал, сидя рядом с ней. Я читал ей свои стихи, перемешивая их со стихами знаменитых поэтов. Я врал без зазрения совести о моих грандиозных проектах и о книгах, которые будут напечатаны скоро. Я смотрел ей в глаза и не чувствовал угрызения совести за своё враньё.

Октябрьские ночи становились холоднее. Ветер с Севера по вечерам приносил в город туман и дожди. В один из таких вечеров, промокшие, мы прибежали к Соне домой. Вид у нас был, как говорили в Одессе, «на море и обратно». Сониная мама долго глядела на нас и потом, глубоко вздохнув, сказала:

– Послушайте, дети. Я думала, думала, и вот, что я вам скажу. Хватит вам на холоде торчать. Ещё какую-нибудь хворобу поймаете. Вот эта комнатка – так она будет ваша. Она маленькая, всего шесть метров, но, как говорится, – в тесноте, да не в обиде.

В тот же вечер мы решили, что свадьба будет в конце декабря. Все одобряли мой выбор, кроме нашей соседки Ханы, которая, поймав маму за рукав, шептала ей в ухо:

– Это, конечно, не моё дело, мадам Гуревич, но надо быть последним шмоком, чтобы лезть из одной бедности в другую. Тысяча извинений, соседка.

Роль главного заготовителя взял на себя Сонин отчим Яша. Яша был в своих ранних восьмидесятих, но здоровья и энергии в нем было – хоть отбавляй, и это вопреки тому, что он отсидел десять лет в лагерях.

Яша был высокий, с маленькой головой, покрытой серым, густым ежиком волос, и большим, круглым, как раздутый до предела резиновый шар, животом, пришиленным к низу его груди. Наиболее выдающейся частью его лица был, конечно, его нос. Это был не просто большой и мясистый нос. Этот нос улавливал даже малейший намёк на появление где бы то ни было в городе дефицитного продукта. Как хорошо тренированная собака-ищейка, Яша появлялся в магазине и, как правило, был в числе первых в очереди. Он имел особый талант, силы и выносливость, позволявшие ему выстаивать иногда в изнуряюще длинных очередях, при этом давая отпор всем, кто покушался втиснуться до него, нарушая правила игры. Можно сказать, что он был настоящим волшебником, потому что купить в то время в магазине что-либо, и особенно, купить гуся на свадьбу – было всё равно, что достать розу с Северного Полюса.

Яша привык брать быка за рога, поэтому, когда по дому разнесся слух, что на Дерibasовской «выкинули» гусей, он, несмотря на то, что до свадьбы было еще далеко, решил брать их – пока дают. Было ещё темно, когда Яша первым трамваем уехал за покупками в центр города, и было уже темно, когда он возвратился. Он привез домой в своём огромном саквояже три красавца – три золотых, набитых кишками и салом, откормленных гуся. Яша был очень горд собою.

Люба, Сониная мама, была тихой женщиной, и она считала, что Яша был прав, когда он взял быка за рога. Она никогда не спорила с ним, но в тот раз уверенность мужа не передалась ей и чувство тревоги, как змея, вползла в её сердце. Дело в том, что, по причине бедности, холодильник в то время был для наших семейств так же недосыгаем, как недосыгаемы звезды в небе, и гусей вывесили за окном на свежем морозном воздухе. Будучи вовсе не религиозной, Люба, тем не менее, день и ночь просила Бога продержат мороз подольше, чтобы гуси, висевшие за окном, могли дотянуть до того момента, когда Сониная тётя Фира возьмётся за них. Люба просила Бога, и Бог обещал хранить холод так долго, как он сможет.

Медленно и счастливо мы приближались к свадьбе. Но, как это часто бывает, неприятности ударяют без предупреждения. Неожиданно ветер, дувший с севера, поменял направление, и массы теплого воздуха с юга ворвались в наш город. Туман и непрекращающийся день и ночь дождь превратили город в мрачное, серое чудовище. Это был удар, которого никто не ожидал, и всех больше он был для Любы и для Яши. Продукты, висевшие за окном, конечно не продержатся еще десять дней. Люба была в слезах и пила валерианку, а Яша грозился убить главного метеоролога города.

Только один человек был спокоен и по-прежнему улыбался. Это была моя тетя Рахиль. Как она призналась потом – она не спала всю ночь, но зато на следующее утро она ни свет ни заря появилась у Любы с замечательной идеей. Вот что она сказала прежде, чем переступила порог:

– Что вы себе делаете вырванные годы с ерунды? Так мы сыграем свадьбу на неделю раньше. А ищым паровоз! А не дай Бог, отравить гостей с вонючими гусями – будет красиво?

После непродолжительных дебатов Рахилина идея была принята, и мы попросили наших гостей прийти на неделю раньше. Свадьба должна была состояться в воскресенье, в нашей квартире, состоящей из двух небольших комнат на втором этаже старого, обшарпанного дома. Мама одолжила столы, стулья и посуду у соседей и родственников. Потом целый божий день вся родня перетаскивала

приготовленную еду от Сони к нам, меся грязь на тротуарах, затопленных растаявшим снегом.

В воскресенье, когда холодное чахоточное солнце нырнуло за хибары Пересыпи и темнота грохнулась на землю, повалили гости. Родственники расселись в большей комнате, и каждый имел тарелку, вилку и стакан. Друзья и соседи, оказавшиеся в маленькой комнате, не все имели такое счастье. Несколько человек оказались без стаканов для выпивки, и им срочно, во избежание волнений, принесли пол-литровые алюминиевые кружки. Родственники, более привилегированные гости, имели на своем столе два гуся, но зато вторая комната, по недосмотру Яши, имела больше бутылок водки, что могло привести к беспорядкам в ближайшем будущем. Но в тот момент все как будто были настроены мирно и ждали тоста. Они ждали пять минут, потом еще пять. Но как долго голодный человек мог терпеть?

Первым не выдержал напряжения мой двоюродный брат Сашка, у которого была кличка «Без пол-литра не разберешься». Он вскочил со стула и закричал:

-Кого еще мы ждем, громадяне ? Пора выпить за наших молодых!

Его жена, известная на весь город парикмахерша Клава, большой как лопата рукой посадила мужа на место:

-Стыд на тебя. Неужели ты не знаешь, кого мы ждём?

Большинство гостей знало, что дядя Сема готовил тост последние две недели, и готовы были ждать еще две минуты, но не более. Тишина уже не сулила ничего хорошего, и, когда раздались голодные голоса: - Дядя Сема! Дядя Сема! Тост, тост, – зажатый между столом и подоконником Сема начал свой тост. Он начал издавека, с революции, когда его дядя сражался с контрреволюционерами, а потом сам в 1937 году стал врагом народа и исчез навсегда, как исчезла краковская колбаса при Хрущеве. Когда Сема плавно входил в тему войны с Гитлером, гости уже были готовы громить все и всех, особенно те, кто был во второй комнате. Они не хотели ждать, пока племянник великого революционера приступит к рассказу о том, как было тяжело в те времена найти равнина, чтобы сделать обрезание нынешнему жениху.

-Довольно! Остановите его, или я за себя не ручаюсь! – стонал сосед Изя, старый холостяк, контуженный на войне.

Дядя Сема был образованный человек, и он не подозревал, что животное начало в человеке так опережает духовное. То, что он услышал от Изи, подкосило старого марксиста-ленинца. Сема почувствовал себя очень плохо. Его жена Ида, чувствовавшая его боль, как свою, пыталась дать ему таблетку валидола, которую всегда хранила в своём кармане. Сидевший рядом Миша, краснощёкий

гигант, бывший майор НКВД, а в то время заведовавший гастрономом, заметил Идины намерения:

-Идочка, это не поможет. Я дам ему что-то получше, – и он налил Семе стаканчик водки.

Потом Миша перехватил инициативу. Еврей-богатырь держал стакан, полный водки, у своего сердца. Он оглядел гостей с высоты своих почти двух метров и, повернув голову в нашу сторону, прогремел:

-Давайте выпьем за детей! Будем здоровы – и они вместе с нами. Лехаим! Горько!

© Margarita Krivitsky

С того момента водка полилась, словно река в половодье. Все пили многократно за Сонечку, за меня, за родителей и всех родственников – присутствующих и отсутствующих. Дело дошло до того, что мой начальник по работе Фима Лебединский предложил выпить за товарища Ташмана, который починил заводскую печь. И все с удовольствием выпили за никому не известного товарища с красивой еврейской фамилией. Я тоже выпил за Ташмана, потому что, после множества тостов в честь молодоженов, мне уже было всё равно, за кого пить. Дело в том, что мой стакан никогда не был пустым. Он постоянно наполнялся чьей-то очень заботливой рукой, несмотря на протесты Сонечки.

Не помню, в какой момент ощущение времени и пространства исчезло из моего сознания. Сонечка тоже исчезла, и я заметил, что моё тело не имеет веса. Будучи невесомой пылинкой, я был готов взлететь.

Протрезвел я на промерзшем балконе. Рядом со мной, заслоняя небо, стоял, как мне тогда показалось, еще более громадный, чем, когда он произносил тост за молодоженов, бывший майор НКВД Миша. Он потрепал меня по плечу, потом поднял, как пылинку, и понес в комнату, где гремела во всю мощь свадьба. Он нес меня и выговаривал:

– Ну, ты дал, герой. Не умеешь пить, не берись. Если бы я не хватился вовремя, ты бы, не дай Бог, отморозил себе кое-что. А оно еще тебе очень пригодится.

И он засмеялся. Мощное ха-ха-ха ударило мне в лицо вместе с запахами вина, винегрета и селедки. Он опустил меня перед Соней.

– Вот привел тебе твоего муженька. Принимай в целости и сохранности.

Соня сидела на том же самом месте, где я покинул ее. Она была бледна, и глаза были в слезах. Рядом с ней, как часовой, стоял отчим Яша.

– Это у тебя называется любовь навеки? – встретила меня Соня.

Что я мог ей сказать? Я молчал.

– Ты можешь освободить меня от этого кошмара?

– Конечно, могу. Бежим отсюда.

В город неожиданно возвратилась зима. Большие хлопья снега, как искрящиеся белые розы, падали на землю. Холодная черная тишина висела над домами. Только одно окно было освещено. За ним бились волны пьяной веселости. Вдруг окно отворилось. Сашкина

голова высунулась из него, и прокричала с высоты:

– Горько! Горько! Го-орько-о!

Через минуту его голова исчезла, а пьяное разухабистое эхо еще долго висело над спящим городом.

Нелли Эпельман-Стеркис

Б.Вашингтон, США

Куколка

По утрам Элла прибегала на работу запыхавшаяся, но вовремя. Слегка отдышавшись, спешила в туалет, где по утрам толкался народ, что-то вроде женского клуба. Покурить, поболтать, навести маршкет, где сталкивалась с Куколкой, которая там тоже околачивалась. Так её называли за глаза. Откуда появилось странное прозвище, никто не помнил. Оно пристало к ней, и мало кого интересовало её настоящее имя. Куколка смотрелась не очень. Нос выглядел картошкой, кожа — пористой: волосы, взбитые, обильно политые лаком, казались гипсовыми, уложенные в старомодную причёску «Бабетта идёт на войну», делали её какой-то тяжеловесной. Она напоминала парковую скульптуру «Девушка с веслом» в стиле китч. Разговаривала как-то высокомерно и держалась с вызовом, как-будто защищалась от чего-то. Куколка усиленно прихорашивалась: накладывала тени, красила губы, рисовала стрелки на глазах и густо пудрилась. Косметика ещё больше подчеркивала какую-то искусственность, и от этого лицо казалось гуттаперчевым. Может, поэтому и возникло нелепое прозвище.

Невозможно было определить, сколько лет стукнуло Куколке, хотя было очевидно, что пора иметь мужа и детей. Но, увы!

Трудно даже представить, что она могла кому-нибудь приглянуться, да к тому же в отделе работали в основном женщины. Как же все удивились, когда поползли слухи, будто Куколка встречается с Колей, с которым работает в одном бюро. Он только что закончил институт и попал в отдел по распределению. Коля смотрелся «парубком моторным»: черноволосый, с усиками, со смуглым румянцем и очень застенчивый. Известно только, что родился в какой-

то богом забытой деревне Замостье на Ворскле. Неведомо, чем его прельстила Куколка. Поговаривали, что он просто нуждался в городской прописке, но кто знает чужие души. Куколку переполняло счастье. Маленькие глаза сияли, и, казалось, асфальтовые волосы сверкали. Слава богу, Куколка, наконец, вышла замуж.

Незаметно пролетела пара лет. Коля изменился. Ничего не осталось от застенчивого красавчика с усиками, Куколка им верховодила. Сама же Куколка выглядела по-прежнему: с гордостью носила причёску «Бабетта идёт на войну» и красилась немыслимо вульгарно. Разве что не повезло им с детьми. Чего только Куколка ни делала: посещала разных врачей, ездила к бабкам, ясновидящим, целителям. Ничего не помогало. Когда она уже смирилась с мыслью, что детям не суждено появиться, Коля влюбился. А главное, в кого? В Катю, которая вместе с ними работала. Чтобы удержать Колю, Куколка билась не на жизнь, а на смерть, оправдав название «Бабетта идёт на войну». Она наняла лучших адвокатов, суды проходили за судами, откладывались, переносились, опять назначались. Только спустя год Коля смог получить развод и жениться на Кате, которая к тому времени успела родить девочку. Что могла сделать немолодая, неприглядная Куколка, да к тому же бездетная, по сравнению с юной Катей?

Глаза Куколки покраснели и вспухли, так как она плакала непрерывно. К тому же, её мучила бессонница, довольно странная. Едва только улёгшись в кровать, измождённая от дневных мук, она мгновенно вырубалась, среди ночи просыпалась от невыразимой что время лечит. Но, увы! Может быть, со временем стало бы легче, если бы не работали вместе. Через пару лет Катя родила вторую девочку, а Куколка по-прежнему оставалась одинока и нелюбима.

Неведомо, что случилось. То ли какая-то бабка наколдовала, то ли Бог рассудил, что нельзя построить счастье на чужом несчастье. Ни с того ни с сего, Катю начали допекать непонятные головные боли. Катя обратилась к нашумевшей тогда иридодиагностике. Диагноз определил, что у неё проблемы с головой. Да она и так об этом догадывалась. В заводской поликлинике сделали рентген. Тогда ещё не существовало ни компьютерной томографии, ни МРТ. Рентгенолог что-то заподозрил и послал на консультацию к нейрохирургу на Сабурову дачу. Доктор взял в руки рентгеновский снимок, внимательно его изучил и расхохотался. Катя не выдержала: «Ну, что?»

—Ничего. Зачем только таких на консультацию присылают? Вы абсолютно здоровы. Правда, на всякий случай, покажу своему коллеге. Через некоторое время вернулся.

— Мой коллега тоже так считает.

Катя ушла совершенно успокоенная. А через пару недель она неожиданно упала без сознания, начались конвульсии. Вызвали скорую, но до больницы не довезли. Так и не смогли определить причину, отчего Катя неожиданно умерла, даже не дожив до тридцати.

Коля был неутешен. У него на руках оказались две девочки.

Жизнь продолжалась, ведь приходилось растить детей семи и четырёх лет. Девочек разделили. Старшую Марину забрали Катины родители, а младшая осталась с Колей. Пути Господни неисповедимы, и Коля вернулся к Куколке, которая приняла его с распростертыми объятиями.

Куколка оказалась замечательной мачехой. Она водила Олечку в детский сад при заводе. Старалась купить ребёнку вещи покрасивей и еду получше. Занималась с ней азбукой, читала книги и водила на фигурное катание, но Катины родители терпеть её не могли и почему-то не могли простить Куколке преждевременную смерть Кати.

Время текло. Потихоньку все налаживалось. Наступила весна. Коля с Куколкой и Оленькой праздновали у сестры 9 мая. Почему-то после этого Куколке стало дурно, её рвало. Наверное, съела что-то не то. Пришлось вызвать скорую. Ее обследовали долго, а затем прооперировали. Хотя, вероятно, операция запоздала.

Элле поручили проводить Куколку. Если честно, то этого ей ужасно не хотелось, так как она понятия не имела, о чем с ней говорить, да и вообще тяжело.

Элла приехала в больницу. Стены, выкрашенные зеленой масляной краской, выглядели грязными и потрескавшимися, а в трещинах копошились прусаки. Пахло карболкой и безысходностью. В палате лежало человек восемь. Куколка встретила Эллу настороженно:

— Чего приперлась? Жрать принесла?

— Да, вот клюква. (В отделе собрали деньги на передачу.)

Куколка несколько смягчилась:

— Давай сюда. Вот у этих — она показала рукой на своих соседок — сиськи отрезали. Могут жрать все подряд, а я нет. У меня проблема с поджелудочной. — Голос задрожал.

— Я спросила у хирурга: «Скажите, доживу до Нового года?»

А он не ответил, только пожал плечами, но я-то уверена, что выживу.

Эллу это ошеломило. Она понятия не имела, что все так печально.

Куколку выписали из больницы, но на работу она не вышла, болела дома, и Элла продолжала её навещать.

Элла зашла в полутёмную комнату. Почему-то дневной свет Куколке не нравился. Вообще её раздражало все. Мама, приехавшая из

деревни, чтобы за ней ухаживать, сварила овсяную кашу и подала ей. Куколка отодвинула тарелку.

— Слишком густая.

Мама унесла кашу, разбавила и принесла опять.

— Слишком редкая. Убери.

Мать покорно вышла с кашей, исправила и возвратилась.

— Не сладкая, — мама безропотно унесла.

— Остывшая, не годится.

Мама без всяких упреков принимала все взбрыки Куколки.

Элла молчала, не зная с чего начать. Заговорила Куколка и говорила долго и непрерывно:

— Вчера ко мне сестра приезжала и со слезами на глазах жаловалась, что ехала в переполненном потном автобусе и её укусила оса. — Она вздохнула.

— Ты представляешь, какое это счастье, когда можно гулять по улице, ехать в автобусе и тебя может укусить оса!

Куколка продолжала:

— Я прочитала в журнале, что в Батуми живет врач, Гачечиладзе, который изобрёл средство для лечения рака. Это лекарство — его изготавливают на основе акульего хряща — называется катрекс. Дело в том, что ученые установили, что акулы никогда не болеют раком. Препарат уникальный, но, к сожалению, срок хранения только 10 дней, да и то в термосе, где помещен обыкновенный лед. Доставлять катрекс нужно обязательно в термосе.

Весь Союз ринулся в Батуми, и Коля полетел туда же. Несколько дней и ночей непрерывно Коля стоял в очереди, но добился приема у доктора и выклянчил препарат. Затем регулярно летал в Батуми и привозил катрекс в термосе для Куколки и ещё нескольким больным, которые вступили в долю. Одним средство помогало, другие умирали, а вот Куколка стала выздоравливать. Уже отпраздновали Новый год, а Куколка оставалась живой и боли отступили.

Элла навещала больную регулярно, принося скудные передачи и приветы от сослуживцев. Куколка уже начала вставать с постели, только температура по-прежнему держалась. В марте стала даже выходить на улицу. Она торжествовала: «Я же говорила, что выживу». Шутила:

— Мы с Колей переделываем названия журналов. Вместо «За рулем» — «За рублем», вместо «Вокруг света» — «Вокруг с того света».

Но радовалась она недолго. Опять наступила болезнь, и, когда Элла приехала к больной в очередной раз, та пожаловалась:

— Поверь, я хочу умереть. Вовсе не потому, что я не дорожу жизнью, а просто такая жизнь мне не нужна. Вот если бы кто-то подошёл и застрелил сзади.

Мать переживёт без проблем. А вот Коля? Не представляю, как он будет без меня.

В августе Куколка отошла. Её застали мертвой сидящей на стуле. В последнее время она не могла лежать, задыхалась.

Её хоронили великолепным августовским днём, когда разноцветье астр и георгин, а солнце уже негорячее. Цветы разложили по обеим сторонам гроба, с каждой — четное число, как положено. Куколку накрасили, как она завещала, а волосы уложили в любимую причёску «Бабетта идёт на войну», которую она проиграла. Играл заводской духовой оркестр, за гробом шли родственники и сослуживцы. Коля держал за руку Олечку, а та все время плакала:

— Мамочка, почему ты умираешь второй раз?

Август 1997 — апрель 2018

Михаил Ландбург

Израиль

Два рассказа. Мне полегчало. Жена на полу

Мне полегчало

Я рассчитывал на то, что рассказ закончу к обеду, но концовка никак не давалась. Меня сковал испуг, потом – странное возбуждение, потом – внезапная слабость.

Открыв мобильник, я пожаловался приятелю.

– Рассказ застопорился.

– Не бери в голову, – отозвался тот.

– Меня просто мутит. Какой-то ад...

– Ничего удивительного. В каждом из нас заложен кусочек ада...

Я бросил трубку.

У меня дрожали руки.

Позвонил другому приятелю.

– Что делать?

– Поспи, – сказал друг.

– Я пытался.

– Послушай музыку.

– От музыки я расклеиваюсь.

– Пойди поешь.

– Меня мутит.

Мы помолчали.

И вдруг мой приятель спросил:

– Магазин «Детский мир» знаешь?

– Знаю, – сказал я.

– На днях там появилась новая продавщица с невероятно большими глазами. Посмотришь на эти глаза – и кажется, что твою голову обволакивает туман...

– Ну да, сейчас мне только тумана и не хватает... – заметил я. – В «Детский мир» не пойду.

– Тогда иди к чёрту! – теперь трубку бросил мой приятель.

Я посмотрел на мои руки – они продолжали дрожать.

Я понял, что надо бы заглянуть в аптеку.

За прилавком стояли две пожилые женщины.

– Мне плохо! – сказал я той, лицо которой казалось более осмысленным.

Женщина, лицо которой казалось менее осмысленным, спросила:

– Что случилось?

Я объяснил, что утром писал рассказ, но застопорилась концовка, и теперь мне плохо.

В аптеку вошёл мужчина с носом, обклеенным мелкими бумажками. Он попросил что-нибудь от комаров. Потом вошла девушка. Заметив меня, она что-то шепнула на ухо той, у которой лицо было более осмысленное, и та протянула девушке что-то такое, получив которое девушка, покраснев, выбежала на улицу.

Больше никто в аптеку не входил, и я снова сказал, что мечтаю писать так, как пишет Чарльз Буковски.

Удивительно, но обе аптекарши признались, что такого писателя не знают. Мне стало жаль этих пожилых дам, и я предложил вслух прочесть образчик из Чарльза Буковского.

Та, у которой лицо казалось менее осмысленным, сказала:

– Читайте, если от этого вам станет легче...

Я прочёл: «Подними юбку повыше, – сказал он. Она подняла. Это было похоже на восход солнца».

Переведя дыхание, я спросил:

– Что скажете?

Аптекарши переглянулись.

– Стало легче? – спросила меня та, у которой лицо казалось более осмысленным.

Я не успел ответить, как другая сказала:

– Этот Чарльз, наверно, очень знаменит?

– Да, очень!

– А вы?

Я опустил голову.

Та, у которой лицо казалось менее осмысленным, проговорила:

– В мире полно ненормальных...

Та, у которой лицо казалось более осмысленным, хихикнула:

– Особенно среди писателей.
Вдруг я почувствовал, что мне полегчало.

Жена на полу

Обнаружив жену на полу, я спросил:

– Что с тобой?

– Наш сын, – подавленным голосом сообщила жена, – получился нравственно ущербным. Кажется, я сойду с ума.

– Не делай этого, – попросил я.

Глаза жены тревожно заметались.

– Возможно, что я уже...

Я задумался.

Жена прокричала:

– О чём думаешь?

Я сказал:

– О нашем сыне.

– Напрасно. Если не хочешь сойти с ума, то...

Я обещал о сыне не думать и осторожно спросил:

– Может, с пола поднимешься?

Жена отказалась.

Я взглядом поискал моего сына. Он спал в своей кровати.

Нетерпеливым жестом жена пригласила меня прилечь рядом.

Я опустился на пол и снова спросил:

– Что случилось?

И тут я узнал: утром, после завтрака, мой двухлетний сын пописал в новые туфли своей мамы.

Глубоко разочарованные в нашем ребёнке, мы лежали на полу, а потом вдруг, не сговариваясь, перебрались на диван делать другого сына.

Потом мы встали под душ.

Потом мы сели за стол и выпили по большому бокалу белого вина. Жена завела разговор о том, какими получатся наши внуки, и в её глазах вспыхнули холодные искорки.

– Что? – испугался я.

Не ответив, жена опустилась на пол.

Я прилёг рядом.

Не глядя на меня, жена спросила:

– О чём думаешь?

Я ответил:
– О наших будущих внуках.

И мы вновь перебрались на диван.

Часть 9. Поэзия

Аристарх Лентулов. Портрет женщины с гитарой. 1913

Валерий Скобло
Санкт-Петербург, Россия

Узнал, что умерла 13 лет назад

Узнал, что умерла 13 лет назад.
Пытался отыскать, да что эти попытки?
Халтурина, Нева... дом номер... Ленинград...
Я не вернусь туда и под угрозой пытки.

Уехала в Париж... Как Дания тюрьма -
Россия с Францией... в том главном смысле слова.
И медленно, как в ночь, схожу теперь с ума.
Сгущается туман, и наплывает снова

Вся молодость, весь тот безмерно пошлый пыл,
Усердие, напор и школьные танцульки,
Все, что пойдет потом с размаху на распыл.
Какая ерунда... Что за игра в бирюльки?

Кто дожил так, как я, те стали старики,
Теперь мне, что Париж, что Вырица глухая -
Мы с нею прежние безмерно далеки...
Безмерно далеки, в тумане этом тая.

Хотел и я – назад под пару тысяч дней -
Увидеть тот Париж... Тоска ночами гложет.
Я, помнится, сказал, тогда прощаясь с ней,
Мне стыдно повторить:
Прощай... прощай, быть может...
2018

Виктор Голков
Израиль

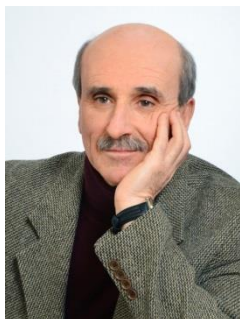

Идущие на смерть

«...идущие на смерть приветствуют тебя»
Вновь цезарь наш резню затеял в Колизее,
и бросив все дела, стремятся ротозей
увидеть как ползут и корчатся, хрипя.

Закутавшийся в жир, конечно, сам он тут:
нависший узкий лоб уже почти что шея,
нахмуренная бровь и хитрый взгляд плебея.
Малейший слух о нём пускай века сотрут.

Владимир Спектор
Бад-Зоден, Германия

***Одно стихотворение. Все случилось
неожиданно***

Всё случилось неожиданно –
У войны повадки резкие.
Направление ею выдано
Нам в «края антисоветские».

Да и дома – те же пряники,
Что не куплено – то продано.
Все мы – странники-изгнанники
Из страны, что звали «Родина».

Борис Марковский
Корбах, Германия

Прощай, просодия ветвей

Прощай, просодия ветвей!
Мне больше музыки не надо.
Над бедной родиной моей
звучит мелодия распада.

Прощай, забытая свирель,
я слышу музыку иную,
она за тридевять земель
колеблет ось и твердь земную.

Михаил Синельников

Москва, Россия

Вдова поэта

Памяти Е.В.Заболоцкой

Казалось, что мгновение это
Летейской тронута водой...
Вдову любимого поэта
Я знал уже немолодой.

Но эту преданность и веру
Воспеть бы надо хоть сейчас,
Перед отплытьем на Цитеру,
По расписанью ждущим нас.

Хочу успеть перед погрузкой...
Но как изобразить черты,
Всю прелесть этой старорусской
И терпеливой красоты!

Ведь тень Натальи Долгорукой
И капитанской дочки тень –
Давно за дальнею излучкой
Реки туманной, полной всклень.

Сквозь нынешнее бессердечье
Я вызвать к свету захотел
Души немое красноречье

И жизни жертвенный удел.

Верну, минувшее окликав,
Её усмешки свет живой,
И рокотовских нежных ликов
Внезапный ответ грозовой.
2015

Дмитрий Близнюк
Харьков, Украина

Легче верблюжонку

Легче верблюжонку
прочсть библию, чем тебе найти меня.
вся александрийская библиотека
с легкостью помещается на кончике иглы,
так сколько же пространства необходимо
душе – семь микрометров,
семь мегабайт?
и все же мне целого мира мало.
попробуй поймать время,
собрать воедино мозаику разума и безумия.
безумия.
не отмечен ни на одной из карт вселенной,
не вздрагиваю ни в одной из электронных паутин.
ни в бронзе, ни в рукописях
ты меня не достигнешь.

как в детстве, накрывшись с головой одеялом
оказываюсь в мягкой сияющей пещере:

нетопыри, как зонтики,
свисают гроздьями с зубчатого потолка.
дьявольски посверкивают сталактиты образов.
и не пойму: кто же я – тот, кто сейчас
пишет стихотворение, или тот, кто читает его?
мальчишка в сиреновой спальне,
или сосредоточенный старик на жестком одре.
нет никакой разницы.
не найти ни одного различия из десяти тысяч.
та же спокойная, внимательная,
живая тьма, пока жена не коснется плеча,
или мама, или она: статная, длинная коса
с проседью, словно полевой лунь.
нет бессмертия, но и смерти нет,
только жизнь одна.
мы настолько неповторимы, что даже Господь
не сможет нас повторить,
заметить, полюбить, понять и обнять,
будто квантовые дети – мы всегда в разных местах.
ну как же с нами совладать?

Григорий Оклендский

Новая Зеландия

Что наша жизнь?!

Ефиму Вайнеру

Ты жизнь сравнил бы с шахматной доской?!
В невидимых угрозах (шахи-маты!)
Вся наша жизнь – щедра и полосата -
Причудливой является игрой.
Причудливой – как предвкушенье чуда?!
Дебют удачный. Бурный миттельшпиль.
Развязка близится? Иль долгожданный штиль?!
Ты ж ищешь бури в риске безрассудном!
Твои фигуры снова рвутся в бой!
У каждой свой маневр, своя планида...
И тайный смысл игры, от глаз сокрытый,
Становится и жизнью, и судьбой.

Саша Немировский
Сан-Франциско, США

Постимпрессионизм

Зацеплен лохматым канатом
За корму и притянут к причалу.
Сентябрь
Погоняет туристов дождем из ваты
Облаков, кое-где, нечаянно,
Обшитой солнцем по кромке.
Городок Арль,
В бесконечной печали
По Винсенту, заполнен коммерцией
Из памятников его полотнам.
Остальное – обломки
Рима. Когда-то стоившие сестерции,
Сегодня бесценны, судя по толпам,
Их обступившим плотно.

Сувенирная лавка.
Остов Европы,
Обираемый на продажу,
Помещен в рамку
Природы вдоль горной дороги к пляжу,
Где постоянны: цвет воды
В Колюрской бухте под скалой замка,
Чаек восходящий крик,
Укравших
Недоеденное рагу,
Трамонтана, причесывающая сады
Ветра гребнем,
Чтобы утром снег, запудривший Канигу,
Сверкал, как масштабный штрих

На времени,
Заодно заметая его следы.

Татьяна Белянчикова
Москва, Россия

Меркуцио

плавленное солнце,
мечет равнодушно
свой смертельный крап.
Чечь свою уронит
тот, кто не дерётся,
остальных задушит
королева Маб.
Белая ворона,
он еще смеётся.
Скалится Вероны
плавленное солнце.
Он веселый очень,
он вражды не хочет,
он достоин ночи,
ржавой, вечной ночи!
Свой душевный панцирь
беззаботно скинув,
он, похоже, плюнул
на фамильный вой.
Он пока не сдался –

тот, кто держит спину
на камнях сутулых
звонкой мостовой.
Это время грубо,
это время глупо,
и сминает губы
едкий комментарий.
Если не ударил –
знай, тебя ударят,
ни на что другое
мира не хватает.
Как невыносима
точка в старой пьесе,
режиссерских линий
жертвенный итог.
Он уйдет красиво,
дерзок, но невесел,
мой нежнейший циник,
мой ранимый бог.

Зоя Бобкова

Гатчина, Россия

На посещение Михайловского

«Мне б твои проблемы, милый!» –
Так и хочется сказать.

Даль безмерна, воздух стылый,

Не страна, а благодать.
Сёла, словно гроздь света,
Видно их издалека,
И стоит в зените лето,
И поёт, поёт река.

А над Соротью привольно
И дышать, и отдыхать,
Со старушкой богомольной
Сказки на вечер слагать.
И соседушки-девицы
Очарованы тобой.
Как тут можно не влюбиться,
Раскудрявый Пушкин мой!
И крестьянки под рукою.
Ты – хозяин им, указ,
Если надобность порою –
Разве встретишь в них отказ?

Всё вокруг твоё и только –
Поле, воля, небеса,
Крепостные Ваньки, Кольки,
Серебристые леса.
Ты здесь Царь и Бог. Напрасно
Не ценил ты этот рай –
Ссылкой, да ещё негласной
Стал тебе волшебный край.

Ссылкой стал... А век двадцатый
Не такие ссылки знал.
Ох, прогресс-регресс проклятый! –
Хуже волчьего оскал.

Виолетта Гребельник
Италия

***За что мы любим лето (из Детского
альбома)***

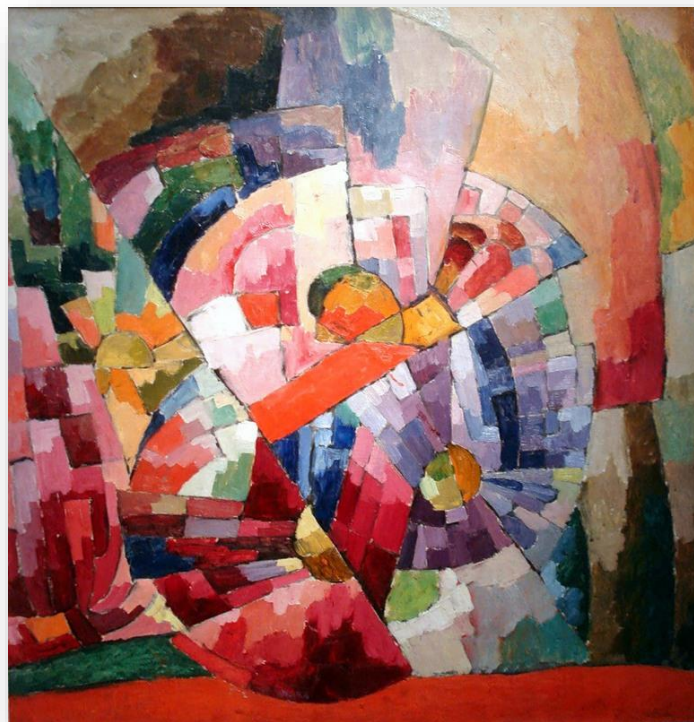
За что мы любим лето?
За то, что вдаль влечёт.
Торопится планета
По радуге на взлёт.

Ей длинный день в подмогу,
Распахнут небосвод.
– Скорей, скорей в дорогу.
Июнь ребят зовёт.

На речку, в лес, на море –
Открытия вершить,
На луговом просторе
Как бабочка парить.

За что мы любим лето?
За беззаботность дней
От робкого рассвета
И до ночных огней.

Часть 10. Наука

Аристарх Лентулов. Астры. 1913

Александр Рабинович

Москва, Россия

Тайны ядерной массы

В этих заметках хочется рассказать об удивительных свойствах ядер и их массы, о связывающих их ядерных силах, которые за более чем столетнюю историю своего изучения так и остались непонятыми современными физиками.

1. Взлет и падение теории Хидеки Юкавы

Изучение ядер атомов берет свое начало с 1911 г., когда великий Эрнест Резерфорд пришел к планетарной модели атомов. В результате остроумных экспериментов он открыл, что атомы состоят из очень маленького ядра, которое окружено облаком вращающихся вокруг него электронов.

В 1919 г. Резерфорд установил, что ядро самого легкого атома – атома водорода представляет собой элементарную частицу, получившую название протона. Но из чего состоят более тяжелые ядра, – оставалось загадкой.

Было выдвинуто несколько гипотез, но верной оказалась та, которую в 1932 г. высказали независимо друг от друга Дмитрий Иваненко и Вернер Гейзенберг: ядра состоят из протонов и нейтронов. Этой идее предшествовало открытие элементарной частицы – нейтрона, сделанное в том же году Джеймсом Чедвиком.

Следующий важный шаг в изучении ядер был осуществлен в 1935 г. знаменитым японским физиком Хидеки Юкавой. Он предложил простую теорию ядерных взаимодействий – сил, связывающих протоны и нейтроны в атомных ядрах.

Хидеки Юкава (1907-1981)

Изучая теоретическую физику самостоятельно, он сделал то, чего не удавалось достичь маститым физикам того времени. Про ядерные силы было тогда известно не много. Было ясно, что они короткодействующие: радиус их действия – порядка размера ядер атомов, а на существенно больших расстояниях они быстро затухают. Чтобы описать эти свойства ядерных сил, Юкава предположил существование неизвестной массивной частицы – переносчика ядерных взаимодействий, названной впоследствии пи-мезоном. Используя принципы квантовой теории, он написал уравнение для потенциала ядерных сил и оценил массу пи-мезона.

Такая частица впоследствии была обнаружена, причем ее масса как раз соответствовала предсказанию Юкавы. Это было триумфом. В результате Юкава стал первым японским ученым, получившим Нобелевскую премию по физике (1949 г.).

Однако вскоре восторги стали сменяться разочарованием. Сравнение теории Юкавы с экспериментальными данными показало ее правильность только при сравнительно небольших ядерных потенциалах. Причина состояла в линейности уравнения Юкавы, а ядерные силы оказались существенно нелинейными. Поэтому стали предприниматься попытки нелинейного обобщения теории Юкавы, но они не принесли желаемого успеха. Не хватало какой-то руководящей идеи, без которой поиски велись вслепую.

В конце концов это привело к почти полному отказу от теории Юкавы. Ее место стала занимать другая теория, получившая название квантовой хромодинамики.

2. Квантовая хромодинамика Мюррея Гелл-Манна

Занимаясь классификацией элементарных частиц-адронов, участвующих в ядерных взаимодействиях, Мюррей Гелл-Манн пришел вместе с Джорджем Цвейгом к идее кварков. По их мысли, частицы-адроны, к которым относятся протоны и нейтроны, должны состоять из более мелких образований-кварков. Эта гипотеза была встречена физиками с большим энтузиазмом, так как она позволила осуществить удачную классификацию различных адронов. За свои фундаментальные исследования Гелл-Манн в 1969 г. стал Нобелевским лауреатом по физике.

Мюррей Гелл-Манн (1929)

Чтобы понять важность идеи кварков, обратимся к нейтронам. Хотя нейтроны электрически нейтральные частицы, они взаимодействуют с магнитным полем. Это означает существование у них внутренней структуры, что как раз и описывается моделью кварков. В ней протоны и нейтроны состоят из двух типов кварков,

названных u-кварком и d-кварком (верхним и нижним – up и down) и имеющих дробные заряды. Заряд протона равен 1 (одному элементарному заряду), нейтрона – 0, а зарядам u-кварка и d-кварка были приписаны соответственно заряды $+2/3$ и $-1/3$. В модели кварков протоны имеют два u-кварка и один d-кварк, а нейтроны – один u-кварк и два d-кварка. Тогда заряд протона $1 = 2/3 + 2/3 - 1/3$, а заряд нейтрона $0 = 2/3 - 1/3 - 1/3$.

Существуют очень серьезные подтверждения такой внутренней структуры протонов и нейтронов, но сразу же возникает вопрос, что связывает между собой их составные части? В поисках ответа на этот вопрос Гелл-Манн пришел к новой теории – квантовой хромодинамике. Она строится на солидном математическом фундаменте. Согласно ему кварки должны быть связаны сильным взаимодействием, переносчиками которого являются 8 особых частиц, названных глюонами. Теория получилась красивой и ее поспешили объявить единственно правильной, чему в немалой степени способствовали авторитет ее создателя и отсутствие конкурирующих теорий. Однако в ней сразу же возникли огромные трудности, из которых не удалось выпутаться и по сей день. Они заключаются в следующем:

Во-первых, свободные кварки и глюоны экспериментально не обнаружены, несмотря на огромное число попыток.

Во-вторых, возникает большая неясность, каким образом глюоны превращаются в пи-мезоны? Ведь именно пи-мезоны – переносчики взаимодействия в атомных ядрах.

В-третьих, квантовая хромодинамика не смогла описать свойства атомных ядер.

В-четвертых, массы кварков, определенные в рамках квантовой хромодинамики, оказались на удивление малыми. Получилось, что сумма масс трех кварков, из которых состоит протон, примерно в 100 раз меньше массы самого протона!!! Объясняется такой чудовищный дисбаланс энергией связи в протоне, но явных экспериментальных свидетельств этому нет.

Так не является ли квантовая хромодинамика лишь иллюзией правильной теории и может быть зря поставили крест на теории Юкавы? Ниже попробуем ответить на этот вопрос, для чего обратимся к проблеме массы ядерного вещества.

3. Ядерные массы и теория относительности

Согласно специальной теории относительности Эйнштейна, масса тела не является неизменной: она увеличивается с ростом скорости. Но не только скорость изменяет массу. Из общей теории относительности

Эйнштейна следует, что на массу влияют и потенциалы гравитационного поля. Что же касается потенциалов других физических полей, то принято считать, что они никакого воздействия на массу не оказывают. Но так ли это на самом деле?

Как хорошо известно, массы ядер немного меньше суммы масс протонов и нейтронов, из которых они состоят. Это отличие называется дефектом масс ядер. Качественное объяснение данному явлению дается с помощью важнейшего результата теории относительности о пропорциональности энергии и массы. Однако количественного объяснения официально признанные теории не дают. В чем же тут дело?

Чтобы понять причину неудачи современной ядерной физики в описании дефекта масс ядер, вернемся к вопросу, что же может влиять на массу? Как уже говорилось, силы гравитации влияют на массу. Так почему же другие силы и, в частности, ядерные силы не способны на подобное действие?

Основная мысль, которая владела автором этих заметок, состояла в необходимости учета влияния потенциала ядерных сил на массу ядерного вещества. Но как можно теоретически описать это влияние, на что можно тут опереться?

Неожиданно оказалось, что проведенный мной анализ динамики ядерного вещества в рамках теории относительности приводит к нахождению искомой зависимости массы частиц ядерного вещества от потенциала ядерных сил. Как выяснилось в дальнейшем, учет этой зависимости в теории Юкавы позволяет вернуть утраченные ею позиции и придать ей новую жизнь.

4. Новая жизнь теории Юкавы

Отказ от теории Юкавы был вызван ее серьезным расхождением с данными экспериментов при сравнительно больших значениях ядерного потенциала. Как показали результаты моих исследований, причиной оказалось то, что в ней не учитывалась зависимость ядерной массы от ядерного потенциала. Учет этой зависимости в уравнении Юкавы привел к новой нелинейной теории ядерных сил, давшей следующие важные результаты ¹²⁹:

¹²⁹ A.S. Rabinowitch, *Nonlinear Physical Fields and Anomalous Phenomena*. – New York, Nova Science Publishers, 2009, 245 p.

А.С. Рабинович, *Математические основы малоизученных аномальных физических явлений: Нелинейная электродинамика. Ядерная физика. Общая теория относительности. Космология*. – Москва, УРСС, Книжный дом «Либроком», 2015, 328 с.

Во-первых, в ее рамках была исследована модель средних и тяжелых атомных ядер. Проведенные на основе данной модели расчеты позволили определить такие характеристики ядер как дефект массы и радиус. При этом вычисленные значения этих характеристик для большого числа средних и тяжелых ядер оказались во вполне удовлетворительном согласии с имеющимися экспериментальными данными.

Во-вторых, было теоретически определено максимальное значение константы ядерного взаимодействия, практически совпавшее с ее экспериментальной величиной.

Эти результаты говорят о больших возможностях предложенного нелинейного обобщения теории Юкавы.

На основе данной нелинейной теории ядерных сил, мною была рассмотрена задача о движении вблизи атомных ядер нейтронов, протонов и антипротонов – известных античастиц по отношению к протонам, отличающихся от них знаком заряда. Оказалось, что, в отличие от нейтронов и протонов, имеется довольно широкий класс условий, при которых антипротоны могут обращаться вокруг ядер по замкнутым орбитам¹³⁰. Это открывает новый способ получения искусственных химических элементов и тем самым позволяет осуществить давнюю мечту алхимиков. Так, если создать недалеко от ядра свинца три обращающихся вокруг него антипротона, то получится ядро золота. Причем атом с таким искусственно созданным ядром по своим химическим свойствам ничем не будет отличаться от настоящего золота.

Рассмотренное нелинейное обобщение теории ядерных сил Юкавы могут ждать и иные любопытные практические применения.

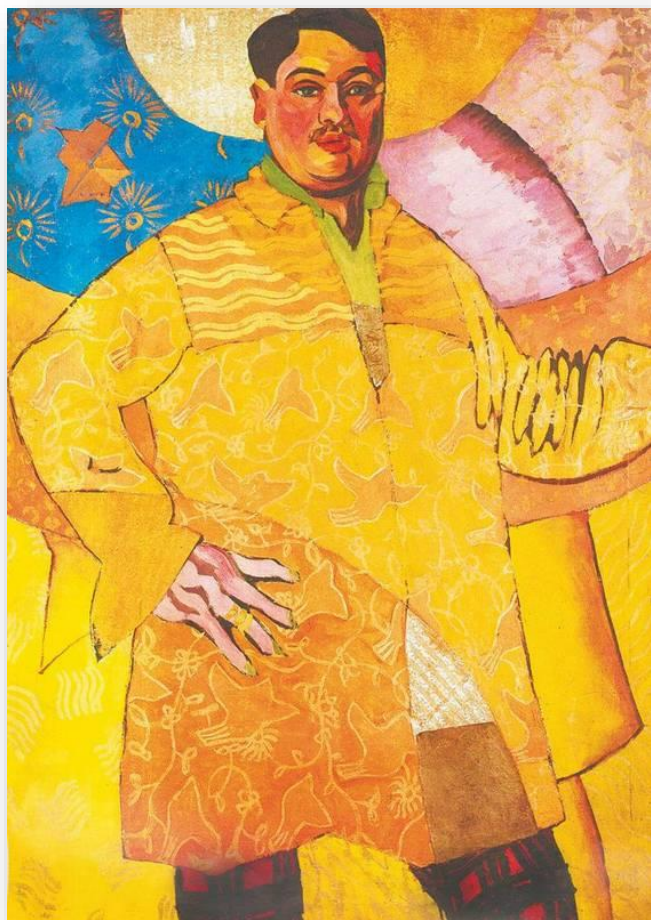
Литература:

A.S. Rabinowitch, *Nonlinear Physical Fields and Anomalous Phenomena*. – New York, Nova Science Publishers, 2009, 45 p.

А.С. Рабинович, *Математические основы малоизученных аномальных физических явлений: Нелинейная электродинамика. Ядерная физика. Общая теория относительности. Космология*. – Москва, УРСС, Книжный дом «Либроком», 2015, 308 с.

¹³⁰ А.С. Рабинович, *Математические основы малоизученных аномальных физических явлений: Нелинейная электродинамика. Ядерная физика. Общая теория относительности. Космология*. – Москва, УРСС, Книжный дом «Либроком», 2015, 328 с.

Часть 11. Юмор

Аристарх Лентулов. Великий художник. Автопортрет. 1915

Виталий Шрайбер

Калифорния, США

Сюжетки

Я был в шестом, кажется, классе, когда учительница ботаники дала нам задание собирать образцы лекарственных растений. Мой одноклассник Саша К., предложил заняться этим вместе, для чего поехать в Юкки, где у его родителей была дача.

Приехали в Юкки. Бродим вокруг дачи. Рядом с забором стоит дерево. Саша говорит, что это липа. Я вспоминаю, что где-то читал, что при простуде полезно пить липовый чай. Говорю Саше: по-моему, липа – лекарственное растение. Саша сомневается, но предлагает спросить Даню. Даня – Сашин старший брат, студент. Он сидит на крыше и красит ее.

Саша: Даня, а липа – это лекарственное растение?

Даня: Конечно. Девяносто процентов всех лекарств – липа.

* * *

«Блажен кто посетил сей мир в его минуты роковые»

Федор Тютчев

В начале девяностых годов, когда под влиянием болезненных реформ, снижения уровня жизни, бытовых трудностей, ощущения политической нестабильности и общего хаоса многие эмигрировали или, по крайней мере, временно, на неопределенный срок покидали Россию, у одной моей знакомой, имевшей еврейские корни по материнской линии, иногда спрашивали, почему она не пытается уехать. Она отвечала: «А досмотреть пьеску?».

* * *

В конце восьмидесятых или в начале девяностых годов в кассах Аэрофлота появились компьютеры. Не помню, были ли эти компьютеры западного или еще советского производства. Но помню, что слово «компьютер» не было распространено, и обычно говорили «электронно-вычислительная машина». На первых порах это нововведение скорее тормозило, чем ускоряло процесс продажи билетов. То ли машины были ненадежные, то ли персонал еще не привык к этой технике, но то и дело возникали сбои и остановки. И вот как-то стою в очереди в кассе Аэрофлота на углу Невского проспекта и улицы Гоголя – и происходит остановка, продажа билетов прекращается. Очередь начинает шуметь. Некий человек с видом знатока говорит: «машина зависла». Все замолкают, переваривая незнакомую терминологию. Неожиданно быстро, через несколько минут работа кассы возобновляется, и кто-то облегченно говорит: «машина отвисла».

* * *

В первые месяцы пребывания в Америке, мне, как и другим эмигрантам из бывшего СССР, пришлось привыкать к принятым в США неметрическим и довольно-таки нелепым, на взгляд европейского человека, единицам веса, расстояния, площади и т.д. К паундам, милям, футам я привык сравнительно быстро и безболезненно. Но никак не мог привыкнуть и примириться с градусами Фаренгейта. Поначалу я просто вздрагивал, когда слышал, что завтра погода будет жаркая – девяносто градусов. Потом вздрагивать перестал, но до сих пор в уме пересчитываю градусы из Фаренгейта в Цельсия и раздражаюсь. Однажды я спросил у коллеги-бразильца: «А в Бразилии тоже температуру измеряют по Фаренгейту?». Он посмотрел на меня с удивлением и сказал: «Ну что ты, Бразилия же – цивилизованная страна!».

* * *

Мой лечащий врач иногда радуется мне небанальными высказываниями. Он часто делает мне комплименты.

Например, я прихожу к нему после того, как у меня в печени обнаружили раковую опухоль. Он говорит: я еще никогда не видел человека с раковой опухолью в печени, который выглядел бы так хорошо, как Вы.

Или:

С Вашей бородой Вы очень похожи на Шона Коннери. Единственное отличие – у Вас нет шотландского акцента¹³¹.

Когда я заболел, компания выплачивала мне пособие по временной инвалидности. Чтобы получать эти деньги, каждые три месяца нужно было заполнить несколько анкет. Анкеты содержали также пункты, которые должен был заполнять врач. Когда я приходил к нему с этими бумагами, он говорил: О, FPW! Я поинтересовался, как расшифровывается аббревиатура FPW. Оказалось, что это Fucking Paper Work...

*Полный вариант статьи опубликован в журнале ЧАЙКА:
<https://www.chayka.org/node/8791>*

Григорий Яблонский
Сент-Луис, США

Есть такая партия!.. Новое о Владимире Ильиче Ленине

Посвящается 148-й годовщине рождения Владимира Ильича Ленина

Веские причины побудили меня начать этот цикл «Правдивых историй». В нынешнее время, когда захлестывает половодье информации, состоящей в основном из разнообразных сплетен,

¹³¹ Моя борода действительно имеет некоторое сходство с бородой, которую, постарев, отрастил первый исполнитель роли Джеймса Бонда. В Интернете я нашел руководство «How To Speak With A Scottish Accent», и, если потренируюсь, то м. б. сменю петербургский акцент на эдинбургский. Правда останется разница габаритов (рост Шона Коннери 188 см, мой – 165 см, телосложения соответствующие), но, если верить доктору, это несущественно.

необычайно трудно отличить правду от лжи. Надо долго и упорно тренироваться!

А есть и приятный идиотизм, согревающий душу. Его тоже надо уметь выделить.

Сочетание правды, лжи и приятного идиотизма создаёт качественный информационный продукт.

Ленин... Владимир Ильич Ленин (1870-1924). Имя Ленина навсегда вошло в мировую историю. О Ленине спорили и спорят с яростью. Совсем недавно демократ Лев Шлосберг и государственник Максим Шевченко битый час обсуждали Ленина в эфире «Эха Москвы» и не сдвинулись ни на йоту.

Кто-то называет Ленина величайшим и хладнокровнейшим преступником XX-го века, предшественником Сталина и Гитлера. Кому-то хочется распространять нелепейшие выдумки, вроде того, что Ленин умер от венерического заболевания. А то ещё, начиная с 1990-го года, по русскому телевидению стала гулять бредовая ложь, выдуманная питерским забулдыгой Сергеем Курехиным: «Ленин – гриб!». Какой гриб, что за гриб?... Шампиньон?.. И ведь находились легковверные люди, даже среди ветеранов партии, которые поверили этой чудовищной брехне.

«Такие люди, как Ленин, обновляют совесть человечества». Эти слова Альберта Эйнштейна были процитированы недавно политиком Геннадием Алексеевичем Зюгановым. Так один гений оценивал другого.

Чтобы выяснить истину в этой сумятице мыслей и суждений, надо понять, как Ленин относился к женщинам. Именно этим мерится масштаб великого человека. Есть одно яркое высказывание, приписываемое Владимиру Ильичу.

«Каждая кухарка может управлять государством»

Видно, как высоко Владимир Ильич оценивает способность женщин, прежде всего кухарок, управлять государством.

Недавно Зюганов передал это высказывание по-другому:

«Ленин был прав, утверждая, что даже кухарка, умная и добропорядочная, сможет управлять государством лучше, чем воры и пьяницы».

Кажется, Геннадий Алексеевич немного подправил Владимира Ильича. Не всякая кухарка может управлять государством, а только «умная и добропорядочная». И не просто управлять, а управлять «лучше, чем воры и пьяницы».

Что же на самом деле сказал Ленин?

В статье «Удержат ли большевики государственную власть?» (сентябрь-октябрь 1917 г.) Ленин пишет:

«Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством».

То есть Владимир Ильич выражает важную мысль, что кухарка и чернорабочий в принципе способны управлять государством, но не сейчас.

Им надо помогать.

В недавно вышедшем новом издании «Воспоминаний о Ленине» Надежды Константиновны Крупской («Варгиус», 2015) приведена масса реальных примеров, как Ленин не на словах, а на деле помогал женщинам, причём всем, а не только кухаркам.

В своё время эти «Воспоминания» были белой вороной среди бесконечного потока безудержных восхвалений покойного вождя. Конечно, Ленин у Крупской – это до мозга костей политик, до предела сфокусированный на своей идее.

Вот Ленин в молочном санатории знакомится с солдатом швейцарской армии. «Парень был довольно славный. Владимир Ильич ходил вокруг него, как кот около сала, заводил с ним несколько раз разговор о грабительском характере войны, парень не возражал, но не клевало». Очевидно, что Владимир Ильич хотел распропагандировать швейцарского солдата, не более того.

Подымаются Ленин и Крупская на швейцарскую гору. Альпийские луга...Эдельвейсы и рододендроны...Красота неопиcуемая, а Владимир Ильич: «Ну и сволочи, какие же они сволочи!» – Кто, Володя? – Меньшевики, конечно.

Крупская по-доброму посмеивается: «Заснёшь, увидишь во сне меньшевиков и станешь ругаться: сволочи, сволочи! Вот и пропадёт вся конспирация» – это она о переезде в plombированном вагоне, когда Владимир Ильич хотел притвориться немым.

Но так или иначе Ленин в «Воспоминаниях» – простой человек, не «простой как правда», а реально простой: ходил в пивнушки, собирал белые грибы, горные сапоги чистил сам, не любил цветы, ездил на велосипеде, велосипед крали...

Новое издание «Воспоминаний о Ленине» 2015 года избежало когтей сталинской цензуры. Здесь масса удивительных человеческих деталей, опущенных в предыдущих изданиях.

Оказывается, у Владимира Ильича, помимо всепоглощающей революционной деятельности, было и любимое побочное занятие, то, что называется «хобби». И это хобби напрямую связано с помощью женщинам.

Ленин любил стирать бельё.

Это его влекло и постоянно интересовало. Этим он занимался в редкие часы отдыха в Швейцарии – в Женеве в 1908-м году, в Берне в 1914-1915-м и в Цюрихе в 1916-м. Стирал он и вручную, и на стиральных машинах, немецких, механических, и на американских, электрических, только что в Швейцарии появившихся.

Во всех швейцарских квартирах, в которых они жили, стиральные машины уже были, – и в женевском пансионе, и в Берне на улочке Дистальвег, и в Цюрихе – у фрау Прелог и у Каммереров, и, наконец, в молочном санатории кантона Сен-Галле – но электричество было не всюду и подавалось не всегда, а электрические машины Владимиру Ильичу нравились всё-таки больше.

– Вхожу я в ванную комнату, – пишет Надежда Константиновна, – и вижу: стоит Ильич, окружённый облаком пара, и стирает носки и кальсоны. Носки он стирал вручную, говорил, что на стиральных машинах они прилипают к другим вещам или к стенкам. Заодно он стирал и кальсоны, немного меня стесняясь. Оглянется Ильич, видит, что я улыбаюсь и говорит: «Как ты думаешь, Надюша, что я делаю?»

– Стираешь, – говорю.

– А что стираю?

– Носки, ну...кальсоны

– Нет, Наденька, я стираю грани между физическим и умственным трудом.

А в работе на стиральных машинах Владимир Ильич достиг совершенства. Более того, он стал ходить к друзьям и знакомым, учил их простейшим навыкам ручной и машинной стирки. Многие близкие друзья жили в Берне совсем рядом. Инесса Арманд – наискосок, Зиновьевы – в пяти минутах, а Шкловские – в десяти. Владимир Ильич ходил к ним часто и иногда – в охотку– обстирывал. Даже во время циммервальдской и кинтальской конференций находил время для постирушек. А вот развешивать бельё не любил, хотя иногда и приходилось.

Позже, когда Ильич жил с Зиновьевым в Разливе в шалаше, единственное, о чём он жалел – что там не было машины, чтобы стирать бельё.

– И вот, – вспоминает Надежда Константиновна, – стоит Ильич около стиральной машины, вытаскивает из сушки одну вещь за другой, складывает их аккуратно и бережно. Рубашку – к рубашке, наволочку – к наволочке... Стопку за стопкой откладывает...А потом собирает всё бельё в высокую белоснежную колонну и протягивает мне её с ликующим возгласом:

ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ !

Сведения об авторах

Василий Аксенов (1932, Казань – 2009, Москва) - русский писатель. С 1980 года жил в США, где преподавал в университетах и работал радиожурналистом, в последние годы жизни — во Франции. Культовый писатель времен «оттепели», его повести, напечатанные в «Юности» воспитали целое поколение «шестидесятников». Мама Василия Аксенова Евгения Гинзбург стала автором книги воспоминаний «Крутой маршрут» — одной из первых книг-мемуаров об эпохе сталинских репрессий и лагерей. В 1978 году вместе с друзьями издал неподцензурный Альманах МетрОполь. В 1990 году ему было возвращено советское гражданство, отобранное после отъезда в США.

Лев Альтмарк (р. 1953, Брянск). Окончил Институт транспортного машиностроения, работал инженером, учителем, журналистом. В 1990 году поступил в Литературный институт им. Горького на семинар А.И. Приставкина. После окончания института в 1995 году переехал в Израиль (Беер-Шев). Публикации в журналах «Юность», «Дружба народов», «Нева», «Новый Ренессанс», «Российский колокол». Выпустил семь поэтических сборников и одиннадцать книг прозы (включая переводы и переиздания).

Анастасия Антонова. Студентка-журналистка Пермского университета.

Наум Белог (Одесса). Первое стихотворение написал в 1943 году. В то же время начал рисовать. С тех пор продолжаю заниматься этим. Работал инженером в СКБ. Изобретал новые машины. В 1987 году эмигрировал в Австралию. Продолжал работать инженером до 2008 года. А став пенсионером, начал выставляться в австралийских галереях и писать рассказы, в начале на английском, а потом на русском. Печатался в Австралии, Израиле и Америке.

Татьяна Белянчикова Родилась и живет в Москве. Много лет проработала менеджером в коммерческом банке, сейчас на тренерской работе - преподает банковское дело в ВУЗе. Автор четырех поэтических сборников, публикаций в литературных журналах и альманахах. Призер и победитель ряда поэтических конкурсов в рунете. Пишет тексты песен для исполнителей различных жанров.

Лев Бердников (р. 1956, Москва). Окончил филологический факультет Московского областного педагогического института и Высшие библиотечные курсы. Работал в Музее книги Российской Государственной Библиотеки, С 1990 г. живет в Лос-Анджелесе. Автор 7 книг и многочисленных публикаций. Зам. главного редактора журнала «Слово/Word» (США). Лауреат Горьковской литературной премии 2010 года в номинации «По Руси. Историческая публицистика».

Дмитрий Близнюк. Литератор из Харькова. Публикации в периодике: «Сибирские Огни», «Знамя», «Новая Юность», «Крещатик», «Плавучий мост», «Невский альманах» и др. Публикации на английском: «Dream catcher» (UK), «Magma» (UK), «River Poets Journal» (USA), «The Gutter Magazine» (Scotland) и др. Лауреат нескольких международных конкурсов.

Зоя Бобкова (Харбин). Поэт, прозаик, журналист, член Союза писателей России (СПб отделение) и член Союза журналистов СПб и Ленобласти. Главный редактор газеты «Приневский край». Родилась и росла до 11 лет в Харбинской эмиграции, в приюте, в г. Чита – в детском доме. Сейчас живёт в Гатчине, Ленобласти. Автор более двадцати книг стихов и прозы. Автор надписи на памятнике «Примирение», установленном в Санкт-Петербурге. Печаталась во многих изданиях и коллективных альманахах.

Николай Бокон родился в Москве, учился, надеялся, старался, беспокоился, кипятился, изучал философию, сочинял литературу, женился, печатался за границей, распространялся в самиздате, боялся, попался, обыскался, арестовался, спасался, надеялся, в 75-м очутился во Франции, в 82-м обратился, развелся, молился, скитался, вернулся в Париж в 99-м. Подробности в сочинениях. Член редколлегии журнала ЧАЙКА

Лев Визен. Окончил Московский Горный институт. Первый сборник очерков – «Дела студенческие» – был выпущен «Молодой гвардией» в 1960-м. В 1964-м в ЖЗЛ вышла его книга «Хосе Марти» – единственная беллетризованная биография национального героя Кубы. В 1975-м – спецкор «Нового Времени» во Вьетнаме. С 1978-го – в Канаде. Работал на стройке, стелил паркет, водил такси и рефрижераторы. Ушел в бизнес. Олигархом не стал, но полной независимости добился. Живет в Виктории, Канада. Постоянный автор раздела «Война и репрессии» Альманаха ЧАЙКА.

Игорь Волошин (р. 1955, Киев). Окончил Ленинградский институт инженеров водного транспорта. В 1991 году эмигрировал в США. Периодически публикуется в русскоязычных изданиях с очерками о национальных парках Америки, о Чикаго и о малоизвестных, но необычных личностях в истории США. Живет в Чикаго, работает инженером. В ЧАЙКЕ опубликовал несколько очерков об еврейских художниках ЧИКАГО.

Виктор Голков (р. 1954, Кишинев). Выпускник МЭИ. Эмигрировал в Израиль в 1992 г. Печатается в периодических журналах и сборниках. Входил в короткий список 9-го Волошинского конкурса 2011 г. в номинации «поэзия», в длинный список Бунинской поэтической премии 2012 г., в длинный список премии «Живая литература» 2012 г. Победитель конкурса Национальной литературной сети 2003 г. (номинация «поэзия»). Живет в Азуре, Израиль.

Сергей Голлербах (р. 1923, Детское (Царское) Село). Живописец, график, художественный критик и литератор. В 1942 г. был вывезен немцами на работы в Германию. С 1946 по 1949 учился в Мюнхенской академии художеств, в которой учились многие русские художники. Член Американской академии художеств. Автор книг: «Заметки художника» (1983), «Свет прямой и отраженный» (2003), «Нью-Йоркский блокнот» (2013). Постоянный автор журнала ЧАЙКА. Летом 2018 года стал дипломантом журнала ЧАЙКА за серию мемуарных очерков. С 1949 года живет и работает в Нью-Йорке.

Михаил Голубовский (р.1939). Генетик, историк и популяризатор науки, эссеист. Окончил кафедру генетики Ленинградского университета, доктор биол. наук. Работал в Академгородке (Новосибирск), в С.-Петербурге, в Австралии, во Франции, разных университетах США. Автор книги: «Век генетики: эволюция идей и понятий» (СПб., 2000). Живет близ Беркли, Калифорния.

Виолетта Гребельник (Киев). Окончила Киевский медицинский институт, медицинский факультет Римского университета «La Sapienza», кандидат медицинских наук по неврологии. Работает врачом в частной клинике. В свободное время играет на фортепиано и пишет очерки и стихи. Неоднократный победитель зимних и летних творческих конкурсов журнала ЧАЙКА для детей. Живет в Риме.

Лев Гуревич (р. 1945, Москва). В настоящее время проживает в Германии. Публиковался в журналах «СЛОВО/WORD», «Эмигрантская лира», «Гостиная», «КольцоА», «МИШПОХА», русскоязычных газетах Германии.

Эмиль Дрейцер (Одесса). Профессор нью-йоркского Хантер-колледжа. Эмигрировал в США в 1975 г. Среди отмеченных литературными премиями десяти томов его художественной и научной прозы — книга воспоминаний «Кто ты такой» и биография разведчика-нелегала Д.Быстролетова, *Stalin's Romeo Spy: The Remarkable Rise and Fall of the KGB's Most Daring Operative*, получившие высокую оценку литературной критики. Его рассказы и эссе публикуются в журналах США, Канады, Польши, Беларуси и России.

Маргарита Кайдун. Дизайнер, инженер, блогер, как автор травелогов дебютировала в журнале ЧАЙКА. Живет в штате Мэриленд (США).

Даша Кашина (Киев). Окончила Институт русского языка им. А.Пушкина в Москве. Русскоязычный журналист на Украине, печатается в российских изданиях, дебютировала и постоянно печатается в журнале ЧАЙКА. Ведет рубрику «Калейдоскоп новостей». Автор книги «Папа», в которую вошли ее интервью с детьми известных людей. Лауреат журнала ЧАЙКА за 2018 год в номинации «журналистика». Живет в Киеве.

Павел Кожевников (р. Уральск, 1949). Окончил Уральский педагогический институт. Работал учителем, завучем, директором школы. В 1992 году ушёл в бизнес, встретил свою любовь - американку. В США успел поработать вице-президентом маленькой издательской компании, был переводчиком. Сейчас на пенсии, по вечерам преподаёт в университете г. Колорадо- Спрингс. Пишет стихи, прозу. Автор четырёх книг.

Михаил Ландбург (р. 1938, Шяуляй, Литва). Прозаик, в 1962 году окончил филологический факультет пединститута в Вильнюсе. Преподавал русский язык и литературу. Был чемпионом Литвы в наилегчайшем весе по тяжёлой атлетике. С 1972 года — гражданин Израиля, где был чемпионом по тяжёлой атлетике и в дальнейшем тренером молодёжной сборной. Удостоен премии Международной Академии просвещения, культуры и индустрии— за книги «Семь месяцев саксофона», «Отруби мою тень» и «Пиво, стихи и зеленые глаза». (2010, Сан-Франциско, США). В ноябре 2011 г. стал лауреатом Международного литературного конкурса им. Авраама Файнберга (Ашдод, Израиль).

Ася Ланидус (Москва). По образованию математик (МГУ, мехмат). В Москве 10 лет проработала в Институте теоретической и экспериментальной физики, а в Нью-Йорке 20 лет по финансовому моделированию на Уолл-стрит. Пишет давно и разное – научное, стихи и прозу.

Мария Малухина (Москва). Окончила бакалавриат МГИМО по специальности международные отношения. Училась в Великобритании, где получила степени магистра по специальностям: сценарист (Университет Южного Уэльса) и режиссер кино и ТВ (Борнмутский Университет). В 2014 году переехала в Софию (Болгария). Пишет сценарии и снимает короткометражные и документальные фильмы как режиссер. В 2017 году вошла в двадцатку финалистов престижного международного сценарного конкурса Jameson First Shot.

Элеонора Мандалян (Москва). Журналист, писатель. По образованию скульптор. Кандидат наук. С 1994 живет в США. Работала литературным редактором в русскоязычном альманахе «Панорама» и вела в нем свою рубрику «Непознанное». Постоянный автор и член редколлегии журнала ЧАЙКА. Ведет рубрики «Кинообозрение Элеоноры Мандалян» и «Америка глазами россиянина». Живет в Лос-Анджелесе.

Лариса Миллер (Москва). Российский поэт, прозаик, эссеист и педагог. Автор более 13 сборников поэзии и прозы. Книги переведены на английский и итальянский языки. Член Русского ПЕН-центра (с 1992). Постоянный участник Альманахов журнала ЧАЙКА. Живет в Москве.

Борис Марковский (р. 1949, Киев). После окончания школы поступил в Киевский педагогический институт на русский филфак, на котором проучился 3 года, после чего институт бросил. Работал грузчиком, полотером, ювелиром. При советской власти не печатался. В 1994 году уехал жить в Германию на постоянное место жительства. С 1997 года – главный редактор журнала «Крещатик». В 2002 году в издательстве «Алетейя» вышла в свет книга стихов и переводов «Пока живу – надеюсь...»

Михаил Моргулис (р. 1941, Киев). Писатель, политолог, богослов, основатель концепции Духовная Дипломатия. Учился в Киевском университете и в Норвичском университете штата Вермонт. Преподавал в этом же университете. Автор 8 книг, книга на английском языке *Return to the Red Planet: 22 Days in Gorbachev's Backyard* в 1990 году была в списке бестселлеров. В 1977 эмигрировал в США. Встречался со многими мировыми лидерами стран, президентами, главами парламентов. Живёт и работает в Норд-Порте (Флорида, США).

Всеволод Муронец. Почти не помню детства, однако знаю, что мало писал. Только записки бабушке, если она, оставив свою надпись на бумаге, уходила в магазин. В школе учился на отлично. Покуда не влюбился. Еще много читал. Хочу ли посвятить я жизнь литературе? Письму, конечно, да, поскольку только и могу, что делать это, а не писать я не могу; к тому же все, что я люблю – это писать. Скажу: «экстатическая любовь», пусть даже и не люблю прилагательных.

Саша Немировский (р. 1963, Москва). Поэт, писатель, путешественник, скалолаз, программист, антрепренер. Печатается в различных литературных

альманахах и изданиях в США, Франции и Финляндии. Автор 4 книг стихов: «Без Читателя» (Москва 1996), «Уравнение разлома» (2009), «Система Отсчета» (2012). «На втором круге» (2014). С 1987 пишет стихи в своем собственном стиле «джаз-поэзия». Член СП Петербурга, иностранное отделение. Живет в Калифорнии, США.

Григорий Оклендский (Беларусь). Школьные годы прошли в Гомеле, незабываемые студенческие – в Ижевске, а лучшие – в Новосибирском Академгородке. Многие годы занимался автоматизацией научных исследований, а также разработкой информационных систем здравоохранения. Кандидат технических наук. Более 20 лет живет в Окленде (Новая Зеландия), где работает в области информационных технологий, что сочетает с любовью к поэзии и путешествиям. Автор 2-х поэтических книг и многочисленных публикаций в сетевых и бумажных изданиях.

Григорий Писаревский (Харьков). Инженер-электрик. В Америке с 1988 года. Около 25 лет работал в крупных американских компаниях в области информационных технологий. Живет в Нью-Джерси. Является одним из основателей и членом правления клуба «Русских Американцев» в своем городке. Печатался в интернет-журнале «Беркович-Заметки», Калифорнийском интернет-журнале «Кстати», «Еврейском Мире» и местной газете «Concordian» (на английском языке). Также на английском языке под псевдонимом «Jeff Pierce» опубликовал на Амазоне политический триллер «Hallways of Deception» (Коридоры Обмана).

Илья Прозоров (р. 1987, Таллинн). Писатель, театральный режиссер. С юности профессионально занимался подводным аквалангом (дайвингом), жил и работал в Таиланде, о чем и написал свой первый роман. Окончил режиссерский факультет Театрального института им. Б. Щукина. Свой первый спектакль в качестве режиссера по пьесе Дарио Фо «Свободная пара» поставил на сцене Измайловского драматического театра в Украине. Живет и работает в Эстонии.

Александр Рабинович (р. 1948, Москва). Математик и физик-теоретик, автор многих статей и двух монографий по теоретической и математической физике, член редколлегии американского журнала «Applied Mathematics», преподает в Московском технологическом университете. Живет в Москве.

Владимир Резник. Родился в Сибири, жил на Западной Украине – откуда, собственно, и корни семьи, потом в Ленинграде, а из него, превратившегося к тому моменту в Санкт-Петербург, в 1994 году выехал в США. Сейчас живет в Нью-Йорке. Получил хорошее техническое, но так и не пригодившееся в жизни высшее образование. Нет. Не был. Не состоял. Не привлекался. Участвовал, но отделался лёгким испугом. Менял города, страны, профессии, перевоза за собой растущую семью и чемодан с рукописями. Тяжёл стал чемодан. Пора его облегчить... . Лауреат журнала ЧАЙКА за 2017 год в номинации «художественная проза для взрослых и детей».

Ирина Роскина. Окончила в 1971 г. романо-германское отделение филологического факультета МГУ. С 1972 г работала в Иностранном отделе Госфильмофонда СССР и по совместительству синхронным переводчиком кинофильмов. В 1990 году переехала в Израиль, где работала в

Иерусалимской библиотеке Гуманитарных и общественных факультетов Еврейского университета. Публикует в журнале произведения и переписку своей матери, литературоведа и редактора Натальи Роскиной, из семейного архива. Пишет мемуарную прозу. Постоянный автор журнала ЧАЙКА. Живет в Иерусалиме.

Роман Рязанов (р. 1986, Узбекистан). В возрасте одного года, вместе с родителями, переехал на постоянное место жительства в Беларусь. Окончил исторический факультет Гомельского государственного университета и защитил магистерскую диссертацию в 2011. Публикации в молодёжном сетевом журнале «Пролог», «Новая литература. В 2012 году получил третье место в литературном конкурсе в номинации за лучший рассказ, приуроченном к фестивалю «Гомельскія літаратурныя дажынкi». Проживает в Гомеле, Беларусь.

Александр Сиротин (Москва). Журналист, писатель, в прошлом актер, радиожурналист. Мама Александра Нехамы Сиротина играла в ГОСЕТе Соломона Михоэлса. Сотрудничает с американскими русскоязычными газетами и журналами, радио и телевидением. Автор сборника рассказов «Москва – Нью-Йорк, далее везде». Постоянный автор и член редколлегии журнала ЧАЙКА. Живет в Нью-Йорке.

Роман Солодов (р.1944, Москва). Окончил МАИ, затем ВГИК. В России занимался научно-популярным кино, сценарист. Член СК. В 1991 году эмигрировал в США. Работал на радиостанции «Свобода», получил профессию технолога по радиоизотопной медицине. Автор четырех романов в семи книгах, повестей, рассказов и многочисленных статей. Ведет в ЧАЙКЕ раздел политики и социологии. Живет в Нью-Джерси.

Михаил Синельников (р. 1946, Ленинград). Известный московский поэт, переводчик, эссеист, исследователь литературы, составитель многих антологических сборников и хрестоматий. Академик Российской академии естественных наук, Петровской академии и турецкой Академии поэзии, лауреат Премии Ивана Бунина, Премии Антона Дельвига, Премии Арсения и Андрея Тарковских и еще ряда российских и иностранных премий. Стихи переводились на многие иностранные языки и отдельными книгами вышли в Черногории, Румынии, Японии. В ЧАЙКЕ ведет свой «поэтический» блог. Живет и работает в Москве.

Валентина Синкевич (1926, Киев - 2018, Филадельфия). В 1942 была депортирована в Германию. С 1950 г. жила в США, в Филадельфии, работала библиографом. Более тридцати лет издавала и редактировала поэтический альманах «Встречи». Автор нескольких поэтических книг, последняя «При свете лампы. Стихи разных лет», 2016, Нью-Йорк. Автор книги «Мои встречи. Русская литература Америки», 2010, Владивосток. Летом 2018 года стала лауреатом журнала ЧАЙКА в номинации «поэт и эссеист».

Валерий Скобло (р. 1947, Ленинград). Поэт, прозаик, публицист. Окончил матмех Ленинградского ун-та. Работал научным сотрудником в ЦНИИ «Электроприбор». Научные труды в области прикладной математики, радиофизики, оптики. Сборники стихов «Взгляд в темноту» и «Записки вашего современника». Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Стихи,

проза, публицистика публиковались в российской и зарубежной литературной периодике. Премия им. Анны Ахматовой за 2012 г. (номинация «Поэзия» журнала «Юность»). Шорт-лист международного конкурса стихотворного перевода «С севера на восток» – 2013 г. (журнал «Иные берега») Постоянный автор журнала ЧАЙКА.

Владимир Спектор (р. 1951, Луганск). Поэт, публицист. Окончил машиностроительный институт и Общественный университет (факультет журналистики). Автор 25 изобретений. Работал журналистом, главным редактором региональной телерадиокомпании, корреспондентом киевской газеты «Магистраль». Член Союза журналистов, редактор литературного альманаха и сайта «Свой вариант», научно-технического журнала «Трансмаш». Автор более двадцати книг стихотворений и очерковой прозы. Постоянный автор журнала ЧАЙКА.

Ольга Соловьева. Окончила Санкт-Петербургский Государственный Университет. Защитила две кандидатские диссертации – кандидат физико-математических и юридических наук. Интересуется театром, модой и не только. В журнале ЧАЙКА публикует рецензии на современные постановки в питерских театрах, пишет заметки о городе и его жителях в своей постоянной рубрике «Записки на коленке». Живет в Санкт-Петербурге.

Владимир Солунский (р. 1937, Харьков). Физик, доктор физ-мат. наук, профессор. Организатор и лектор русскоязычного поэтического общества в своем штате. В журнале ЧАЙКА ведет рубрику «Поэтический альбом». С 1998 живет в Милуоки, США.

Галентина Тарнавская. Окончила театроведческий факультет ГИТИСа, аспирантуру и защитила кандидатскую диссертацию. Работала деканом актёрского ф-та, затем деканом театроведческого ф-та, преподавала историю русского театра 20 века. С 2000 года – проректор по учебной и научной работе в Гуманитарном институте телевидения и радиовещания. В Бостоне с 2004 года, вела театральный класс, а также преподавала русский язык для детей из русскоговорящих семей в воскресной школе.

Ольга Трифонова-Танган (Москва). Окончила английское отделение филфака МГУ, работала в издательстве «Прогресс» и в ИМЛИ, где защитила кандидатскую диссертацию. Является автором-составителем книги А.Нюренберга «Одесса-Париж-Москва» (М., 2010), а также автором ряда мемуарных статей о своем отце писателе Юрии Трифонове. Постоянный автор журнала ЧАЙКА. Живет в Дюссельдорфе (Германия).

Игорь Троицкий (р. 1941, Калуга). Окончил МФТИ (Физтех) в 1965; кандидатскую степень получил в 1968, докторскую – в 1976, учёное звание: профессор. Автор более 100 научных работ и 29 американских патентов. В Нью-Йорк приехал в 1992 г., где участвовал в организации выставки «Оптика из России». В 1995 организовал в Лас-Вегасе совместную компанию по производству лазерных изображений.

Соня Тучинская. Родилась и выросла в Ленинграде. С большим трудом и по абсолютному недоразумению закончила там один из технических вузов. В прежней, доэмигрантской жизни – инженер-электрик. Последние 25 лет живет в Сан-Франциско. Первые годы работала в Jewish Vocational Services. Потом,

в погоне за длинным рублем, перешла в software industry. Рассказы, эссе, публицистика и переводы с английского – в «Звезде», «Неве», «22», «Нота Бене», «Лехаиме», Слово/Word, «Панораме», «Еврейском Мире», «Форвартсе», на сетевом Портале «Заметки по еврейской истории» Берковича, включая сайт «7 Искусств».

Яков Фрейдин (р. 1945, Свердловск). Кандидат технических наук, специалист в медицинской электронике и биокрибернетике. В 1977 эмигрировал в США. Автор более 90 научных статей, 60 изобретений и популярного учебника по датчикам (Handbook of Modern Sensors). Автор книги воспоминаний «Adventures of an Inventor». Недавно опубликовал дебютную книгу художественной прозы на основе рассказов, напечатанных в журнале ЧАЙКА. Постоянный автор журнала. Лауреат премии журнала ЧАЙКА в номинации «художественная проза» за 2017 год. Живет в Сан-Диего (Калифорния).

Евсей Цейтлин (р. 1948, Омск). Эссеист, прозаик, культуролог, литературовед, критик, редактор. Кандидат филологических наук, преподавал в университетах историю русской литературы и культуры. Дважды эмигрировал: в 1990-м в Литву, в 1996-м в США. Редактирует чикагский ежемесячник «Шалом». Начиная с 1968 г. публикуется во многих литературно-художеств. журналах и сборниках. Автор многих книг. О книге Евсея Цейтлина «Долгие беседы в ожидании счастливой смерти» не перестают спорить в разных странах и на разных языках. Член редколлегии журнала ЧАЙКА. Лауреат премии журнала ЧАЙКА за 2018 год. Живет в Чикаго.

Вера Чайковская (Москва). Прозаик, художественный критик, историк искусства, кандидат философских наук. Первая премия за прозу на международном литературном конкурсе в Италии (Анкона, 1997). Лауреат премии им. Катаева за повесть «Уроки философии» в журнале «Юность» за 2013. Диплом Академии художеств за книгу «Три лика русского искусства 20-го века: Роберт Фальк, Кузьма Петров-Водкин, Александр Самохвалов», М., 2006. Автор художественных альбомов и книг о художниках (Брюллов, Тышлер). Живет в Москве.

Ирина Чайковская (Москва). Писатель, критик, публицист, драматург, кандидат наук. Область исследований последние 20 лет: Тургенев и его эпоха. Автор десяти книг и многочисленных статей в российской и зарубежной периодике. Лауреат премии журнала «Нева» за 2015 год в номинации критики. Главный редактор журнала ЧАЙКА. Живет в Большом Вашингтоне.

Виталий Шрайбер (р. 1944, Ленинград). Окончил физический факультет Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) университета. Доктор физ-мат наук. В качестве приглашенного исследователя работал в университетах Польши и Германии. С 2004 года живет в Калифорнии. Работает в одной из компаний Силиконовой Долины.

Нелли Эпельман-Стеркис (Бишкек). Окончила физико-математический факультет Харьковского университета. Работала в вычислительном центре на заводе им. Шевченко. В старших классах посещала литературный кружок во Дворце пионеров. 1992-м эмигрировала с мужем и детьми в США, где и живет

в настоящее время. В связи с нелёгкой иммиграцией почти не писала, а когда начала – получились небольшие рассказы, которые объединила в цикл: «Рассказы – Крошки». Дебютировала в журнале ЧАЙКА.

Григорий Яблонский. Доктор химических наук, литератор. В 1960-80 годы работал в Новосибирском Академгородке и Туве. С 1995 года – профессор Washington University in St. Louis и Saint Louis University, Missouri (США), почётный профессор Гентского университета (Бельгия). Автор 7 книг по химической кинетике и катализу и более 200 научных работ. Печатался в различных литературных изданиях. Живет в Сент-Луисе, США.